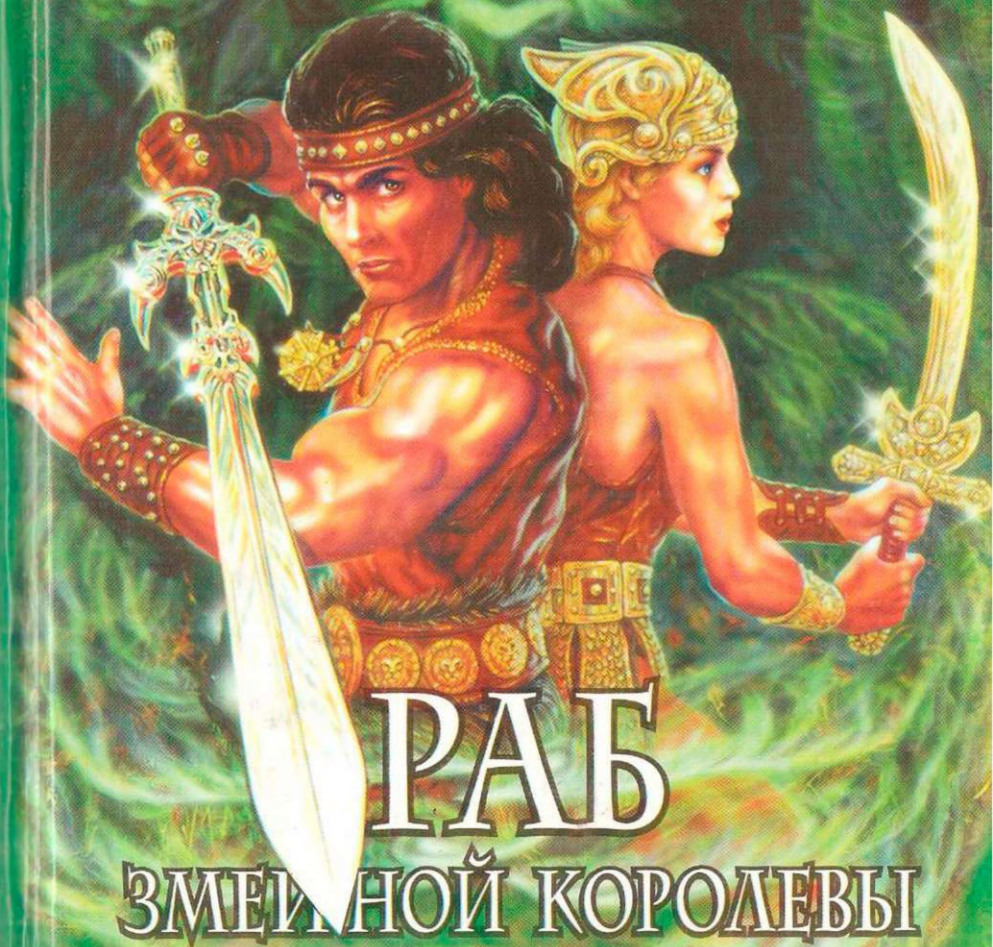

КОНИАН

Брайан Толуэлл

*Меч и мужество
против звездной
магии.*

Море Запада

ЗИНГАРА

ДЕБРИ ПИКТОВ

Ванахейм

АСГАРД

ГИПЕРБОРЕЯ

ТУНДРЫ

КИММЕРИЯ

ГАНДЕРЛАНД

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

БРИТУНИЯ

СТЕПИ

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

НЕМЕДИЯ

БЕЛВЕРУС

НУМАЛИЯ

КОРИНФИЯ

ШАДИЗАР

ЗАМОРА

АРЕНАЖУН

КОФ

ХОРАИЯ

ХАУРАН

ТУРАН

Море Восток

КХИТАЙ

Остров Железных Идолов

Остров Ксапур

ВЕНДИЯ

ШЕМ

АРГОС

Мессантия

Барахские острова

Остров Сиптах

Черный остров

Р. СТИКО

ПТОИОН

ЛУКСУР

СТИГИЯ

АЛКМЕНОН

КЕШАН

КЕШЛА

КУШ

ДАРФАР

ЗЕМБАБВЕ

ИРАНИСТАН

ГОРЫ ИЛЬБАРС

ХОАРЕЗМ

ЗАМБУЛА

КУТХЕМС

КАССАЛИ

ПУНТ

АСГАЛУН

КЕМИ

СУХМЕТ

КОУТАЛ

ЦРАНЫЕ

КОУХОТ

КОРОЛЕВСТВО

КОНАН И ВЕЛИКАЯ ДУША
БРАЙАН ТОЛУЭЛЛ

«ЯУЗА»
1997

ББК 84.7 США
Т 52

Разработка серийного оформления
художника *И. Г. Саукова*

Иллюстрации художника *М. А. Селезнева*

Перевод с английского *О. В. Плетневой*

Толуэлл Б.
Т 52 Раб змеиной королевы: Фантастический роман. — М.: ЯУЗА, 1997. — 400 с. («Конан и Великая Душа»).

ISBN 5-87749-068-4

Занятые борьбой друг с другом, Конан и Тезиас рано сбросили со счетов силы Вечной Ночи. Мятежная стигийская принцесса Тхутмертари, служительница Сета, Князя Тьмы, из-за беспечности Конана получает в свои руки поистине кошмарное оружие — Тайну, которая меняет ход самой Истории. И вот уже реки крови смывают целые города Хайборийских стран, волны ужаса катятся на Север, а Великий Змей Сет готовится покинуть Пределы Ада, чтобы владычествовать над миром людей. А на все это беспомощно взирает тот, кто совсем недавно был самым могущественным богом Хайборийского мира, а теперь — всего лишь РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ.

ББК 84.7 США

Copyright © by Brian Tolwell, 1997
© Перевод, оформление, издание на
русском языке. Издательство ЯУЗА,
1997 г.

ISBN 5-87749-068-4

МОИМ
РОДИТЕЛЯМ

Самое ужасное поражение
обычно случается в самое
последнее мгновение перед
самым впечатляющим три-
умфом.

*Из афоризмов
Скучающего Мага*

ПРОЛОГ

Кошмар ударил исподтишка, подло и безжалостно, и не могло быть иначе.

...В небольшой палате, где медитировал Тезиас, царило безмолвие межзвездных пространств. Стержень, этот диковинный и неповторимый исполинский насос, сотворенный неведь кем в неведь какие времена и возрожденный к жизни могучей магией Великой Души, щедро качал из бездонных кладовых Вселенной мириады частиц космической энергии. И вся эта всесокрушающая волшебная сила терпеливо и покорно изливалась в эфирное тело Великой Души, становясь отныне его, Тезиаса, волшебной силой. Магическая аура тщедушного карлика, всегда напоминающая клокочущий вулкан, теперь все более превращалась в плотный сгусток кипящей магмы, готовой, если потребуется, сокрушить любую преграду на своем пути. На мертвенно-бледном лице бывшего бога Хайбории непроизвольно блуждала победная улыбка. Тезиас давно не чувствовал себя таким могущественным. Лишь огромным усилием воли ему удавалось сдерживать естественное нетерпение и

продолжать Насыщение. В предвкушении Триумфа не просто заставить себя ждать.

Коварный небожитель Митра, которого хайборийцы, невежественные и жалкие, почитают Богом Света и Солнечной Справедливости, поспешил торжествовать победу над Великой Душой. Да, предательский солнечный луч Митры пришел на помощь Конану в тот самый момент, когда заветная Книга Судеб была уже в руках у Тезиаса. Одной секунды не хватило карлику, чтобы перенести сокровище в свой Зачарованный Город, где ни Митре, ни Сету, ни прочим богам его было бы не достать. Единственный источник, способный вернуть жизнь превращенным в стальных истуканов Синим Монахам, снова был утрачен. Тезиас проиграл битву за Книгу Судеб, но не войну за власть над этим ничтожным миром! Каждое поражение приближает его к окончательной победе — эту истину Тезиас усвоил давно. Горевал он недолго; новая идея, гениальная и дерзновенная, овладела его сознанием. Вернее, идея была не нова, ибо в основе ее лежала всегдашняя Мечта карлика — мечта создать новую расу людей. Людей, Несущих Знание.

Инкубами назовет он этих людей, ибо новая раса будет отличаться от ничтожных человечков, населяющих Землю ныне, наличием искусственной души. Как и подобает новому могущественному богу, он создаст расу людей, стоящих на порядок выше на Лестнице Жизни, нежели те, кого успели создать старые боги, — их силы уже на исходе. У прежних богов на это ушли тысячелетия — новому богу потребуются считанные дни. А чтобы сотворить первенца расы Инкубов — единственное мгновение. Разве не замечательно, что этим первенцем

станет Джейк Митчелл, незадачливый наемник из Будущего; единственное его достоинство — тело богатыря, как две капли воды схожее с телом заклятого врага Великой Души, киммерийца Конана. Не беда, что Джейк оказался тупым, бездарным и трусливым негодяем; теперь это уже неважно. Человеческие недостатки двойника канут в Лету вместе с его человеческой душой. Пересадив Джейку искусственную душу, Тезиас получит преданного раба, ибо у Инкуба по определению не может быть иной цели, кроме как служить Хозяину. Конечно, Инкубы не станут великими волшебниками, учеными и воинами, подобно Синим Монахам, не обретут бессмертия и неуязвимость от человеческого оружия. Инкубы смертны, как и все прочие люди. Искусственная душа не в силах намного продлить жизнь несовершенному человеческому организму. Душа не может заменить разум. Но — и это самое главное! — отныне разум человеческий, пусть скудный, пусть несовершенный, однако кое на что пригодный, будет поставлен на службу Великой Душе. Всецело и навсегда!

Несомненно, у новой расы великое будущее. Избавленные от страстей и болезней, руководимые божественным гением Хозяина, Инкубы вскоре расплодятся по всей планете. Всегда выживает сильнейший, следовательно, участь отсталых рас незавидна. Им суждено исчезнуть с лица Земли. Нет, ни Великая Душа, ни его создания не станут никого убивать. Пусть гуманизм, милосердие и добросердечие неизменно торжествуют во всех деяниях нового бога. Великая Душа — подлинно благой бог: не смерть приносит он, а лучшую жизнь. Процедура Превращения легка и безболезненна, и

принцип его прост, как все гениальное: засыпаешь одним человеком, а просыпаешься другим. В буквальном смысле слова.

Конечно, чтобы осчастливить лучшей жизнью все человечество, мгновения недостаточно. Каждая разумная особь, как бы ни была она ничтожна, увы, требует индивидуального подхода. Для каждого предстоит сотворить его собственную искусственную душу. И превращать представителей отсталых рас в Инкубов придется поодиночке. Вот такое муторное, нудное и неблагодарное это дело. Пожалуй, процедура сия рискует затянуться на долгие и долгие годы, века, а может, и тысячелетия. Слишком много человек расплодилось на Земле. С другой стороны, это хорошо, ведь дети, рожденные родителями с искусственной душой, также становятся Инкубами. Автоматически. Во всяком случае, в теории. Чтобы поскорее проверить свою теорию на практике, Великая Душа превратит в Инкуба не только Джейка Митчелла, но и его подружку Аманду Линн. Интересно будет поглядеть, что получится в результате спаривания Адама и Евы новой расы!.. Хвала Великому Космическому Знанию, процедура превращения людей в Инкубов обещает быть однообразной, и, возможно, удастся как-то поставить этот процесс на поток. Если получится оживить верных монахов, часть работы возьмут на себя они. Если же все придется делать самому, тоже не беда — в конце концов, в распоряжении Великой Души целая Вечность! Вечности хватит, чтобы сотворить не одну расу мыслящих существ. К тому же плодовитость Инкубов ожидается на много порядков выше, нежели плодовитость обычных

человеков. Соитие для людей с искусственной душой станет чисто механическим актом, исполняемым не ради удовольствия и даже не в силу природного инстинкта, а из чувства долга перед Вселенной. А потом, возможно, Людей, Несущих Знание, удастся выводить в «пробирках». Инкубаторы для Инкубов — это же так естественно...

Светлые мысли о прекрасном будущем новой расы, точно добрые феи вокруг сказочного кострища, роились в голове Тезиаса. Все получится, абсолютно все. Не может не получиться. Неистощимая сила Вселенной на его стороне. Звездная магия много могущественнее земной. Пусть каждый, кто хоть сколько-нибудь сомневается в этом, просто взглянет на небо чистой безлунной ночью. Пусть поглядит на звезды. Пусть заглянет в бездонную кладовую спящих миров, пусть ощутит, как велика и несокрушима их совокупная мощь. Что значит Земля, маленькая и отсталая планетка, затерянная на задворках Вселенной, против этой бесчисленной армады миров! Правда, есть еще и Солнце, покорное воле Митры, и есть Тьма межзвездных сфер, отделяющих Землю от остального Космоса. Тьмой этой управляет Владыка Ночи змееголовый Сет. Солнце близко, а Звезды ой как далеко!.. Ну и пусть! Для человека, Постигшего Знание и сделавшего себя Великой Душой, не существует барьеров пространств и времен. Нечеловеческий разум и всемогущая звездная магия всегда помогали Тезиасу брать верх над коварной Судьбой. Так было, есть и будет всегда. Не может быть иначе. Взгляните на звездное небо черной ночью, и вы поймете это сами.

Так думал карлик Тезиас, Великая Душа, а

тем временем незримая космическая энергия продолжала наполнять Силой его магическое существо. Именно сейчас Сила особенно потребуется ему — это он знал наверняка. Но вот сколько Силы нужно для Превращения в Инкубов двух людей, мужчины и женщины, он знать не мог, ибо ему предстоял первый опыт. Поэтому, подавляя нетерпение, Тезиас продолжал взывать к Силе Вселенной, чтобы, когда придет пора пустить ее в ход, Силы было достаточно. Чтобы уже первый опыт сотворения новой расы увенчался впечатляющим триумфом. Впрочем, Великая Душа в своем триумфе не сомневался: он отлично знал, на что способен.

Вселенная щедро одаривала желанной Силой своего приемного сына, а чудесный Стержень добросовестно транслировал ее хозяину Зачарованного Города. Незримые информационные потоки вихрились в небольшой палате — личном покое Тезиаса, что располагался в Стержне на высоте примерно двести метров над уровнем моря. Ласковое их дыхание согревало мертвое тело карлика. Много общего было между Великой Душой и его незримыми слугами. Тот и другие жили холодной жизнью. Знания были Силой, но чувства, страсти и эмоции Силой не были. Возможно, и чувства, и страсти, и эмоции тоже означали какую-то Силу, вот только через Бескрайний Космос она не передавалась. Неудивительно: если такая Сила и существует, она горяча, и ей не одолеть долгого путешествия сквозь ледяные просторы межзвездных сфер. Сила чувств и страстей остывает, не успев дойти до Земли, превращаясь в хладное ничто. Знания — другое дело. Они холодны изначально; стужа вселенских трасс

только сохраняет их целостность и сохранность, и Сила, порожденная Знаниями, доходит до маленькой голубой планеты в своей первозданной мощи. Вот почему Великая Душа был тем, кем он был, и никем иным: он брал от Вселенной лишь то, что она могла ему дать. Именно Знания стали Силой самозванного бога, и он, впрочем, нисколько не сожалел об этом. Чистая магия звездных сфер была ему куда милее и роднее, чем грубая сила мускулистых богатырей или черное ведовство погрязших во зле чародеев...

...И в миг, когда он уже собирался заканчивать Насыщение, сквозь суету бесчисленных пучков энергии до сознания его донесся странный клич. Был клич этот слаб и невнятен. Однако Тезиаса насторожило само его появление. Он не был похож на голос Вселенной, и Великая Душа не призывал его. словно бы тоненькая струйка в полноводном ручье, река зловонной черной крови в просторном океане чистой голубой воды — вот таков был этот клич. Тезиас не понимал, что происходит. Кто дозывается его? Мысль смертного не может проникнуть сквозь защитное поле Стержня. А сам Стержень сигнализирует хозяину Зачарованного Города совсем на иной ментальной волне. Определенно, пославший клич не пребывает в мире людей. Это не мог быть и Страж Земли — размашистый ментальный почерк хранителя земной жизни ни с чем не спутаешь. Тогда кто?

Тезиас попытался выделить слабый клич в потоке энергетических эманаций. Да, вот он — жидкая, но настойчивая струйка, отчаянно пробивающаяся к его сознанию. Странно... Странно было, что Великая Душа воспринимал, но не понимал этот клич. Такое было впечатле-

нис, что клич этот проникает в него, но проходит мимо его сознания. Куда?.. Внезапно Тезиас осознал, что странный клич обращен вовсе не к нему. Тот, кто послал клич, взывал не к Тезиасу. Тревога тотчас уступила место страху. Безотчетному, животному страху перед необъяснимым. Странный клич был адресован не ему, не Тезиасу, но воспринимался именно им, Тезиасом. Как такое получалось? Ведь больше в комнате никого не было, а если бы кто и был, Великая Душа сразу приметил бы его. Но даже если этот неизвестный настолько силен, что в состоянии скрыть свое незримое присутствие, тогда тем более именно он, неизвестный, и принимал бы клич, адресованный ему, он, а не Тезиас!

Карлик содрогнулся от нежданно возникшего в его сознании предвкушения какого-то грядущего кошмара, непостижимого и неотвратимого. Разум восставал против самой мысли о том, будто слабый ручеек неизвестного происхождения, непонятным образом забредший в сознание Великой Души, может принести могущественному богу хотя бы символический ущерб. Однако наитие — шестое чувство карлика свидетельствовало именно об этом.

Натура Тезиаса не могла покорно принять неведомый приговор, каков бы он ни был. Яростным ментальным импульсом карлик попытался сокрушить жиденький ручеек ужаса. И ощутил, что вся его великая Сила, прежняя и вновь обретенная, проходит мимо этого ручейка. А сам клич вдруг превращается в могучий Зов, словно бы неведомое Нечто, потратив немного времени на прощупывание различных дорог к желанной цели, наконец выбрало наи-

лучший путь и ринулось по нему со всей своей возможной мощью.

Но и теперь Великая Душа отчетливо понимал, что пронзающий все его естество Зов *по-прежнему обращен не к нему, а к кому-то другому*. Животный страх, прежде занявший место неясной тревоги, неумолимо уступал место новому чувству — чувству Кошмара, беспрецедентного в своей жуткости и бессмысленности. Тезиас продолжал отчаянно сражаться с этим предательским чувством, но все явственнее сознавал, что Кошмар развивается помимо его воли, по чужому сценарию, и он, Великая Душа, не в состоянии ничего в этом сценарии изменить... Как будто Пославший Зов разговаривает с кем-то другим, не с Тезиасом, а сам Тезиас — всего лишь бессильный свидетель странной беседы этих неизвестных сущностей. Но почему?! Почему, почему, почему? Какое он имеет отношение ко всему происходящему Кошмару?

Догадка явилась практически одновременно с недвусмысленным ответом на вопрос. Тезиас вдруг ощутил, что неведомый Зов *находит отклик*. Кто-то — или что-то? — отвечает на него. И *отвечает* изнутри естества Великой Души. ОНО находится внутри Тезиаса. Более того, *Оно и Тезиас — одно и то же. Оно — это Тезиас, а Тезиас — это Оно. И в то же время отличные друг от друга. Как сросшиеся близнецы, единые и различные одновременно*. Так вот, Тезиас не понимал Зова, а Оно — понимало и отвечало ему. Сверх того: Оно *подчинялось* Зову и, будучи неразрывно с Тезиасом, *принуждало подчиняться* Зову и его, Тезиаса. Сверхсопротивление Тезиаса не значило ровным счетом ничего: Зов и Оно жили словно в ином мире — в мире,

властном повелсвать миром Великой Души, точно ураган пылинкой.

Тезиас ощутил, что покидает свою комнату. Все та же неизвестная сила, итог совместного приложения Зова и Оно, поднимает и уносит его. Куда?!! — возопил изнасилованный разум карлика, но на этот вопрос, как и на все прочие, не было ответа. Хотя нст. Внезапно на память пришли строки таинственного послания, которое ему, Тезиасу, воскресшему из мертвых, вручил Брахо, магистр Синих Монахов. Послание будто бы написал... сам Тезиас, неизвестно как и несведомо когда побывавший в Прошлом и сотворивший братство Синих Монахов. Вот эти строки:

«...Боги этого мира жестоко отомстили тебе, дерзнувшему возвыситься над ними. Они ударили в самое уязвимое твое место — в твою сущность. Вложив меч возмездия в руки Конана, они попытались поразить твою душу и разум, вселив туда Нечто настолько ужасное, что даже Я — даже Тебе не могу открыть, что Это и что Оно тебе несет. Тебе придется жить с Ним... Я надеюсь лишь, что твой могучий разум окажется сильнее этого Нечто и Оно так и умрет внутри тебя, не увидев жизни...»

С той поры, как он получил сие послание, прошли недели. Он много раз пересчитывал эти строки, но так и не смог постичь, что они означают, против какого ужасного Нечто предостерегал его затерявшийся во Времени доброжелатель и что Оно, это Нечто, сулит Великой Душе. Что ж, теперь многое становилось ясным. *Неведомая* демоническая сущность с некоторых пор спала в его, Тезиаса, естестве. Спала долго, ничем и никак не заявляя о себе. Вероятно, собственная сила этой неведомой

сущности несопоставима с внутренней мощью Великой Души. «Я» Тезиаса попросту подавляло ее. Это сыграло с Тезиасом жестокую шутку: неизвестный демон безнаказанно прижился в естестве карлика, терпеливо дожидаясь своего часа. Судя по посланию, мог ведь так и не дожждаться и демоническая сущность, с некоторых пор сосуществующая с могучим разумом Великой Души, вполне могла «умереть, не увидев жизни». Если бы не Зов. Демоническая сущность была слишком слаба, чтобы восстать из естества Великой Души; *Зов вызвал ее к жизни*. Надежда автора послания, что «могучий разум окажется сильнее этого Нечто и Оно так и умрет внутри» Тезиаса, не оправдалась...

Больше Тезиас ничего не успел понять, ибо беспощадная сила, овладевшая им, затащила его к самой вершине двадцатипятимильного Стержня. Карлику показалось, что Стержень и весь Зачарованный Город, созная, какой Кошмар настиг Хозяина, сотрясаются в неустойчивых рыданиях. Они ничем не могли помочь ему. Скорее наоборот. Все та же чудовищная сила точно отрывала от Стержня пласты Живой Энергии, из которой он состоял, и эти пласты, перерождаясь в облака, устремились к карлику. И Тезиас заметил, что даже его внешний облик начинает катастрофически изменяться: облака Живой Энергии, срастаясь с человеческой плотью карлика, формировали некое совершенно не похожее на человека существо — вероятно, то самое, чья демоническая сущность откликнулась на Зов.

Титаническим усилием воли Тезиас заставил себя взглянуть в лицо правде. Разумеется, он по-прежнему не знал, чем, когда и как закончится Кошмар. В одном лишь он был уве-

рен: Кошмар когда-нибудь закончится. А это означало, что Великая Душа проиграл только первый раунд схватки с неведомым врагом. Проиграл вчистую — но только первый раунд. Он не сомневался, что будут и другие. Он их пока не проиграл. Следовательно, пока это еще в его силах, нужно хоть как-то позаботиться о козырях к будущим схваткам. Приняв такое решение, Великая Душа начал действовать. И тут же осознал, что его *исключительное божественное могущество более не подчиняется ему*. Вернее, подчиняется — но не ему. Вероятно, тому, кто послал Зов. Контроль над Силой Великой Души постепенно *перетекает* в руки этого Неизвестного. Однако кое-что оставалось. То были жалкие крохи былой мощи, и Тезиас уже знал, что спустя недолгие мгновения и они перетекут от него к Неизвестному. Но пока Великая Душа владел ими, он совершил то единственное, на что оказался способен. Жалкие ошметки Силы устремились вниз, к королевскому дворцу, где ожидали превращения в Инкубов коленопреклоненные Джейк Митчелл и Аманда Линн. Своим телепатическим зрением Тезиас с запоздалой радостью узрел, что последнее усилие его увенчалось успехом и гномы, никчемные создания, уже спешат по новой дороге, которую он им указал. Неизвестно, когда и что выйдет из этой прощальной затей, — слишком длинна и непредсказуема будет логическая цепочка, еще неизвестно, отразится ли она как-то на его грядущей борьбе с Неизвестным, — но на иное у Тезиаса просто не было сил и времени. И все же радость осознания того, что последнее его творение отныне зажило своей собственной жизнью, наполнила измученную душу карлика, и он с чистой

совестью отдался на милость неостановимой стихии...

Еще некоторое время у вершины исполинского Стержня змеились потоки Живой Энергии и постепенно оформлялись очертания какого-то невиданного — или раньше времени забытого? — создания. Угасающим оком Тезиас наблюдал, как слабый толчок, в отчаянии данный им, там, внизу, вызывает целую лавину стремительных и непредсказуемых событий — и она разрастается, ломая планы, жизни, судьбы... Еще он услышал далекие взрывы внизу и увидел, как его командный пункт — палата, в которой он медитировал совсем недавно, — прекращает свое существование под яростным ливнем ракет, гранат, лазерных лучей и прочего смертоубийственного арсенала, призванного из Будущего. А потом вдруг узрел вертолет, который пилотировала Аманда Линн, а также кое-что еще...

...Да, еще спустя некоторое время, показавшееся ему вечностью, защитное поле Зачарованного Города внезапно лопнуло, открылся портал, и бешеный вихрь, рванувшийся оттуда, легко подхватил создание, в которое превратился Тезиас, Великая Душа, и они вместе устремились в разверстую пасть портала.

Самое ужасное поражение обычно случается в самое последнее мгновение перед самым впечатляющим триумфом.

Глава первая

БОГ И РАБ

Большая поляна правильной прямоугольной формы озарялась сполохами туманного красноватого пламени. По злобному пульсирующему небу метались рваные пунцовые тучи. Могучие безлистые деревья с желтой корой что-то шептали бурным потокам, несущим свои ярко-алые, цвета свежепролитой крови, воды мимо исполинского изваяния Великого Змея Сета. В центре поляны, в двадцати шагах от изваяния, лицом к своему темному богу на коленях стояла волшебница Тхутмертари, мятежная принцесса Стигии. Позади нее на невысоком троне, сложенном из обглоданных демонами и времнем человеческих черепов, восседал дряхлый демон Люф, именуемый Мудрейшим. В руках Тхутмертари корчилась нерожденная дочь наследной принцессы Рамины, ныне покойной. Нерожденный ребенок наследницы стигийского престола был омыт свежей кровью из бурной реки; чары волшебницы поддерживали в нем подобие жизни.

— Пора, — проскрипел дряхлый демон. — Начинай!

Тхутмертари торжествующе ослабилась: от мига триумфа ее отделяли лишь несколько волшебных заклинаний. С уст девушки полились режущие слух слова нечеловеческой речи. Свистящие, шипящие, квакающие и ноющие звуки

древнего змеиного языка, истинного языка детей Сета, составляли суть могучих призывающих заклинаний. Мудрый Люф довольно щурился: это ведь был миг и его триумфа. Сейчас, сейчас сбудется его Великое Пророчество...

Заклинания были произнесены. Обвив нерожденного ребенка своей левой, змеиной, рукой, Тхутмертари другой рукой сделала ритуальный надрез на груди жертвы. Пузырясь, из ритуальной раны зазмеилась кровь. Рот нерожденного младенца разверзся в беззвучном крике. Ясно-сапфировые глаза волшебницы глядели прямо сквозь маленькую головку жертвы. Рубиновые губы раскрылись, чтобы произнести последний аккорд могущественного призывающего заклинания змеиного народа.

— Во имя Сета Великого и Всемогущего, нашего Вечного Отца, явись ко мне, своейладычице, исчадь Мрака, демон Сур! Сур! Сур!! Сур!!!

И ничего не произошло.

Ничего!

Еще минуту Тхутмертари стояла недвижно, бессмысленным взором вглядываясь в бесконечность. Молчал и Люф. Когда волшебница наконец обернулась к нему, лик ее было не узнать. Чистая кожа цвета червонного золота в мгновение ока приобрела землистый оттенок, огромные сияющие глаза ввалились, неистовый блеск их стал болезненным. Прелестные губки дрожали, и Люф услышал тихий тоскливый стон:

— Мудрейший... Что я сделала не так?..

Древний демон ничего не ответил ей — он думал. Принцесса с надеждой взирала на своего наставника.

— Что я сделала не так, Мудрейший?..

Прошло еще немного времени, прежде чем Люф вдруг ударил себя сморщенной обезьяньей лапкой по лбу и... рассмеялся неприятным каркающим смехом.

— Зажился в Мире Мудрейший Люф, вот что, моя маленькая Тху, — проскрежетал демон, отсмеявшись. — Воистину давно не чувствовал я себя таким олухом. Воистину давно... Да и ты не на высоте, моя маленькая Тху. Выброси это никчемное существо, оно тебе не потребуется. — Высохшая длань указала на корчащегося в руках волшебницы нерожденного ребенка.

Тхутмертари послушно исполнила указание наставника и вымученно улыбнулась.

— Я не понимаю тебя, Мудрейший. Почему ты повелел отказаться от жертвы? Ведь даже последнему шаману Куша известно: нерожденный ребенок — лучший дар Вечному Отцу!

— Пораскинь мозгами сама. — Люф сердито постукал костяшками пальцев по своему лысому черепу. — Ты кого призывала? Демона! Демоны суть подданные Сета, Князя Тьмы. Но все ли демоны? Ответь!

Тотчас вспыхнувшая догадка снова преобразила облик змеиной принцессы. Она была умна, и единственного намека хватило ей, чтобы понять все.

— Воистину! Воистину так, о Мудрейший! Как же я сразу не догадалась... Демон Сур не есть создание Отца Сета. Сур — творение смертного мага Парацельса. Понятно, почему он не откликается на Призывание именем Сета! Да простит меня Вечный Отец, но я скажу: как видно, для сотворенного человеческой магией демона священное имя Сета ничего не значит!

— Вот именно, — благосклонно ответил Люф. — Попробуй призвать Сура иначе.

Волшебница нетерпеливо кивнула, показывая, что последние слова наставник мог и не говорить. Ритуал возобновился с самого начала. Вновь зазвучали могучие призывающие заклинания, однако имя Великого Змея в них более не упоминалось. Тхутмертари не опасалась, что игнорирование священного имени Сета явно отразится на результате опыта: сами эти заклинания родились задолго до того, как змееголовый бог завладел Престолом Тьмы. Упоминание Сета было лишь знаком поклонения божеству, простой формальностью — важной, но не обязательной. Особенно теперь, когда на карту поставлено все.

Уста волшебницы старательно выводили звуки нечеловеческой речи. Воистину только ей, истинной мастерице черной магии, под силу сотворить такое! Заклинания были верные, надежные, как и все носящее на себе печать невыразимой древности. Они могли поставить на колени какого угодно демона, и червь сомнения не точил сердце Тхутмертари. Волшебница никогда ничего не боялась раньше времени. И вот наконец:

— Я, Тхутмертари, дочь человека и змеи, своим именем заклинаю тебя, исчадь Мрака, демон Сур: явись ко мне, своей владынице! Сур! Сур!! Сур!!! Призываю тебя!

Люф, внимательно следивший за ритуалом, недовольно нахмурился: он не ожидал, что Тхутмертари призовет демона своим именем.

Впрочем, спустя несколько мгновений ему было не до тонкостей чернокнижного этикета, ибо тот, кого призывала волшебница, явился на ее Зов. Древние заклинания сработали. Вне-

запно возникший и тут же исчезнувший колдовской вихрь доставил на поляну перед Тхутмертари некоего чудовищного зверя.

Более всего зверь этот походил на льва, но львы, превосходящие размером лошадь, в Хайбории не водились. А монстр был именно таков. Опираясь на четыре мощные лапы, зверь спиной доставал волшебнице до плеч. Из пасти его торчали заостренные клыки, каждый величиной с человеческую руку. Скаля клыки-кинжалы, адское чудовище обратило горящий лютой ненавистью взор красных буркал к Тхутмертари и медленно двинулось ей навстречу.

Однако принцесса ничуть не испугалась. Напротив.

— Есть! Свершилось! — торжествуя, воскликнула она, и мощь этого вопля поразила даже мудрого Люфа: столько было в нем неколебимой воли и сознания необратимости завоеванного триумфа.

Люф хотел предупредить ее: ликовать рано, ибо завершена лишь первая часть ритуала, но не успел опять. Зверь прыгнул прямо на девушку. В какое-то мгновение Люфу почудилось, будто монстр уже терзает плоть Тхутмертари. Но нет! Вспыхнул яркий факел — это волшебница воспользовалась Магией Огня, которой щедро наградил ее Великий Змей. Адский зверь взвыл чудовищным ревом, пронзительным и горестным, — в реве этом слышались невыразимая тоска и обида — и, точно пылающий смерч метнулся, отлетел от Огненной Девы; шерсть его дымилась. А Тхутмертари, объятая магическим пламенем, — прекрасная и ужасная, как истинная фурия Присподней! — простерла к демоническому зверю

точенные руки и сильным звучным голосом возгласила:

— Внимай мне, исчадь Мрака, демон Сур! Внимай своей новой владычице!

Я, Тхутмертари, дочь человека и змеи, волшебница Вечной Тьмы и принцесса Стигии, поклоняющаяся Сету, Князю Тьмы, своим именем заклинаю тебя, исчадь Мрака, демон Сур: отныне и вовеки, пока стоит Мир, ты — мой раб!!!

Я, Тхутмертари, повелеваю тебе, Сур, раб мой, исполнять любые мои приказы, используя при этом всю магическую силу, доступную твоей второй сущности!

Я, Тхутмертари, повелеваю тебе, Сур, раб мой, хранить и защищать меня, твою владычицу, от любых опасностей, которые будут угрожать мне!

Я, Тхутмертари, воспрещаю тебе, Сур, раб мой, совершать что бы то ни было не по моему приказу!

Я, Тхутмертари, воспрещаю тебе, Сур, раб мой, предпринимать какие бы то ни было попытки освободиться от моего заклания!

Я, Тхутмертари, воспрещаю тебе, Сур, раб мой, также общаться с другими существами независимо от их пола и облика, как с живыми, так и с мертвыми, в том числе с людьми, в том числе посредством магии или с помощью иных доступных твоей второй сущности способов!

Наконец, Сур, раб мой, я, Тхутмертари, твоя владычица, воспрещаю тебе показывать облик обеих твоих сущностей иначе, как по моему прямому приказу!

Сур, я, Тхутмертари, повелеваю тебе стать незримым и общаться со мной исключительно посредством передачи мыслей на расстоянии! Да будет так, по слову моему! Отныне и вовеки,

пока стоит Мир, ты мой раб, исчадьё Мрака, демон Сур!!!

Заклятие свершилось. На глазах у Люфа и Тхутмертари, сопровождаемый торжествующим хохотом девушки, чарующим и зловещим, чудовищный зверь растаял в воздухе.

...Древний Люф со всевозрастающим изумлением слушал заклятие волшебницы. Разумеется, заклятие было согласовано с ним. Но согласованное заклятие имело мало общего с прозвучавшим в действительности. Тхутмертари пошла гораздо дальше, нежели планировал Люф. По существу, его «маленькая Тху» обманула своего многомудрого наставника. Только что великим древним заклятием она всецело подчинила могущественного демона себе. *Себе — и никому больше.* Заклятие свято. Отныне Сур станет исполнять лишь ее, Тхутмертари, приказы. Ни Люф, ни даже сам Великий Сет не имеют власти над демоном... И тут старому Люфу стало не по себе. Конечно, он был готов к тому, что Тхутмертари возымеет громадную, невиданную власть, такую, какая никогда и не снилась ни одному из смертных. Он сам говорил ей об этом, более того, понуждал бороться за власть, ибо, только обладая властью над Миром, она могла исполнить свою Миссию и привести Силы Тьмы к решающей победе в вечном противоборстве с Силами Света. Дочь короля Ментуфера и безымянной женщины-змеи полностью оправдала самые смелые ожидания Люфа. Она настойчиво пробивалась к поставленной цели, невзирая ни на какие преграды. Она ничего не боялась и ни перед чем не останавливалась. И вот за несколько дней она добилась того, чего ее предшественники не смогли добиться за долгие тысячеле-

тия. Она выудила у недоумка Конана Тайну, разузнала секреты Сура и добилась власти над самым могущественным демоном, которого когда-либо знал мир. Люф был готов к этому и рад этому. К другому он оказался не готов: *он не ожидал, что Тхутмертари замкнет всю эту безраздельную власть на себе...*

А сама Тхутмертари, словно бы подслушав мысли наставника, поспешила обратиться к нему. Низко поклонившись Люфу, она молвила:

— Благодарю тебя, о Мудрейший. Ты, и только ты привел меня к триумфу. Твоя поддержка укрепляла мой дух, а твои советы — мой разум. Моя победа — это твоя победа. Знай же, о Мудрейший, я пройду вторую половину пути и исполню твое пророчество до конца. И Сет восторжествует!!! — истово выкрикнула она и упала на колени перед грандиозным изваянием Великого Змея.

Люф был обезоружен. Ему нечего было возразить своей «маленькой Тху». Он не умел читать мысли и не знал, искренни ли ее слова. Возможно, она вовсе не пыталась перехитрить наставника. Может быть, она просто поступила так, как должна была поступить. У нее есть на это право. Она победила — и все лавры ей. Еще хорошо, что она готова делиться этими лаврами с ним, своим наставником. Вот только плохо, невольно вздохнул Люф, что лавры будет делить не он, а она. Ну что ж, значит, так тому и быть...

Древний демон постарался придать своей обезьяньей физиономии приличествующий моменту вид.

— Прими мои поздравления, моя маленькая Тху, — подчеркнуто официально произнес

Люф, но затем вдруг вернулся к «отеческому» тону: — Восхитить такую древнюю тварь, как я, очень, очень нелегко! Ты сумела сделать это. Воистину ты Великая Королева! Однако Миссия твоя не завершена, и существо, которое ты только что заклала, не сделает за тебя всю работу. Не думай, что ты уже победила в Последней Схватке... Скажи, каковы твои дальнейшие планы?

Красавица стигийка поднялась с земли, погасила магический огонь, ласкавший ее роскошное тело, и с достоинством поклонилась Люфу. На неотразимых рубиновых губах снова играла торжествующая усмешка.

— Я хотела бы преподнести Миру кое-какие интересные сюрпризы. Позволь мне сохранить их в тайне, Мудрейший, — сказала она, и эти слова также не понравились Люфу.

— Ты не хочешь посоветоваться со мной?! — заскрежетал демон.

Принцесса, смиренно поклонившись наставнику, снова повторила:

— Позволь твоей верной слуге сохранить свои планы в тайне. Уверю тебя, ты не будешь разочарован!

Женщина, только что покорившая могущественного демона, была сама покорность. И Люф снова вынужден был отступить.

— Поступай как знаешь. Твоя воля... А теперь я хочу пообщаться с твоим новым рабом. Было бы занятно посмотреть, как он теперь выглядит. — Мудрейший зашелся мстительным и торжествующим смехом.

Тхутмертари поняла его. На лице принцессы также появилось выражение злобного торжества. Они оба ждали этого часа. Ждали терпеливо и долго и наконец дождались!

— Конечно, Мудрейший, конечно. Нам ничто не мешает немного побеседовать с этой тварью. У нас найдется, что ему сказать. — Ясно-сапфировые глаза буквально полыхали огнем нечеловеческой мести. — Интересно также послушать, что скажет нам он. Разумеется, если мы соизволим ему это позволить!

От души расхохотавшись, волшебница приказала:

— Обратись в свою вторую сущность, Сур. Я желаю видеть тебя.

Едва отзвучали эти слова, перед Люфом и Тхутмертари предстал карлик Тезиас, Великая Душа.

— Рад видеть тебя в добром здравии, карлик, — давясь скрежещущим смехом, глумливо проговорил Люф. — А ты, я полагаю, не рад возможности снова лицезреть нас с моей маленькой Тху? Я полагаю, твоя божественная мудрость, оплодотворенная Всеми Знаниями Вселенной, не чаяла новой встречи со старым больным демоном и с этой прелестной юницей, которая за одну короткую человеческую жизнь успела замучить столько своих сородичей, что ими можно было бы населить несколько больших городов. Ты, я полагаю, занимался очень важными делами и успел позабыть о нас. А вот мы о тебе не забыли. Мы так жаждали тебя видеть! И именно таким, каков ты есть сейчас!

— Я думаю, он нам не верит, — осклабилась Тхутмертари.

— Похоже на то, — согласился Люф. — Может быть, спросим его самого?

— Я позволяю тебе говорить, Сур, раб мой, — молвила волшебница.

— *Как вам удалось заполнить меня?!!*

Голос Тезиаса прозвучал в мозгу Тхутмертари и Люфа. Тоска и страдание, переполнявшие этот голос, заставили волшебницу и ее наставника, не сговариваясь, снова разразиться мстительным издевательским смехом. Унижение Великой Души было для них притягательнее свежeproлитой крови.

— Погляди, Мудрейший, какая любознательная тварь, — заметила Тхутмертари. — Никогда таких не встречала, клянусь чешуей Сета! Ну как, расскажем?

— Не вижу причин скрывать что-либо от этого демона! Ведь именно любопытство его и погубило. Пусть узнает нашу силу. Я начну, а ты продолжишь, моя маленькая Тху...

И Люф, устроившись поудобнее на троне из человеческих черепов и впериw в коленопреклоненного карлика маленькие водянистые зенки, начал свой рассказ:

— Ты, жалкий человеишка, возомнил себя равным бессмертным Богам. Ты возжелал встать выше их. Не скрою, твои настойчивость и хитрость на первых порах изрядно огорошили нас, детей Мрака. Воистину ты многого добился. Я до сих пор не могу постичь, как удалось тебе проникнуть в тайны великой Книги Судеб. Но ты сделал это, и путь к сокровищнице Абсолютной Власти открылся тебе. Твоя обнаженная душа посетила Пирамиду Мира, и сам Страж Земли беседовал с тобой. Ты польстился на его безграничное могущество. Получив от него Знания, ты поспешил обратить их во власть. Ты стал Великой Душой и возомнил себя властелином мира. Но, провозгласив себя новым богом, ты так и остался глупцом! Ибо только самый последний глупец не понимает того, что знает даже самый ничтожный дикарь:

Древние Боги никогда и никому не уступают своей власти. Ты был последним глупцом, карлик! Ты посчитал, что, если вновь обретенная сила твоя превосходит мощь Древних Богов, ты стал выше их. Ты просчитался! И вот Боги отомстили тебе...

Дряхлый демон заерзал на троне: столь длинная эмоциональная речь утомила его. Тхутмертари с едва заметным беспокойством посмотрела на наставника. Однако тот вовсе не собирался заканчивать.

— ...Судьбе было угодно, чтобы именно я, зовущийся Люфом, вынужден был открыть тебе тайну Пирамиды Мира. Ты вырвал эту тайну у Владык Ада под страшной угрозой. Мои предостережения не вразумили тебя. Уже тогда, когда ты под пыткой вытягивал из меня секреты Того-Кто-Живет-в-Пирамиде, я не сомневался, что наступит день и час, когда ты не раз проклянешь себя за свое любопытство! Я прямо говорил это тебе. В безумной гордыне своей ты не внял моим предупреждениям. Ты решил идти до конца. «В той Пирамиде — моя Судьба, и ничто и никто не заставит меня отказаться от моей затеи», — заявил мне ты. Вскоре другие заботы овладели тобой, и ты выкинул из головы ту нашу встречу. Ты, но не я! Я поклялся, что отыщу способ расквитаться с тобой за свое унижение. Ибо за три миллиона лет моей жизни никто и никогда не унижал Люфа так, как ты!

Пока ты завоевывал страны и покорял народы, я неустанно трудился над планом мщения. И вот план был готов. С ним явился я в Обитель Богов. Тех самых, которых ты, безумец, дерзнул низвергнуть с их земных пьедесталов. К тому времени ты уже вознесся на вер-

шину могущества; половина Хайбории признала власть самозваного бога-фантома. А Древние Боги были в гневе и жаждали погубить святотатца. И Боги Тьмы, и Боги Света готовы были объединиться, чтобы остановить тебя. Мой план был принят всеми, никто из Богов не выказал ни малейшей жалости к тебе, ничтожный человечешка!

Меч возмездия мы вложили в руки тупоумного варвара Конана, который закономерно стал твоим врагом. Как и ты, он всегда мнит себя свободным от воли небожителей. Вот и теперь он думал, что действует по собственному разумению. Как бы не так! На самом деле Конан исполнял нашу волю, волю истинно божественного провидения.

В подземелье Бельверуса, где ты возвращал к жизни свое человеческое тело, Конан преследовал тебя. Мы устроили так, чтобы дорогу Конану заступил чудовищный зверь, которого немедийцы называли сурийским тигром. Король Тараск купил его у мага из Нумалии Лапинуса, с тем чтобы держать в страхе своих подданных. Но не простым зверем был тигр ссй! Маг Парацельс, отец Лапинуса, создал его путем волшебного опыта. Истинное имя демона — Сур. Парацельс не успел заклясть демона, ибо тот расправился с создателем, едва появившись на свет. Сур отличался жестоким и необузданным нравом. Поэтому сын Парацельса Лапинус не стал связываться с демоном, усыпил его и отвез в Бельверус. Тараск содержал зверя в подземелье, в том самом подземелье, через которое пролегал путь Конана к твоему логову, карлик. И Конан вынужден был сразиться с этой тварью, чтобы пройти дальше.

Вот тогда и случилось самое интересное! Ни

меч, ни кинжал варвара не остановили демона. Другого оружия у Конана не было. Жизнь его висела на волоске. Еще миг, и Сур растерзал бы его. Но Длань Богов простерлась в этот миг над ничтожным киммерийцем, ибо он был орудием их воли. Сами Боги направили руку Конана, когда она вонзила в голову демона **РОМБ ЯХКУНГА!**..

Пронзительный ментальный вопль несчастного карлика прервал излияния Люфа. *Догадался наконец.*

— О, я вижу, тебе знакомо это имя! — ехидно протянул дряхлый Люф. — Да, карлик, да, Конан убил монстра именно Ромбом Яхкунга! Этот чудесный кристалл вручило варвару существо Хьяхья, обитающее в пещере, скрытой водами Стикса. Ромб Яхкунга — это вечная темница для души, особая темница, сотворенная в дальних мирах, где правят звезды, — Люф неопределенно указал лапой куда-то вверх. — И вот Ромб поглотил душу демона Сура. Вернее, не душу — настоящей души у этой твари не было, — но его жизненную силу, его Я. Что было затем, тебе известно. Конан победил тебя, и Ромб Яхкунга также поглотил и твою душу, Великая Душа — ха!

Однако, — откашлявшись, продолжал Мудрейший, — Боги и я знали, что ты восстанешь из могилы. Тебе, восставшему, и предназначалась наша ловушка. Я вижу, ты уже понял, что произошло. Пока ты лежал мертвым в своем хрустальном гробу, *твоя душа и «Я» демона, оба заключенные в Ромбе Яхкунга, слились в единое целое.* Никто не может знать, как и почему это произошло; подобная магия недоступна нашему пониманию. Но важно не это. Богам дано зреть Грядущее — конечно, даже они не могут

читать его точно раскрытую книгу, но отдельные страницы доступны их взору. И на одной из таких страниц Боги узрели результат моего плана. Положительный результат!

Итак, когда твой магистр Брахо вернул тебя к жизни, установив неразрывную связь между Ромбом Яхкунга и твоим человеческим телом, «Я» демона Сура уже обитало в тебе. Ты был Великой Душой, но — одновременно! — ты был также демоном Суром, жестокой и безмозглой тварью. Я знал это. Оставалось только произвести последнее заклинание и пробудить в тебе демона...

Последние слова Люф просипел едва слышно, но, конечно, карлик не мог не слышать его. Дряхлый демон зашелся каркающим кашлем, и Тхутмертари поспешила взять инициативу в свои руки.

— Позволь, Мудрейший, я продолжу, — молвила она. — Итак, план Мудрейшего удался. Ты, ничтожный карлик, по-прежнему почитал себя богом, но в душе твоей уже жил мой будущий раб! Никто, кроме Истинных Богов и моего наставника, не знал об этом. И Конана. Он единственный владел Тайной, ибо Боги свершили свою месть его руками. Но тупоумный варвар не придал никакого значения тому факту, что *магический кристалл поглотил не одну, а две живые сущности!* За все время, прошедшее после твоего воскрешения, Конан даже ни разу не вспомнил об этом! *Он владел Тайной, дающей власть над Великой Душой, владел и не догадывался об этом!* Скудоумию его я не устаю поражаться. — Волшебница мстительно ухмыльнулась. — Ведь если бы он, а не я, вызвал к жизни Сура, перед ним, а не передо мной тебе пришлось бы преклонить колени!

И не Сет, а иные Боги торжествовали бы победу. Однако Конан не волшебник, более того, он презирует магию, и это презрение к тайным наукам сыграло с ним жестокую шутку. Воистину жестокую, — ибо *твою силу, карлик, которую я подчинила своей воле, рано или поздно я направлю именно против него, Конана!*..

Итак, Мудрейший указал мне путь; все остальное я сделала сама. Я вытащила Конана из Страны Небесного Народа, где его едва не развоплотили скричи, проклятые порождения мерзкого солнечного божка Митры. — Тхутмертари с отвращением сплюнула и сотворила в воздухе знак змеи. — Затем я затащила варвара в озеро Тахо-а-Такан, где совратила этого дуралея. Он мне выложил все, что сам знал о тебе, карлик. Так я овладела твоей Тайной. Выдав ее мне, Конан попросту заснул! Я могла убить его уже тогда, но, поразмыслив, решила, что он не заслуживает столь легкой смерти. Нет, клянусь щупальцами Сета, киммериец будет умирать мучительно и долго. Я сама придумаю ему подходящую казнь, — злобно прошипела Тхутмертари. Ее прелестный лик исказила гримаса лютой ненависти, и он сделался поистине чудовищной маской Ужаса.

Овладев собой, волшебница продолжала:

— В Кеми я рассталась с Конаном, бросив его в руки верховного жреца Тот-Амона. Конечно, этот слизняк, порочащий священное имя Сета, не сумел удержать Конана даже в своей собственной цитадели, как не сумел удержать меня! Конан бежал, но мне он более не был интересен. Я отправилась в Бельверус, к королю Тараску, и расспросила его о сурийском тигре. Тараск навел меня на Лапинуса, который к тому моменту уже гнил в Нумалии в

фамильном склепе своей семьи. Это не остановило меня. Используя свои познания в некромантии, я оживила Лапинуса. Он и рассказал недостающее. — При воспоминании о способе, которым она выудила у мертвеца искомые сведения, волшебница довольно усмехнулась.

— Теперь я знала все. Мне повезло вдвойне: Сур не был заклят прежде, и поэтому я смогла заклясть тебя *своим именем*. Понимаешь ли ты, тварь, что сие означает?! — И принцесса снова разразилась торжествующим неудержимым смехом.

— Теперь ты тоже знаешь все, — саркастически подытожила она. — Ты знаешь, почему и как всемогущий бог в мгновение ока превратился в моего раба. Теперь ты мой навеки! — Тхутмертари пожирала нескладную фигурку карлика хищным взглядом победительницы.

— *Что ты задумала?!!*

— Ну неужели непонятно? — ухмыльнулась она. — Твоя сила Великой Души будет поставлена на службу Вечной Тьме. С твоей помощью я захвачу власть в Стигии, а затем и во всем мире. Ведь ты, карлик, так страстно мечтал о власти над миром! — ехидно заметила Тхутмертари. — Знай же: твои грезы сбудутся! Ты обязательно добудешь власть над миром. Но не для себя — для меня! И Владыка Сет наконец восторжествует над проклятым Митрой!!!

Не выдержав распиравшего ее торжества, нагая волшебница бросилась наземь у подножия изваяния Великого Змея и зашлась в экстазе какого-то омерзительного танца. Она корчилась и извивалась не как человек, но как настоящая змея. Даже Люф восхитился поразительной гибкостью ее точеного тела. Пышные

золотые волосы метались, точно щупальца адского чудовища. Это было небывало жуткое, прекрасное и тошнотворное зрелище! Не желая прерывать экстаз Тхутмертари, Люф обратился к карлику:

— Вот так мы и отомстили тебе, раб, за унижения, которым ты подверг нас по своей глупости. Боги — за свои, я — за свои, а Тхутмертари — за свои. Ты проиграл. Мы в любой момент можем умертвить тебя самой злой смертью, какую только сумеем измыслить. Мы можем просто приказать тебе умереть, и ты не посмеешь ослушаться нас. Но смерть — не самая страшная кара. Ты станешь нашим оружием. Твоя Сила станет нашей Силой. Благодаря тебе каждый из нас получит желаемое. Владыка Сет покинет пределы Преисподней, и в мире воцарится Вечная Ночь. Сет будет править миром, Тхутмертари станет его наместницей. А я — я умру с чувством исполненного долга, ведь именно благодаря мне свершится все это! Старый Люф умрет в Мире, где, как и на Заре Жизни, будет всецело владычествовать Зло!

Еще раз окинув прищуренным взором гигантское изваяние Великого Змея Сета, рдяное пульсирующее небо, лишенное солнечного света, безлистые стволы могучих желтых деревьев, бурлящую кровавую реку, питающую их, поляну, на которой валялся никчемный трупик нерожденной дочери стигийской принцессы Рамины, скрюченную фигурку поработанного карлика и извивающуюся в змеином экстазе прекрасную волшебницу, Люф добавил:

— Погляди на этот Мир, дсмон Сур. Наверное, ты полагаешь, что мы находимся в Преисподней? Ты прав — мы в Преисподней, во вла-

дениях Владыки Сста. Вглядись повнимательнее в этот Мир. Скоро, очень скоро точно так будет выглядеть и Мир Людей...

— *Нет!!! Это невозможно!!! Этого никогда не будет!!!*

— Будет, будет, — ощерился Мудрейший. — Пришло время свершения самого невозможного. И ты лучшее тому подтверждение. Вчера ты был богом, сегодня стал рабом. Ты бог — и ты раб! Что же может быть невозможнее?!

Глава вторая

ШТУРМ ТАРАНТИИ

— Поджарь мою задницу, кэп, если ты привел нас не в сказку! — разнесся в кабине капитанского вертолета восхищенный голос Кевина Эйнсли.

Девяносто девять черных механических птиц, похожих на свирепых коршунов, барражировали над Тарантией. Столица Аквилонии была видна как на ладони. Яркие солнечные лучи плясали по золоченым куполам митраитских храмов и изящным посеребренным башенкам дворцов аквилонской знати. Меж аккуратных домов бежали чистые мощеные улочки и мостовые. Множество разноцветных флагов с геральдическими гербами развевалось на шпилях. В самом центре города, вытянувшийся, точно серп молодой луны, щерился зубцами древних сторожевых башен королевский дворец.

Джэйк Митчелл со все возрастающим беспокойством оглядывал свою столицу. Суток не прошло, как он покинул ее. Великая Душа прав: то было позорное, постыдное бегство; хо-

рошо, что никто из парней ничего не знает о нем. Тогда Джейк-узурпатор бежал, а варвар Конан, злосчастный двойник, прежний король Аквилонии, смеялся ему вослед. Тогда Конан победил. Но вот минули недолгие часы, а как много изменилось за это время! Карлик Тезиас, едва не превративший Джейка и Аманду в Инкубов, людей с искусственной душой, мертв. Аманда Линн, победительница карлика, сама познала ужас поражения, ибо в миг триумфа ее командир, друг и любовник Джейк отнял у нее победу. Он не жалел об этом. Во-первых, Эми прежде сама предала его, переспав с презренным варваром, и, во-вторых, лавры Большой Победы всегда должны доставаться командиру. Оставив Аманду и старого кретина дока вечными пленниками Зачарованного Города, Джейк собрал свой отряд, и «Черные коршуны», ведомые бесстрашным капитаном, устремились на покорение самой богатой и могущественной державы хайборийского Запада.

Итак, он вернулся. Сознание собственного всемогущества распирало Джейка, пока его вертолетная армада неслась к Тарантии. Чудовищная воля гениального карлика более не довлела над ним. Великой Души больше нет — после всего, что сделал и что замыслил сделать с американцем гнусный карлик. В это даже трудно поверить! И все же Тезиас мертв, а это значит, что самым сильным человеком на планете отныне является Джейк Митчелл, американец, вожак Наемников из Будущего. Вернее, не Наемников, а Хозяев из Будущего. Ибо наемниками эти парни были там, в свое время, в двадцатом столетии от Рождества Христова, но здесь, в Хайбории, они Хозяева. А разве нет? Что значат жалкие мечи, рапиры и арбалеты

ты туземцев против автоматических винтовок, пулеметов и лазерных бластеров Пришельцев из Будущего? С каким жутким демоном Преисподней сравнится «Черный коршун» — могучая машина смерти, чудо-вертолет, созданный сумасшедшим гением старика Фонтанелли? Профессор сотворил один-единственный вертолет; машина эта волею случая проследовала за своими хозяевами в Прошлое. Но здесь Великая Душа сумел стократно воспроизвести творение дока, и ныне каждый из парней Джейка обладал своим собственным «Черным коршуном». Более того, могущественный карлик каким-то непостижимым образом подключил вертолеты к энергетическому полю Стержня. Теперь винты вращала энергия исполинской колонны, возвышающейся посреди Зачарованного Города, и была поистине неисчерпаемой эта неведомая сила! Бесконечно долго мог летать «Черный коршун», и не требовалось ему никакого топлива. И все это могущество оказалось нынче в руках Джейка Митчелла и его неустрашенных парней.

Поэтому Джейк возвратился в Аквилонию, чтобы снова владычествовать над ней. Владычествовать по праву сильного. Первый раз огромный американец надел золотой обруч Аквилонии еще в Замке Синих Монахов. Джейк с омерзением вспоминал бутафорскую коронацию, устроенную ему Тезиасом. Какое безмерное унижение испытал он, когда Брахо, магистр Синих Монахов, заставлял его целовать ноги карлика и клясться в вечной верности самозваному богу! А всего часом позже Конан сорвал корону с узурпатора — чуть не вместе с головой. Затем было первое бегство, глупое и бессмысленное, ибо причина его за-

ключалась в том, что карлик устранился какого-то вздорного пророчества. Вторично он посадил Джейка на аквилонский престол, воспользовавшись отсутствием варвара в Тарантии. Волею Великой Души возведенный на трон, Джейк был такой же пешкой в грандиозном представлении, задуманном Тезиасом, как и все прочие люди. Власть короля-узурпатора всецело зиждилась на гипнотическом внушении самозванного бога. Карлик сумел внушить аквилонцам, что Джейк — это король Конан. Так и правил двойник, маскируясь именем своего заклятого врага. Но лишь развеялся гипноз, власти двойника пришел конец.

Каждый раз ярость закипала в душе его, когда он вспоминал о днях унижения дарованной властью. Король-марионетка — отыщется ли зрелище горше и постыднее? Все, довольно! Он более не марионетка. Он — Властелин! Более никого нет над ним — ни царей, ни волшебников, ни богов. И очень скоро он позволит убедиться в этом каждому, кому немилосердная судьба назначила родиться в темном и бессильном мире Хайбории...

— Слушайте меня, парни! — прогремел в радиоэфире звучный голос Джейка. — Мы у цели! Под нами Тарантия, наша новая столица. План «А» остается в силе. Вы знаете, что нужно делать. Помните: все, что вы видите, — наше. Все это принадлежит нам. Мы не должны разрушать свое имущество. Повторяю еще раз: туземцы не способны причинить нам вред. Они вооружены холодным оружием — ножами, мечами, арбалетами. Однако их много, и они попытаются взять нас количеством. Не позволяйте им сблизиться с вами: их оружие не пробьет ваши бронежилеты, но тяжелый меч

и стрела, выпущенная из арбалета или лука, могут быть опасны. Особенно берегите глаза, головы и ноги! Помните: наша задача — не уничтожить, а запугать туземцев. Мы должны деморализовать их — тогда дикари сами признают нашу власть. Без моего приказа из вертолетов не стрелять, когда сядем, открывать только ответный огонь! Мы — боги-завоеватели, вот мы кто! — гаркнул капитан под одобрительный хохот своих людей. — Снижаемся, парни!

Бывалый искатель приключений умел скрывать свои истинные чувства. Солдаты не должны видеть неуверенность командира. Джейк не мог не обнаружить подозрительных изменений, произошедших в городе с момента его бегства. Тарантия всегда была шумным и беспокойным городом. Даже в дни владычества Великой Души и Лже-Конана частная жизнь в столице текла своим чередом. На площадях шумели обширные базары, посетители наполняли богатые купеческие лавки, в питейных и увеселительных заведениях раздавались звон монет, перестук игральные костей и брань подвыпивших горожан, в многочисленных храмах Солнечного Митры не смолкали хоры жрецов, гордые дворяне гарцевали на дорогах скакунах, а менестрели выводили заунывные баллады в честь их подвигов... Теперь ничего этого не было. Город как будто вымер. На улицах не было видно ни души.

— А где люди, кэп? — послышался недоуменно-обиженный голос Хьюго Гамильтона. — Где аборигены? Почему нас никто не встречает?

— Будьте настороже, парни, — ответил Джейк. — Похоже, туземцы ждали нас. Они что-то задумали. Вряд ли они нас остановят,

однако в этой операции мы не должны терпеть потери... Фил, ты меня слышишь?

— Да, кэп! — отозвался Филипп Фрезер.

— Видишь вон ту башню с большим флагом? Которая самая высокая.

— Где лев на знамени изображен?

— Точно. Ну-ка, слетай, погляди, что там.

— Есть, кэп.

Вертолет Фрезера оторвался от общей стаи и спустился к указанной башне королевского дворца. Чистокровный африканский негр Фрезер, или, как его называли в отряде, Черный Фил, был, по общему мнению, самым искусным после Джейка и Аманды пилотом. Вот и теперь он, казалось, проехал брюхом вертолета по парапету огромной башни. На самом деле «Черный коршун» Фила даже не задел ее. Однако психический эффект таких полетов всегда был велик. И на сей раз те, кто засел в башне, не выдержали. Едва вертолет пронесся над башней, из бойниц вслед ему понеслись стрелы и арбалетные болты. Целый рой тех и других накрыл черную механическую птицу, не причинив ей, впрочем, никакого вреда.

— Наверное, они называют это засадой! — расхохотался Джейк.

Он навел прицел лазерной пушки на древко флага. Мгновение спустя тонкий малиновый луч перерезал древко, и знамя с гордым аквилонским львом пало. Далее произошло именно то, чего ожидал Джейк. Все вокруг взъярилось гневными выкриками; проклятья доносились с земли сквозь стекла и обшивку вертолетов. Отовсюду — из бойниц башен, из замаскированных убежищ, даже из обычных окон полетели стрелы; некоторые из них были подожжены.

Стрелы барабанили в бронированную обшивку вертолетов, и это вызывало смех пилотов.

По сигналу Джейка стая «Черных коршунов» медленно спускалась, точно олицетворяя собой неумолимость рока. Тяжелые арбалетные болты оставляли небольшие выбоины на лобовом стекле, и Джейку это не могло нравиться. Капитанский вертолет, вырвавшись чуть вперед, завис напротив окон третьего этажа — арбалетные болты летели оттуда наиболее густо.

— А теперь попробуйте наши стрелы! — гаркнул он и нажал на гашетку.

Длинные очереди из трех пулеметов накрыли невидимых защитников дворца. Из здания донеслись проклятия и крики боли. Джейк довольно усмехнулся. В этот момент другой вертолет также дал очередь по дворцу.

— Кто стрелял?! — неистово рявкнул капитан. — Ты, что ли, Боб?

— А почему это мы должны подставлять свои задницы под их стрелы? Тебе можно, а нам нельзя? — возмущенно проговорил Роберт Рэнквист.

Джейк стиснул зубы. Он давно бы выгнал наглого англичанина, если бы в целом мире можно было бы найти второго такого спеца по части всевозможных охранных систем, сигнализаций, скрытых видеокамер и прочих шпионских штучек. Он на дух не выносил эту самодовольную ухоженную физиономию, эти щегольские викторианские усики, столь неподходящие «солдату удачи», и аристократическую клиновидную бородку «а-ля Наполеон III». Ко всему прочему оказалось, что англичанин чрезвычайно похож на конановского генерала Просперо, командующего аквилонской армией. Сей факт также не добавил Джейку любви к

Бобу. Однако теперь, когда на техническое содействие старины Фонтанелли больше нечего рассчитывать, Боб Рэнквист был особенно полезен, а во многом даже незаменим. И поэтому приходилось его терпеть.

— Без моего приказа не стрелять! — строго повторил Джейк, а затем добавил: — Если уж тебе так невтерпеж, Боб, угости-ка ракетой вон тех парней, что засели на сторожевой башне, справа от тебя.

Сказано — сделано. Серебристая стрела выпорхнула из-под крыла черной птицы и поразила цель. Древняя башня взлетела на воздух вместе с воинами, защищавшими ее. Как видно, потрясенные этим, остальные защитники дворца прекратили бесполезную стрельбу из луков и арбалетов.

— Сейчас выкинут белый флаг, — сказал Черный Фил.

Он ошибся. Вдруг башни дворца ощерились катапультами. Катапульти дали залп, и к «Черным коршунам» понеслись здоровенные камни. Несколько глыб попало по назначению. Радиоэфир наполнился отборным матом и проклятиями атакующей стороны.

— Они повредили мне винты, гниды! — орал Кевин Эйнсли.

— Я тоже подбит! — вторил ему Франсуа д'Эрве.

— А у меня боковое стекло пробили! Ну, сейчас я их сделаю!!! — из вертолета Педро Гарсиа в сторону дворца унеслись сразу три ракеты.

Пример горячего мексиканца оказался заразителен. Не успел Джейк и рта раскрыть, как свои ракеты послали еще двое наемников. За какие-то пять секунд было разрушено целое

крыло величественного дворца. Мгновенно установив лазерную пушку в режим перехвата ракет, Джейк проревел:

— Отставить стрельбу, ублюдки!!! Следующая ракета — ваша! Всем взлететь над дворцом!

Маневренные черные птицы точно исполнили приказ капитана. Из дворца раздался торжествующий рев защитников. «Рано радуетесь», — подумал Джейк.

— Я разберусь с тобой позже, Гарсиа, — зловеще проговорил он.

— Они, уроды, стекло мне продырявили, кэп! — возмущенно перебил мексиканец.

— А я тебе череп продырявлю, если еще раз пальнешь без моего приказа. Ты меня понял?

— Да, кэп, — смущенно просипел Педро.

— Это ко всем относится, — добавил Джейк. — Повторяю: стрелять только по моему приказу, боеприпасы не расходовать! Вы что, умники, забыли: в этом сраном Прошлом негде пополнить боезапас! — Джейк почти кричал. — Перестреляете все, а что потом? Потом дикари и возьмут вас голенькими!

— Ясно, кэп, — молвил Боб Рэнквист. — Впредь без твоего приказа — ни гуту.

Как всегда, непонятно было, смеется ли он над своим командиром или говорит серьезно, и Джейк решил не обострять с ним отношения.

— Всем ли ясно? — повторил капитан.

Стройный хор голосов был ему ответом.

— Сделаем так...

Он не успел договорить. Стаи голубей внезапно возникли откуда-то и заполонили собой все небо.

— Вверх, быстро!!! — дико вскричал Джейк,

резко бросая вверх и в сторону покорную машину.

Приказ его запоздал и только усугубил положение. Тысячи птиц метались между вертолетами. Словно в страшном сне, Джейк увидел, как подбитая машина Кевина Эйнсли столкнулась с еще одним вертолетом, сделавшим неудачный маневр в надежде выбраться из птичьего облака. Раздался ужасный взрыв; обломки обеих машин разлетелись в разные стороны, задевая другие вертолеты. Радиоэфир снова заполнился матом и криками ужаса. Джейк пытался овладеть ситуацией, однако даже его богатырский рык не мог пробиться сквозь царящую какофонию страха.

— На автопилот!!! Переходите на автопилот!!! — орал капитан, но его, как видно, мало кто слышал.

Огромные механические чудовища метались над Тарантией. Крохотные голуби разбивались о броню; не могли они пробить и сверхпрочное стекло. Куда хуже — голуби попадали меж лопастей винтов, лопасти перемалывали птиц, но управляемость вертолетов была нарушена. Вот еще один «Черный коршун» на большой скорости врезался в крепостную башню и взорвался вместе с ней. Трудно вызвать панику среди бывалых наемников, но, когда она все же случается, не миновать беды. Кому-то пришла в голову идея сжечь коварное птичье облако. Из клюва «Черного коршуна» ударил огнемёт; струя бешеного пламени сжигала все на своем пути. Десятки голубей погибли, но пламя задело другой вертолет, и он стал медленно сваливаться вниз.

— Пирс, скотина, ты подбил меня!!! — услышал Джейк крик Боба Рэнквиста.

Нечаянная радость от того, что наглый бритт получил наконец по заслугам, мелькнула и погасла. Нужно было спасать ребят. А Пирс Эккер, как видно, окончательно сошедший с катушек из-за всех этих переживаний, дал еще один залп из огнемёта. На этот раз огненный плевок едва не достал до самого капитанского вертолёта. Повинуясь ужасной необходимости и чуть не плача от стыда, Джейк выстрелил из танковой пушки. Конечно, даже в этом адском бардаке он не мог не попасть — «Чёрный коршун» Пирса Эккера перестал существовать.

— Стреляйте из пулемётов! Из пулемётов стреляйте!! Пулями их, сук, пулями!!! — вопил в радиоэфире Хью Гамильтон, и Джейк невольно поразился его сообразительности: обычные пули не могли причинить вреда машинам, но на проклятых птиц действовали безотказно.

— Из пулемётов — огонь!!! — подхватил он клич Хьюго.

Его слышали. Вскоре уши заложило от одновременного треска сотен пулемётов. Сейчас Джейк не думал об экономии боеприпасов. Куда важнее было спасти машины и людей.

— Отставить пальбу! Отставить! — приказал он, когда чуть поредевшая стая «Чёрных коршунов» выбралась наконец из птичьего облака. Сотни голубей нашли свою смерть в небе над Тарантией, но большинству обезумевших птиц удалось разлететься. Во всяком случае, опасность от них более не исходила.

Суровый окрик капитана положил конец беспорядку. Вертолёты снова выстроились в звенья; сейчас они барражировали на стометровой высоте. Бортовой компьютер выдал Джейку данные о потерях. Четыре машины уничтожены, шесть подбиты, на двенадцати

обнаружены неполадки. И все из-за каких-то голубей!

— Гады, они убили Кевина Эйнсли! Он был моим другом! — причитал Берт Рассел. — Он думал, что здесь сказка, а здесь — сплошное чмо...

— Отставить разговоры!

Джейк почувствовал, как неукротимая ярость закипает в нем. Он ведь хотел как лучше. Хотел по-мирному. Хотел просто попугать туземцев, чтобы они поняли, с кем имеют дело. Хотел спуститься с небес подобно богу-завоевателю. Он не хотел никого убивать. Он, еще не захватив престол, думал о своих подданных, хотя эти безмозглые дикари не стоят одного его вздоха. Черт бы их задрал, не такие уж безмозглые, раз сообразили выпустить на вертолеты голубей! Это Конан! Конан, Конан, Конан! Только он, этот проклятый варвар, двойник, мог додуматься до этого! Ну да ладно, он еще пожалеет, что родился на свет! За все заплатит. Все за все заплатят. Они не хотят сдаваться по-доброму — и я не буду по-доброму их покорять. Хотят крови — они ее получают. Они покушаются на жизнь моих ребят — и я возьму их презренные жизни! По сотне дикарей за каждого парня! Даже за свихнувшегося Эккера. Нет, по тысяче! Чего их жалеть! В этом вонючем Прошлом миллионы дикарей безмозглых... Своей кровушкой за нашу заплатят — тысячекратно!

— Прекратить разговоры! — прорычал Джейк. — Переходим к плану «Б». Приказываю. Гамильтон, Фрезер, Мастарци, Зинг, Гарсия, Моран, Во Чунг — выбрать скопления строений подальше от центра и побогаче. По две ракеты на каждое. Храмы не трогать! Лес-

тер, Спири, Марлоу, Хобсон, Рассел — сбросить на дворец газовые бомбы. Подбитым садиться на площадь перед дворцом. Всем остальным два круга над городом бреющим полетом. Глушитель звука отключить. По движущимся целям стрелять из пулеметов. Исполняйте!

— Получайте, гниды! — прошептал Курт Рассел.

Остальные делали свою работу молча. Пять черных шаров отделились от брюха механических птиц и полетели вниз. Достигнув башен дворца, они взорвались. Тяжелый сизый газ с шипением расползлся во все стороны. Очень скоро из дворца слышались вопли ужаса: удушающий газ, изобретенный профессором Фонтанелли, действовал безотказно и убивал в течение одной минуты. С разных концов города доносились взрывы. Теперь Тарантия ожила: люди выскакивали из рушащихся домов, и низко летящие вертолеты косили их пулеметными очередами. Джейк увидел, как виртуоз Фрезер залетел под огромную арку какого-то богатого дворца, и оттуда в течение нескольких секунд на фоне непрерывной пулеметной стрельбы доносились истошные крики мужчин и женщин. А затем крики стихли, вертолет Черного Филадельфии вылетел из-под арки и как ни в чем не бывало понесся дальше, сея смерть, смерть, смерть... Сам Джейк развернул своего «коршуна» клювом к зданию казарм Черных Драконов — личной гвардии Конана. Он знал, что в этом же здании находится главный арсенал аквилонской армии. Подлетев поближе, Джейк дал всего один залп из огнемета. Казармы вспыхнули, из них выскочили горящие точно факелы люди, и Джейк Митчелл испытал чувство удовлетворенной мести.

Затем он резко поднял машину в воздух, чтобы с высоты оглядеть город. Жуткое зрелище открылось его взору, и Джейк тотчас понял, что его первые впечатления от своего всемогущества оказались сущей правдой. Это была бойня. Страшные черные птицы носились над стонущим городом. Люди метались по улочкам, и нигде не было им спасения. Вместе с ними метались обезумевшие лошади, затаптывавая несчастных. Тарантия горела в пяти... нет, в семи местах. В величественном Храме Тысячи Лучей, самом большом митраитском храме всей Хайбории, тревожно били колокола, но звон их заглушался неистовым ревом девяти десятков винтокрылых чудовищ. Из Восточных ворот храма выбежал небольшой отряд воинов с арбалетами, и тут же Хьюго Гамильтон подкосил их всех пулеметными очередями. Еще раз довольно хмыкнув, Джейк спустился обратно к королевскому дворцу. И увидел, что из окон его отчаянно машут белыми флагами. Капитан скомандовал отбой.

— Отлично поработали, парни! — произнес он в радиоэфир. — Дикари надолго запомнят этот день. А теперь приказываю всем садиться на площадь перед королевским дворцом. Всем, кроме Морана, Зинга, Лестера, Рассела, Дубровского и Спири — вы будете прикрывать нас с воздуха. Пора принимать капитуляцию, ребята!

И вот девяносто «Черных коршунов» опустились на площадь. Никто более не осмеливался атаковать их. Снова показалось, что дворец вымер.

— Интересно, есть там кто живой? — задался вопросом Педро Гарсиа.

— Скоро мы это узнаем, — сказал Джейк. — Слушайте меня, парни! Вооружайтесь по пол-

ному разряду. По моей команде выходим из машин. В людей с белыми флагами не стрелять. Открывать только ответный огонь. В случае возникновения чрезвычайных ситуаций разрешаю действовать по обстановке.

Однако вскоре он понял, что чрезвычайные ситуации маловероятны. У парадного входа дворца стояли, переминаясь с ноги на ногу и с ужасом глядя на черных чудовищ, богато одетые люди под белыми флагами. В центре делегации был рослый и тучный мужчина средних лет, в котором Джейк узнал самого аквилонского канцлера Публия. На канцлере не было лица от страха. Казалось, он вот-вот потеряет сознание. Рядом с Публием стоял генерал Корнелий, заместитель Паллантида в отряде Черных Драконов. «Конечно, эти двое, — про себя усмехнулся Джейк. — Я мог бы догадаться!»

— Выходим, ребята! — крикнул Джейк. — Смотрите в оба!

Подавая пример остальным, капитан распахнул дверцу вертолета и легко спрыгнул на землю. Завидев его, члены делегации еще более побледнели (хотя, казалось, дальше уже некуда) и низко поклонились. Джейк усмехнулся.

— Эй, вы, что в дверях застряли? Идите ко мне! — прокричал он им, и они засеменили ему навстречу. Наемники покинули вертолеты и окружили своего командира. Все они с интересом смотрели на делегацию туземных вельмож. Джейк достал лазерный бластер и демонстративно поманил толстого канцлера узким серебристым дулом.

— Не вижу, чтобы ты спешил, Публий, — насмешливо молвил он.

Подойдя к нему, толстяк рухнул на колени.

— Пощади нас, светлый государь! — умоля-

ющим голосом пролепетал Публий, чем вызвал взрыв хохота у наемников.

— Вот как, пощадить вас? — усмехнулся Джейк. — Стало быть, вы сдаетесь на мою милость?

— Мы хотим, чтобы ты был нашим королем, — сказал генерал Корнелий.

— Время варвара кончилось, — прибавил Публий.

Узурпатор милостиво кивнул.

— Ты можешь встать с колен, ничтожный, — царственно изрек Джейк. — Скажи, а зачем вы выпустили голубей?

— Это все варвар, — сказал Корнелий. — Он не верил, что ты, государь, нападешь на Тарантию. Презренный полагал, что твои ужасные птицы прилетели лишь для того, чтобы поугаать нас. Он говорил, что бог Великая Душа запретил тебе убивать. Как видно, он ошибался.

— Конечно, ошибался. Ведь он не знал, что я лично прикончил злобного карлика.

— Что?! — в один голос вскричали все аквилонцы. На их лицах было написано неподдельное изумление, смешанное с недоверием.

— Да, я собственноручно уколошил его, — чувствуя себя королем положения, проговорил Джейк. — Вот так.

Сверкнул малиновый луч, и спустя секунду барон Магдар, стоявший слева от Публия, свалился ниц. В груди его слева темнела едва заметная дырочка от луча — кольчуга, которую, как знал Джейк, всегда носил барон, не спасла его от смерти. Аквилонцы упали в ноги Джейку: пощади, государь!

— Вот точно так я убил карлика Тезиаса, называвшего себя Великой Душой, — ничуть

не смутившись, сказал Митчелл. — И точно так, а может быть, еще беспощадней, я буду убивать всякого, кто вздумает сопротивляться моей власти.

— Как можно... Как можно... — пролепетал Публий, глядя в землю у ног узурпатора. — Мы твои верные слуги, государь...

Джейк схватил тучного канцлера за длинный ворот и рывком поставил его на ноги. Наемники по-прежнему с интересом наблюдали за этим спектаклем.

— Скажи мне, кто я? — сурово потребовал узурпатор.

— Ты — властитель наш. Ты — бесстрашный герой. Ты — великий победитель гнусного карлика. Ты — избавитель Аквилонии. Ты — наш король!

— Да здравствует король Джейк! — неожиданно гаркнул Боб Рэнквист, и его клич подхватили все наемники. Скоро вся площадь кричала:

— Да здравствует король Джейк!

— Да здравствует король Джейк! — присоединился к ним генерал Корнелий, а вместе с ним закричали другие аквилонцы.

— Да здравствует король Джейк! — кричали из дворца. В окнах появились придворные и слуги, и Джейк отметил, что после газовой атаки уцелело довольно много людей. Еще он отметил, что среди приветствующих его почти нет аквилонских нобилей и Черных Драконов.

— То-то же, — сказал Митчелл, отпуская ворот Публия. — А где варвар? Я надеюсь, мой огненный гнев настиг презренного? Отвечай!

Публий зарделся и, тщательно подбирая слова, чтобы не разгневать короля, произнес:

— Не сомневаюсь, государь, твой огненный гнев еще настигнет презренного...

Джейк нахмурился. Дуло бластера уперлось в пухлый живот канцлера.

— Что ты хочешь этим сказать?

По-видимому, для Публия это оказалось слишком. Глаза толстяка закатились, и он свалился без чувств. Генерал Корнелий, вероятно, был менее впечатлительным человеком. По-военному четко он оттрапоровал:

— Государь, когда стало ясно, что твои доблестные войска возьмут город, Конан попытался бежать. Мы, верные тебе люди, хотели схватить его. Однако в этот момент мы сами вынуждены были спасаться от газа, и презренному варвару удалось уйти. Слава Митре, он ранен в ногу. Полагаю, он не уйдет далеко. Вместе с ним бежали генералы Просперо и Паллантид. Они также ранены. Если ты позволишь, верные мне люди прочешут Тарантию и доставят изменников к тебе во дворец.

Джейк одобрительно кивнул. Он знал генерала Корнелия всего несколько дней, но за это время тот сумел понравиться узурпатору.

— Позволяю, — сказал король. — И еще, Корнелий... Я назначаю тебя командиром Черных Драконов взамен Паллантида.

— Рад служить тебе, государь. — Генерал почтительно поклонился.

— О'кей. Ну а теперь мне угодно проследовать во дворец. — Джейк обернулся к своим наемникам и добавил: — Ну вот, ребята, Тарантия наша, как я и обещал.

— Ура королю!

Джейк произнес в видеофон:

— Моран, Зинг, Лестер, Рассел, Дубровский, Спири! Вы слышите меня?

— Да, кэп, — ответил Лопес Моран. — Слышим и видим вас, Ваше Величество!

— О'кей, парни, вот вам мой приказ. Установим круглосуточную вахту над городом. Меняться будете каждый час, по две машины на смену. Первый ты, Лопес, и ты, Альфред. — Джейк выбрал тех, на кого более всего мог положиться: уж эти-то не подведут! — После Морана и Зинга вахту примут Черный Фил и Джуно Мастарци. После них — ты, Во Чунг, и ты, Джейсон. Боб, займись неполадками, организуй себе помощников и охрану. Корнелий, ты также головой отвечаешь за моих «Черных коршунов». Остальные — со мной!

Раздав еще несколько указаний, новоявленный король Джейк в сопровождении своих наемников, генерала Корнелия, вновь пришедшего в чувство Публия и других аквилонцев проследовал во дворец, где его ждал самый теплый прием и где ничто не напоминало о том, что часом ранее в Аквилонии был совсем другой властелин.

Темная ночь новолуния нависла над Тарантией. В огромном пиршественном зале королевского дворца Наемники из Будущего праздновали захват Аквилонии. Пир был в самом разгаре; крепкое вино текло рекой, и многие «солдаты удачи» были уже навеселе. Однако король Джейк не был настолько беспечен, чтобы позволить себе и своим людям напиться до потери сознания. Он понимал, что власть его слабеет по мере удаления от этого зала и пока не распространяется дальше крепостных стен столицы. Поэтому в дверях вместе с верными генералу Корнелию Черными Драконами

несли стражу вооруженные до зубов и совершенно трезвые пришельцы, а над ночной Та-рантией барражировали два вертолета, наводя ужас на мирных горожан.

Канцлер Публий, сказавшись больным, испросил милостивого разрешения государя удалиться в свои покои. Войдя в свой рабочий кабинет в северном крыле дворца, Публий первым делом отослал слуг. Тщательно осмотревшись и убедившись, что за ним нет слежки, тучный канцлер подошел к сплошной на вид стене и пять раз ударил по ней в разных местах костяшками пальцев. В ответ из-за стены раздался мелодичный перестук, и Публий тотчас повторил его. Неожиданно в стене обнаружилась небольшая дверца. Невысокий человек, облаченный в просторный черный плащ с капюшоном, надвинутым на глаза, безмолвно вступил в кабинет канцлера. Публий испуганно подался назад, но тут же справился с собой и едва слышно прошептал:

— Хвала Митре, ты пришел... Что с государем?

— Король будет жить, — коротко молвил черный человек; говор выдавал уроженца восточных провинций. — Что мне передать ему?

Публий еще раз огляделся и зашептал:

— Передай ему следующее. Узурпатор и его негодии пируют во дворце. Мне удалось войти в доверие к нему. Во всяком случае, я на это надеюсь. Мы подсчитали потери. — Канцлер тяжело вздохнул. — От нечестивого оружия пришельцев пали шесть тысяч семьсот двадцать шесть подданных Его Величества...

— Они заплатят за это, клянусь Асурой! — проговорил гость.

— Да, и еще, самое главное: узурпатор

утверждает, будто он собственноручно убил карлика Тезиаса.

— Не может такого быть!

— Его слова подтверждают другие пришельцы. Хотя не исключено, что они в сговоре и выполняют очередную каверзу карлика. Только уж больно нагло и развязно они себя ведут! Узурпатор не вел бы себя так, если б над ним стоял кто-то еще. Передай королю: я склонен верить, что Великая Душа мертва.

— Передам. У тебя все?

— Вот, возьми. — Публий передал гостю небольшой сверток. — Я стянул это у одного из злодеев. Пускай мудрый Хадрат посмотрит, что это такое.

— А что здесь? — удивленно спросил гость.

— Я и сам не знаю, — зябко передернул плечами канцлер. — Но с помощью похожей штуки узурпатор убил барона Магдара. Я заметил, таких штук у злодеев много. Это какое-то оружие. Полагаю, здесь пахнет колдовством — будь осторожен, штука может быть опасна!

— Хорошо. Ну держись, Публий. Мы все на тебя надеемся.

— Волсю Митры... — вздохнул канцлер.

— И Асуры, — строго добавил гость. Тяжелый взгляд неприятно кольнул Публия из-под капюшона.

Канцлер кивнул. Черный человек неслышно вошел в дверь и столь же бесшумно прикрыл ее за собой. Публий еще некоторое время постоял у тайного хода, прислушиваясь. Так ничего и не услышав, толстяк приоткрыл дверцу и заглянул в узкий темный проход. Там никого не было. Он помянул Митру и поспешил прикрыть тайную дверь.

Конан возлежал на длинной скамье в ярко освещенном покое, лишенном окон. Высокие мраморные стены были скрыты черными бархатными занавесами. Толстые ковры с причудливыми экзотическими рисунками не всегда пристойного содержания устилали полы. Свергнутый король сыпал проклятиями. У его изголовья сидела Зенобия, а с раненой ногой киммерийца возился жрец Хадрат, недавно возвратившийся из паломничества к асурским святыням Вендии. Чуть поодаль лежал Паллан-тид, также раненный в ногу, и сидел Просперо с перевязанной рукой.

— Грязные ублюдки Нергала! Отродья сви-
ньи и шакала! Блевотина Шайтана! Верблюжий
кал! Проклятые змееныши Сета! Дай, Кром,
только добраться до них... — сквозь зубы шеп-
тал Конан, и лютой ненавистью к захватчикам
дышало каждое его слово.

Прекрасная Зенобия, смахнув соленые
слезы с воспаленных глаз, нежно погладила
грубую ладонь супруга.

— Потерпи, любимый, потерпи еще немно-
го, — преданно прошептала она. — Все будет
хорошо...

— Ну уж нет, больше я терпеть не наме-
рен! — рывкнул киммериец, понявший короле-
ву иначе. — Довольно терпел я карлика и его
прихвостней! Пора с ними кончать, как я по-
гляжу!

— Не двигайся, государь, мне трудно тебя
оперировать, — молвил Хадрат, весь в поту от
напряжения.

— Делай свое дело, жрец, да по-быстрому.
Надоело здесь лежать...

Хадрат обиженно отвернулся, продолжая
возиться с раной короля. Рана была тяжелая и

странная — подобной Хадрату ни разу еще не встречалось. Операция длилась уже почти час. Все это время жрец изучал рану, ковырялся в ней ножом и промывал исцеляющими снадобьями, — но причину поражения выяснить по-прежнему не мог. Конан стоически терпел физическую боль; боль поражения донимала его куда больше.

— Совсем озверел карлик, — посетовал генерал Просперо. — Почти семь тысяч убитых! Ради чего эти злодеи устроили в Тарантии такую бойню?

— Ты полагаешь, что Тезиас жив? — задумчиво спросила Зенобия.

— А разве нет? Неужели можно поверить, что этот негодяй Джейк на самом деле убил Великую Душу?! Карлика не так-то просто убить. Вон Конан сколько пытался, и ничего не вышло. Так с чего бы этому негодяю удалось то, что не удалось самому государю?

— Я согласен с Просперо, — сказал генерал Паллантид. — И зачем узурпатору убивать своего хозяина? Они всегда были заодно. Наверное, карлик снова хочет одурачить нас, чтобы возвратить свою Книгу Судеб. Он хочет, чтобы мы поверили, будто он мертв. А потом, когда мы повсрем, заявится и сотворит свое черное дело! Я считаю, узурпатор по-прежнему служит ему.

— Но людей убивать-то зачем? — молвил Конан. — Все вы знаете, я достаточно пообщался с карликом, и у меня нет причин любить его. Я сражался с ним, когда мог и сколько мог. И готов сражаться впредь, пока один из нас не отправится на Серые Равнины. Но одного у Тезиаса отнять нельзя: он не жаждет крови. Он хочет казаться лучше всех этих злоб-

ных чернокнижников с их мерзкими обрядами и нечестивыми чарами. Он радуется, когда ему удастся перехитрить своего врага. Не могу представить, чтобы он отдал приказ Джейку убивать моих аквилонцев!

— Времена меняются, — философски заметил Паллантид.

— Нет, все равно не верю.

— Если Джейк действует по своей воле, хуже это для нас или лучше? — спросила Зенобия.

— Лучше! — убежденно сказал Конан. — Если карлик мертв, во что действительно трудно поверить, но если все же предположить, что Тезиас мертв, тогда двойник больше не сможет прибегать к помощи магии. Ведь он не колдун.

— О чем ты говоришь, дорогой! Как это — не колдун? Разве могут обычные люди управлять этими ужасными черными демонами? Разве под силу нам, простым смертным, убить за несколько минут тысячи людей в разных частях большого города? Нет, они колдуны, могущественные колдуны!

Конан рассмеялся и взял в руку лазерный бластер, который передал Публий. Зенобия в ужасе воскликнула:

— Что ты делаешь?! Отложи прочь нечестивое оружие! Спаси нас, Митра, от козней Зла! — И она сотворила знак, отвращающий демонов.

Просперо тоже тревожно посмотрел на короля и сказал:

— Не связывался бы ты с этой штукой, государь. От колдовства добра не жди. Один лишь Пресветлый ведает, какая нечистая магия убивает людей посредством этой штуки.

В ответ Конан снова усмехнулся, прицелил-

ся и нажал на курок. Из узкого дула вырвался малиновый луч. В то же мгновение громадный бронзовый светильник, один из многих, висевших на потолке, рухнул вниз. Просперо и Зенобия в страхе вскочили со своих мест. Палландид, прикованный к постели, только испуганно застонал. Однако мудрый Хадрат, внимательно посмотрев на упавший светильник, лишь многозначительно хмыкнул.

— Скажете, я колдун? — саркастически спросил Конан.

— Зря ты это сделал, государь, — сокрушенно молвил Просперо. — Ни к чему воину это колдовское оружие. Чтобы убивать на расстоянии, у нас есть луки и арбалеты.

— Король прав, — не отвлекаясь от своих манипуляций, вмешался Хадрат. — В этой штуковине нет ничего волшебного. Как она действует, я понять не могу, но скажу твердо: любой может стрелять из этой штуки. И она, как нетрудно убедиться, сильнее наших луков и арбалетов. Попробуй ты, генерал.

— Ни за что, — покачал головой пуантенец. — Я не верю, что это обычное оружие. Откуда, скажите, появляется этой луч? А где он теперь? Нет, ни к чему нам эта штука! — убежденно заметил Просперо. — Она нас до добра не доведет.

Зенобия согласно кивнула.

— Да поймите вы! — проговорил Конан. — Эта штука вроде арбалета, только стреляет не болтами и не стрелами, а лучами смерти. Мне это еще старик Луиджи объяснял в Замке Синих Монахов. И тогда же я стрелял из такой штуки. И мне удалось подбить вертолет! Разве мог бы я подбить его из арбалета?.. Вот скажи,

Паллантид, ты служил на границе с Пиктлэндом?

— Да, государь. Мне даже привелось участвовать в экспедиции в глубь пиктских земель.

— Тогда ты тем более должен знать, что говорят дикари об аквилонских тяжелых арбалетах.

— Пикты почитают их жезлами демонов...

— Вот именно. Так не будем походить на пиктов. Я хоть и варвар, но валять дурака не собираюсь. Для нас эти штуковины, — Конан повертел в руке бластер, — что для пиктов наши тяжелые арбалеты. Понятно?

Зенобия и Просперо подавленно кивнули.

— И все же Митра не одобрит... — начал Просперо.

— А ты что — жрец, чтобы решать, что одобрит Митра, а что нет? — усмехнулся король. — По мне, так Митра одобрит все, что предпримем мы, чтобы освободить нашу страну от захватчиков. Если эти штуки лучше убивают пришельцев, чем наши мечи и арбалеты, мы должны добыть их столько, сколько потребуются для нашей победы. Они убивают на расстоянии, а это главное. И не потому, что я боюсь сойтись с узурпатором лицом к лицу, а потому, что он не будет играть по-честному. Он будет стрелять в нас исподтишка, зная, что мы-то ничем ему и его людям навредить не сможем.

— И мы обязаны показать ему, насколько он заблуждается, — поддержал Конана Хадрат.

— Но скажи, государь, что дадут нам эти штуки против черных демонов? Демоны, в чреве которых прячутся пришельцы, куда страшнее и опаснее этих огненных жезлов, — сказал Паллантид.

Конан нахмурился.

— Ты прав. Даже один такой вертолет может разрушить целый город. А этих вертолетов десятки! Эх, если бы кто из нас умел управлять ими! — с досадой проговорил киммериец.

Зенобия всплеснула руками.

— Ты хочешь сказать, что и эти ужасные демоны — не создания черной магии?

— Конечно, нет! Сперва я тоже так считал. Но потом, когда я вместе с Амандой несколько часов полетал в чреве такого «демона», я понял: то, что нам кажется, всего лишь механизм. Механическая птица. Магией здесь и не пахнет. Пришельцы — такие же люди, как и мы. Вся разница в том, что в их руках более сильное оружие. Все равно что тяжелый меч против кухонного ножичка. А это значит, что их оружие можно украсть, пришельцев убить, летающие машины взорвать. Клянусь Кромом, куда хуже было бы, если б они на самом деле были колдунами!

Воцарилось молчание. Соратники Конана с трудом осмысливали его слова. Затем Зенобия сказала:

— Значит, мы победим, когда обезоружим этих злодеев?

Конан осклабился.

— Вовсе не нужно ждать. Мы будем сражаться уже сегодня. Их мало, а нас много. В этом их слабость, а наша сила. Мы можем убивать их поодиночке, как партизаны.

— Они запугали народ, — покачал головой Хадрат. — Мало кто будет нам помогать. Скорее найдутся изменники, готовые за пригоршню монет выдать тебя узурпатору. Я удивляюсь, почему Джейк еще не назначил награду за твою голову, государь. Разумеется, здесь, в тай-

ном храме Асуры, им тебя не отыскать, но, если ты выйдешь из храма, я не поручусь за твою безопасность...

— Я в состоянии сам позаботиться о своей безопасности! — проревел Конан. — Даже с раненой ногой! И я не намерен отсиживаться в храме, когда злодеи из чужого времени хозяйничают в моей столице и убивают моих подданных! Ты давай подлечи меня, жрец, раз уж взялся, а о прочем я уж как-нибудь сам позабочусь.

— Мы должны смотреть правде в глаза, мой король, — нимало не смутившись, отметил асурит. — Ты ранен, и я не знаю, что это за рана. Не ведаю я, сколько дней уйдет на выздоровление твое, Просперо и Паллантида. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы поставить тебя на ноги. Я также соберу своих сторонников, почитающих Асуру. Но их слишком мало! А время работает против нас. Не следует недооценивать Джейка и его людей. Вряд ли они позволят нам перебить их, точно мух. Прости, но мне кажется, узурпатор не успокоится, пока ему не покажут твой бездыханный труп, государь...

— Ты прав, Хадрат, — скрепя сердце, вынужден был согласиться Конан. — И все же мы будем бороться с ними. И я верю: мы победим!

— Мы должны разработать план, — напомнил Просперо. Король одобрительно кивнул, и генерал продолжил: — Сперва нужно убить узурпатора. Как ты верно сказал, государь, нечего с ним церемониться. Пускай верный нам человек проберется в его опочивальню и прикончит злодея во сне. Когда главарь будет мертв, с прочими пришельцами будет легче расправиться.

— Это опасный план, — заметила Зенобия. — Что, если после смерти Джейка они захотят отомстить за своего главаря? Подумай, генерал, что могут сделать с Тарантией эти люди со своими механическими птицами и огненными жезлами!

— Не согласен. Прости меня, королева, но я лучше тебя знаю, как ведет себя подобный сброд, когда лишается главаря. Они впадают в панику. А здесь у них враждебная страна. Может статься, потеряв Джейка, они захотят вообще убраться из Аквилонии?

— Можешь ли ты быть уверен в этом, Просперо? — проговорил Конан.

— Нет, — смутившись, ответил генерал.

— То-то и оно, — вздохнул киммериец. — Зенобия права: твой план прост и хорош, но опасен. Мы не должны действовать, не изучив врага. Мы обязаны побольше узнать о пришельцах. Кто они, чего хотят, каковы их дальнейшие планы? Мы должны завладеть их оружием. Мы обязаны знать, как ладят эти ублюдки между собой и нет ли у Джейка врагов в собственном отряде. Если они есть, можно считать, четверть дела сделана. А для всего этого нужно окружить узурпатора нашими шпионами. Я должен знать о каждом шаге Джейка! Пусть он будет у нас на крючке, а не мы — у него. А-а!..

Конан взревел от внезапной боли, а уже в следующий момент Хадрат демонстрировал ему некий предмет.

— Вот чем они ранили тебя, государь. Этот крохотный кусочек металла сидел у тебя в ноге. Как видишь, мне удалось извлечь его, — не без самодовольства заметил жрец. — Хвала

Асуре, кость не задета. Сейчас я промою и перевяжу твою рану.

Киммериец взял у него щипцы и внимательно оглядел шtuковину, ранившую его. Зенобия и Просперо тоже смотрели на нее.

— Аманда называла это пулей, — задумчиво сказал Конан.

— Скажешь, и здесь колдовство ни при чем? — с сомнением молвила Зенобия.

— Ни при чем. Пули исторгают специальные изогнутые жезлы вроде этого, — Конан указал на бластер, — только черные и покороче.

— Если бы эта пуля попала тебе в сердце, в живот или в голову, ты бы уже был мертв, мой государь, — сказал Хадрат. — Я думаю, большинство погибших при сегодняшнем штурме города пали от этих самых пуль.

— Ну погоди, Джейк, — свирепо проговорил Конан, глядя на извлеченную из его ноги пулю, — если мой холодный клинок не отыщет твое сердце, его найдет твой же собственный огненный жезл!

Глава третья

ПЛЕННИКИ ЗАЧАРОВАННОГО ГОРОДА

«Черный коршун» догорал — вызывающе темная масса искореженного металла в мягком желтоватом свете феерического Зачарованного Города. Волны жара от раскаленного железа и пьяняще-сладковатый запах паленой человеческой плоти. Все смешалось в этом очаге разбушевавшейся смерти посреди спокойного звездного града: куски брони, осколки разорвавшихся ракет, перекрученные лопасти вин-

тов — из Будущего, маленькие тела гномов с сожженными бородами, когда-то огненно-рыжими — из Прошлого. А из Настоящего — ничего...

Аманда Линн стояла у самого пепелища, и волны жара разведали ее гладкие белые волосы. Лицо воительницы из Будущего казалось мрачной маской, высеченной из камня. Слезы давно просохли, но глаза были красными, и под ними образовались мешки. Опаленные ресницы не двигались. Аманда неотрывно глядела на обломки своего вертолета, руки ее были скрещены на груди, ноги широко расставлены. Профессор Луиджи Фонтанелли стоял чуть поодаль. Он то и дело дергал головой, так что можно было подумать, будто он страдает от нервного тика... Еще дальше от пепелища в кучке сгруппировались уцелевшие гномы — пять мужчин и две женщины. Гномы плакали, но подойти поближе к пепелищу никак не решались.

— Как это случилось? — глухим низким голосом произнесла Аманда, не оборачиваясь к гномам.

Женщина-гном Лула, утерев слезы концом длинного шерстяного платка, ответила ей:

— Я видела. Твой Джейк...

— Он больше не мой Джейк, — холодно отрезала Аманда. — Но продолжай, я тебя слушаю.

— Он велел им сесть в вертолеты, — всхлипнув, сказала Лула. — Они сели, и черные птицы начали взлетать. Тут наши мужички увидели это и выбежали на поле... О-о-о, горе нам, горе!.. За что же Пресветлый Митра так покарал нас, а?! — вдруг заголосила Лула и снова ударилась в рев.

— За глупость он вас покарал, — безжалостно заметила Аманда. — И еще за подлость. За предательство. За склочный характер. Мало?

— Прости нас, большая женщина, — тяжело проронил старый длиннородый гном, тот самый, что сообщил Джейку, будто Аманда изменила ему с Конаном. Этого гнома звали Воло. — Мы очень виноваты. Мы хотели отомстить тебе...

— Вот вы и отомстили: ей, себе и всему миру, — тихо молвил Фонтанелли.

Воло стыдливо опустил голову и так же тихо произнес в бороду:

— Да, ты это уже говорил, старик. Мы виноваты. Так что же нам теперь делать, а? Как нам искупить свою вину?

— Ладно, забудем, — сказала Аманда. — Но отныне — во всем повиноваться мне. Будете?

— Ты предала нас с Конаном. Как мы можем тебе верить? — проговорила вторая женщина, Салла.

— Я вас не предавала, — устало молвила вчительница. — Последний раз спрашиваю: будете ли вы повиноваться мне?

— А ты выведешь нас из этого города? — робко спросил молодой гном Лакери.

— Я сделаю все возможное, чтобы вывести вас из Зачарованного Города. И нас. — Она оглянулась на Фонтанелли. — Мы с доком должны предъявить кое-кому несколько неоплаченных счетов. Верно, док?

Фонтанелли кивнул.

— Кончай реветь, Лула, — проговорила Аманда. — Что было дальше, когда ваши выбежали на поле?

— Я скажу, — произнес Лакери. — Я тоже видел. Большие птицы начали стрелять в наших.

Многих убили. И улетели. Тогда Алвари сказал, чтобы мы залезли в эту механическую птицу, последнюю. — Гном показал на обломки вертолета Аманды.

— Зачем? — искренне изумился Фонтанелли.

— Он говорил, что увезет нас на этой птице из города. Многие не хотели, но Алвари сказал, что на этой птице может летать всякий...

— С чего он взял такую чушь? — фыркнула Аманда.

— Он сказал: коли Конан, безмозглый варвар, мог летать на этой птице, то мы, мудрые гномы, и подавно можем...

— Так ведь тогда я вела вертолет, а Конан только сидел рядом!

Лакери виновато развел руками.

— Видать, Алвари об этом не подумал.

— О чем он вообще думал? — брезгливо сплюнула воительница. — Дальше!

— Я не захотел лететь. И Лула не захотела, и Салла, и Вузери. А остальные, кто в живых остался, набились в брюхо этой птицы. Их там, гномов, наверное, двадцать могло уместиться.

— Не-а, — сказала Лула. — Двадцати не было. Меньше их было. Вот они, значит, сели в птицу и взлетели...

— Взлетели? — удивилась Аманда.

— Ну да, птица взлетела, — вновь влез Лакери. — Алвари еще нам кричал: мол, дурни вы, мы без вас улетим, а вы здесь оставайтесь. Значит, полетели они...

— Наверное, кто-то случайно нажал авто-старт, — вставил профессор Фонтанелли.

— Так минуты две летели они, а потом вдруг упали. И разбились...

— Вертолет на земле взорвался или в воздухе?

— Чего-чего? — не поняла Лула.

— А ну вас! — махнула рукой Аманда. — Ваше счастье, что вы не послушали Алвари и на земле остались.

— Вот он, последний вертолет, сотый, — печально отметил Фонтанелли. — Если бы он был цел, мы, наверное, как-то улетели бы из Зачарованного Города. А теперь... Благодарите своего Алвари, гномы: он сам погиб и нашу надежду с собой унес.

— Чтоб демоны Нергала десять тысяч лет глодали его косточки! — зло проговорил Воло. — И того мало будет... А ты что же, большой дед, не можешь починить эту птицу?

— Не могу, — сухо ответил док. — Конец ей пришел, этой птице. Но я попробую придумать что-нибудь другое. Проведу ревизию лаборатории Тезиаса, может быть, найду что-нибудь...

Гномы с надеждой посмотрели на него. Воло подошел к нему и степенно поклонился.

— Спасибо тебе, большой дед, да не оставит Пресветлый Митра тебя своей милостью! Хоть ты и мертвяк, а душа у тебя добрая и башка варит. Можешь рассчитывать на нас, — Воло обвел руками остальных. — Гляди: Лакери, Вузери, Алли, Бора. Лучшие гномы!

— Уж точно лучшие, раз не полезли за Алвари в вертолет! — двусмысленно рассмеялась Аманда Линн.

— А мы для вас пищу готовить будем! — воскликнули Лула и Салла.

— Значит, мир?

— Мир! — хором вскричали семь гномов, а старик Воло добавил:

— Веди нас, победительница Великой Души!

— Идиллия, — прослезился седовласый профессор. — Вот бы чуток раньше вы за ум взялись, совсем бы хорошо было...

— Ладно, док, оставь, нечего жевать одно и то же. Но помните, ребята: если победим — то только вместе! Лады?

— Лады, лады, лады, лады, большая женщина, ве-ди, ве-ди, ве-ди, ве-ди, — вдруг повеселевшие гномы пустились в пляс вокруг предводительницы, и Фонтанелли пробормотал:

— Ну прямо Белоснежка и семь гномов...

— Давайте вытащим Ваших, — предложила Аманда.

С помощью гномов она стала извлекать маленькие тела из-под обломков вертолета. Лула и Салла заголосили вновь. Всего было извлечено шестнадцать гномьих трупов. Среди них был и труп Алвари. Борода гномьего вожака полностью обгорела, на лице застыла предсмертная гримаса. А на крохотном пальце — на пальце гнома невредимо болтался здоровенный черный перстень!

Издав воглас ликования, Аманда схватила его и нажала черное веко. Веко перстня ушло в сторону, обнажив снежно-белую жемчужину, огромную, блистающую чистым солнечным светом.

— Амулет Небесного Народа, — благоговейно прошептал Воло.

— Великий Светоч Истины, — с придыханием произнесла Лула.

— Огонь Солнечного Митры горит в Нем, — молвил Вузери.

— И разгоняет прочь нечистые чары, — добавил Али.

— Ясность ума дарует Он, — отметил Бора.

— И потому так страшатся Его могучие волшебники, — объяснил Лакери.

— Даже карлик Тезиас боялся Его, — напомнила Салла.

— Следовательно, это очень полезная штука, — заключила Аманда Линн, надевая перстень с амулетом Небесного Народа на средний палец своей левой руки. — Хорошо хоть Джейку она не досталась.

Профессор Фонтанелли, единственный из всех, недоверчиво хмыкнул. Ученый из Будущего не верил в чудодейственные возможности белой жемчужины. Но, заметив направленные на него осуждающие взгляды гномов и, что гораздо важнее, самой Аманды, поспешил добавить:

— Я надеюсь, этот амулет поможет нам выбраться из города.

— Точно! — восхищенно воскликнул Лаке-ри. — Давайте это проверим!

Аманда кивнула.

— Пошли.

Окрыленная вспыхнувшей надеждой, процессия из двух человек и семи гномов проследовала мимо гигантских бесчисленно-многоугольных «зданий», лежащих на клубящейся фиолетовым дымом почве, мимо причудливых движущихся фигур, составлявших архитектуру Зачарованного Города. Никто из людей и гномов не оглянулся на величественную громаду Стержня, пронзающего купол небес. Так подошли они к границе Зачарованного Города. Всего в двух шагах от них высились могучие сосны девственного бора, а вдали были видны Горы Серых Обезьян. Радостная Салла бросилась вперед, торопясь поскорее выбраться из гнетущей тишины Города в манящую многоголосицу леса. рукой достать, она вдруг натолкнулась на незримую преграду. Салла больно ударилась,

взвизгнула отлетела на пять гномьих шагов и заплакала.

— Стойте, — сказала Аманда.

Подойдя к границе, она протянула правую руку — и тотчас отдернула ее.

— Защитное поле? — помрачнев, спросил Фонтанелли.

Она согласно кивнула и протянула вперед левую руку. Светоч Истины уперся в защитное поле Города, и опять Аманде пришлось отдернуть руку, ибо ее как будто током ударило. Она тоже помрачнела. Невзирая на боль, она снова и снова касалась амулетом Небесного Народа незримой преграды. С тем же результатом. Гномы угрюмо стояли рядом. Наконец, обессиленная, Аманда села на фиолетовую землю.

— А ведь кажется: руку протяни — и сорвешь ветку, — тоскливо прошептала она. — Как же это несправедливо!..

— Светоч Истины не открыл дорогу из Города, — пронеслось среди гномов.

Витиевато выругавшись, воительницахватила из-за пояса лазерный бластер и направила луч в невидимое защитное поле. Однако малиновый луч смерти не сжег стволы могучих дрсвьев. И он не смог проникнуть сквозь незримую преграду. Луч бластера, не дойдя до ближайшей сосны каких-то трех сантиметров, обрывался в пространстве, исчезая неведомо где.

— Проклятье! — пробормотала Аманда.

— Ничего удивительного, — сказал профессор. — Защитное поле поглощает энергию. И оно очень мощное, это поле. Я думаю, даже если бы мы взорвали здесь атомную бомбу, оно устояло бы. Поле просто впитало бы в себя энергию взрыва, *поглощило бы ее.*

— Что же нам делать, док? Как выбраться из проклятого города?

— Есть два пути, — нервно терсбя бороду, проговорил Фонтанелли. — Во-первых, мы можем улететь отсюда по воздуху. По-видимому, на большой высоте защитное поле отсутствует.

— Но ведь сюда никогда не залетают птицы! — воскликнул Лакери. — Даже жучков и мошек — и тех нет!

— И тем не менее Джейк и его люди как-то покинули Зачарованный Город, — возразил профессор. — Мы должны построить летательный аппарат.

— Это долго, — покачала головой Аманда. — Сколько ты строил «Черного коршуна», док? И потом еще неизвестно, найдешь ли ты здесь материалы для такого аппарата. А топливо? Как твоя машина будет летать, а? Ты ведь не можешь, как Тезиас, пользоваться энергетическим полем Стержня.

— Не могу. Поэтому мы можем попробовать его разрушить. Это и есть второй путь.

Взоры всех сразу обратились к Стержню. Бесконечная исполинская колонна казалась несокрушимой. В сравнении с ней люди и гномы одинаково чувствовали себя даже не муравьями — мошками...

— Ну это вряд ли у нас получится, — сумрачно процедил Воло.

— Во всяком случае, я должен попытаться. Ведь именно Стержень является истинным сердцем Зачарованного Города. Готов спорить на что угодно, защитное поле тоже он держит. Разрушим Стержень — и Город перестанет существовать.

— В этом что-то есть, — подумав, ответила Аманда.

— И еще... — добавил док. — Стержень питает энергией все вертолеты, на которых улетели Джейк и остальные. Более того, сами эти вертолеты, кроме одного, первого, сотворены энергией Стержня. И вертолеты, и оружие, и одежда — да все! Уничтожим Стержень — и непобедимая армада Джейка Митчелла просто перестанет существовать!

Аманда Линн вскочила с земли и расцеловала старика. Она даже не заметила, как холодна его кожа.

— Молодчина, док! Голова! Да ради того, чтобы расквитаться с Джейком, я готова землю носом рыть!

Она погрозила исполинскому Стержню сжатым кулаком.

— Возвращаемся во дворец, ребята! — приказала она понурым гномам. — Эй, вы, нечего киснуть! Мы еще покажем им всем!

— Нам бы только на волю выбраться, а там уж вы сами меж собой разбирайтесь, — мрачно проговорил Воло, лишний раз подтвердив этими словами старую истину, что гном может думать только о гноме и ни о ком другом.

— Выберемся, обязательно выберемся, — сказала Аманда и, желая перевести разговор на другую тему, спросила: — Салла, на сколько хватит нам воды и еды?

— Вода есть. Ее много. А еды мало. Однако, учитывая, что у нас всего девять ртов...

— У вас восемь ртов, — отведя глаза, поправил кухарку Фонтанелли.

— Да-да, — зарделась Салла. — Ну вот, восьми рта́м на месяц должно хватить, особенно если экономить.

— Значит, предельный срок — полтора месяца, — тотчас сориентировалась воительни-

ца. — Понял, док? За полтора месяца мы должны что-нибудь придумать.

— Раз надо, придумаем, — вздохнул профессор.

Пленники Зачарованного Города, не прощаясь с таким близким и таким далеким лесом, а всего лишь говоря ему «до свидания», отправились обратно во дворец Великой Души, где отныне суждено им было жить. И несокрушимая громада Стержня по-прежнему нависала над дерзкими.

Глава четвертая

ПРЕЛЮДИЯ КРОВАВОГО ПОХОДА

Мертвящая тишина зависла в небольшом мрачном чертоге. Отпевание завершилось; жрецы в просторных черных хитонах удалились, два безмолвных стражника, точно статуи, неподвижно застыли у входа в камеру. Низкий потолок, украшенный странными нечеловеческими фресками, зловеще нависал над собравшимися. Голые каменные стены, черные, как сам первородный Мрак, сдавливали дыхание, и оттого сумрачный чертог казался еще меньше, чем он был на самом деле. Магические огни, плавающие в замкнутом пространстве, бросали неровные багровые отсветы на скорбные лица людей.

Но лишь один человек скорбел искренне. Король Стигии Ктесфон на коленях стоял у прекрасного нефритового саркофага, занимавшего центр мрачной камеры. Королевская дочь Рамина лежала в нем. Искусство мумифицирования, достигшее в древней Стигии необычайных высот, вернуло двадцатичетырехлетней наследной принцессе ту строгую и гордую кра-

соту, которой славилась она. Ктесфон вглядывался в прекрасное лицо мертвой принцессы, но перед глазами его неумолимо вставала другая картина: его Рамина, любимая дочь, корчится в ужасной агонии на окровавленном ложе; глаза выколоты, язык вырван, уши отрезаны, груди сожжены, и все ее молодое, еще совсем недавно полное жизни тело изувечено так, как будто это не королевский дворец Луксура, а подземные пыточные застенки Великой Пирамиды Кемпи... Рамина в муках умерла у него на руках, и у отца даже не хватило духу единственным взмахом стилета облегчить ее страдания.

Король не плакал. С тех пор как старшая сестра, создание и символ Вечного Кошмара, восстала из когорты призраков, к которым он ее причислял двадцать с лишним долгих лет, Ктесфон знал, что в часах его жизни сыплются последние песчинки. Он старался принять поражение с истинно королевским достоинством и стоицизмом мудрого человека. Воспитанный на древнем тайном знании, Ктесфон понимал: в великой книге мировой истории черные и белые страницы сменяют друг друга. И даже если считать прошедшие четверть века его царствования белой страницей истории, очевидно, возвращение Тхутмертари означает, что страница эта вскоре будет закрыта и на древней стигийской земле начнется очередная эпоха крови, страха и смерти... Разумом Ктесфон готов был принять неизбежность. Наверное, так оно и должно было случиться, в философском плане. Кончается Царство Человека, и возрождается Империя Змеи, а История Мира продолжает свой неостановимый бег. Что же тут удивительного? «Змеи, а не люди суть ко-

ренные жители этой страны», — сказала ему сестра во время их ночной встречи несколько дней тому назад. Наверное, права она. И как наивны и глупы были люди! Люди думали: достаточно изгнать змей с глаз своих, и они исчезнут. Изгнав из Стигии змей, живших на земле, люди продолжали поклоняться Богу-Змею, обитающему в Преисподней. Что же удивительного в том, что этот Великий Змей однажды возжелал вновь населить берега полноводного Стикса своими истинными детьми? А исполнителем своей воли он избрал дочь короля стигийцев Ментуфера и безымянной женщины из змеиного народа...

Ктесфон понимал все это, и ему совсем не было страшно: когда мудрый человек встречается с неизбежным, страха нет в его сердце. Но вот он смотрел на мумию своей Рамины, и сквозь искусственно возрожденную красоту видел лишь кровь, кровь, кровь... И кровь эта, врываясь бурлящим и безумным потоком в душу его, разрушала в прах все доводы его рассудка, и мудрые философские мысли более не могли отвратить горе несчастного отца. Еще он чувствовал, что кровавый поток, кажущийся ему бурлящим и безумным, на самом деле всего лишь тонкий ручеек, струящийся из маленькой трещины в старой дамбе, и что очень скоро таких ручейков будет становиться все больше и больше; здесь будет и его, Ктесфона, ручеек, и сына его, Рамзеса, и брата Джоссера, и верховного жреца Тот-Амона, и всех, всех. Вот тогда эти ручейки сольются в неудержимый настоящий поток и старая дамба рухнет, а земля, где люди жили, станет красной от крови и черной от захватившего ее Древнего Зла... Не то чтобы Ктесфону было очень жалко

тех, кого с чудовищной неотвратимостью смост этот поток, — просто пятидесятипятiletний стигийский король отчего-то считал грядущую неизбежность глубоко несправедливой, и невыразимая горечь сознания этой несправедливости овладевала им.

С трудом оторвав взгляд от глубин саркофага, король посмотрел на окружавших его людей. Какие мысли владеют ими в этот момент? Ктесфон не был ни волшебником, ни ясновидящим, и искусство чтения мыслей было ему недоступно. Но в эту минуту ему вдруг показалось, что он видит и понимает мысли своих спутников, всех этих неизбежных жертв будущей исторической драмы.

Вот Рамзес, хилый и слабовольный сын сго, переминается с ноги на ногу, глазки его затравленно бегают. Наверное, кажется ему, что из мрака подземелья вот-вот выползет ужасное чудовище и схватит его, такого маленького и такого беззащитного. Мысли его мечутся, и в их хаосе животный страх соседствует с ощущением близости королевской власти, — ибо со смертью сестры именно он, Рамзес, двадцати двух лет от роду, был объявлен наследным принцем Стигии. Несчастный, он всерьез рассчитывает стать королем! А может быть, счастливый он, ибо не ведает о своей страшной судьбе.

Вот Тот-Амон, владыка Черного Круга, когда-то могучий и властный гигант с хищным ястребиным лицом, великий волшебник, попирающий своими ногами землю уже не одну сотню лет. А теперь — человек-полутруп, с землистым отекившим лицом, огромными мешками под глазами и дрожащими руками. Ибо страх всецело завладел им. Тот-Амон, владыка жре-

цов и чародеев, испытывает смертельный ужас. Если что и есть отрадное для Ктесфона в нынешнем безумии, то только это. Наместник Сета на Земле, познавший самые глубины тайного знания, мудрый наставник пяти королей, не может смириться с неизбежным. Он ведь тоже все понимает, хотя стыдится признаться. Кровавые ручейки пробивают трещины в старой дамбе, и он мечется между ними, пытаясь как-то подлатать свою разваливающуюся империю... А ведь первую трещину сам пробил. Какой могущественный демон помутил рассудок великого мага? Как повернулась рука выпустить Тхутмертари из зачарованной темницы?! Почему вообще он спас ее от секиры палача четверть века тому назад? Демон гордыни, судя по всему. Он всегда мнил себя выше и могущественнее всех, этот Тот-Амон. Как видно, и он — всего лишь исполнитель. Наверное, его поступки также predeterminedены свыше. Может быть, не безымянный демон, а сам Великий Сет проводит свою волю в мире людей его рукой, чтобы затем выбросить за ненадобностью исполнившего все повеления раба... Так или иначе, Тот-Амон, выпустивший на волю Живой Ужас, отныне — смертельный враг короля. Ктесфон сам убил бы его, но, подумав, решил, что жрец-предатель не заслуживает человеческой смерти. Тхутмертари права: пусть Тот-Амон достанется ей, и поистине тогда судьбе его никто не позавидует!..

А вот еще один персонаж грядущей трагедии. Принц Джосер, младший брат монарха. Лицо скорбное, почти как у короля. Но в душе нет скорби. А что есть — понять невозможно... Мысли тщательно запряваны, сокрыты даже от ясновидящего взора. Такое впечатление, что он

не думает вовсе. Ктесфон всегда был далек от своего брата и теперь с удивлением признался сам себе, что совсем не знает Джосера. Что он за человек? Есть ли у него цель в жизни? Каково истинное, а не официальное отношение к королю младшего брата? Наконец, понимает ли Джосер, что происходит? Ничего прочесть нельзя ни в душе, ни на лице, кроме неестественно застывшей скорби. И странный металлический блеск в глазах — что он означает? Несмотря на свою удивительную внешнюю схожесть с их покойным отцом Ментуфером, странный, безмерно чужой человек. Даже Тот-Амон ближе, ибо понятнее. Когда отец погиб и Ктесфон вступил на Трон из Слоновой Кости, Джосеру было пятнадцать лет. Известно, принц много путешествовал, но никогда о своих приключениях не рассказывал — да король и не интересовался.

Заинтересовался теперь. Каких знаний и умений поднабрался принц-воин в своих неведомых странствиях? Во зло или во благо жаждет употребить он их? И жаждет ли? И есть ли эти умения? Родной брат, человек-загадка... Наверное, у Ктесфона уже не будет времени ее разгадывать.

— Не пора ли вернуться во дворец, отец мой? — неуверенно произнес Рамзес и тут же, испугавшись собственной смелости, скороговоркой прошептал: — Простите меня, сир, я так испереживался!..

Вот тут он не врет, поневоле усмехнулся Ктесфон. Испереживался! Если бы ничтожный сын его и вправду мог стать королем, в пору было бы огорчаться. В отличие от Рамины, изнеженной умницы, натуры дерзкой и своенравной, Рамзес отличался собачьей преданностью

наставнику Тот-Амону. При Ктесфоне верховный жрец Сета фактически стоял выше короля Стигии. Рамина не раз заявляла, что, когда она взойдет на трон, такому порядку придет конец. Она не любила Тот-Амона, и он отвечал наследной принцессе взаимностью. И если бы не исключительная — змеиная — жестокость, с которой было совершено убийство, Ктесфон, наверное, отнес бы его на совесть Тот-Амона. Колдун вполне мог умертвить ненавистную наследницу, однако сделал бы это тайно, посредством яда, сглаза или своих нечестивых чар, а не так вызывающе жестоко и дерзко, как это привыкла делать Тхутмертари. И потом, он слишком напуган угрозой собственной жизни здесь и сейчас, чтобы думать о сохранении своей власти когда-то после Ктесфона. Как видно, Тот-Амон даже не радуется гибели Рамины, ибо понимает: следующим в списке жертв Тхутмертари может стать он сам...

Коротко кивнув сыну, король безмолвно поднялся с колен и, не глядя ни на кого, вышел из чертога. Рамзес, дождавшись, пока за королем соблаговолит проследовать Святейший Тот-Амон, поспешил за ним следом. И никто из них не ведал, что, помимо плавающих магических огней, в сумрачной камере незримо присутствует взгляд блистающих ясно-синих глаз — взгляд пронзительный, внимательный и нечеловечески жестокий...

— *Не уходи, Джосер. Останься.*

Принц вздрогнул. Он мог поклясться, что этот приятный ласковый голос, голос его великой сестры, звучит у него в голове. Еще немного, и он переступил бы порог, а за ним мрачный чертог покинули бы безмолвные стражники. Услышав глас, Джосер тотчас оста-

новился; ответная мысль помимо воли ушла в ментальный эфир:

— *Ты ли это, о Великая? Я слышу тебя? Где ты?*

— Брось свою свечу на пол, брат, — был ему ответ.

Джосер повиновался; тонкая черная свечка с едва тлевшим огоньком коснулась черного мрамора. Тут же огонь ее взъярился чистым золотистым пламенем, и Джосеру потребовалась вся его выдержка, чтобы не отшатнуться. В пламени возникла Тхутмертари, а затем огонь исчез, и прекрасная волшебница шагнула к брату. Он согнулся в глубоком поклоне, машинально отметив про себя, что она вновь решила не обременять одеждой свое роскошное, точно выточенное из цельного золотого самородка тело. Лишь зловещая диадема — золотая змея, обвивающая кольцами огромную черную жемчужину, — по-прежнему сверкала в ее пышных развевающихся волосах. Когда он распрямил спину, Тхутмертари уже стояла лицом к саркофагу. Стражники никак не отреагировали на ее появление. Не обращая ни на нее, ни на Джосера никакого внимания, они смотрели прямо перед собой, и взгляд их был лишен всякого смысла. Решив, что так оно, наверное, и должно быть, принц открыл рот, чтобы поприветствовать сестру, но Тхутмертари опередила его:

— Лежишь, моя милая Рамина? — глумливо протянула она, а затем повернулась к Джосеру. — А знаешь, брат, ты напрасно старался.

— То есть?

— Ребенок ее нерожденный мне не пригодился. Я обошлась и без него.

— Мне очень жаль, — сказал принц, не понимая, к чему она клонит.

— Ну, не расстраивайся, я ценю твои старания. — Она ласково погладила рукой по его мускулистой груди. — Хочешь посмотреть, как наша милая Рамина выглядит на самом деле? Без этого безвкусного макияжа?

— Да я уже видел, — молвил Джосер, не испытывая ни малейшего желания вновь лицезреть творение своих рук.

Тхутмертари беззвучно расхохоталась.

— Нет, мой дорогой, раз уж ты связался со мной, будь любезен, привыкай к подобным зрелищам!

Она сделала несколько быстрых пассивов над саркофагом, и спустя некоторое время мумия Рамины вновь обратилась в мертвое человеческое тело, изувеченное и окровавленное. Оглядев труп взглядом знатока, волшебница одобрительно хмыкнула.

— Хвалю, Джосер, хвалю... Очень даже неплохо, особенно для начала! Где ты этому научился?

— В джунглях Кхитая я попал в плен к народу туань ху. Их главный шаман был большим мастером по части пыток. Он пытал меня, но затем его отвлекли, и в это время я, используя искусство снятия пут, развитое в Камбуе, сумел освободиться. Я бежал, и вскоре мне удалось похитить шамана и дочь вождя племени. Я принудил его показать на ней свое искусство. Три дня он учил меня. А когда она скончалась, я закрепил науку на нем самом. Он выдержал всего час и умер не как мужчина... Еще я практиковался в Меру, Кусане и в царствах гирканских степняков, но их пыточ-

ное искусство много уступало искусству народа туань ху.

— И все же то были люди, следовательно, им не могут быть ведомы глубины мастерства, — надменно изрекла Тхутмертари. — Вот смотри. Ты сделал три надреза на животе: здесь, здесь и здесь. — Она указала на соответствующие места трупа. — Я вижу, ты пользовался зазубренным жильбарским ножом. Однако если бы ты взял шипастую метательную звезду народа джапаото-мо — народ этот живет на островах северо-восточнее Кхитая — и предварительно смазал бы ее соком травы юлук — трава эта произрастает в горных лесах Зембабве, — а затем провел бы этой шипастой звездой вот здесь, здесь, здесь и здесь, а также здесь, то у тебя получилась бы настоящая Пентаграмма Боли. А это значит, что твоя жертва испытала бы настолько жгучую и нестерпимую боль, что просто не могла бы кричать. Страдала бы ее душа, а не только тело, и это куда интереснее. Ты меня понимаешь?

Джосер внимательно слушал ее объяснения, нечеловеческим усилием воли прогоняя прочь тошнотворные ощущения. «Я должен, должен, должен», — заклинал он сам себя, и заклинания эти приносили плоды. Ему даже удалось улыбнуться в ответ на вопрос сестры и твердым голосом проговорить:

— Мое искусство против твоего — что умение дикаря каменотеса против знаний виртуоза ювелира.

— Ничего, позже я дам тебе еще несколько уроков, — пообещала она ему, и он поспешил выразить ей благодарность за науку.

Затем Тхутмертари простерла свои точеные руки над окровавленным трупом и на древнем

змеином языке прочитала тайные заклинания, относящиеся к сферам высшей некромантии. Труп неожиданно вздрогнул; двинулись руки, цепляясь за стенки саркофага, и вот уже мертвая Рамина выбралась из него и попыталась встать перед волшебницей. Однако что-то помешало ей сделать это, и труп наследной принцессы неуклюже повалился набок. Тхутмертари выругалась.

— Клянусь щупальцами Сета, Джосер, какая нужда была ломать ей стопу?!

Принц побледнел.

— Прости меня, о Великая, я так старался!

— Ты перестарался, — прошипела она. — Запомни раз и навсегда: если хочешь, чтобы мертвые служили тебе, никогда не уродуй конечности! Для опытов есть внутренние органы.

— Я запомню, о Великая, — сказал Джосер. — Но ведь я не знал, что у тебя другие виды на Рамину. Я думал, тебе нужно только, чтобы я изувечил ее и доставил тебе нерожденного ребенка...

— Ты не должен думать, ничтожный человек! Благодарю судьбу, что я вообще достаиваю тебя своим вниманием! И знай свое место!

Левая рука волшебницы странно изогнулась, и потрясенный Джосер увидел вместо человеческой кисти... ощеренную морду ядовитого аспида! Не сдержав ужаса, он отпрянул. Тхутмертари презрительно осклабилась и обратила аспида обратно в свою человеческую руку. По всей вероятности, она просто решила попугать брата.

— Труслив ты, Джосер, — брезгливо протянула она. — Запомни еще: я не терплю трусов. И не позволю им находиться рядом с собой! Ты понял?!

— Я понял, о Великая. Как я могу исправить свою вину?

— Никак. — Волшебница пожала плечами. — Знаешь ли ты, когда саркофаг с Раминой должны отправить в Кеми?

— Завтра, о Великая. Сегодня еще траур.

— Что ж, так не будем откладывать на завтра! Хотела я, чтобы моя прелестная племянница дошла до Зала Мертвых на своих ногах, но ты мне все испортил. — Безжалостный смех волшебницы разнесся в маленьком чертоге. — Придется ей ковылять на всех четырех, точно пустынной гиене!

Тхутмертари произнесла еще несколько заклинаний. Труп снова поднялся и встал на четвереньки. Голова с пустыми глазницами смотрела на истязательницу. Покровительственно вытянув вперед правую руку, золотоволосая красавица приказала:

— Отправляйся в Кеми, моя милая Рамина. Там, в Великой Пирамиде, в Зале Мертвых, среди царей, жрецов и принцев минувших времен, ты найдешь свое последнее упокоение. Я отпускаю тебя. Пусть никто и ничто не остановит твой путь, и пусть ничья магия не разрушит мое заклятие. Я дарую крепость стали твоим суставам и гибкость змеи телу твоему. Ступай!

Труп Рамины покорно кивнул; жутко переставляя ноги, ставшие задними лапами, и руки, ставшие лапами передними, заковылял он прочь. Проследовав мимо ничего не видящих стражников, труп скрылся в темном проходе. Джосер проводил его безразличным взглядом. В горле принца пересохло, однако он счел нужным сказать:

— Воистину во всем мире не сыскать чародея могущественнее тебя, сестра Тхутмертари.

— Это так, — согласилась она. — Но то, что ты видел, — всего лишь частное проявление моей силы. Многие маги могут оживить труп и заставить его идти сотни миль. Моя сила куда больше и значительнее. Очень скоро ты узришь ее в действии.

— С нетерпением жду этого мига, — с обожанием глядя на сестру, молвил Джосер.

— Завтра в полночь я помолюсь Отцу Сету в заброшенном храме Майат, что стоит посреди пустыни в десяти милях южнее Луксура. А затем... — Торжествующая улыбка зазмеилась по ее алым губам.

— Я хочу помолиться с тобой, сестра! — пылко воскликнул Джосер. — Я приду туда.

— Нет, мой дорогой, — усмехнулась волшебница. — Я приберегу твой пыл кое для чего иного!

— Как скажешь, — пожал плечами принц. Он уже полностью владел собой и в душе ругал себя последними словами за проявленную слабость. Подумать только: *такое замыслил и вдруг распустил нюни при виде простейших черно-книжных опытов!*

— До встречи, Джосер. Я дам тебе знать, когда ты мне снова понадобишься.

Брат еще раз низко склонился перед сестрой, а когда он поднял голову, ее в чертоге уже не было. Пришедшие в себя стражники хлопали глазами, недоуменно пялясь на пустой саркофаг.

— Где? — с ужасом промычал лейтенант королевской стражи.

— Вот это я и хочу у вас спросить, — злое проговорил Джосер, обнажая для острастки

длинный и тяжелый меч. — Полчаса назад я покинул этот чертог вместе с королем, а теперь вернулся, чтобы еще раз попрощаться с моей любимой племянницей, столь безвременно ушедшей от нас... — В глазах принца появились слезы, он смахнул их и прежним, таящим угрозу голосом продолжал: — И что же я увидел? Пустой саркофаг! — театрально указал он. — Признавайтесь, несчастные, где принцесса Рамина, или вам придется отвечать на вопросы Святейшего Тот-Амона!

Стражники упали ему в ноги и облобызали сандалии.

— Пощадите, Ваше Высочество! Мы не знаем, как это случилось...

С презрением глядя на пресмыкающихся перед ним воинов, принц Джосер подумал: трусы. Трусам не место рядом с королевой Тхутмертари. Так почему же они должны быть подле *короля Джосера*? И принц воздел тяжелый меч.

Нужно успокоиться, снова и снова говорил себе Тот-Амон. А как успокоишься, когда огненное кольцо смерти неумолимо сжимается вокруг тебя и все твои титанические усилия разорвать его проходят впустую? Вот это-то по-настоящему страшно! Самый сильный человек Стигии ощущал свое полное бессилие, и не было для него большего унижения. Тот-Амон не мог понять, *как и почему* все его попытки найти и уничтожить Тхутмертари заканчиваются безрезультатно. Он был слишком опытным волшебником, чтобы всерьез полагать, будто простые *случайности* неизменно помогают Тхутмертари ускользать от тысяч зримых и не-

зримых ищеек верховного жреца, пущенных по ее следу. Нет, это не случайности! Мятажная принцесса не только ускользает из его длинных рук и паучьих сетей, расставленных по Миру, но и, похоже, сама ведет за ним охоту, играет с величайшим магом Стигии, как кошка с пойманной мышкой. Каждый ее шаг — уже даже не вызов владыке Черного Круга, а безжалостное напоминание о страшной участи, которая ждет его. Ведь она много раз могла убить Тот-Амона, как убила Рамину в самом сердце королевского дворца. Однако ж не убивает, видимо, желая насладиться его страхом.

Как удастся одной женщине одерживать верх над всей тысячелетней машиной стигийского жречества, покорной воле Тот-Амона? Или, может быть, — шевельнулась в его мозгу крамольная мысль, — никакой машины уже нет? Может быть, внутри развалилось все, и лишь подкрашенный фасад доступен его взору? А может, наоборот, ничего не развалилось, может, тысячелетняя империя магов просто вышла из-под контроля Тот-Амона и всего-навсего пребывает в ожидании нового властелина? Или властительницы, как это ни невероятно... Может быть, он более не верховный жрец? Может быть, Владыка Сет оставил его своей божественной милостью? Может быть, милость Его пребывает с Тхутмертари, *иначе как ей все это удается?*

Страшно, воистину страшно. Неужели конец? Конец империи Тот-Амона, конец безраздельной власти над подданными короля и им самим, конец жизни, измеренной столетиями? Неужели все скоро закончится? И неужели все закончится именно так — а как именно, даже ему, познавшему самые глубины Зла и пресы-

щенному темными тавматургическими обрядами, и представить невозможно! Пугающая неизвестность закончится Кошмаром — вот все, что он мог знать о своей судьбе. Ибо он всего лишь человек, а человек не может знать, какие черные мысли рождает разум змеи...

Открылась дверь, и почтительный голос вошедшего слуги оторвал Тот-Амона от этих дум.

— Святейший, принц Джосер просит принять его.

— Передай Его Высочеству, что я отдыхаю, — молвил Тот-Амон.

— Не сказал бы, что ты отдыхаешь, Святейший, — раздался грубый баритон Джосера, и могучий принц, оттолкнув слугу, бесцеремонно вступил в опочивальню верховного жреца. — Ты болен, тебе нужна помощь, вот что я тебе скажу.

Тот-Амон привстал на подушках, густые черные брови гневно сдвинулись, и он негромко произнес:

— Ты забываешься, принц.

Джосер, игнорируя угрозу, содержащуюся в словах мага, вытолкал слугу из опочивальни и быстрыми решительными шагами стал ходить по комнате. Слова полились из его уст неудержимым потоком.

— Удивляюсь твоему спокойствию, Святейший! — с чувством плохо скрытого негодования возгласил принц. — Чего мы ждем? Мы ждем, когда тварь перережет нас всех, как несчастную Рамину? Неужели нам нечем ответить на ее вызов? Она без спросу является во дворец, творит злодеяния, и даже после смерти своей люди все еще в ее власти! Труп наследной принцессы шествует по королевскому Луксуру на четвереньках — слыханное ли дело,

а? Что ты на это ответишь, Святейший? Как ты можешь такое терпеть?!

Тот-Амон, побагровевший от гнева и унижения, вскочил со своего дивана. Змеиный перстень, символ власти над Черным Кругом, — Кольцо Сета — он нацелил на грудь дерзкого принца.

— Да как ты смеешь! — прогремел Тот-Амон. Ростом и статью владыка магов почти не уступал Джосеру. — Иль не знаешь ты, что я могу испепелить тебя одним коротким заклинанием и ранг твой не спасет тебя от гнева Вечного Отца?

— Оставь свои угрозы для Тхутмертари, Святейший! — в тон ему ответил Джосер. — Еще немного, и их перестанут бояться не то что принцы Стигии, а жалкие рабы из Шема, годные лишь, чтобы слизывать пыль с наших сандалий!.. Не гневись, я пришел не упрекать тебя, — примирительно сказал он. — Прости, если я был излишне дерзок. Трудно хранить спокойствие, когда злобная тварь разгуливает по Луксуру и безнаказанно творит свои бесчинства. Я пришел искать совет у твоей мудрости, — Джосер поклонился Тот-Амону. — Что делать нам, дабы избежать бесчестия и покончить наконец с Тхутмертари?

— Я делаю все, что в моих силах, — сдержанно молвил верховный жрец. Он чувствовал глубокое отвращение от необходимости давать объяснения этому ничтожному принцу.

— Могу ли я чем-то помочь тебе? — спросил Джосер, и Тот-Амон вновь подивился его дерзости: еще недолго назад этот человечиска, все достоинства которого заключены исключительно в титуле принца, не осмеливался первым заговорить с могущественным правителем

Стигии, а теперь он осмеливается предлагать помощь! Ему!

— Молись, и тем поможешь ты нашему делу, — с трудом подавляя ярость, проговорил Тот-Амон.

— Я молюсь, отец мой, — смиренно сказал Джосер, — но, как видно, Владыка Сет ждет активных действий от каждого из нас. Несправедливо, когда ты, Святейший, днями и ночами ведешь со злодейкой незримую войну в высших сферах астрального эфира, а мы, ничтожные, праздно проводим дни в пирах и увеселениях, в то время как великая опасность грозит нашей благословенной империи и лишь ты один стоишь на страже ее!

«Где он только поднабрался ученых слов, этот грубый, неотесанный мужлан», — промелькнуло в голове Тот-Амона. Так ли он прост, каким всегда воспринимали его?

— Выражайся яснее, благородный Джосер. У тебя есть что-то предложить мне? Если нет, оставь меня.

— Выслушай меня, Святейший, — волнуясь, проговорил принц. — Тебе известно, что я воевал в разных землях. Позволь мне применить свое умение в родной стране, дабы очистить ее от скверны! В мой дружине два десятка человек, и, поверь, это лучшие воины, каких я только смог отыскать в мире, простирающемся от ледяных скал Ванахейма до ядовитого моря Му! Я доверяю им, как самому себе. Сегодня же, да будет на то твоя воля, я поведу их на поиски Тхутмертари!

— Чего ж ты хочешь от меня? — озадаченно произнес Тот-Амон. Слова принца явились для него полной неожиданностью.

— Благословения, Святейший. Не дело от-

правляться на смертельную охоту без отпущения грехов и святого благословения наместника божьего. Благослови меня, великий Тот-Амон, и я принесу тебе голову злодейки, или ты более никогда не увидишь меня живым! — страстно воскликнул принц.

И все-таки он дурак, с немалым облегчением подумал Тот-Амон.

— Приблизься ко мне, сын мой.

Джосер приблизился и пал на колени, губы его отыскиали руку жреца и поцеловали змеиный перстень.

— Властью, данной мне Отцом нашим Сетом, Богом Богов, Владыкой Тьмы, Змеем Вечной Ночи, Небесным Повелителем Стигии, да продлится бесконечно власть Его надо всем Миром, отпускаю тебе все грехи, какие совершил ты пред ликом Его, — произнес Тот-Амон ритуальную фразу. — Благословляю тебя на задуманное тобой, и да свершится оно к вящей славе Его! Да будет так!.. А теперь встань с колен, благородный Джосер. Удовлетворен ли ты?

— О да! — преданно глядя на жреца, молвил тот. — Я чувствую себя осененным божественной благодатью. Словно новые силы влил ты в меня, Святейший! Смерть моему телу и вечную муку душе пообещай мне, если я обману тебя!

Не только дурак, но и фанатик, отметил владыка Черного Круга. Значит, не перевелись еще. Кто знает, может, такие фанатики и свершат то, что оказалось не под силу погрязшим в интригах и эгоизме жрецам? Во всяком случае, ничто не мешает использовать и эту возможность, какой бы призрачной она теперь ни мнилась.

— Я не буду обещать тебе смерть и муку, благородный принц, — внутренне усмехнув-

шись, сказал Тот-Амон. — Я пообещаю тебе другое. Видишь ли, безвременная кончина принцессы Рамины остро поставила вопрос о наследовании нашего престола. Не секрет, что сын короля Рамзес не обладает качествами истинного монарха. Поставь себя рядом с ним, и ты сам увидишь, сколь велика разница между вами. Думаю, будет справедливо, если ты взойдешь на престол вслед за своим старшим братом.

Джосер глядел на верховного жреца, открыв рот. Понятно, ты ошеломлен столь далеко идущим предложением, подумал Тот-Амон. В твоём примитивном мозгу такая простая идея, как завладеть престолом брата, даже не ночевала. Но ничего, как видишь, я сам подсказал ее тебе.

— Наследным принцем объявлен Рамзес, — невнятно пролепетал Джосер. — Как же я могу...

— О том не тревожься, — улыбнулся Тот-Амон. — Верховный жрец коронует того, кто более угоден Сету. А я считаю, что ты более угоден Сету, нежели Рамзес. Конечно, ты станешь таковым, только если принесешь мне голову Тхутмертари.

— О Святейший, я не мог о том и мечтать, — взволнованно проговорил Джосер. — Клянусь Сетом, я осуществлю задуманное!

Клянусь Сетом, я действительно осуществлю задуманное, мысленно отметил Джосер. Как-никак, я получил от тебя божественное благословение. Грех им не воспользоваться. Тем более что я, может быть, последний, получающий сго от тебя...

Взмахом руки верховный жрец отпустил принца. Оставшись наедине с самим собой, Тот-Амон внезапно осознал, как резко улуч-

шилось его настроение после визита Джосера. И он искренне пожелал, чтобы этому фанатику и дураку улыбнулась коварная Судьба. Если ему удастся уничтожить Тхутмертари, я сумею достойно вознаградить его, подумал маг. При мысли об этом тонкие губы жреца произвольно сложились в жестокий и хищный оскал.

— Я ничего не понимаю, сир, брат мой, — взволнованно говорил принц Джосер, меряя огромными шагами королевскую опочивальню. — Она надругалась над тобой, королем Стигии, истязала и убила твою любимую дочь, похитила твою нерожденную внучку, будущую наследницу престола. Наконец, она осквернила память нашей дорогой Рамины, совершив гнусное некромантическое действие над телом покойной. Что же еще нужно, чтобы заставить тебя действовать?

— Уйди, прошу тебя, Джосер, — глухо молвил Ктесфон. Полные муки глаза его отстраненно глядели в пол.

— Ну уж нет! — воскликнул принц. — Я растормошу тебя, братец!

— К чему все это? Бессмысленно противиться Судьбе.

— Ну уж нет! — повторил Джосер. — Это не Судьба!.. Да что с тобой, брат мой? Когда ты стал такой размазней?!

— Я смирился с неизбежным, только и всего, — вздохнул Ктесфон.

— Клянусь Сетом, легче разговаривать со стеной, чем с королем Стигии! Я вижу, тебя ничем не прошибешь!

— А что я должен делать, по-твоему? Объ-

явить ее вне закона? Послать против нее армию? К чему все это?..

— Ты прав, сир, армия здесь не поможет... А что ты скажешь, если за дело возьмусь я?

Ктесфон недоуменно посмотрел на брата. Наверное, он шутит. Если так, неудачное время выбрал он для шуток.

— Я не шучу, сир, — словно прочитав мысли короля, сказал Джосер. — Моя дружина готова выступить в любой момент. У моих воинов волчий нюх. Это лучшие охотники за людьми в мире. Я готов взяться за это дело.

Король печально покачал головой.

— Тем хуже, если ты не шутишь, брат. Ты на пятнадцать лет меня моложе и не знаешь, что есть Тхутмертари. Она не женщина, а злобный демон в облике женщины. Она змея, понимаешь, змея! Настоящая змея! Она суть Живой Ужас нашей страны, который я не добил двадцать пять лет тому назад... Отец наш, Ментуфер, дабы убажить Сета, переспал со змеей, и от той греховной связи родилась Тхутмертари...

— Да как можешь ты повторять эти бабьи сказки, сир!

— Это не сказки, а сущая правда. Тхутмертари отдалась демонам, и за это они щедро вознаградили ее черным знанием. Когда ты был еще ребенком, она уже лютовала по всему свету. Я помню это... А потом она умертвила мою жену и моего сына... моего первенца. Рамина родилась много лет спустя. Тхутмертари исковеркала мне всю жизнь, ты понимаешь, Джосер! — горестно вскричал король, затем глухо добавил: — Она убила всех, кто был дорог мне. И меня она убьет, ибо это неизбежно. Я готов к смерти и к посмертным мукам моей

души. Значит, так велит Владыка Сет, и не нам, ничтожным, противиться воле Его... Хочешь пойти навстречу смерти — иди. Я тебя не держу. И даже завидую тебе, ибо лучше принять смерть раньше, чем позже, и в бою, чем в пыточном застенке.

— Коли так, подпиши рескрипт, что я делаю это по твоему приказу, — сказал Джосер и протянул королю пергаментный лист.

Не говоря ни слова и не читая заранее подготовленный текст, Ктесфон взял перо, поставил свою подпись под рескриптом и собственноручно приложил государственную печать.

— Жди меня с головой Тхутмертари, сир, — ухмыльнулся Джосер.

Отвесив официальный поклон королю, он уверенным шагом покинул опочивальню. Ктесфон задумчиво глядел ему вслед.

Глава пятая

ДЖЕЙК ГРОМОВЕРЖЕЦ, КОРОЛЬ АКВИЛОНИИ

Джэйк упрямо гнал вертолет прочь от Тарантии. Стыдясь признаться себе в этом, здесь, в тесной кабине «Черного коршуна», он чувствовал себя гораздо свободнее и увереннее, чем в просторных палатах королевского дворца. Напряжение последних дней требовало выхода, и узурпатор, решительно отбросив все дела и послав подальше всех придворных, просто сел в свой вертолет и отправился куда глаза глядят.

Так летел он над прекрасной аквилонской землей, но тягостные мысли, словно надоедливые осы, роились в его голове. Еще два дня тому назад все казалось таким простым и

ясным! Самый сильный человек в мире — он. Его вертолетная армада — покруче клыкастых красноглазых тварей, обитающих в мсстных преисподних. Его отчаянные ребята, с ног до головы увешанные автоматическими винтовками, лазерными бластерами и гранатометами, — почти боги для вооруженных мечами и луками аборигенов. Так он считал, и события последних двух дней вовсе не поколебали его уверенности в этом. Произошло иное. Не нужно было обладать обостренными чувствами опытного рейнджера, чтобы понять: в центре захваченной аквилонской столицы захватчики являются не победителями, а осажденными. И вот-вот окажутся побежденными.

Действительно, власть узурпатора не простиралась далее крепостных стен Тарантии, фактически же она заканчивалась территорией самого королевского дворца. Джейк и его люди постоянно видели вокруг себя лишь два типа лиц — насмерть перепуганные и смертельно враждебные. А очень часто первые обращались во вторые, как только пришелсц проходил мимо. Захватчиков ненавидели все, даже те, кто добровольно пошел в услужение к ним. Да и добровольно ли? Джейк понимал: гордые аквилонцы склонились перед грубой силой, чужой и враждебной, но стоит этой силе хотя бы немного поколебаться, и бссчисленные массы униженных тарантийцев легко расправятся с горсткой завоевателей.

Как опытный военачальник, Джейк Митчелл хорошо понимал и даже одобрял тактику Конана. Варвар действовал грамотно стратегически и тактически. Конан не проиграл, а организованно отступил. Партизанский штаб свергнутого короля где-то действует — может

быть, под самым боком у узурпатора. Верные киммерийцу люди затаились и не тсряют времени даром. Единственного штурма Тарантии оказалось достаточно варвару, чтобы правильно оценить новую расстановку сил. Быстро осознав, что в открытом противостоянии его шансы против Джейка равны нулю, Конан принял на вооружение тактику изматывания противника. К сожалснию для пришельцев, их вожак понял это слишком поздно.

Потери, начало которым положила гибель четырех наемников во время дневного штурма города, продолжились ночью. Пока Джейк с соратниками праздновали завоевание столицы, нсизвестные напали на охрану «Черных коршунов». Если бы бездушная автоматика не подняла тревогу, последствия ночного нападения вообще могли оказаться катастрофическими. Каким-то образом местным диверсантам удалось просочиться сквозь посты дворцовой гвардии. Не заметили их и патрулирующие город вертолеты.

Результаты нападения таковы: лейтенант Эд Милкинсон, один из лучших головорезов в отряде, убит, еще трос наемников, дежуривших у вертолетов, тяжело ранены, и если бы не бронжилеты, быть мертвецами и им. Нападавшие пытались также повредить машины, однако с первого раза у них ничего не получилось, напротив, сработала сигнализация. Туземная охрана испугалась воя сирен не меньше, чем сами диверсанты. Когда полупьяный Джейк явился к месту нападения, он застал побоище. Семеро нападавших были убиты, а скольким удалось улизнуть, никто сказать не мог — «языков» взять не удалось. В гневе Джейк казнил каждого третьего стражника из числа тех, кто

поставлен был дежурить у вертолетов, но проморгал нападение.

Утром, протрезвев, король издал страшный декрет, согласно которому жизнь одного пришельца приравнивалась к жизни одной тысячи туземцев, а нападение на пришельца каралось смертью для сотни человек. Во исполнение декрета и в доказательство серьезности своих намерений Джейк велел согнать ко дворцу тысячу триста человек, схваченных совершенно произвольно, и расстрелять их. Чем добился еще большей ненависти к себе жителей Тарантии. С середины дня узурпатору начали поступать сообщения о народных волнениях в городе. В четыре часа пополудни огромная толпа двинулась к дворцу. Люди несли с собой тяжелые камни. Приблизившись к площади, они стали забрасывать глыбами стоящие машины. Вначале король направил к ним канцлера Публия, но бунтовщики не стали его слушать, обозвали предателем и едва не пристрелили. Предназначавшуюся Публию стрелу получил генерал Корнелий. Тяжело раненного генерала кое-как удалось эвакуировать. Однако бунтовщики, вдохновленные первым успехом, дерзко рванулись к вертолетам и принялись бить их тяжелыми мечами и железными прутьями. Джейк вынужден был отдать приказ стрелять на поражение. Прежде чем толпу удалось рассеять, были ранены еще два наемника и повреждены четыре вертолета.

Как выяснилось вскоре, неприятности на этом только начинались. К вечеру начался массовый исход из города. Не имея возможности выбить свирепых пришельцев из Тарантии, сотни и тысячи ее жителей, погрузив семьи и скарб на телеги, устремились к воротам. Те,

кто были побогаче или имели жилье вне столицы, уходили налегке либо уплывали по Хороту на своих судах. Когда Джейку доложили об исходе, он не на шутку испугался. Он вовсе не жаждал стать королем мертвых стен. Канцлер Публий посоветовал растерявшемуся монарху срочно отменить свой страшный декрет. Однако Джейк не мог пойти на это, и ему пришлось снова прибегнуть к грубой силе. Пять вертолетов были срочно подняты в воздух. Настигнув беженцев, они обстреляли колонны. Пришлось уничтожить или ранить еще пару тысяч человек, потопить несколько десятков лодок, прежде чем тарантийцы поняли, что сохранить свою жизнь они могут лишь в стенах города. Так фактически король Джейк взял в заложники своих подданных, и это, естественно, не могло прибавить популярности ему и устойчивости его власти.

Вторая ночь после штурма принесла новые неприятности. Джейк даже не ложился спать, ибо ожидал их. И дождался: в два часа пополудни кто-то подобрался к вертолетам (хотя охрана была четырехкратно усилена, более напоминая сплошное оцепление) и попытался поджечь их с помощью неизвестного текучего вещества, похожего на масло. Самое страшное, что огонь распространялся с катастрофической скоростью и его было очень трудно тушить! Так Джейк потерял еще два вертолета. Чтобы не сгорели все, он вынужден был среди ночи поднять по тревоге своих людей и отдать приказ на взлет. Пока сонные наемники бежали к своим машинам, арбалетные болты, выпущенные таящимися в ночной тьме стрелками, настигли троих. В довершение ко всему пламя перекинулось на дворец, и потушили его лишь

к утру. Пользуясь занятостью наемников на пожаре, нескольким тысячам тарантийцев все-таки удалось улизнуть из города.

Утром король Джейк, невыспавшийся, разбитый и злой, расстрелял еще несколько сотен человек. Впрочем, он уже понимал, что репрессивные меры только ухудшают его положение. Простейшие арифметические подсчеты показывали, что если все пойдет так дальше, через две-три недели от его вертолетной армады ничего не останется, равно как и от аквилонской столицы. Еще раньше закончатся боеприпасы и исчезнут люди, согласные ему служить. Уже теперь, через сутки после штурма, сторонники нового короля, и без того немногочисленные, наотрез отказывались выходить в город, ибо, как выяснилось, обратно во дворец они, как правило, не возвращались: с приспешниками завоевателей тарантийцы расправлялись скоро и безжалостно.

Знать, за редким исключением, успела покинуть город. Формально Джейк был королем, но, поскольку его власть не распространялась далее столицы, реально в провинциях по-прежнему правили конановские вельможи. Налого перестали поступать, торговые караваны обходили Тарантию стороной — город оказался в изоляции, а узурпатор ничего не знал о том, что творится за его пределами. Начались грабежи и мародерство, внезапно обнаружилась и нехватка продуктов — и это в Тарантии, самом богатом городе хайборийского Запада! Новые проблемы возникали ежечасно, и Джейк все отчетливее понимал, что теряет контроль даже над столицей.

И все же главная его проблема была в другом. В его собственном отряде неумолимо на-

зревал бунт. Ведя своих парней на штурм Тарантии, Джейк Митчелл обещал им королевскую жизнь. Вместо этого они получили лишь всеобщую ненависть и постоянный страх за свою жизнь. Отважные наемники вынуждены были отбиваться от атак черни и выполнять работу палачей. За сутки с небольшим отряд потерял уже десять человек, и любой из пришельцев понимал, что именно он может стать следующей жертвой. Головорезы Джейка вымещали свою злобу на аквилонцах, но это не могло защитить их от гнева враждебной страны.

Общая опасность сплачивала наемников, они по-прежнему выполняли приказы Джейка, однако сама атмосфера накалялась, и недовольство капитаном все чаще высказывалось вслух. Зачинщиком выступил Хьюго Гамильтон. Он подбивал других покинуть Тарантию и поискать счастья в иных землях. Его поддерживали такие влиятельные наемники, как Фил Фрезер, Педро Гарсиа, Джейсон Лестер и Фрэнк Спири. А поляк Станислав Дубровский по кличке Пан договорился до такого вздора, что, мол, напрасно кэп прикончил карлика Те-зиаса, Великую Душу, так как карлик, мол, не исключено, вернул бы их обратно в двадцатый век. К счастью для Джейка, Дубровского никто не поддерживал. Вернее, пока не поддерживал. Во всяком случае, нехитрая мысль — во всем виноват кэп, как видно, крепко засела в голове по крайней мере трети наемников, и число их росло. Взлетая над Тарантией, Джейк уже не мог быть абсолютно уверен, что Мечный Хью, как звали Гамильтона из-за ужасного шрама, протянувшегося через все лицо, или, к примеру, тот же Пан не пошлет ракету вдогонку «Черному коршуну» капитана или просто не

пристрелит Джейка из пистолета, когда тот вернется.

Карать и даже наказывать бунтовщиков не было никакой возможности. Если в этом хаосе пришельцы увидят, что кэп поднял руку на своих, взбунтуются все, и тогда Джейку Митчеллу придет конец. Поэтому командир вынужден был как бы не замечать ропота подчиненных. Он лихорадочно искал выход, даже советовался с Публием и другими аквилонцами, кто согласился служить ему, а это на чванливого американца было совсем не похоже. Никто не мог ничем помочь ему. Прислужники узурпатора лишь падали на колени и молили Джейка защитить их от черни. Толкового совета от них нечего было ждать. Многие из переметнувшихся в первые часы после штурма к Джейку теперь искали способы бежать из дворца — и находили. К исходу вторых суток положение короля стало настолько отчаянным, что, когда его вертолет взлетел над городом и понесся прочь, кое-кто всерьез решил, будто узурпатор уже бежит из Тарантии. Не страшась ужасной черной птицы, люди выбегали на улицы и провожали ее глумливым смехом и улюлюканьем. Еще несколько часов назад Джейк, недолго думая, перестрелял бы этих жалких дикарей, но теперь он лишь до боли стиснул зубы. Боеприпаса на всех все равно не хватит...

Полетав около двух часов, он вернулся в Тарантию. Начинался вечер. Глядя на кажущийся вымершим город, на одиноких нищих, копошащихся в развалинах домов, Джейк поневоле испытал тоску по тем дням, когда он

занимал аквилонский престол под именем Конана и правил волею Великой Души... Тогда все было иначе. Город жил. Одурманенный гипнозом карлика, народ боготворил короля. И вот нету карлика, угнетавшего и унижавшего Джейка. Казалось бы, радоваться надо — свобода! Делай все, что хочешь! И погибнешь через несколько дней... Неужели без карлика он — никто и ничто? Неужели Тезиас был прав и ему так и не стать настоящим владыкой великой Аквилонии? Неужели это *агония*?.. Называется, получил свободу — свободу умереть... Впереди еще одна ночь. Еще никогда за всю свою полную приключений жизнь Джейк не ожидал ночи с таким трепетом. Кто знает, может, именно этой ночи суждено стать для него последней?..

Посадив вертолет у парадных дверей дворца, король прошел внутрь. Навстречу ему выскочил Лопес Моран, колумбиец, — его самый верный, преданный соратник. Когда-то Джейк вытащил его из лап торговцев наркотиками, и с тех пор Лопес молился на кэпа, как Санчо Панса на Дон Кихота. После отлета из Зачарованного Города Джейк поставил Морана своим заместителем вместо Аманды Линн.

— Джейк, как хорошо, что ты вернулся! — воскликнул Лопес и выдал последнюю новость: — Меченый Хью и еще человек двадцать собираются делать ноги из этого города!

— Ну и дьявол с ними! — буркнул американец. — Пускай летят.

— И ты отпустишь их?!

— А что мне еще остается делать, амиго? Как я могу их удержать?

...Что-то блеснуло меж ступенек широкой винтовой лестницы, ведущей на второй этаж.

Не размышляя ни мгновения и повинуясь лишь инстинкту прирожденного воина, Джейк резко метнулся в сторону, увлекая за собой Лопеса. Малиновый луч оцарапал камень стены там, где еще секунду тому назад стоял американец. В следующую секунду ответный луч из бластера Джейка ушел во тьму подлестничного проема. Послышался короткий вскрик, и что-то тяжелое плюхнулось на пол. Митчелл рванулся вниз, туда, откуда раздался звук падающего тела. Побледневший Моран с автоматом в руке кинулся за ним.

— Покушение... — бормотал колумбиец. — Они хотели замочить кэпа... Подонки!

Джейк молча вытащил тело на свет. Покушавшийся был одет в мундир Черного Дракона, лицо его прикрывала маска с прорезями для глаз, поникшая рука мертвой хваткой сжимала лазерный бластер. В животе чернело отверстие, оттуда слегка пахло паленым и тонкой струйкой сочилась кровь. Капитан сорвал маску. Возглас изумления вырвался из груди Митчелла:

— Дьявол меня раздери! Это не наш!

Лопес озадаченно всмотрелся в незнакомые черты лица: действительно, стрелявший в Джейка не принадлежал к числу пришельцев из Будущего!

— Дерьмово, — сказал колумбиец. — Как ты думаешь, Митч, откуда у дикаря наш бластер?

Внимательно осмотревшись вокруг и убедившись, что никто не подглядывает, Джейк взял бластер нападавшего, покрутил его в руках.

— Одно из двух, амиго. Либо этот пес стибрил бластер у кого-то из наших, либо...

— Либо?

— Либо кто-то из наших захотел убрать меня руками этой канальи! Чтобы чистеньким остаться.

— О Дева Мария! — испуганно прошептал Лопес. — Да кто ж посмел? Неужто Хью?!

— Скорее Боб. Это в его вкусе — стрелять из-за угла и загребать жар чужими руками. А может, и Хью. Или Черный Фил. Или Фрэнк.

— По правде сказать, любой мог, — подумав, проговорил Моран. — Они нынче все с катушек съехали.

В этот момент аквилонец неожиданно открыл глаза. Увидев невинного Джейка, он грязно выругался, помянув Нергала и всех его злобных демонов.

— Смотри-ка, кэп, живой, шельма!

Пнув раненого тяжелым сапогом и уперев в его лоб дуло бластера, Джейк приказал:

— Кто ты такой? Отвечай! Кто тебя подослал?

— Аквилония, — слышался ответ.

— Не шути со мной, каналья, — зловеще проговорил король. — Отвечай или ты умрешь!

По знаку Джейка Лопес нанес аквилонцу удар прикладом в висок. Выступила кровь, раненый скривился от боли.

— Ну! — гаркнул Джейк. — Отвечай! Кто хочет моей смерти?

Безумная улыбка озарила лицо неизвестного, и он молвил:

— Все. Все хотят твоей смерти, чужак.

— Кто — все? — сатаня, прорычал Джейк.

Умиравший промычал что-то неразборчиво. Король наклонился, чтобы услышать ответ, и вдруг руки аквилонца метнулись вверх и сомкнулись на шее узурпатора.

— Все! — взвизгнул неизвестный мститель. — Все патриоты Аквилонии! Мы...

Джейк нажал на курок. Луч безмолвно просверлил дырку во лбу аквилонца. Но даже после этого его руки не хотели отпускать бычьей шеей узурпатора. Вырвавшись из мертвой хватки, Джейк пустил еще три луча. Безумная улыбка снова пробежала по лицу полутрупа.

— Всех не перебьешь, шакал, — просипел аквилонец. — А мы вас перережем. Всех... Да здравствует король Конан!

С этими словами он испустил дух.

— Живучий, шельма, — содрогнувшись, отметил Лопес.

— Угу, — кивнул Джейк, о чем-то размышляя.

— Все ясно, — сказал колумбиец. — Этого пса подослал Конан. Он выкрал бластер у кого-то из наших. Видать, дикари больше не надеются на свои арбалеты. Поняли, мать их, что такое бластер!

— Нет, амиго, — покачал головой Митчелл. — Все было не так. Один из наших, а может, несколько наших наняли этого подонка, чтобы он замочил меня. И чтоб все подумали на Конана. Тебе ясно?

— Но ведь он сам сказал: патриоты Аквилонии!.. И «да здравствует король Конан!».

— А кто слышал? Ты слышал? Я — нет. Я слышал, он сказал: «Смерть капитану!» Ну, как?

— Ты прав, Митч, он что-то такое болтал про капитана, — понимающе кивнул Лопес. — Я тоже это слышал. Не было никаких патриотов. Какие, к черту, патриоты, кэп, когда ты спас мою жизнь!

Джейк одобрительно похлопал по плечу своего «Санчо» и сказал:

— Давай покажем ребятам эту каналью.

Они подняли труп аквилонца и потащили его в зал, где находились наемники: сейчас было как раз время ужина.

Ввалившись в пиршественный чертог, Джейк свирепо гаркнул:

— Ну, ублюдки, признавайтесь, чья это работа!

И он, подняв тяжелый труп над головой, швырнул его через весь громадный зал — к пылающему очагу. Наемники, привыкшие к различным демонстрациям удивительной физической силы своего капитана, недоуменно проследили путь тела.

— О чем ты, кэп? — воскликнул Мэл Хобсон.

— Да что, собственно, случилось? — невинно молвил Боб Рэнквист с набитым ртом.

— Что случилось?! — прежним громоподобным голосом повторил король. — Это я хочу узнать у вас, что случилось! Отчего мои парни нанимают какого-то дикаря, чтобы он пристрелил меня из-за угла?

— Этот человек стрелял в капитана из бластера, — добавил Моран, держа свое оружие на изготовку.

— Вот я и хочу знать, — угрожающе проговорил Митчелл, — кто из вас, ублюдков, нанял эту каналью, кто дал ему бластер и кто научил столь метко стрелять, что, будь я менее внимателен, я был бы уже трупом! Так вот, я хочу знать этого подонка в лицо! — Узурпатор медленно прошелся по залу, вглядываясь в лицо каждого, и многие невольно опускали глаза под гневным взором свирепого вожака. — Что,

слабо, ублюдки, выйти один на один?! — От крика Джейка лопнуло несколько стеклянных бокалов.

Все это время Лопес Моран держал зал на мушке, готовый в любую секунду отреагировать на любую угрозу командиру.

— С чего ты взял, кэп, что это кто-то из нас? — тихо произнес Фрэнк Спири. — А если парень просто стянул бластер?

— Он сказал: «Смерть капитану», я сам слышал, — сообщил Лопес. — Яснее ясного, его подослал кто-то из наших. Ведь для дикарей Джейк — король, а не капитан.

Огорошенные такими новостями, наемники подавленно молчали. Закон корпоративной чести был очень силен среди них. Эти люди всегда грудью встречали опасность, не бегали от нее и не прятались за чужие спины. Одна мысль о том, что среди них есть человек, нанявший другого человека, да еще презренного туземца, чтобы тот из-за угла убил их капитана, бросала тень на весь отряд и на каждого в отдельности. С этой минуты они перестанут доверять друг другу и будут слушаться только меня, удовлетворенно подумал Джейк. Во всяком случае, первое время...

— Ну, кто? Кто его нанял? Кому я так помешал? Тебе, Меченый?

Гамильтон вскочил, выхватил свой «кольт», но, заметив в руке Морана направленный на него автомат, оскорбленно бросил «кольт» на стол.

— Не надо, кэп, не надо! Нечего на меня чужих собак вешать! Все знают, я тебе открыто говорю, когда не согласен! Я на эту погань, — он выразительно сплюнул в сторону трупа, — никогда не пойду. Да, к дьяволу, если хочешь

знать, я тебя, кэп, сам сто раз мог бы пристрелить, и никто ничего не заметил бы!

Вот уж верно, внутренне содрогнулся Джейк. Каждую секунду под смертью хожу...

Видя, что вожак молчит, Хьюго проговорил уже более спокойно:

— Не нанимал я эту скотину, кэп. Первый раз вижу его. Пусть уши отсохнут, если вру. И никто его не нанимал. Нету среди нас таких ублюдков.

Нестройный хор голосов поддержал его.

— Вот и я полагал, что нету, — сказал Джейк. — До того момента, как он выстрелил в меня. Я верил вам, парни! А что я должен думать теперь?

— Послушай, кэп, наверное, этот дикарь все-таки сам выкрал чей-то бластер, — подал голос Курт Марлоу.

— Даже если так, почему же вы, стервецы, позволяете туземцам воровать ваше оружие?! — снова перешел в наступление Митчелл. — Сегодня они у вас бластер сперли, завтра базуку из-под носа утащат, а послезавтра, глядишь, вертолет уведут!

— Дикарь не сможет управлять «Черным коршуном», — нагло осклабился Боб Рэнквист.

— А ты почему знаешь, на что они способны? — суеверно возразил Бобу Джуно Мас-тарци.

— Мы должны держаться вместе, ребята, — сменив гнев на милость, проговорил Джейк. — Туземцы только того и ждут, чтобы мы перессорились. Приказываю наладить строгий учет имеющегося оружия. Ответственным назначаю тебя, Гамильтон. Докажи, что не держишь задних мыслей. Проверь всех. Доложишь, сколько

бластеров в наличии, у кого не хватает и почему. В общем, проводи инвентаризацию.

— Есть, кэп, — сказал Меченый Хью, довольный, что вожак не стал развивать тему о его мнимой причастности к покушению.

— Мы должны держаться вместе, ребята, — повторил Джейк. — Иначе дикари перережут нас, как щенков.

— Послушай, Митч, может, мотнем из этого проклятого города? — сказал Фрезер. — На черта сдались нам эти дикари! Чего доброго, и впрямь перережут.

— Неужто испугался, Фил? — ощерился вожак. — Дикарей?.. Да и куда ты мотнешь? Ты разве знаешь этот дерьмовый мир? Где ты был, кроме как здесь, в Тарантии?!

— А ты — знаешь?

— Я знаю. Когда карлик вызвал вас, я уже три недели как был здесь. Я многое повидал. Тарантия — лучший город в этом мире!

— Можно себе представить, каковы остальные, — сумрачно процедил Хобсон.

— Напрасно ты, кэп, карлика замочил, — снова запел свою песнь Дубровский. — Мы послужили бы ему, а он бы нас потом домой отправил. У меня девушка в Кракове осталась...

— Как же, отправил бы он тебя! — взорвался Моран. — Прямоком в ад!

— Дикари перебесятся и успокоятся, — не обращая внимания на Пана, сказал Джейк. — Я их знаю. Они увидят, что мы не боимся их, и поймут, что лучше покориться.

— Кэп прав, — неожиданно поддержал его Рэнквист. — Чего ради демонстрировать задницу каким-то аборигенам? Когда это мы уходили несолоно хлебавши, а, парни?

— И то верно, — проронил Альфред Зинг. — Разве в Чаде было легче? Или в Мозамбике?

— В Мозамбике мы сражались, — буркнул Педро Гарсиа. — А здесь мы палачи, и каждый пацан норовит пустить стрелу в глотку или пырнуть ножичком. Даже шлюхи — и те змеями смотрят, когда их трахает.

Несколько наемников грубо загоготали, представив себе подобную сцену.

— А ты зенки им завяжи, Педро, и все остальное, что не в работе, — под общий смех посоветовал Черный Фил.

Джейк чувствовал, что после неудавшегося покушения общая атмосфера переменилась в его пользу. На что он и рассчитывал.

— Хочешь мотать отсюда — мотай, я тебя не держу, Гарсиа. Никого не держу! — Джейк широким жестом обвел палату. — Кто хочет поискать счастья на стороне, пожалуйста. Но я останусь здесь. Клянусь, я буду королем в Тарантии или нигде!

Ответом ему было молчание — скорее знак согласия, нежели недовольства. Бунт задохнулся, не родившись. Во всяком случае, никто в открытую не заявлял о желании реализовать полученную от вожака «вольную». Чтобы закрепить успех, узурпатор изрек:

— У меня есть план, как поставить на колени этих дикарей. Еще немного, и мы заживем по-королевски. Вы не пожалете, что пошли со мной, парни. Дайте только срок. Такие дела быстро не делаются.

Конечно, никакого плана у него не было, и Джейк понимал, что сегодняшним спектаклем лишь ненадолго отсрочил крах. Впереди ночь, и она наверняка принесет новые неприятности. Должно быть, Конан полагает, что миг рас-

платы пришел, если подсыласт своего человека для убийства двойника. Где же твое хваленое киммерийское благородство, варвар? Как низко должен пасть бывший король, чтобы прибегать к услугам наемных убийц, стреляющих из-за угла! Должно быть, совсем отчаялся варвар, коли решился на такое... А может, фанатик действовал по собственной инициативе? Кто знает...

Джейк до хруста стиснул зубы. Мишенью для лазерного бластера ощущать себя гораздо неприятнее, чем мишенью для арбалета. От луча не спасет никакой бронжилет. Как все-таки попал бластер к туземцам? И есть ли у них еще? Если есть, плохи твои дела, Джейк. Рано или поздно обязательно пристрелят. А может, и взрывчатка у них есть? А если и вправду базуку украли? Или гранатомет? Бр-р!.. Вот вам и дикари! Обязательно нужно провести инвентаризацию...

На предстоящую ночь Джейк подготовил беспрецедентные меры безопасности. Все подходы к площади, где стояли «Черные коршуны», он приказал заминировать. Боб Рэнквист установил на вертолетах компьютерную систему, автоматически реагирующую на движущиеся предметы. Вертолеты сами перестреляют тех, кто рискнет приблизиться к ним, не назвав пароля. Далее, все наемники на эту ночь должны были расположиться в одной палате. Не доверяя более дворцовой гвардии, Джейк приказал установить по периметру «спального зала» сигнализацию. И, разумеется, «Черные коршуны», сменяя друг друга каждые полтора часа, по-прежнему будут дежурить ночью над городом. Все эти и многие другие меры должны были, по задумке капитана, если не гаран-

тировать его людей от нападения, то уж, во всяком случае, защитить их жизнь.

В дверь королевского кабинета постучали. Джейк поднялся с места, на ходу вынимая бластер, и неслышно скользнул к двери. Опасения его оказались напрасными: за дверью слышен был голос Морана.

— Открой, Митч, это я.

Не пряча бластер, Джейк отодвинул тяжелый засов и пропустил верного «Санчо» в кабинет. Вместе с Лопесом вошел неизвестный Джейку пожилой человек благообразной наружности, одетый в фиолетовый камзол аквилонского нобиля. Увидев оружие в руках короля, человек вздрогнул, но затем быстро овладел собой и почтительно поклонился.

— Он чист, — сказал Лопес. — Я проверил. Даже ножичка нет.

Джейк кивнул. Одного опытного взгляда на незнакомца было достаточно, чтобы понять: этот человек явился к королю вовсе не для того, чтобы убить его. Маленькие умные глаза лучились благожелательностью. Незнакомец молчал, очевидно, блюдя дворцовый этикет и ожидая, когда первым заговорит король. Джейк недоверчиво хмыкнул — с момента штурма это был первый случай, когда к нему являлся посетитель, чье лицо не было искажено страхом перед главарем пришельцев, — и спросил:

— Ты кто?

Незнакомец снял фиолетовую шляпу с перьями и сделал новый реверанс.

— Барон Вибий Латро, с твоего позволения, государь.

— Мне он сказал, что был канцлером при предыдущем короле, — прибавил Лопес.

— Это правда? — спросил Митчелл.

— Истинная правда, государь. Я служил канцлером Аквилонии еще при Вилере Третьем, а затем при Нумедидесе.

— А при Конане?

— Я вынужден был покинуть страну, Ваше Величество.

Ясно, подумал Джейк. Еще один обиженный. При двух королях был канцлером, а с приходом варвара к власти бежал. Обычная история.

— Зачем же ты явился ко мне?

Вибий с достоинством ответил:

— Чтобы спасти твой трон, король Джейк.

Американец с интересом посмотрел на барона, затем переглянулся с Лопесом, который, судя по всему, тоже пребывал в недоумении.

— Спасти мой трон? Это что-то новенькое!

Дулом бластера он указал Вибию на кресло. Легко поклонившись — прямо ритуал поклонов у них какой-то, подумал Джейк, — барон прошел к креслу, но обождал, пока в свое кресло не усядется король, и лишь тогда сел сам. Лопес Моран запер дверь и встал рядом с Латро.

— Ну что ж, говори, как спасти мой трон, я тебя слушаю, — сказал Джейк. — Только учти, у меня мало времени. Надеюсь, я не потрачу его зря, выслушивая здесь тебя.

— Вопрос весьма деликатного свойства, государь, — бросив выразительный взгляд на Морана, тихо произнес Вибий.

Колумбиец нахмурился. Усмехнувшись, Джейк заявил:

— От Лопеса у меня нет секретов. Это мой друг. Хочешь — говори при нем, не хочешь — проваливай.

Как видно, грубый тон короля несколько не смутил Вибия. Он сказал:

— Позволь мне объяснить тебе все, государь. Не сочти за дерзость, но твой покорный слуга — самый опытный государственный чиновник из ныне живущих. Я был канцлером более десяти лет. Фактически я вел все текущие дела королевства в последние годы жизни Вилера и все шесть лет, когда царствовал безумный Нумедидес. Смею заметить, лишь благодаря мне и моим слугам, чиновникам и шпионам государственная машина не развалилась в то время. Однако, — Вибий печально вздохнул, — Нумедидес не оценил мои труды и не внял моим советам. Он сам сунул голову в петлю. Предчувствуя его скорый крах и не желая служить неотесанному варвару, который рвался к власти, я уехал из страны. Захватив престол, Конан конфисковал мои земли в пользу короны. Он считал меня приспешником Нумедидеса. На самом деле, как Ваше Величество, должно быть, изволили заметить, я всегда служил Аквилонии... Так я стал изгоем. Три года назад, когда к власти в Тарантии пришел Валерий Шамарский, я предложил ему свои услуги. Я, который знает Аквилонию как самого себя! Но король Валерий, — в голосе барона прозвучала ненависть, — приказал бросить меня в темницу. Он также полагал Вибия Латро сторонником своего безумного двоюродного брата. К счастью, мои друзья выкупили меня у продажных немедийцев, которые тогда хозяйничали в нашей столице, и помогли мне бежать...

— Занятная история, — ухмыльнулся король. — Действительно, ложной скромностью

ты не страдаешь. Стало быть, ты пришел предложить свои услуги мне?

— Едва прослышав о твоём воцарении, я покинул свою виллу в северном Офире и отправился в Тарантию. В пути меня застало известие о том, что варвар сверг тебя и снова воссел на престол, — Вибий брезгливо поморщился. — Я уже собирался отбыть обратно, когда случайно увидел в небе твоё крылатое воинство, с немыслимой скоростью летящее к Тарантии. В том, что ты возьмешь город, я несколько не сомневался, и немедленно отправился в столицу. Беженцы, спасавшиеся от твоего гнева, постоянно встречались мне на пути. Они рассказали, как все было, а кое-что я увидел сам, когда прибыл в Тарантию сегодня утром... Признаюсь тебе, государь, как на исповеди: твой трон в величайшей опасности!

— Это я и без тебя вижу, — раздраженно процедил Джейк. — Так ты что-то предлагаешь или просто так потрепаться зашел?

— Ты наделал массу ошибок, государь, — с сожалением заметил Вибий. — И это неудивительно! Твоей вины в том нет, ведь ты не знаешь, как управлять Аквилонией...

— Позволь, кэп, я вышвырну вон этого наглеца! — воскликнул Лопес.

— Нет, — покачал головой Джейк. — Он прав. Разве я учился на короля, амиго? Сам посуди. Отрядом головорезов командовать — это не королевством править. У кого-то сразу получится, у кого-то нет. Вот Конан смог, а у меня, как видно, не выходит.

— Конан куда менее достоин трона, чем ты, — сказал Вибий. — Ты цивилизованный человек, это сразу видно, — а кто такой Конан? Грубый варвар, мужлан, баловень судьбы.

У него не больше прав на аквилонский престол, чем у любого разбойника с большой дороги. Он взял власть по праву сильного. Но ты, король Джейк, гораздо сильнее его....

— Ну да, к чертям собачьим, сильнее! Глядишь, не сегодня-завтра меня прикончат со всей моей силой! — не сдержавшись, в сердцах воскликнул узурпатор.

— А все потому, что народ не любит тебя и считает чужим, — подхватил Вибий.

— А разве не так, барон? Разве я не чужой? Не захватчик? Разве мое оружие не пахнет колдовством? С чего бы им меня любить?!

— Твоя правда, государь, сейчас у них нет причины любить тебя. Но таковые причины можно отыскать, если знать, как взяться за дело. Еще не поздно все исправить, — многозначительно заметил Латро.

— И ты знаешь, как?

— Знаю. Во-первых, ты должен отменить свой декрет о казнях. Казни не остановят аквилонцев и лишь увеличат число мстителей. Нападения на твоих людей будут продолжаться. Казнить тысячу безвинных граждан за каждого убитого пришельца — жест отчаяния с твоей стороны и признак твоей слабости. А отменив казни, ты покажешь свою силу и свое бесстрашие.

— Продолжай, я тебя слушаю.

— Во-вторых, ты, государь, весьма выиграешь, если привлечешь на свою сторону мелкопоместных нобилей из провинции. Ведь, к счастью, твой гнев познала одна Тарантия. Остальная Аквилония знает о тебе понаслышке. Учти, далеко не все нобили довольны правлением Конана. Если ты обратишься к ним и пообещаешь щедрое вознаграждение за службу,

многие перейдут на твою сторону. Один лишь я знаю с десятков баронов, которые втайне мечтают о смене власти. Соедини их дружины — и ты получишь не одну тысячу закаленных воинов. В-третьих, ты можешь привлечь вольных наемников: их отряды всегда промышляют там, где идет война. Готов поклясться именем Митры, их стоит только позвать! Всего за пару тысяч золотых марок ты приобретешь несколько десятков отчаянных рубак, готовых зарезать собственного отца по первому приказу нанимателя!

Джейк слушал барона Латро со всевозрастающим интересом, даже зачарованно. Ободренный таким вниманием узурпатора, барон с воодушевлением продолжал:

— Больше того, ты резко поднимешь свой авторитет в народе и среди знати, если гнев свой обратишь не на собственных подданных, а на тех, кто истари враждовал с Аквилонией. Для начала соверши победоносный поход на Немедию! Эта страна — исконный враг Аквилонии. Ею правит ничтожный король Тараск. Говорят, после истории с Великой Душой он потерял рассудок. Немедия сейчас слаба, как никогда прежде. Лишь завидев в небе твоих ужасных черных птиц, Тараск сам повергнет свое королевство к стопам твоим. Несколько недель тому назад Конан уже объявлял поход против Немедии, но он тогда не состоялся. Покажи всем, что ты способен сделать то, о чем варвар мог лишь говорить! Присоедини Немедию к нашему королевству, и аквилонцы будут носить тебя на руках!

— Черт возьми, Митч, а ведь он дело говорит! — в волнении вскричал Лопес. — Одна небольшая победоносная война — и ты на коне!

— И не одна, — подхватил Вибий. — Затем ты можешь присоединить Зингару, Аргос и Офир. Тем самым ты направишь ненависть твоих подданных против других и отведешь ее от себя. Ни один нобиль не откажется поучаствовать в войне, ибо война — это новая добыча, новые земли и новые приключения.

— А ты не дурак, барон, нет, далеко не дурак, — сощурившись, проговорил король. — Продолжай, я тебя очень внимательно слушаю.

— В-пятых, ты можешь на время отменить налоги. Я сам собирал налоги и знаю, как аквилонцы не любят их платить. Если ты отменишь налоги, считай, по крайней мере половина купцов и владельцев мануфактур перейдут на твою сторону. Пока казна полна, ты проживешь без налогов. Затем, когда твоя власть упрочится, ты снова их введешь. А может статься, в этом даже не будет нужды, если ты наложишь большую контрибуцию на Немедию и Бельверус выплатит тебе ее. Далес. Тебе следовало бы по-настоящему заняться Конаном. Пока он жив и разгуливает на свободе, ты не можешь считать себя в безопасности. Нужно назначить щедрое вознаграждение за голову варвара...

— Я обещал сотню золотых марок.

— Невысоко же ты ценишь своего врага, — усмехнулся Вибий. — И немудрено, что Конан охотится за тобой, а не ты за ним. Многие терпели поражение только из-за того, что недооценивали варвара.

— Сколько же, по-твоему, стоит эта каналья?

— Я бы назначил в сто раз больше.

— Ни фиги! — присвистнул Лопес. — Десять тысяч золотых!

— Дело стоит того, — убежденно заявил

барон. — Покончив с киммерийцем, ты обезглавишь бунтовщиков. Никаких денег на это не жалко. И еще. Ты должен избавиться от шпионов Конана, которые тебя окружают.

— Что ты имеешь в виду? — озадаченно молвил Джейк. Страшное подозрение шевельнулось в душе, и Вибий подтвердил его:

— Публий служил всем королям. Многие считают его беспринципным трусом. Вижу, и ты поддался, государь. На самом деле Публий — ловкий мошенник, умский втираться в доверие к всененосцам и вести двойную игру. В отличие от меня, Публий, вероятно, не верит, что ты задержишься на троне. Иначе он сразу посоветовал бы тебе многое из того, что говорю я. Следовательно, Публий — шпион Конана.

Узурпатор невольно покраснел. Наверное, этот умник Вибий считает меня круглым идиотом, подумал Джейк. И правильно считает: ясное ясное, что Публий — предатель. В следующий миг он вообразил, как он будет пытаться толстого канцлера, дознаваясь, где прячется его истинный хозяин, и от этого Джейку стало легче.

— Нужно подослать к Конану своих шпионов, государь. Я знаю таких людей. Полагаю, даже Конану с его хваленной проницательностью нелегко будет отличить истинного своего сторонника от нашего лазутчика. Это настоящие мастера в своей профессии. В свое время киммериец высокомерно отверг их, заявив, что не нуждается в услугах тайных дознавателей. Теперь эти люди нашли себе другую работу, но, клянусь Митрой, многие из них наверняка желают покончить с узурпатором. Они сумеют вызнать, где логово варвара, проникнут в

него и выдадут тебе не только самого Конана, но и его приспешников. Только скажи, и я подниму всю свою старую агентуру. И наконец, — в знак особой важности произносимого им Вибий воздел палец, — тебе было бы совсем неплохо подружиться со жрецами Митры.

— Я-то ради дела готов подружиться хоть с самими дьяволами вашими, с Сетом и с Нергалом, не то что со жрецами, — сказал Джейк, — но вот захотят ли они со мной дружить?

— Митра — светлый и благой бог, — поучительно молвил барон. — Ему поклоняются большинство аквилонцев. Жрецы Митры — почтенные и уважаемые люди. Если в душе ты не считаешь Митру, сделай хотя бы вид. Митраитское жречество — влиятельная каста. Если они поддержат тебя, считай, чернь поддержит тоже. Скажи, был ли ты в Храме Тысячи Лучей?

— А чего я там забыл?

— Вот в этом еще одна твоя ошибка. Ты должен посетить Храм, зарезать агнца на алтаре Солнцеликого и принести богатый дар синклиту. В свою очередь, я могу подкупить некоторых жрецов. Дело в том, что, согласно порядку, через три дня предстоят выборы нового верховного жреца взамен бесследно исчезнувшего Декситей...

— Декситей мертв, — сказал Джейк. — Я сам видел его труп.

— Тем более. Новым верховным жрецом Митры должен стать лояльный тебе человек. Это вполне можно устроить, если ты проявишь внимание к нуждам жречества.

Вибий умолк, и несколько мгновений узурпатор молча обдумывал его предложения.

— Знаешь, барон, — произнес он наконец, —

только сейчас я понял, какой кретин на самом деле этот ваш Конан.

— Ваше Величество? — недоуменно поднял брови Вибий.

— Да он должен был десять раз прикончить такого, как ты, а не отбирать у тебя имение и позволять безбедно жить в эмиграции! — со смехом воскликнул король.

Сочтя за лучшее интерпретировать грубую шутку узурпатора в качестве высшей похвалы, Вибий почтительно поклонился.

— И что же, ты берешься осуществить все то, о чем здесь нам наговорил? — спросил Лопес.

— На определенных условиях я сделаю для Его Величества даже больше, — вежливо ответил барон.

— Отлично, — заявил Джейк. — Выкладывай свои условия.

— Условий немного, но они существенны. Во-первых, ты должен назначить меня королевским наместником Аквилонии с самыми широкими полномочиями.

— Вроде первого министра, что ли?

— Больше, — не моргнув глазом, сказал Вибий. — Наместником с полномочиями, как у самого короля. Разумеется, последнее слово останется за тобой, — поспешил поправиться он. — Только так я смогу что-либо сделать.

— Что еще?

— И второе. Издай декрет о присвоении мне титула герцога Тарантийского с жалованием всех земель, находящихся ныне в собственности королевства и мелкопоместных баронов в центральных провинциях Аквилонии.

— Ну и аппетиты у тебя! — Джейк не мог не восхититься его наглостью. Но на самом деле,

чтобы заполучить такого ценного человека, как этот Вибий, он давно был согласен на любые условия и теперь лишь ломался, как то и подобает королю.

— Аппетиты умеренные, — сказал Вибий. — Не больше и не меньше, чем я стою.

— Разве по вашим законам я могу так просто присвоить титул герцога? У вас, кажется, есть какой-то суд для таких дел.

— Был, — улынулся Вибий. — Суд Герольда. Захватив престол, Конан своей волей упразднил его и сам стал решать все вопросы отношений между членами благородного сословия. Между прочим, далеко не всем понравилось, что безродный киммериец берется судить о делах благородных родов, чьи корни уходят в глубину веков. Вот, кстати, еще одна причина для аквилонской знати, чтобы поддержать тебя.

— И на все-то у него готов ответ! — подивился колумбиец.

— Да, и еще одно, государь. Я бы посоветовал тебе принять тронное имя Джейка Громовержца. Твоему облику оно наиболее соответствует...

Лопес хохотнул, Джейку же, напротив, идея понравилась.

— А что, амиго, скажешь, не звучит: Джейк Громовержец? Почти как Зевс!

— Очень даже звучит, — сказал Лопес. — Спорю на тысячу баксов, парням понравится.

— Ага, они и себе прозвища напридумывают. Как тебе: Фил Истрсбитель! Или: Боб Хитрозадый!

Джейк прыснул со смеху, и флегматичный Вибий позволил себе рассмеяться тоже.

— Ну хорошо, Вибий Латро, — сказал ко-

роль, посерьезнев. — По рукам. Будешь ты и наместником, и герцогом Тарантийским. И земли бери. Все бери, только ради всех своих богов вытащи меня из этого дерьма!

Глава шестая

КРОВАВЫЙ ПОХОД — I: ОЩУЩЕНИЕ КАЗНИ

Ранним вечером, когда жаркое стигийское солнце еще только склонялось к горизонту, в Южные ворота Луксура на огромном вороном жеребце въехал одинокий воин. Из одежды на нем были лишь широкий пояс на чреслах и дорогие сандалии на ногах. Мускулистое тело воина покрывали многочисленные раны. Очевидно было, что они произведены не клинками мечей и кинжалов и не стрелами луков и арбалетов, а, вероятно, раскаленными железными путьями — следы огня заметны были повсюду.

Широкая грудь воина представляла собой один сплошной ожог, черные волосы наполовину спалены. Тем не менее в седле воин держался уверенно и как будто торопился проехать в город. Седельная сумка его была оттопырена, а позади воина через круп коня был перекинут большой мешок.

Встревоженные стражники остановили воина. Все последние дни Луксур фактически пребывал на осадном положении. По неизвестной причине стража у ворот была увеличена в пять раз. Если прежде стражи ворот лишь следили за порядком, то теперь по приказу Святейшего они проверяли документы и обыскивали всякого проходящего в город — от крестьянина до принца. Вместе со стражника-

ми у ворот дежурили трое мрачных бритоголовых жрецов в просторных черных хитонах. Подозрительных личностей тотчас заковывали в цепи и отправляли в центральную комендатуру для дальнейшего разбирательства. Тех же, кто осмеливался бунтовать, уничтожали скоро и безжалостно. Заинтригованные подобными неслыханными мерами безопасности, стражники пересиливали врожденный трепет перед жрецами в надежде разузнать, кого — или что? — ищут по приказу Святейшего Тот-Амона. Но жрецы утрумо молчали, и, судя по тому, как с каждым днем все более хмурились их мрачные лица, поиски оставались безрезультатными.

Разумеется, неизвестный воин, раненный, без сомнения, колдовским огнем, являлся в высшей степени подозрительным субъектом. Едва въехал он в ворота, как стражники окружили его, выставив вперед длинные алебарды и нацелив на пришельца арбалеты. Высокий жрец визгливым голосом потребовал спешиться, назвать себя и предъявить свое снаряжение для досмотра. В ответ воин бросил жрецу пергаментный свиток. Жрец, чьи нервы давно были на пределе, проворно кинулся в сторону, выкрикивая охранительные заклинания. Воин на вороном коне презрительно рассмеялся и назвал себя. Стражники поклонились ему, но оружие не убрали, а трусливый жрец повторил свой приказ. В это время лейтенант стражи поднял пергамент и развернул его. Издав возглас удивления, лейтенант передал свиток старшему жрецу. Маг внимательно прочел текст. Чувство удовлетворения отразилось на его узком землистом лице, и он не допускающим возражений тоном приказал стражникам сорвать странный мешок с крупа лошади. Ви-

новато потупив взор, стражники протянули руки к мешку. В следующий миг руки эти уже взвились в воздух, отделенные от тел единственным взмахом громадного меча, которым орудовал всадник. Еще спустя мгновение этот меч отсек голову старшего жреца, и раненый воин, пустив коня в галоп, скрылся на узких улочках стигийской столицы. Вслед ему понеслись стрелы и алебарды, однако они уже не могли причинить вреда стремительному, как леопард, воину. Двос оставшихся в живых жрецов очухались последними, а очухавшись, завопили и бросились седлать коней, чтобы доложить о происшествии куда следует быстрее, чем это сделает обожженный колдовским огнем воин.

Не успели они вскочить на коней, как в ворота влетел еще один человек, запыхавшийся от долгого бега. Он что-то прокричал жрецам: язык, на котором говорил он, не был языком стигийцев. Изменившись в лице, жрецы спешили и подбежали к нему. Он показал им что-то, от чего они побледнели еще больше и склонили головы в знак покорности. Незвестный вскочил на коня и унесся в том же направлении к центру, что и преследуемый им воин.

А конь раненого воина галопом проскакал к королевскому дворцу. Не обращая внимания на крики дворцовой стражи, богатырь спешился, подхватил свой тяжелый мешок и быстрым шагом проследовал внутрь дворца. Здесь охраны было еще больше, чем в городе. Капитан с обнаженным мечом в руке кинулся ему наперерез, но, узнав страшного воина и поймав металлический блеск глубоко посаженных серых глаз, поспешил обратиться прочь с его дороги.

Так избежал он удара громадного меча, которым воин по пути к королевским покоем походя уложил еще шестерых человек. Раскидав стражников, богатырь ворвался в опочивальню короля и бросил к ногам Ктесфона свой мешок. Затем он расшнуровал седельную сумку и также швырнул ее под ноги побледневшему, как сама Смерть, монарху. Из сумки гулко выкатилась голова, более похожая на большой слиток золота, и, пока голова катилась, увядшие грязно-желтые волосы дергались вокруг нее, точно щупальца разъяренного демона.

— Голова Тхутмертари, сир! — коротко возгласил принц Джосер и свалился без чувств подле отрубленной его мечом головы.

Король Стигии упал рядом.

— Я сам видел это своими глазами, Святейший, клянусь милостью Вечного Отца! — в десятый раз клялся человек, явившийся в Луксур вслед за младшим братом короля.

— Если твои глаза тебя не обманули, Петсех, воистину Сет явил нам, рабам Его, свою величайшую милость! — взволнованно молвил Тот-Амон. — Кто бы мог подумать, что божественное провидение свершится руками человека столь ничтожного, как этот принц Джосер. Воистину неисповедимы замыслы Повелителя и пути Его!

— Воистину так, Святейший, — смиренно согласился Петсех.

— Расскажи еще раз, что ты видел, — велел Тот-Амон, и его соглядатай в очередной раз принялся рассказывать.

— Как ты предписал, Святейший, я начал следить за Джосером и его людьми еще в Лук-

суре. На рассвете они миновали Южные ворота. Облачившись в волшебную накидку, которую ты изволил дать мне, я сделался невидимым для их взора и незаметно сопровождал воинов к оазису Майат. Воины Джосера окружили заброшенный храм. Памятуя о том, что накидка надежно сохраняет меня от чужих взоров, я выбрал наиболее удобное место для наблюдения. Так я первым увидел презренную. Она спала на голом полу у самого алтаря...

— Очень недалекоvidно с ее стороны, — с мстительной ухмылкой вставил Тот-Амон.

— Воины Джосера двигались безмолвно, точно призраки. Однако презренная, должно быть, что-то почувствовала. Внезапно она проснулась и, как дикая кошка, сразу изготавилась к битве. В этот момент воины принца разом метнули свои дротики, ножи и летающие звезды. Я пришел в ужас, когда увидел, что все это могучее оружие сгорело в огненном вихре, окружившем презренную!..

— Проклятие Сета на голову того, кто надомил Вечного Отца вручить ей Магию Огня, — поешившись, молвил верховный жрец.

— ...Тогда воины Джосера забросали ее специальными мешочками с водой. Признаюсь, я впервые видел такое странное оружие, — сказал Петсех. — Это доказывает, что Джосер хорошо подготовился к схватке и знал, каким оружием будет сражаться презренная. Мешочки сгорели, вода пролилась на презренную, и она вопила от нестерпимой боли. Крик ее пробирал до самых костей. Пламя существенно поубавилось, и тогда воины Джосера вышли против нее с мечами. Презренная, как видно, не успевала составить защитные заклинания — слишком стремительно атаквали ее эти бога-

тыри! Из указательного пальца на правой руке ее родился длинный тонкий кинжал, а левая рука ее обратилась в ядовитую змею, — голос Петсеха дрогнул, — и презренная вступила в ближний бой с ними. Они рубились, как демоны, эти герои, клянусь Сетом, Святейший! И все же презренная была быстрее и ловчее их. Доли мгновения требовались ей, чтобы насмерть поразить воина кинжалом или перекусить его шею змеиной рукой. А мечи героев даже не оставляли следа на ее теле! Ужасным противником была эта тварь, да будет лишена посмертия душа ее!..

— Будет, будет лишена, непременно будет, — уверенно сказал Тот-Амон. — Что же было дальше, Петсех?

— Итак, Святейший, битва презренной с воинами принца продолжалась не более минуты. Они сражались не как обычные люди и пали подобно героям. Усилия их не прошли даром: хотя им не удалось даже ранить презренную, они, как видно, смогли до предела измотать ее. И вот, когда последний воин свалился с перекушенным горлом, в бой вступил сам принц. Раскрутив над головой своей меч, — клянусь чешуей Сета, я не видел меча громаднее этого! — он запустил меч в презренную, когда она стояла спиной к нему. И тяжелый клинок, быстрый как молния, точно секира палача, срезал голову с золотыми волосами! Она взлетела в воздух и пала на алтарь. Затаив дыхание, я наблюдал, как обезглавленный труп презренной, постояв некоторое время без движения, дернулся в конвульсии и рухнул ниц. А принц Джосер, подойдя к алтарю, недрогнувшей рукой взял с него голову презренной и, усмехнувшись, спрятал ее в свою седельную

сумку. Когда же он прикоснулся к обезглавленному труп, труп вспыхнул и опалил все тело принца! Это было страшное зрелище! Мне показалось, Джосер горит заживо! Тем не менее ему достало сил запихнуть труп в мешок, взвалить его на коня и добраться до Луксура...

— Много странного в твоей истории, Петсех, — покачал головой владыка Черного Круга. — Откуда Джосер мог знать, где следует искать презренную? Ведь сие не было открыто даже могучим магам, даже мне самому! Откуда принц узнал, как и каким оружием сражается она? Ведь он не встречался с нею. Кто мог ему сообщить о том, что презренная возымела силу Огненной Девы? Но, самое главное, как удалось этому ничтожному, не наделенному волшебной силой и тайным знанием, победить там, где были бессильны великие маги вроде меня?

— Воистину странно все это, — потупив взор, согласился шпион.

Подумав, Тот-Амон сказал:

— Однако не будем совать свои носы в бездны непостижимого, где единственно властвует наш великий Бог. Неважно как, но желаемое нами свершилось: Тхутмертари мертва. И я позабочусь, чтобы смерть ее была необратимой и чтобы ни один демон, дух или смертный чародей не смог оживить ее посредством некромантии либо иным способом. Так возблагодарим же Сета за то, что свершилось желаемое нами по воле Его!

— Так возблагодарим! — эхом отозвался Петсех.

И они оба, верховный жрец и его соглядатай, прошептали благодарственную молитву своему темному богу.

Жрецы Сета и королевские лекари колдовали у постели Джосера. Принц все еще был без сознания. Рядом безмолвно стоял пришедший в себя после испытанного потрясения король Ктесфон. На лице его не было радости. Напротив, оно походило более на маску мертвеца или скорее на лицо человека, приговоренного к пыткам и жуткой смерти. Губы короля дрожали, левая рука безжизненно повисла, а правая нервно тербила седые бакенбарды. Подле короля суетился и раздавал указания лекарям и жрецам молодой принц Рамзес. Труп Тхутмертари был нанизан на два длинных железных кола, перевязан крепкими серебряными веревками, прежде окропленными святой водой из подземных озер луксурского храма Сета, и утыкан специальными кинжалами из голубой стали, поверхность лезвий которых испещряли древние валузийские руны. Голова убитой с помощью магии была заключена в особый хрустальный шар. Чувствуя себя в полной безопасности, Рамзес пнул безголовый труп ногой и, заметив тяжелый взгляд, брошенный на него отцом, обратился к нему:

— Почему ты не радуешься, сир? Ведь мы победили.

— Возрожденное Зло нельзя победить, сын,— сумрачно проговорил Ктесфон.

— Ваш сын прав, сир, — сказал подошедший к ним Тот-Амон. — Вашему Величеству больше не о чем беспокоиться. Опасность миновала. У нас есть все основания торжествовать победу. Скоро труп презренной будет сожжен по всем правилам, и само имя Тхутмертари исчезнет навечно из летописей истории.

Король обернулся к Тот-Амону и тихим, но

исполненным нескрываемой ненависти голосом произнес:

— Неужели вы настолько глупы и наивны, сударь? Четверть века назад вы уже убеждали меня, что имя сестры я более никогда не услышу. Тогда я послушался вас, и вот результат: я потерял дочь, а вскоре и жизнь потеряю. Я совершил ужасную ошибку, доверившись вам тогда. Так почему я должен верить вам теперь?

В палате зависла гнетущая тишина. Все присутствующие — лекари, жрецы, воины — попытались сделать вид, что не слышали слов короля. Назвать всемогущего верховного жреца Сета сударем, точно какого-то безземельного аристократа, мог решиться лишь безумец. Тот-Амон побледнел, но, не желая в этот момент выяснять отношения с монархом, примирительно замстил:

— Переживания последних дней утомили вас, сир. Советую вам отдохнуть, вы неважно выглядите...

— Вы полагаете, теперь я стану слушать ваши советы, наставник?

Слово «наставник» Ктесфон произнес особенно презрительным, уничижительным тоном. Это было уже прямое оскорбление. Тот-Амон вспыхнул и приготовился дать отповедь королю. Однако Ктесфон, не дожидаясь реакции на свои слова, подобрал полы королевской мантии и внезапно вышел из палаты. Стража короля удалилась вслед за ним, а прочие присутствующие сделали вид, что ничего не заметили. Лишь Рамзес, виновато глядя на ноги Тот-Амона, шепнул:

— Молю вас, простите моего отца, Святейший. Он явно не в себе.

Маг, надменно посмотрев на молодого принца, молвил:

— Вероятно. Да помирует Владыка Сет грехи его!

— Скажите, наставник, — Рамзес почтительно наклонился к уху Тот-Амона и указал на обезглавленный труп, — это и в самом деле принцесса Тхутмертари, моя тетка?

Верховный жрец презрительно ухмыльнулся.

— Советую тебе реже произносить имя презренной. И мне непонятны твои сомнения. Но раз уж ты спросил, отвечу: твой дядя в самом деле убил ее. А сегодня в полночь я довершу начатое им и отниму у нее посмертие.

Рамзес с глубоким уважением взирал на человека, перед чьей мудростью искренне преклонялся.

— Наше счастье, что вы по-прежнему готовы направлять нас, Святейший. Сожалею, что мой отец был непочтителен с вами.

— Ценю твою преданность, сын мой, — сказал Тот-Амон. — Чтобы процветала наша древняя держава, власти светская и жреческая должны пребывать в согласии. Иначе не быть им и не жить Стигийской империи. Я вижу, ты понимаешь это, наследный принц.

Рамзес надолго задумался, следует ли понимать слова наставника как намек или как очередную мудрость, изреченную устами земного наместника Сета.

Солнце спустилось в темные воды великого Стикса. Приближалась полночь. В палате, где лежал Джосер, дежурили три лекаря, а дверь охраняли два стражника. Вошел Тот-Амон. Взмахом руки он приказал стражникам выйти вон и обратился к целителям:

— Приходил ли в сознание принц?

— Не приходил, Святейший, — поклонившись, ответствовали они.

Тот-Амон задумчиво посмотрел на завернутое в целительные повязки тело Джосера, затем сказал:

— Оставьте нас ненадолго.

Лекари покорно склонились и, не спрашивая, зачем верховному жрецу понадобилось уединиться с бесчувственным больным, поспешили удалиться.

Когда за ними закрылась дверь, маг прошел к постели принца, сел у ног его и звучно проговорил:

— Сын мой, слышишь ли ты меня? Очнись!

Джосер по-прежнему был без сознания. Тот-Амон удовлетворенно хмыкнул.

— А ты взаправду герой, принц, — задумчиво сказал маг. — Хотел бы я знать, как тебе удалось победить Тхутмертари. В любом случае ты достоин великой награды. Я мог бы сделать тебя королем. Ктесфон все более беспокоит меня. Он ведет себя так, как будто знает, что косвенным виновником бесчинств Тхутмертари являюсь я. Но ведь он не может этого знать, если только она сама ему не сказала... Тогда Ктесфон опасен. Очень опасен! Он не властен выслать меня, как это сделал их отец Ментуфер, но если жрецы увидят, что король отказал мне в доверии, они сами низложат своего повелителя, ибо врагов у меня хоть отбавляй, — Тот-Амон поежился. — Будем надеяться, Ктесфон успокоится и возьмется за ум. Если же нет, придется мне самому упокоить его безумную душу... Ты мог бы стать королем, Джосер. Ты достаточно глуп, чтобы занимать Трон из Слоновой Кости. Но достаточно ли ты управ-

ляем? Вот вопрос! И сегодняшний подвиг твой все тебе испортил! Видишь ли, я не могу позволить, чтобы на престоле Стигии восседал король-герой. Достаточно с меня одного Мен-туфера. Сейчас ты предан мне, Джосер, но разве могу поручиться я, что так будет всегда? Ты странный человек, принц. Признаюсь, жизнь научила меня опасаться подобных тебе людей, — жестко сказал Тот-Амон бесчувственному принцу. — Ты непредсказуем, а я этого не люблю. Пусть уж лучше этот жалкий Рамзес займет трон; я хотя бы знаю, чего ждать от него... Конечно, ты теперь самый популярный человек в Стигии, но королем тебе не быть... И никем не быть более. Твоя беда в том, что ты осмелился свершить больше, чем тебе было позволено. Поэтому я вынужден расстаться с тобой, как это ни прискорбно.

Из складок своего хитона маг извлек крохотный блестящий шарик, похожий на застывшую слезу. Раздвинув кинжалом зубы больного, Тот-Амон опустил шарик в рот Джосеру. Бесцветная масса с едва слышным шипением растворилась.

— Ну вот, собственно, и все, — сказал верховный жрец, встав с постели. — Ты принял Слезу Ханумана, принц. Не знаю, как насчет самого Ханумана, но яд его действует безотказно и не оставляет следов в организме. Самое большее через сутки ты умрешь от своих ран, и никто не узнает истинную причину твоей смерти. Прощай, принц Джосер.

И он вышел из палаты больного.

А в сознании принца вдруг зазвучал другой голос.

— *Полагаю, он рановато попрощался с тобой.*

— *Яд нейтрализован?*

— *Да. Кстати, ты можешь уже вставать, если хочешь.*

— *Нет, хочу еще полежать.*

— *Твое дело.*

Вернувшиеся к постели больного лекари с сожалением констатировали, что после визита Святейшего принцу Джоссеру, увы, не стало лучше.

Чертог напоминал полусферу, и ни одного угла, казалось, не было в нем. Все было черным-черно здесь, кроме тусклого желтоватого света редких факелов: черные стены, плавно и незаметно переходящие в черный потолок; черный куб, алтарь Сета, в центре зала; черные люди в черных хитонах, плотным кольцом обступившие жертвенник. То был зал собраний Черного Круга, тайного сообщества стигийских волшебников, и все — без исключения! — члены этого темного братства находились теперь здесь. Сорок четыре мага, отставив на несколько часов взаимную неприязнь, собрались в Зале Черного Круга, что был запрятан глубоко под парадным храмом Сета в Луксуре, ибо ритуал, имеющий место этой ночью, объединял их неразрывно. Волшебники Черного Круга соединились, чтобы произвести последнюю казнь закланной врагини своей, всех вместе и каждого из них в отдельности, — принцессы Тхутмертари.

Обезглавленный труп мятежной принцессы покоился на кубическом алтаре. Рядом лежала голова Тхутмертари; на лице покойницы отпечаталась странная ухмылка. Верховный жрец Тот-Амон воздел руку со змеиным перстнем и призвал к тишине.

— Объединим наши усилия, почтенные коллеги, — сильным, трубным голосом проговорил он. — Согласно воле Вечного Отца нашего Сета мы лишаем посмертия рожденную Тхутмертари. Пусть исчезнет душа ее вместе с телом и никогда более не возродится к жизни в этом мире или иных мирах. Да будет так!

— Да будет так, по воле Вечного Отца! — эхом отозвался синклит.

По сигналу Тот-Амона жрецы простерли руки к алтарю и забормотали заклинания. Долгие столетия минули с тех пор, когда члены общества в последний раз объединяли свои магические силы в едином метаконцерте. Мощь объединенной магии Черного Круга была столь велика, что казалось, истекающие к алтарю густые потоки волшебных эманаций можно было пощупать руками. Останки Тхутмертари завибрировали. На угрюмых лицах некоторых магов появился пот, но они не смели разорвать магическую цепь, ибо это грозило бы гибелью каждому из них. По новому сигналу своего главы волшебники вывернули кисти ладонями к алтарю, словно направляя разрушительную энергию к жертве. Раздался тоскливый стон — это душа приговоренной возвратилась в тело, чтобы умереть вместе с ним. Голова Тхутмертари дернулась, волосы зашевелились, открылись глаза и разверзлись губы. Послышался длинный заливистый смех, он звучал издевательски и торжествующе. Однако смущаться жрецам было поздно, и они на едином дыхании вонзили в жертву мощь последнего разрушающего заклания. Тот-Амон вскинул руку — из глаз магической змеи, свернувшейся в виде перстня на его руке, вырвались две изумрудные молнии и поразили труп и голову Тхутмертари. В тот

же миг останки вспыхнули зловещим зеленоватым пламенем. Прощальный стон загубленной души медленно гас на алтаре. Но не прошло и минуты, как колдовской огонь сожрал останки, и то, что покоилось на алтаре, перестало существовать. Алтарь был чист; над черным кубом витали лишь неиспользованные потоки темной магической силы, и он прожорливо впитывал их в себя...

Волшебная стигийская ночь вступила в свои права.

В это самое время король Ктесфон, отослав слуг и стражников, в одиночестве ходил по своей опочивальне. Лицо его было спокойно, и мрачная решимость отражалась на нем. Король не собирался отходить ко сну. Напротив, он был облачен в полный боевой доспех. Вооружение странно смотрелось на нем, ибо фигура и стать Ктесфона выдавали не воина, каким, к примеру, были его отец и младший брат, а правителя, забывшего о том, что такое война. Так или иначе, стигийский король, очевидно, приготовился к схватке. Среди его оружия особо выделялся меч. Клинок сей был единственным в своем роде: узкое и длинное, почти в человеческий рост, лезвие, кажущееся двухслойным — черное с одной стороны и белое с другой; ветвящаяся и бугристая рукоять, сотворенная явно не для человеческих рук; эфес, изображающий лик какого-то неизвестного злого божества — не Сета, не Нергала и даже не Аримана... Невыразимой древностью веяло от этого странного клинка!

На шорох король Стигии обернулся.

Его старшая сестра стояла посреди палаты.

Она также облачена была в доспехи воина, а на голове блестел золотом шлем. В правой руке Тхутмертари держала меч — почти такой же длинный, как у Ктесфона, но не с прямым лезвием, а с волнистым, точно клинок этот представлял собой застывшую в металле змею; эфес меча изображал оскаленную морду чудовищной рептилии.

— Ты ждал меня, брат, — ровно проговорила Тхутмертари.

— Как видишь, — сказал Ктесфон. — Спектакль, разыгранный тобой, способен был ввести в заблуждение кого угодно, только не меня.

— Я разыграла его не одна, а вместе с Джосером. Наш брат на моей стороне.

— Мне это безразлично, — пожал плечами король. — Одним предателем меньше, одним больше — невелика разница. Джосер всегда был глупцом. Полагаю, он умрет страшнее, чем я.

— Посмотрим, — уклончиво промолвила Тхутмертари. — Еще не время решать его судьбу. А вот твоё время уже пришло, как я и обещала, брат Ктесфон.

Король неторопливо кивнул.

— Но скажи, сестра, — он указал мечом на её одеяние, — к чему весь этот маскарад? Разве для того, чтобы покончить со мной, тебе нужен меч? Куда девалась твоя хваленая волшебная сила?

— Она при мне, и истинную её мощь ты не можешь себе представить. Но я сочла себя обязанной отвоевать стигийскую корону в равном бою.

— Вот как? — искренне изумился Ктесфон. — А я полагал, что знаю тебя, сестра Тхутмертари. Не думаешь ли ты, что в честном бою можешь проиграть?

— Все в деснице Сета, брат, — ответила она. — А ты, я вижу, более не рассчитываешь на его милость, раз извлек из пыли тысячелетний Меч Глаханов. Думается мне, ты первый человек, возымевший желание сражаться им, — с уважением заметила волшебница. — Следовательно, и в человеческое оружие ты не веришь... Не боишься, что глаханский клинок подведет тебя?

— Посмотрим, — в свою очередь, сказал Ктесфон. — Во всяком случае, когда Земля еще не знала людей, глаханы косили этим клинком змеиное племя. Если древние летописи не врут, конечно.

— Они не врут. Однако обрати внимание, брат: в конечном итоге змеи одержали верх над глаханами.

Брат, казалось, пропустил мимо ушей ее последние слова.

— Вот я и хочу проверить, справится ли этот клинок со змеей сейчас, как справлялся десятки тысяч лет тому назад.

Тхутмертари понимающе кивнула.

— Да, мне тоже это будет интересно.

— Так приступим, сестра.

Самые заклятые враги на планете отдали честь друг другу своими клинками и ринулись в битву. Прямой и волнистый мечи сшиблись, издав неестественный дребезжащий звон. Ненависти не было ни на лице Ктесфона, ни на лице Тхутмертари. Их вражда была столь глубока и столь же закономерна, что схватка с неизбежностью превращалась в своеобразный ритуал, но оттого не становилась менее ожесточенной. Нет нужды подробно описывать ее. Противники кружили по залу, их клинки свистели в пространстве, сшибались, высекая сно-

пы искр, и все так же ни одной раны не могли нанести, не то чтобы убить.

— Ты молодец, брат! — воскликнула Тхутмертари, делая подсечку. — Молодец!

— А ты как думала? — зло усмехнулся Ктесфон, парируя глаханским клинком ее выпад. — Ты думала, я подобно Рамине позволю легко убить себя? Тогда ты ошиблась, сестра. Получай!

Меч Глаханов взвился в стремительном броске и прошел совсем рядом от лица Тхутмертари, едва не коснувшись ее изумительной золотистой кожи, но срезав целую прядь пышных волос. Принцесса со змеиной гибкостью качнулась в сторону и расхохоталась:

— О-го-го, братец! Признаюсь, я тебя недооценивала! А что ты ответишь на это?

Волнистый меч закрутился в бешеном танце, так что лезвие вовсе исчезло из виду. Ктесфон вынужден был отступать. Он поразился нечеловеческой силе сестры, позволившей ей вращать так долго и с такой скоростью тяжелый клинок. Тхутмертари отеснила его к стене; на рубиновых губах ее играла зловещая ухмылка. Вложив в удар всю свою силу, король вогнал глаханский клинок в самое сердце стального вихря. Отчаянный звон чужого металла разрывал слух. Ктесфон на миг зажмурил глаза, и этого единственного мига хватило Тхутмертари, чтобы вонзить волнистое лезвие в бок брата.

Ктесфон пошатнулся, но устоял. Девушка пружинисто отпрыгнула, приглашая его в центр зала.

— Глаханский меч сыграл с тобой злую шутку, братец, — саркастически молвила она. — Босвая песнь его горька для человеческого уха.

Король почувствовал, как кровь струится из раны вниз по ногам. Не говоря ни слова, он бросился на сестру, и на сей раз она не успела защититься. Меч Глаханов отсек ей левую руку по локоть. К удивлению короля, кровь не хлынула из страшной раны, а Тхутмертари только презрительно рассмеялась.

— Эта рука все равно чужая! — воскликнула она, ускользая от его атаки. — Это был рыжий аспид, а не моя рука. Я скрепила его со своим телом с помощью волшебства и с помощью волшебства же прилажу нового аспида!

— Ты забыла добавить: если останусь живой! — вскричал Ктесфон, нападая на нее.

И все же он понимал, сколь неравны их силы. Волшебница сражалась правой рукой, не подавая никаких признаков усталости. Ее эластичное тело проворно уклонялось от всех атак его клинка. А Ктесфон слабел; обильный кровавый след оставался повсюду, где ступал стигийский король. Его не покидало странное ощущение, что сестра сражается не в полную свою силу и ждет чего-то, не решаясь одним сокрушительным ударом закончить поединок. А может быть, она развлекается так?..

— Я должна спросить тебя: сдаешься?

Ктесфон ничего не ответил ей. В последнем усилии он устремил двухслойный меч к ее груди. Волнистый клинок парировал удар. Столкновение оказалось слишком сильным, и более древний металл победил в нем. Клинок Тхутмертари сломался. Но Ктесфон, не удержав равновесия, упал на пол. Его меч отлетел прочь, и у короля уже не было сил устремиться за ним. Ктесфон выхватил из-за пояса кинжал и запустил его в сестру. Отбросив бесполезный обломок меча, Тхутмертари ловко поймала ле-

тящий кинжал. Отточенное лезвие раскроило ей кисть, но она сумела послать кинжал обратно, и он вошел глубоко в грудь короля. С булькающим звуком изо рта Ктесфона потекла кровь.

Возвышаясь над ним, змеиная принцесса сказала:

— Ты хорошо сражался, брат. И все же змея победила человека, как и было назначено. Сейчас ты умрешь, а я приму твою корону. Завершится Царство Человека, и возродится Империя Змея! Да будет так!

— Ты просчиталась, сестра, — хрипло рассмеялся умирающий. — Тебе не стать законной королевой Стигии, как ты рассчитывала. Даже если изменник Тот-Амон коронует тебя, по древним законам нашим ты не сможешь править, ибо пролила кровь законного владыки...

Следующие ее слова потрясли умирающего монарха и поразили его в самую душу.

— А я верну тебе всю твою кровь, братец, и никто о нашей схватке не узнает, — очаровательно улыбнулась она и сказала как будто в пустоту: — Сур, раб мой, сделай так, чтобы король Стигии Ктесфон умер естественной смертью.

Ктесфон не знал и не мог знать, к кому обращается злодейка. Но в последнюю минуту жизни он вдруг понял *все*, и ледяное спокойствие оставило короля.

— Нет!!! — горестно вскричал он. — Где же честный бой?! Ты снова обманула меня, змея!

— В честном бою ты проиграл, брат, — надменно молвила принцесса. — И я по праву победительницы вольна делать с тобой все, что захочу.

— Не-е-ет... — отчаянно простонал Ктес-

фон, всей душой мечтая лишь об одном: умереть от ран. Сейчас. Немедленно. В эту секунду.

Однако Тхутмертари еще позволила ему почувствовать, как разрывается его сердце и отлетает от тела его душа...

Она позволила ему еще увидеть, как раны затягиваются на мертвом теле и как пролитая кровь возвращается в сосуды...

И как мертвое тело короля возносится на широкое ложе...

И как пропадают с него доспехи, уступая место широким ночным одеждам...

И как исчезают все следы ночной схватки...

И как страшная гримаса искажает лицо покойника, и жуткий вопль вырывается из горла...

И как вбсгают в покой встревоженные стражники...

И еще немного времени дала она ему, чтобы он увидел, как придворные лекари констатируют смерть короля от разрыва сердца...

Они Тхутмертари не заметили, ибо ее в королевской опочивальне уже не было.

Глава седьмая

КРОВАВЫЙ ПОХОД — II: КОРОНАЦИЯ В ЛУКСУРЕ

Роковая ночь, черная от свершенного в часы ее шествования зла и красная от пролитой крови, медленно уступала свои права дню. Дню, которому назначено было стать переломным в истории древней Стигии. А может быть, и всей Хайбории.

Но принцесса Камия, супруга Джоссера, не могла знать этого. Она сидела у постели своего мужа и кусала губы от нетерпения. Чуть ли не

каждую минуту она подносила зеркальце ко рту принца и заглядывала в его глаза. Вот наконец глаза Джосера открылись, и Камия, не дожидаясь, когда в них возникнет осмысленное выражение, воскликнула:

— Клянусь Сетом, ты заставил меня ждать, Джосси! Такие дела творятся во дворце, а ты спишь, как желторотый младенец!

— Я чуть не умер, Ка, — тихо проговорил Джосер.

— Не время тебе умирать! Ты должен стать королем. Три часа тому назад подход Ктесфон.

Принц вздрогнул и прикрыл глаза. Сердце его отчаянно забилося. Ну все, началось, подумал Джосер. Камия истолковала его реакцию иначе. Она с силой шлепнула мужа ладонью по лицу.

— Вставай! — гневно воскликнула она. — Доколе же будешь ты довольствоваться ролью мальчика для поручений? Как злодейку уничтожить, ты сразу тут как тут, а награду пусть получают другие? Ну уж нет!

Как прелестна она в гневе, отметил принц. Блестящие черные волосы, заплетенные в косички, высокий чистый лоб, длинные ресницы и большие миндалевидные глаза, всегда полные страсти... И алые губы, тонкие, но чувственно прекрасные. Как она красива! И я так люблю ее, несмотря на весь ее эгоизм и скверный характер!..

Джосер рывком сел на постели. Камия чмокнула его в щеку и проговорила более спокойно:

— Король умер от разрыва сердца. Неудивительно, ведь он всегда был тряпкой. Как видно, сердце старика не выдержало переживаний. Ну да ладно... Я разговаривала с полководцем

Раматепом. Он приходил проведать тебя. Ты не слышал?

Еще бы не слышать. Старый плут и развратник, служивший еще отцу его отца, по-прежнему мечтает угодить всем. Джосер отрицательно покачал головой.

— Раматеп клянется, что армия за тебя, Джосси, — сказала принцесса. — Я согласна с ним. И знать тоже за тебя.

— А жрецы?

— Жрецы все здесь, весь Черный Круг. Они собрались, чтобы покончить с Тхутмертари. Ну а теперь они все будут участвовать в коронации.

— Тот-Амон коронуется Рамзеса, — сказал Джосер. — Ведь Рамзес — законный наследник.

— Не коронуется, — глаза Камии лихорадочно заблестели, — если Рамзес присоединится к своему отцу. Вот, бери, — она протянула ему кинжал, — и добудь себе корону. Ты заслужишь ее больше, чем этот ничтожный.

Разве ж можно в таком тонком деле идти напролом? Джосер вырвал у жены кинжал и запрягал его в ножны. Она опять истолковала это по-своему и вlepила мужу новую пощечину.

— Ах ты, безвольная куча мышц! Когда же ты станешь мужчиной?! Иль ты только в битвах герой? А пойти прикончить своего жалкого племянничка, который и так уже одной ногой стоит в могиле, ты трусишь! Что ж, значит, ты так и умрешь принцем, подслон тебе!

— Я умру королем, и более могущественным, чем все короли Стигии, вместе взятые! — загремел Джосер и тут же прикусил язык, в душе ругая себя последними словами за несдержанность. Ведь *она* может услышать!

— Молю тебя, держи язык за зубами, Ка, — прошептал Джосер, — и доверься мне. И не подталкивай. Я знаю, что делаю.

Камия, ничего не понимая, проговорила:

— Если Рамзес доживет до полудня, Тот-Амон объявит его королем, а ты опять останешься с носом.

— Нет, — покачал головой принц, — будет иначе. А как, увидишь. Если я убью Рамзеса, считай, я тоже покойник.

Она снова не поняла его! О, если б можно было ей все рассказать!..

— Тот-Амон не посмеет. Жрецы не позволят ему. Ты слишком популярен, чтобы казнить тебя за убийство ничтожного Рамзеса. Не бойся. Если не считать Рамзеса, наша семья — ты, я и дети — последняя ветвь царствующей династии. Тот-Амон не посмеет, — повторила принцесса, — среди жрецов положение его уже не столь прочно, как год назад. Он коронуется тобой, Джосси. Ты должен действовать, или я окончательно разочаруюсь в тебе. — Она надула губки.

Уязвленный принц чувствовал неодолимое желание поделиться с любимой женой. Она поймет и одобрит... Нет, нельзя! Слишком многое поставлено на карту... Глядя в глаза Камии, он проникновенно произнес:

— Любимая, молю тебя, доверься мне! Как доверялась всегда: в джунглях Кхитая, где мы вместе искали сокровища лемунов, и в Пиктлэнде, где тебя захватили в плен дикари, и на острове Мад-Аска, где нас пытали неслюди и где я вырвал тебя из когтей их демона, и в Зингаре, где нас чуть не сожгли как колдунов... Доверься мне, Ка! Мы столько пережили вместе, и ты всегда оказывала мне поддержку. Не-

ужели ты оставишь меня сейчас? Поверь, Ка, сейчас нас ждут испытания, в сравнении с которыми все наши прошлые приключения покажутся скучной прогулкой! Молю, поверь!

Камия изумленно слушала его, а когда он замолчал, проронила:

— Ну, если так... Наверное, тебе виднее, Джосси.

И все-таки она умница, подумал Джосер. Даже не требует рассказать, в чем дело. Значит, доверяет.

— И не завидуй остальным, милая, — сказал он ей напоследок. — Будет на то воля Сета, мы переживем их всех.

Атотмис, бывший жрец Сета, с трепетом наблюдал, как фосфоресцирующее облако ядовито-зеленого цвета проявляется в его заколдованном узилище. Небольшая камера напоминала каменный мешок. Она была непостижимым образом вырублена внутри гигантского гранитного монолита. В этой комнате не было ни окон, ни дверей, ни люков, ни светильников, ни решеток. Со всех шести сторон — только гладкая поверхность черного гранита. Лишь с помощью могущественной магии можно было проникнуть сюда, и лишь один человек в мире владел соответствующим заклинанием — хозяин зачарованного каземата Тот-Амон, верховный жрец Сета.

Атотмис не видел своего истязателя с того самого дня, когда черный маг предлагал ему сделку: свобода в обмен на жизнь принцессы Тхутмертари. Тогда узник гордо отверг предложение верховного жреца. И не только потому, что не осмелился бы поднять руку на свою возлюбленную, но и потому, что твердо знал: едва умрет Тхутмертари, Тот-Амон лютой смертью

умертвит и его, Атотмиса. К ужасу его, отказ не остановил владыку Черного Круга. Здесь же, в этом каземате, Тот-Амон сотворил демона, влил в свое создание кровь живого Атотмиса и с помощью магии придал Лже-Атотмису полное внешнее сходство с настоящим Атотмисом. «Отправляйся и убей принцессу Тхутмертари», — повелел демону Тот-Амон и добавил, обращаясь к несчастному узнику: «Твоя возлюбленная не заподозрит подмены. Этот демон убьет ее. А ты останешься здесь!» И маг покинул темницу, а Атотмис остался отбывать свой бесконечный срок...

Узник каменного мешка, человек-труп, чья жизнь поддерживалась лишь чарами Тот-Амона, не ведал счета времени. И, конечно же, он не знал, пала ли его возлюбленная жертвой Лже-Атотмиса либо ей удалось спастись. И потому к трепету несчастного узника примешивалась крохотная толика надежды. И она, эта надежда, угасала по мере того, как Атотмис вглядывался в самодовольное лицо мучителя...

— Приветствую тебя, благородный Атотмис, — издевательским тоном проговорил Тот-Амон, материализовавшись. — Спешу сообщить тебе последнюю новость. Полагаю, она заинтересует тебя. Четыре часа тому назад Черный Круг уничтожил Тхутмертари и развоплотил ее душу. Твоя возлюбленная не существует болсе, Атотмис!

— Я не верю тебе, колдун, — глухим голосом произнес узник.

— У меня есть отличный способ уверить тебя в моей искренности, Атотмис, — ухмыльнулся маг. — Долгие годы я содержал тебя здесь, в этом каменном мешке, чтобы иметь свой козырь в игре с Тхутмертари, хотя мне и

была непонятна ее странная привязанность к жрецу-недоучке. Однако теперь, когда Тхутмертари мертва, козырь утратил свою ценность, превратившись в битую карту, — многозначительно изрек он. — Не раз молил ты меня прекратить твои мучения. И вот я счел, что момент, когда я могу пойти тебе навстречу, настал.

— Ты позволишь мне умсреть человеческой смертью? — Нескрываемое облегчение прозвучало в голосе несчастного.

— Позволю, — кивнул Тот-Амон. — Но не думай, что я делаю это из сострадания к тебе. Отнюдь. Просто я обязан уничтожить все, что хоть как-то связано с именем Тхутмертари. Значит, и тебя, бывший жрец Атотмис.

— Я готов к смерти, — молвил узник. — И мне безразличны твои мотивы, колдун. Надеюсь, мы скоро встретимся у трона Вечного Властелина.

— Сомневаюсь, что тебя подпустят к нему, презренный, — глумливо расхохотался маг.

— Ну давай, кончай меня! — воскликнул Атотмис.

— Придется тебе еще чуть обождать, — давась от смеха, вымолвил верховный жрец. — Хотя бы с часок. Видишь ли, мне недосуг. Там, наверху, — он воздел руку, указывая на потолок, — скоро начнется коронация наследного принца Рамзеса. Мне надлежит возложить корону Стигии на голову этого ничтожного.

— А что с Ктесфоном?

— Сет призвал его к себе. В последние дни рассудок начал подводить Ктесфона, а наш Повелитель, как известно, не терпит безумных королей... Итак, я вернусь, как только Стигия обретет нового короля, — сказал маг и вскоре

растворился в фосфоресцирующем изумрудном облаке, оставив узника в томительном ожидании спасительной смерти.

Зал был велик и ослепительно великолепен. Случайно угодивший сюда ни за что бы не догадался, что находится в самом сердце грандиозного парадного храма Сета в Луксуре — великой столице обширной империи змеепоклонников, а не, к примеру, во дворце туранских императоров в Аграпуре. Даже нефритовое изваяние Повелителя Вечной Ночи, нависающее над подиумом, не выглядело таким уж мрачным и зловещим. Длинный, отделанный золотом и бриллиантами зал назывался Чертогом Королей, ибо здесь испокон веков верховный жрец Сета короновал нового светского властителя Стигии. Согласно древнему обычаю, на коронации присутствовала вся стигийская знать. Разумеется, большинство владельцев отдаленных земель не успели прибыть в Луксур, а многие даже не знали о смерти короля и предшествовавших ей страшных событиях. Тем не менее Тот-Амон не захотел затягивать процедуру и, не объявляя даже траура по почившему монарху, назначил коронацию его сына.

Верховный жрец выглядел сильным и уверенным в себе. Истинный властелин Стигии с чувством глубокого превосходства окидывал взглядом ряды собравшихся, и все — бароны, жрецы и представители третьего сословия — спешили поклониться ему, свидетельствуя свою покорность его власти. Тот-Амон был доволен. Все разрешилось самым наилучшим для него образом. С Тхутмертари покончено: вот уже

почти двенадцать часов нет волшебницы ни в мире живых, ни в мире мертвых. Она просто не существует. Очень кстати скончался и Ктесфон. Один лишь Великий Сет ведаёт, что мог бы выкинуть свихнувшийся король, останься он в живых. Должно быть, что-то очень опасное для Тот-Амона, если Вечный Отец решил избавить от Ктесфона своего верного раба.

Кандидатура нового короля как нельзя лучше устраивала Тот-Амона, и он был даже рад, что Тхутмертари, прежде чем уйти в небытие самой, успела столкнуть со сцены эту дерзкую выскочку Рамину. Король Рамзес будет ещё более предан духовному наставнику, чем король Ктесфон. С помощью нового короля Тот-Амон окончательно раздавит всех своих неприятелей в Черном Круге. Вот они, все здесь, эти коварные жрецы. На лицах их застыла покорность, но черные души этих колдунов мечтают о свержении властелина. Глазки так и стреляют в сторону Кольца Сета: всякий был бы рад завладеть могущественным змеиным перстнем! Однажды это уже случилось. Потеряв Кольцо Сета, Тот-Амон утратил власть, вынужден был бежать из Стигии и скрываться рабом у аквилонского изгоя графа Аскалантс. Но затем он вернул себе перстень, и с перстнем вернулась его власть над сообществом жрецов и чародеев. И больше он эту власть не упустит, ибо Кольцо Сета навски останется с ним!

С помощью покорного короля Тот-Амон сделает все, что только захочет. Если Ктесфон, будучи человеком неглупым, ещё как-то сопротивлялся воле верховного жреца, то скудоумный Рамзес всегда будет смотреть ему в рот. Наступит конец мирным временам, и великая

Стигия явит свое истинное могущество! Соседи, вероятно, забыли силу древней империи. Ну что ж, пора напомнить им о ней! И побегут шемиты, спасая свои жалкие шкуры и оставляя на разграбление стигийскому воинству богатые города. И взвоят черные шакалы Куша, когда легионы новых рабов пойдут через пустыню к новым хозяевам, а жестокие бронзовокожие надсмотрщики вскинут длинные бичи над спинами закованных в кандалы дикарей. И заплачут мужи кешани, ибо женщин их поведут на черные кубические алтари, и умрут они под ножами бритоголовых жрецов, даря кровь свою чужому божеству. И даже людоеды Дарфара забудут дорогу в стигийскую пустыню, ибо убоются они. Страх и трепет будет внушать соседям древняя империя под властью Тот-Амона в эпоху царствования короля Рамзеса!

А потом, через много-много десятилетий, король Рамзес умрет, и на Трон из Слоновой Кости взойдет очередной властелин Стигии, который еще даже не родился. Вернее, он только будет называться властелином, ибо останусь я, думал Тот-Амон.

Так размышлял он о небренности своей власти, и тысячи людей, ожидавшие его сигнала в Чертоге Королей, безмолвно стояли перед подиумом, где возвышался он. Затем громадные солнечно-песочные часы — луч светила проникал в зал через сложнейшую систему световых труб — возвестили о наступлении полдня, и Тот-Амон велел начинать церемонию.

Жрецы — рядовые, не посвященные жрецы, не волшебники, а песнопевцы — вознесли хвалу Змею Вечной Ночи. Затем они запели осанну почившему королю. Они пели, как велик и мудр был король Ктесфон, и как угоден был он

Отцу Сету, и как славны были дела его, и какую милость оказал ему Повелитель, призвав в свое вечное царство. Сильны и красивы были голоса жрецов, до самого сердца доставали они, так что в иную минуту могло показаться, будто песнь их — не древний ритуал, в котором меняется лишь имя владыки, а чистая правда. Даже Тот-Амон заслушался.

Затем снова восславили они имя Вечного Отца, и весь многотысячный зал, как один человек, склонился перед нефритовым изваянием Бога-Змея. Минуту в полной тишине колени преклоненно стояли все, а когда поднялись с колен, жрецы возобновили свою песнь. Они вновь и вновь славил Сета — то был переход от од по почившему монарху к песням о новом короле. Переход этот символизировал неизменность Повелителя: проходят дни и ночи, люди рождаются и умирают, закономерно сменяются короли и жрецы — а Небесный Повелитель был, есть и пребудет в Вечности, и неколебимо царство Его...

Затем в песнях прозвучало имя Рамзеса. Жрецы испрашивали божественной милости для нового короля. Говоря от имени Рамзеса, они обещали Сету богатые жертвы, дабы доволен он был своим новым слугой, наместником над народом Змея. В ночь после коронации полагалось приносить дары на алтарь Бога, и чем обильнее будет литься по черному камню человеческая кровь, чем чище она, — тем более доволен будет Великий Змей своим новым слугой, королем стигийцев...

Пропев все полагающиеся молитвы, жрецы умолкли. Наступал самый важный и торжественный момент церемонии. Верховный жрец Тот-Амон взял с атласной подушечки корону

Стигии — переплетение тяжелых золотых колец, украшенных бесчисленными рубинами; спереди корону венчала вздыбившаяся змея, и в каждом из шести щупальцев ее также сверкал рубин, а два других рубина, еще больше и прекраснее, заменяли змее глаза. И звучный голос Тот-Амона разнесся под лепными потолками Чертога Королей:

— Приблизься ко мне, сын мой Рамзес.

Бледный от природы и вспотевший от волнения, юноша поднялся на подиум. На последней ступеньке он споткнулся, и Тот-Амон машинально отметил: дурной знак. Но такая мелочь не могла нарушить стройности вековой церемонии. Рамзес подошел к Святейшему и безмолвно, как велит закон, поклонился сначала нефритовому изваянию Бога, затем живому его наместнику.

— Готов ли ты принять корону Стигии, Рамзес? — пророкотал Тот-Амон.

— Готов, Святейший, — закашлявшись, хрипло ответил юноша.

Верховный жрец с трудом сдержал презрительную ухмылку. Ничтожный юнец, даже на собственной коронации не может взять себя в руки. Взгляд мага помимо воли обратился налево, где среди прочих высших вельмож стоял Джосер. Лицо принца было непроницаемо. Может быть, стоило отдать корону ему? — мелькнула в мозгу Тот-Амона мысль. Он бы не струсил. С чего я, собственно, взял, что Джосер не будет лоялен?.. Однако свершенного не воротишь. Принц Джосер умрет от яда через несколько часов; удивительно, как вообще у него хватило сил явиться на коронацию... И Тот-Амон медленно проговорил следующую фразу древнего ритуала:

— Имеет ли кто из присутствующих возразить против венчания на царство Рамзеса, сына Ктесфона?

И приготовился возложить золотую корону на голову трясущегося в нервной лихорадке юноши, ибо за три последние тысячи лет никто не имел ничего возразить. Во всяком случае, публично...

И вдруг...

— Я имею возразить! — Пронзительный глас, явившийся неизвестно откуда, был настолько силен, что задребезжали алебарды в руках стражников, а древние солнечно-песочные часы треснули, и песок времени заструился по новым, не положенным ему руслам.

В тот же миг посреди громадного зала возник черный вихрь. Вихрь сложился в высокую фигуру, точно сотканную из первородного мрака. По просторному черному одеянию странно метались багровые огни — плотные облачка кровавого тумана. Опытные маги тотчас узнали страшное Покрывало Ночи, ибо этот хитон действительно был соткан демонами из первородного мрака Преисподних Миров, а багровые облачка — это закабаленные души замученных девственников, в чьей крови был омыт хитон. И лишь одному человеку принадлежало это страшное одеяние, способное внушить холодный ужас само по себе — даже если не знать, кого скрывает оно...

Из-под низкого черного капюшона выглянуло божественно прекрасное и исполненное столь беспредельной злобы, какую прежде позволяли себе лишь властительные боги, стоящие много выше ничтожных смертных, лицо. Рубиновые губы очертились в хищном оскале, а

ясные сапфировые глаза за пару мгновений обежали весь чертог.

— Тхутмертари... — тихо выдохнул огромный зал.

— Я имею возразить против венчания на царство Рамзесса, сына Ктесфона, — прозвенел сильный голос ее, — ибо недостойн сей смертный править древней Стигией. Жалок и ничтожен Рамзес, сын Ктесфона, как жалок и ничтожен наставник и истинный хозяин его Тот-Амон. Нет, не такой властелин нужен древней Стигии! И не быть ему королем!!!

Взметнулась рука из-под Покрывала Ночи. Станный снаряд понесся к подиуму, где застыли Тот-Амон и Рамзес. Точно бур *ввинтился* он в грудь юноши *слева*. В кромешной тишине раздался хруст разрываемой плоти, тысячекратно усиленный чудесной акустикой Чертога Королей. Черный бур, словно живой, выбрался из пораженной груди юноши и подобно бумерангу вернулся обратно в ожидающую руку Тхутмертари. Еще бьющееся сердце Рамзеса было нанизано на него. Волшебница поднесла бур ко рту и слизнула горячее сердце. И съела его на глазах у всех. Неспешно проводя алым языком по окровавленным губам, она произнесла:

— Вот все, на что был пригоден этот несостоявшийся король. И то немало.

Лишь после этого труп Рамзеса рухнул и покатился с подиума.

...Странное состояние испытывал Тот-Амон, верховный жрец Сста. Возможно, где-то в потаенной глубине своего разума он понимал, что нужно делать. Нужно сражаться. Уже не за власть и даже не за жизнь — за спасение

души от нечеловеческих мук. Нужно организовать новый метаконцерт, ведь все посвященные жрецы здесь, и как бы ни ненавидели они его, Тот-Амона, Тхутмертари они ненавидят в тысячу крат сильнее. Никакая волшебница, как бы могуча она ни была, не устоит перед мощью объединенной магии Черного Круга. Нужно наконец призвать всю силу Кольца Сета и немедленно поразить Тхутмертари изумрудными молниями. Нужно уничтожить ее здесь и сейчас, раз не удалось прежде.

Да, возможно, в глубине рассудка Тот-Амон понимал это, как понимали это и все остальные жрецы. Но он не сделал *ничего*. И не шок, и не трепет, и не усталость были виной его бездействия. *Что-то непонятное* происходило с ним. Ему было чрезвычайно страшно все, что вершилось здесь, в Чертоге Королей, и в то же время совершенно безразлично. И он не знал, что точно в таком же странном состоянии пребывают все остальные присутствующие. Кроме принца Джосера.

Тот-Амон увидел, как Тхутмертари гордо прошествовала к подиуму и поднялась на него. Поклонившись нефритовой статуе, она не стала кланяться верховному жрецу. Взмахнув головой, она скинула черный капюшон, и роскошные золотые волосы разметались по Покрывалу Ночи. Она повернулась лицом к залу, приблизилась к Тот-Амону, и он вдруг почувствовал, что уста его изрекают такие слова:

— Готова ли ты принять корону Стигии, Тхутмертари?

— Готова, Святейший, — услышали все твердый ответ.

— Имеет ли кто из присутствующих возра-

зить против венчания на царство Тхутмертари, дочери Ментуфера? — помимо своей воли про-
рокотал верховный жрец.

Тишина. Никто не возражал против того, чтобы Живой Ужас Стигии венчался на царство в этой стране. И, согласно ритуалу, Тот-Амон повернулся спиной к залу, а лицом к изваянию Бога и к новому монарху и возложил на голову Тхутмертари корону со вздыбившейся змеей, сопроводив это действие следующими словами:

— Тхутмертари, именем Сета, королева Стигии...

А уже в следующий миг все увидели, как из-под левой лопатки Тот-Амона проступает кончик кинжала, длинного и узкого, и с первыми каплями крови, появившимися на нем, услышали:

— ...и верховная жрица Сета, владычица Черного Круга!

Она сказала эти слова сама, а пронзенный Тот-Амон безмолвно рухнул и молчаливо сполз к ее ногам, и волшебный кинжал, сделавший свое дело, втянулся обратно в указательный палец правой руки волшебницы. В то же мгновение Кольцо Сета само собой скатилось с пальца Тот-Амона и наделось на средний перст левой руки Тхутмертари — туда, где положено было его носить. Она величественно воздела руку со змеиным перстнем над головой и торжественно повторила:

— Тхутмертари, именем Сета, королева Стигии, верховная жрица Сета, владычица Черного Круга!

Громадные солнечно-песочные часы со звоном разбились.

Глава восьмая

КРОВАВЫЙ ПОХОД — III:
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

— Значит, ты все знал, — томно вздохнула Камия.

Принц и принцесса гуляли в королевской оранжерее, вдыхая ароматы экзотических растений. Как бесконечно далеко было все это травяное великолепие от страшных событий, начинающих свой бег за пределами оранжереи!

— Я не знал подробностей, но знал, что это случится, — сказал Джосер.

— Ну почему ты не доверился мне, Джосери? — всплеснула руками Камия. — Я сумела бы тебя отговорить.

Принц сумрачно посмотрел на жену.

— Мое участие или неучастие в этом деле не способно было ничего изменить. Она захотела этого, и она добилась, чего хотела. Со мной или без меня — она все равно стала бы тем, кем стала. И тебе незачем было знать, Ка. Это было опасно.

— А теперь не опасно? Как можно было позволить ей захватить власть?

Джосер вздрогнул, осмотрелся и, понизив голос, промолвил:

— Не стоит говорить об этом *теперь*, Ка. Она может услышать. Мы не знаем предслов ее волшебной силы. А теперь у нее есть еще и Кольцо Сета.

Камия презрительно скривила губы.

— Полагаю, нынче у нее есть более важные дела, чем подслушивать наши беседы... Как ты думаешь, что теперь будет?

— Не знаю, — чистосердечно признался

Джосер. — Она не посвящала меня в свои планы. Она хотела лишь, чтобы я доказал ей свою преданность.

— И ты доказал?

— Да. Иначе бы меня уже не было в живых.

— Скажи, Джосси, Рамину убил ты?

— Я. Она сказала: сама могу, но хотела бы испытать тебя. И я взялся. Что еще оставалось?

— А Ктесфона?

— Она. Моя роль была не так уж велика. Я убил Рамину и помог инсценировать смерть сестры. Ей очень хотелось, чтобы все прошло именно так, а не иначе. И я немного помог ей.

— Всего лишь, — усмехнулась принцесса. — Попутно ты пожертвовал всеми своими воинами, а они были верны тебе.

— Они погибли как герои, Ка.

— Они погибли зря, дорогой. Но в одном ты прав: может быть, мы еще позавидуем их смерти. Скажи, а чей же труп ты привез в Луксур? Кого сожгли жрецы?

— Не знаю, — испуганно прошептал Джосер на ухо жене. — Я видел, что это Тхутмертари. И все видели. И одновременно я знал: она — не этот труп, она жива...

— Колдовство, — констатировала Камия. — Могучее колдовство. Жаль, что мы с тобой не колдуны, Джосси. Как много мы могли бы сделать!

— Не жалею о том, — осклабился принц. — Колдуны тоже проигрывают. Вот хотя бы Тот-Амон. Мы возьмем другим. — Он выразительно указал пальцем на свою голову. — Нужно только соблюдать осторожность.

— Смотри, не успеем.

— Успеем... Мы должны верить в удачу, как верили всегда.

— А ты прав, — неожиданно засмеялась принцесса. — Наши прошлые приключения — ничто в сравнении с тем, что теперь начнется. Ты прав: к Нергалу кхитайских и лемурийских демонов! Долой проклятое прошлое! В нашей стране настали интересные времена. А я обожаю острые ощущения!

Камия выразительно облизнула красивую верхнюю губку.

— Ну иди ко мне, моя милая плутовка. — Джосер ласково обнял ее и расцеловал.

— Я горжусь тобой, Джосси, — сказала она в его объятиях. — Ты не тряпка. Ты ведешь игру со смертью. И, может быть, победишь. Хотя и маловероятно. Ну да ладно, не это главное. Главное мы с тобой славно поиграем...

— Почему же? — добродушно заметил принц, лаская ее маленькую упругую грудь. — Я обязательно выиграю. Как выигрывал до сих пор.

— Теперь я понимаю, почему ты отказался убить Рамзеса. Окажись ты на его месте, она прикончила бы тебя, а не его... Ты умный.

— И сильный. — Он повалил жену на влажную траву.

— И я люблю тебя, — прошептала она, освобождая его от одежд. — Я никому тебя не отдам.

— А я — тебя, — сказал ей Джосер, делая то же самое.

За ними никто не следил, ибо у остальных обитателей Луксура нынче были совсем другие заботы.

— Неужели ты настолько глуп, чтобы все-речь полагать меня способной убить тебя, вер-

ховного жреца Сета, кинжалом, как обычного человека?

В голосе стигийской королевы звучали насмешка и искреннее удивление. Сапфировые очи в упор рассматривали жалкую фигуру бывшего владыки жрецов и магов, прикованную к скользкому камню золотыми цепями. Колоссальных размеров пещера, в которой они находились, располагалась в глубинах Великой Пирамиды Кеми и называлась Склепом Принцев. Высокий свод, теряющийся во мраке, поддерживали бесчисленные узкие колонны в форме изготовившихся к нападению кобр. К большинству колонн золотыми цепями были прикованы скелеты — по одному к каждой колонне. Оскалившиеся черепа светились мерцающим светом, позволяющим видеть далеко впереди. Там, впереди, где кости, прикованные к колоннам, уже частично рассыпались в прах, заметны были скелеты, своими очертаниями не похожие на человеческие. Скорее они могли принадлежать огромным человекоподобным ящерам...

— О нет, Тот-Амон, ты заслужил привилегированную смерть! — с издевкой продолжала Тхутмертари. — Помнишь, как всего несколько недель тому назад ты привел меня сюда, в Склеп Принцев, дабы я, принцесса Стигии, приняла привилегированную смерть от божественного Чипуа-Акая, верховного палача подземного мира? Ты приковал меня здесь, пребывая в уверенности, что безмозглое чудовище познает вкус моей плоти. За тридцать тысяч лет никто и никогда не ускользал от щупальцев Чипуа-Акая. И ты не сомневался, что более не увидишь меня. Но мне удалось обмануть демона и бежать из Склепа... И вот мы с тобой

снова в Склепе Принцев. Мы поменялись местами, Тот-Амон! И теперь не я, а ты останешься здесь на пожизну верховному палачу подземного мира...

— Не-е-ет... — замычал Тот-Амон, чем вызвал новую ухмылку на точеном лице Тхутмертари.

— Надеюсь, ты примешь привилегированную смерть с достоинством, как то подобает великому чародею и правителю Стигии. Божественный Чипуа-Акай уже в пути — я чувствую это, — сказала она, передразнивая Тот-Амона.

Словно бы подтверждая ее правоту, раздался пронзительный скрип, и в дальнем конце пещеры отворилась древняя каменная плита. Божественный Чипуа-Акай — громадный жук с полированным черным панцирем и толстыми, как корабельный канат, щупальцами на уродливой башке — появился перед глазами людей. На лбу жука горел огромный красный буркал; достаточно один раз поймать им взгляд жертвы, и ее воля будет парализована навсегда. Тхутмертари бесстрашно смотрела на приближающееся чудовище, не делая никаких попыток исчезнуть или спрятаться. Тот-Амон же, закричав не своим голосом, забился в цепях, предпринимая отчаянные попытки освободиться.

Презрительно скосив на него глаза, верховная жрица проронила:

— Позор тебе, Тот-Амон. Ты правил недостойно и умираешь так, как правил.

— Что... что тебе нужно? — возопил маг, и в крике его было мало человеческого. — Я сделаю все, только убери от меня это чудовище!

Тхутмертари взмахнула роскошными золотыми пряжами.

— Ты полагаешь, мне еще что-то может быть нужно от тебя? Я получила все, что хотела: власть светскую и жреческую. Ты короновал меня. Хотя и не по своей воле, но короновал, и древний закон исполнен. На этом твоя полезность мне исчерпана. Так что умри, и не будем больше об этом...

Жук-палач был уже в двадцати шагах от жертвы.

— Я знаю... заклинание... проникновения... в узилище Атотмиса... — задыхаясь от страха, прошептал Тот-Амон. — Отпусти меня... и я скажу... скажу тебе его... Ты освободишь... своего возлюбленного...

— Ну как я могла забыть! — всплеснула руками королева. — Мой бедный Атотмис! Он ведь так и томится в каменном мешке под парадным храмом Сета в Луксуре! Ты прав, не дело держать его там. Я должна освободить Атотмиса. Говори заклинание.

Чипуа-Акай в десяти шагах от Тот-Амона.

— Сначала отпусти...

— Заклинание, и, клянусь Сетом, Чипуа-Акай не убьет тебя! — отрезала Тхутмертари.

В пяти шагах...

Тот-Амон скороговоркой выкрикнул тайные слова проникающего заклинания.

— Теперь отпусти меня! Пощади!!! А-а-а...

Скользкое щупальце, полностью игнорируя королевсу, впилося в грудь Тот-Амону. Раздался хлюпающий хруст разрываемой плоти. Щупальце метнулось обратно, унося с собой в разверстую пасть демона здоровенный кусок окровавленной человечины. Обнажилось белое ребро.

— Пощади... Молю тебя... Ты обманула....

Новое щупальце — зияющая рана на живо-

те. Кишки вываливаются — точно зловонные гады выползают из презревшего кокона.

— Я тебя не обманула, — загадочно сказала волшебница. — Но продолжай, мне интересно.

Однако ничего вразумительного Тот-Амон более произнести не смог. Чипуа-Акай вошел во вкус. Щупальца метались к цели одно за другим, и с каждой секундой «худел» стан Тот-Амона. Брызги крови и внутренностей полились под ноги Тхутмертари, и она брезгливо отодвинулась туда, где было посуше, но так же хорошо видно. С наслаждением глядя на зрелище жуткой казни, она шептала:

— Не торопись, палач, не торопись... Медленнее, медленнее...

Вряд ли, конечно, неразумная тварь могла понимать ее, но не менее двух часов прошло, прежде чем от Тот-Амона, властного гиганта с ястребиным лицом, остался только голый скелет. И скелет этот был жив, ибо душа жертвы, удерживаемая злой магией верховного палача подземного мира, еще не покинула тело Тот-Амона. Еще в голом черепе остались глаза — они утратили свой изумрудный цвет и стали неопределенно-грязными, как будто целиком состоящими из растекшихся мутных зрачков... Так было предусмотрено тысячелетним ритуалом: жертва Чипуа-Акая должна была до самого конца пребывать в здравом рассудке, дабы ощущать пытку и видеть свой кошмарный конец. И вот два щупальца устремились к черепу, чтобы напоследок поживиться глазами и покончить на этом. Но прежде прозвучал мысленный приказ Змеиной Королевы:

— *Сур, раб мой, прекрати это.*

Щупальца Чипуа-Акая внезапно застыли в воздухе, словно наткнувшись на неодолимую

преграду. Громадный жук изумленно моргнул единственным красным глазом, неуклюже повернулся и, переставляя лапы-ходули, двинулся обратно в свое логово. Не дожидаясь, пока древняя плита затворится за ним, волшебница приблизилась к обглоданному скелету и проговорила:

— Как видишь, Тот-Амон, я не обманула. Я — не ты. Клятва именем Сета для меня нерушима. Чипуа-Акай не убил тебя. Ты жив. А знаешь, почему? Я подумала, что ты не дотягиваешь до звания великого чародея. Твое поведение здесь лишь доказало это. Ты просил пощады, точно презренный раб!.. Я думаю, ты недостоин умереть привилегированной смертью. Такая смерть стала бы тебе незаслуженной наградой и слишком мизерной платой за унижения, которым ты подвергал меня и Атотмиса, — с лютой злобой прошипели уста верховной жрицы. — Я сочла, что ты должен умирать долго-долго-долго... Очень долго и очень страшно! Так долго и так страшно, как не умирал ни один человек прежде...

Мерклые глаза скелета смотрели на нее, но не было в них ничего, кроме навеки застывшей муки. На миг Тхутмертари усомнилась, понимает ли ее Тот-Амон, и она мысленно спросила:

— *Сур, раб мой, ответь, в уме ли он?*

— *Он в здравом уме — если, конечно, его ум после такой пытки можно назвать здравым, — и он слышит и понимает тебя, только разговаривать он не может.*

Удовлетворившись этим ответом, владычица Черного Круга продолжала:

— ...Я могла бы призвать в наш мир демонов Ада, чтоб терзали они твою душу, Тот-

Амон. Однако, — она плотоядно облизнулась, — я не хочу отдавать тебя другим. Я сама займусь тобой. И ты будешь страдать, пока не надоешь мне! Ты очень кстати напомнил об Атотмисе. И заклинание передал весьма кстати. Я не буду ждать. Я освобожу его сейчас. А тебя, Тот-Амон, упеку вместо него в твой каменный мешок! Чтобы ты всегда был у меня под рукой. Полагаю, это будет справедливо.

Она слегка потеряла Кольцо Сета, и золотые цепи, удерживающие скелет Тот-Амона; повинаясь взгляду магической змеи, освободили скелет от своих объятий. Тхутмертари произнесла ментальный приказ и присовокупила к нему проникающее заклинание. В следующий миг владыки Черного Круга, бывший и нынешняя, исчезли из Склепа Принцев.

Атотмис ждал. Времени для него не существовало. Тот-Амон обещал вернуться через час, чтобы открыть наконец для него врата спасительной смерти. Но что такое час — вечность или мгновение? В каменном мешке ответа на этот вопрос не существовало. И все же Атотмис чувствовал, что час уже минул, и нетерпение мучило его, ибо ко всем прочим мукам он уже притерпелся. Где же Тот-Амон? — повторял он себе и изводил безответностью. Каждая новая минута ожидания более не казалась мигом — она казалась вечностью.

Узник видел в крошечной тьме гораздо лучше, чем при свете. Это было естественно, ведь в заколдованную темницу, где провел он последние годы, не проникал ни единый лучик света. Даже тусклое изумрудное облако, в котором всегда являлся к нему Тот-Амон, вызывало

боль. Поэтому он сразу и отчетливо узрел две фигуры, безмолвно возникшие в его казмате. И не поверил своим глазам.

Одна фигура была костлявой, как будто лишенной плоти, и Атотмис вдруг осознал, что так оно и есть: в гости к нему пожаловал живой скелет. Вторая фигура, укутанная в Покрывало Ночи, принадлежала его возлюбленной, и он поверил бы в то, что видит именно ее, если бы привычный облик не дополняли огромная рубиновая корона со вздыбившейся змеей, украшающая ее волосы, и змеиный перстень, окольцовывающий средний палец ее левой руки. Видение не было правдой, сразу решил узник. Вероятно, Тот-Амон желает устроить ему последнюю пытку перед смертью. Пытку иллюзией победы.

Тхутмертари, одинаково хорошо видевшая во тьме и при свете дня, приветственно протянула ему руку.

— Это я, Атотмис. Я! Я пришла за тобой, возлюбленный мой.

Она сказала это, но на самом деле чувство, которое испытывала она к нему, вряд ли можно было назвать любовью. Прежде они любили друг друга. Странной была та любовь. Жрец-расстрига оказался единственным человеком, кто принял Тхутмертари такой, какой она была. Единственным, кто не убоился злодейств и непотребств, чинимых сю. В прошлые времена она бесчисленное количество раз совокуплялась с людьми и с демонами, но любовь свою неизменно дарила лишь ему, Атотмису. Когда Тот-Амон заточил сго в это узилище, Тхутмертари доказала эту любовь, вызвавшись следовать за ним. Так провели они вместе годы в заколдованном каменном мешке, пока Тот-

Амон не призвал ее пред свои очи. Она обрела свободу немногим более месяца тому назад. И как много изменилось за это время для нее! Она сражалась и страдала, она лгала и мстила, она настойчиво рвалась к власти, чтобы исполнить свою миссию в этом мире. Сама сущность ее претерпела зловещие преобразования, и теперь от человека в ней оставалось только тело. Другие страсти, кроме любви, владели ею, и ощущения любви были оттеснены ими. И вот теперь, когда она достигла абсолютной власти, стало ясно, что *любовь* к ничтожному жрецу безвозвратно ушла из ее змеиного сердца, уступив место *привязанности*: все-таки они, Тхутмертари и Атотмис, слишком долго были вместе. Она, не узница, а владычица, уже не любила его, но отчего-то ощущала себя обязанной вытащить его из каменного мешка и одарить милостью своей. Она не знала, нужна ли ему ее милость, а если нужна, то какая милость, да это ее и не интересовало. Милость ему нужна была ей самой. На самом деле и Атотмис более не мог любить ее, ибо он любил другую Тхутмертари — не королеву и не верховную жрицу. Он тоже стал другим, ведь теперь к роду живых отнести его можно было лишь с очень большой натяжкой...

— Давай заканчивай с этим, Тот-Амон, — прогоняя наваждение, молвил узник. — Я готов умереть.

— Глупенький, тебе не нужно умирать, — ласково сказала она, погладив его по лысой голове. — Тот-Амон — это. — Она указала на недвижный скелет. — Он более не опасен тебе.

— А ты тогда кто? — недоуменно спросил Атотмис.

— А я — Тхутмертари. Помнишь меня? Я пришла за тобой.

Он медленно провел свободной рукой по ее гибкому стану, потрогал волосы и корону.

— Ты... королева... — запинаясь, проговорил он.

— А также владычица жрецов и магов, — добавила она. — Теперь я властвую в Стигии, а скоро мне будет принадлежать весь мир. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной в дни моего триумфа, Атотмис. Ты нужен мне.

Узник покачал головой.

— Наверное, я уже умер. Когда же это случилось?..

— Скажи, Сур, раб мой, а этот в уме? Или выжил из ума?

— Он в уме, однако не скоро придет в себя. Шок слишком силен.

— Что я должна сделать?

— Поскорее выведи его отсюда и дай отоспаться. Если пожелаешь, я подлечу его душу во сне.

— Желаю. Сделай это, Сур, раб мой.

Атотмис вздрогнул и погрузился в гипнотический сон. Тхутмертари оборотилась к скелету, вгляделась в мутные глаза его. Они по-прежнему ничего не выражали.

— Я оставляю тебя здесь, Тот-Амон. Почувствуй, каково было нам с Атотмисом в твоём заколдованном мешке. Надеюсь, тебе будет еще хуже, чем было нам. У тебя много времени впереди. Хочу, чтобы каждое мгновение ожидания муки превращалось для тебя в еще большую муку. Подумай об этом, Тот-Амон. Много думай! И страдай — ты это заслужил. Когда мне станет скучно, я буду приходить к тебе. А сейчас я должна удалиться. Меня ждут дела

на поверхности. Мне надлежит разрушить твою дряхлую империю и создать на ее развалинах новую, полную сил и воли к вечной жизни!..

Секунду спустя Тхутмертари и Атотмис покинули заколдованный каземат. А живой скелет Тот-Амона, как и прежде, бессмысленно тарачил застывшие в вечной муке глаза.

Пиршество смерти безостановочно продолжалось вот уже несколько часов. Едва угас последний солнечный луч, началось оно, ритуальное жертвоприношение во славу Великого Змея и в честь восшествия на престол нового стигийского монарха. Но если прежде дело ограничивалось принесением в жертву Сету одного-двух десятков чужеземных женщин, обычно шемиток, то теперь, после воцарения Тхутмертари, жертвоприношение проводилось с поистине чудовищным, беспрецедентным размахом.

Несколько часов с полудня до заката стигийские гвардейцы по приказу новой королевы сгоняли население Луксура к парадному храму Сета. На церемонии велено было присутствовать всем жителям города, кроме разве что рабов и нищих ремесленников. И к вечеру огромная площадь перед храмом была до краев заполнена народом. Немоощных стариков приносили на паланкинах, грудных детей — в люльках. Никто никому ничего не объяснял. Эманации страха витали над площадью, и страх этот был столь значителен, что даже когда стало ясно, для чего собраны вместе жители стигийской столицы, то и тогда мрачное безмолвие не потревожил ни один звук. Старики не стонали, дети не плакали, не голосили

женщины и не ругались мужчины. Лишь с началом ритуала тишина уступила место уверенному гулу адской машины человекоубийств.

Черный алтарь был вынесен из храма и установлен у ворот. Рядом разожгли гигантские костры — всего костров было шесть, по числу щупальцев Великого Змея. Едва скрылось солнце, из дверей храма вышла верховная жрица, и тысячи людей разразились тихим трепетным стоном. Тхутмертари мало походила на человека. Она была совершенно обнажена, лицо ее скрывала звериная маска, вернее, маску ту можно было бы назвать звериной, если бы в подлунном мире водились звери с подобным обличьем; мало найдется демонов, чей лик был бы столь же страшен. Золотистую кожу Тхутмертари покрывал густой слой застывшего масла, чтобы чужая кровь не засыхала на ее теле. В ночном свете кострищ умощенная фигура верховной жрицы зловеще светилась, и люди старались отводить прочь глаза. Но любопытство пересиливало страх, толпа снова и снова обращала взоры к безжалостной властительнице. Болезненное очарование жуткого ритуала овладевало нестойкими душами и наполняло сердца странной гордостью.

Внимательным взглядом окинув площадь, королева приказала подвести к алтарю первую группу девушек. Среди них были и дочери знатных вельмож, и простолюдинки, и женщины, давно созревшие для любви, и юницы, и даже девочки. Тхутмертари оценивала их годность по единственному критерию. Их подводили к ней поодиночке, и она лично проверяла, цела ли девственная плева. Если нет, таких женщин возвращали семье. Если да, девиц вели к черному алтарю.

Первой прошла отбор внука старого полководца Раматепа. На тринадцатилетней Силии не было лица от страха, когда гибкая рука королевы исследовала ее самое сокровенное. Она попыталась вырваться, но дюжие звероподобные жрецы, специально отобранные волшебницей для этого ритуала, держали крепко. Найдя результат обследования удовлетворительным, Тхутмертари быстрым уверенным движением разорвала платье на груди девочки. Двое обнаженных по пояс жрецов подхватили жертву и распростерли на алтаре.

— Не надо!.. Не надо.. Пощадите!!! — внезапно завопила Силия.

Семидесятипятилетний полководец, запыхавшись, подскочил к алтарю и, стараясь не глядеть на чудовищную маску королевы, упал ей в ноги.

— Пощади мою Силию, владычица! Возьми лучше жизнь старика!

Тхутмертари нахмурилась под маской: ничто не должно было нарушать стройный ход церемонии. Не говоря ни слова, она сделала едва заметный знак своим помощникам. Дюжие жрецы подхватили рыдающего старика и живого бросили в костер. Затем королева снова обратилась к алтарю, где, распростертая на черном камне, трепыхалась внука полководца. В руке верховной жрицы сверкнул вихристый обсидиановый клинок — тот самый, которым она поразила принца Рамзеса. Сверкнул — и ушел вниз. Через мгновение он вернулся с маленьким красным комочком, сочащимся теплой кровью. Площадь ахнула. Тотчас жрецы подхватили еще живое тело Силии и отправили его в огонь. Другой рукой Тхутмертари сняла с клинка сердце Силии и раздавила его над жер-

твенником. Девственная кровь пролилась на черный колдовской камень, и он быстро и жадно впитал ее. Лицо под маской тронула радостная улыбка. А следующую девицу уже подводили к алтарю. Конвейер смерти работал безостановочно...

Из сотен проверенных женщин лишь четверть удовлетворяла критерию девственности. Лицо под маской все чаще хмурилось; Тхутмертари понуждала своих помощников работать быстрее, но они по-прежнему не успевали подводить к ней новые жертвы. Когда ей показалось, что они устали, их место заняли другие, а первая смена отправилась в костер. Час проходил за часом. Тройное оцепление гвардии не позволяло никому выбраться с площади. Люди изнывали от страха и удушающей жары. Вдобавок над площадью витал терпкий запах паленой человеческой плоти. Некоторые умирали прямо здесь, другие падали в обморок, третьи, напротив, пытались защитить своих чад. Однако все они — и первые, и вторые, и третьи — по приказу королевы отправлялись в огонь. Шести костров не хватало, и она приказала разжечь еще столько же.

На пятом часу жертвоприношения Тхутмертари, видно, окончательно разочаровавшись в человеческих помощниках, просвистела призывающее заклинание Склоса, и в ответ на ее зов у алтаря материализовалась шестерка одинаковых красноглазых и краснокожих демонов. Были демоны эти трех метров роста, тела их бугрились чудовищными мускулами, а на широченных плечах неуклюже торчали маленькие уродливые головки. Исполняя молчаливое повеление владычицы, демоны проворно схватили очумевших от страха жрецов и побросали их

в огонь. Затем двинулись к толпе, которая в ужасе подалась назад. Многие предпочли прикосновению демоновой десницы смерть на копьях гвардейцев.

С привлечением к ритуалу обитателей Ада дело пошло скорее. Тхутмертари не знала усталости. Точно заведенная машина, работала она. Беглый осмотр — быстрый выбор — черный алтарь — вихристый клинок — алое сердце — снова алтарь — и снова осмотр. И так — без единой остановки. На жертву уходило не более минуты. Черный магический камень с прежней жадностью впитывал девственную кровь, и королеве невольно подумалось, как, должно быть, изголодался Повелитель. Но ничего, мрачно усмехнулось божественно прекрасное лицо под чудовищной демонической маской, я сумею насытить тебя, Вечный Отец. Сегодня лишь начало. Я начала с девственниц Луксура: пусть чада стигийской столицы отмоют свои грехи пред Тобой собственной чистой кровью! А затем придет черед других земель, городов и племен, и скоро не останется в Хайбории народа, чьи юницы минуют чести пролить девственную кровь свою на алтарях Твоих...

Вот демоны схватили юную круглолицую красавицу с красной родинкой на лбу. Вслед за ней бросился статный воин; в руке его блеснул обнаженный ятаган, а на высокой чалме был вышит полумсяц. Резво подскочив к Тхутмертари, этот человек гневно вскричал:

— Я Рашид-паша, посол Его Высочества князя-регента Турана в Стигии! А эта девушка — новая рабыня для серала моего повелителя. Я привез ее из Вендии. Отпусти ее, королева, или тебе придется иметь дело с великой Туранской империей!

Жестом остановив демонов, которые уже тянули к безумцу свои тяжелые длани, Тхутмертари молниеносным движением вывернула руку, сжимающую ятаган. Туранский посол завопил от боли и попытался лягнуть стигийскую владычицу ногой. Он промахнулся. Волшебница повалила его на землю, где вихристый кинжал отрезал сначала одну руку посла, затем другую, потом обе ноги. Задыхаясь от боли и ужаса, туранец хрипел:

— Я посол великого Турана!.. У меня дипломатическая неприкосновенность!..

— Ты прав, ничтожный, — услышал он тихое шипение из-под маски, — мне придется иметь дело с вашей империей. Я уничтожу ее! Аграпур будет лежать в руинах, пески пустыни покроют его висячие сады, а жителей его я скормлю змеям! Твоему презренному повелителю более не понадобится сераль...

— Могучий Эрлик защитит нас, — сотрясаясь в конвульсиях, прохрипел отважный Рашид-паша.

— Сейчас ты познаешь могущество истинного Бога, и если Эрлик защитит тебя, значит, он сильнее, — глумливо проговорила верховная жрица.

Она простерла над грудью туранца ладонь левой руки. Он с трепетом узрел, как на глазах ладонь женщины из золотистой становится черной. Незримые токи резкой боли, льющей-ся из этой раскрытой ладони, пронзили все его естество.

— Могучий Эрлик, спаси меня!.. Черная ладонь Сета! — простонал он.

— Я вижу, ты узнал ее, ничтожный.

Хотя ладонь волшебницы не касалась груди туранского посла, одежда его обгорела и сама

грудь медленно обугливалась, обнажая ребра. Вот Рашид-паша окончательно утратил рассудок от нестерпимой боли. Королева внезапно обхватила черной рукой его голову и сильно сжала пальцы. Лицо туранца задымилось, череп тотчас хрустнул — голова превратилась в изжаренную темную массу. Тхутмертари выковыряла из черепа съезжившийся горячий мозг и отправила его себе в рот. В прежние времена она очень любила это деликатесное блюдо — человеческий мозг, свежеиспеченный в собственном черепе. И вот теперь она убедилась, что старые навыки остались при ней. Подкрепившись, верховная жрица позволила подручным демонам убрать останки и вернулась к прерванной церемонии. Несостоявшуюся наложницу князя-регента Турана постигла судьба прочих девственниц.

Более никто не осмеливался напоминать королеве о своих правах.

Приближался рассвет. Согнанные на площадь луксурцы едва стояли на ногах. Костры пылали с той же яркостью, и столь же методично лилась кровь на магическом кубе алтаря. Но теперь все чаще и чаще женщины возвращались семьям. Глупые, ослабилось лицо под маской, они радуются, не помня себя от счастья, что избежали смерти на черном жертвеннике. Они не знают, что уготовила я им. А если бы знали, сами бы побежали к алтарю, сами влезли бы на него и сами попросили бы вырвать сердце из молодой груди. Но нет! Вечному Отцу нужна *чистая* кровь. И я дам ему такую кровь... Внезапно Тхутмертари обнаружила, что *девственницы закончились*. А до первого луча рассветного солнца еще оставалось

время. Она истребила их всех — всех юниц Луксура, не познавших плотской любви.

Всех ли? Подозрение родилось в ее мозгу. Сорвав маску, она обратила искаженное гневом лицо к стоящему неподалеку брату. По ее приказу Джосер руководил облавой в Луксуре.

— Я не вижу твоей младшей дочери Ринии, принц. Где она?

Принцесса Камия, прильнувшая к мужу, слабо вскрикнула. На бледном лице Джосера дернулась жила, но ему удалось сохранить хладнокровие. Голос его прозвучал твердо:

— Ее нет в Луксуре, Ваше Величество. Риния в моем поместье под Штайоном.

— Скажи, Сур, где он прячет свою младшую?

Ответ пришел не сразу. Ментальный глас звучал тихо и подавленно — может быть, раб оказался чересчур впечатлителен?

— *Дочь Джосера Риния во дворце.*

— Ты лжешь, Джосер! — Точно визг хлыста, резанул слух безжалостный смех Тхутмертари. — Твоя дочь в Луксуре! Ты утаил ее от меня!

— *Доставь Ринию ко мне, Сур, раб мой. Сейчас. Немедленно.*

Упитанная голенькая девочка внезапно возникла перед Тхутмертари. Огромная площадь, наблюдавшая эту сцену, разразилась вздохом изумления. Принцесса Камия бросилась к дочери. Муж пытался удержать ее, но она вырвалась. Демоны были тут как тут. Двое без звука схватили Камию и потащили к ближайшему кострищу. Джосер обнажил свой меч и прыгнул. Стремительно метнулось отточенное лезвие. Маленькая головка отделилась от ужасного туловища. Другого демона прикончила сама бесстрашная Камия, достав длинным кинжа-

лом до упрятого в пучинах смердящей плоти сердца. Тотчас четыре оставшихся демона бросились к дерзким. Тхутмертари просвистела что-то им, и демоны отпрянули.

— На колени, несчастные, — прошипела королева, и Джосеру с Камией показалось, будто меж ослепительно белых зубов мелькнул черный раздвоенный язык. — На колени! Просите прощения, не вынуждайте меня убивать вас...

Принц и принцесса пали ниц и облобызали землю пред ней.

Влепив по пощечине обоим, она тем и ограничилась. Затем оборотилась к плачущей Ринии и сделала с нею то, что со всеми прочими женщинами. Восемилетняя Риния оказалась девственницей. Верховная жрица дала знак своим подручным, они схватили плачущую девочку и возложили на черный алтарь. Вихристый клинок занесся над дочерью Джосера и Камии.

— Мамочка, ой, мне страшно!.. — донесся до принцессы тоненький голосок девочки.

Большие часы на фасаде храма внезапно возвестили о явлении первого луча солнца. Заметив это, королева конвульсивно вздрогнула, клинок в ее воздетой руке задрожал. Не выдержав чудовищного напряжения момента, Камия потеряла сознание.

Узрев спасительный луч, принц Джосер не своим голосом воскликнул:

— Остановись, сестра! Время жертв закончилось!

— Негоже отнимать у Бога обещанное Ему, — не оборачиваясь, решительно ответила Тхутмертари и опустила вихристый обсидиановый клинок.

А еще через полминуты тело Ринии уже

кромсали языки лютого пламени, и черный камень алтаря с жадностью пил кровь последней девственницы Луксура...

На этом ритуал жертвоприношения в честь восшествия на Трон из Слоновой Кости новой королевы был завершен.

Глава девятая

ПРОКЛЯТЫЕ ВОРОТА ЙЕСЕТ-МЕТА

— Мы потеряли нашу Ринию, Джосси, — тихо сказала принцесса Камия.

Она лежала на широком ложе в своей опочивальне, и муж сидел рядом с ней. Джосер подал ей чашу с успокаивающим отваром.

— Выпей, дорогая. Мы должны держаться. Многие сегодня потеряли своих дочерей.

— Какое мне дело до остальных! — взвизгнула Камия, отбрасывая прочь лечебное сырье. — Нашей маленькой Ринии больше нет, ты это понимаешь?! За что *она* убила нашу дочь?

— Отец Сет возжелал ее, — тяжело произнес принц.

— Это ложь. Ночь жертвоприношений уже закончилась, когда умерла Риния.

Джосер вскипел.

— Что же ты хочешь от меня, Ка?! Что я мог сделать? Только умереть сам! Кому бы от этого была польза?

Жена не ответила ему. Помолчав немного, она сказала:

— Мы должны отправить Калис и Натепу за границу. Пока еще не поздно.

Лицо принца приобрело страдальческое вы-

ражение. Стало ясно, что он сам не раз обдумывал эту возможность.

— Уже поздно, дорогая. Ты забыла: границы Стигии закрыты. С того самого мига, как Тот-Амон короновал ее.

— И ничего нельзя сделать?

Он горестно вздохнул.

— Могучая магия охраняет наши рубежи отныне. Ни корабль, ни пеший, ни конный странник не минует их. Часом раньше по приказу королевы я сам проверял это, пытаюсь переплыть на ладье Стикс. Бесполезно!

— Так что же, значит, мы в ловушке в собственной стране?

— Можно сказать и так.

— Как я завидую птицам, Джосси! — мечтательно глядя в потолок, молвила принцесса.

— Люди не умеют летать, Ка.

— Некоторые волшебники умеют.

— В Стигии больше не осталось свободных волшебников. Все они схвачены и теперь томятся в подземных казематах Ксеми, Луксура и Птейона...

Красивое лицо Камии дрогнуло.

— Скажи, Джосси, как удалось ей все это? Я не могу постичь. Как она смогла одержать верх над всеми жрецами и магами? Как поставила на колени знать и армию? И всего за один день!

— Если б я знал... Наверное, Вечный Отец взаправду благоволит ей.

— Еще бы... Наш Змей охотлив до девственной крови. Я думаю, подобного жертвоприношения не было со времен Ахерона.

Принц прикрыл ей губы широкой ладонью.

— Молчи, Ка, если тебе дорога твоя душа! — прошептал он пылко. — Не богохуль-

ствуй! Что свершается — то свершается по воле Его, и не нам о том судить!

Они снова помолчали. Затем Камия проговорила:

— Ты знаешь, мне все меньше и меньше нравится твоя игра, любимый. Боюсь, я не доживу до ее окончания.

Джосер вздрогнул.

— Не говори так, Ка! Верь в удачу! Мне тоже многое не нравится. Но, пойми, не мы устанавливаем правила. Она устанавливает. И выйти из игры нельзя. Поэтому нужно играть. Или сдаваться.

Принцесса натянуто усмехнулась. Все прошлые приключения за одно мгновение удивительным образом пронеслись в ее мозгу.

— Ну нет! Сдаваться мы не привыкли.

Две длинные змеящиеся тени скользили по остывающему после жаркого дня песку. Точно два голодных духа, вышедших на ночную охоту в свете ущербной луны. Невидимый волшебный ветер нес Тхутмертари и ее возлюбленного над безлюдной стигийской пустыней. Встречный ветер лениво колыхал просторные одежды. Королева была облачена в Покрывало Ночи, творение Мрака и Крови; одежду Атотмиса составлял традиционный черный хитон служителя Сета: велением верховной жрицы он был вновь возведен в жреческий сан.

Атотмис, переставший удивляться столь странному способу путешествия, спросил:

— Где мы?

— Мы у «полюса жары», возлюбленный мой. Там, внизу, — королева указала на невысокие песчаные барханы, проплывающие под ними, —

днем можно зажарить быка на песке... Отсюда до наших городов Луксура и Птейона и кешанского Алкменона равные отрезки караванного пути. Но эти места караваны настойчиво обходят многие тысячи лет...

— Нет жизни среди проклятых песков, — содрогнувшись, отметил тощий жрец.

— О да, — согласилась волшебница. — На десятки миль вокруг не встретишь ни человеческого жилья, ни гнездовища пустынных тварей, ни даже старинных храмов, покоящихся в вечном безмолвии... Ибо на памяти сотен поколений никто не обитал здесь.

Внимательный взгляд верховной жрицы задумчиво плыл по морям однообразной песчаной мути. Казалось, она искала что-то.

— Зачем мы тут, моя королева?

— Среди проклятых песков нет жизни, — поэтично повторила его слова Тхутмертари. — Но она есть под ними! Вернее, была. И должна быть! Послушай меня, мой возлюбленный, я кое-что тебе расскажу. — Прекрасная королева обняла Атотмиса и с томным волнением продолжала; чистые сапфировые глаза ее блстели загадочно и зловеще в мертвенном свете молодой луны. — Мы прибыли сюда, чтобы отыскать тех, кто правил нашей планетой в пору младенчества и детства рода человеческого...

— Люди-змеи! — вздрогнул Атотмис в ее объятиях. — Разве не исчезли они с лица земли много десятков столетий тому назад?

Рука Тхутмертари, словно устремившаяся в атаку кобра, выскользнула из-под искрящихся багровыми сполохами одежд и обежала горизонты мертвого песка.

— Древние властители Земли ушли сюда, — сказала королева. — Двадцать тысяч лет мину-

до с тех пор, как истинные дети Сета, гонимые ордами завоевателей — молодого народа двуногих особей без чешуи и хвоста, вынуждены были покинуть плодородные берега Стикса. Молодая раса была многочисленна и агрессивна. В сравнении со змеелюдьми, чья мудрость насчитывала сотни веков, предки стигийцев были варварами. Такими же варварами, какими теперь являются пикты и киммерийцы против хайборийцев, а хайборийцы — против стигийцев. Люди безжалостно истребляли чешуйчатых властителей пустыни. Раса змеелюдей одряхлела к тому времени, согнувшись под тяжестью собственного многовского величия. Люди-змеи почитали себя непобедимыми, однако сила тайного знания не помогла им выстоять против бесчисленных холодных клинков завоевателей. Не одну сотню лет продолжалась экспансия человеческого племени. В конце концов государство змеелюдей было разрушено, и последнюю оборону держали лишь небольшие гарнизоны в городах — Птейоне, Луксуре, Файоне... Кеми, города Черных Стен, тогда еще не было, и лишь Великая Пирамида возвышалась над дельтой Стикса. Духи и демоны утверждают, что она стояла там в незапамятные времена, когда Повелитель был молод, как мы с тобой, а дети Его только начинали покорение планеты, освобождая ее от глаханов, яцтаков и ферзелсей — неведомых тварей, поклонявшихся забытым богам... Воистину так давно это было, что сами очертания материков в те времена ничем не напоминали сегодняшние!.. Иные существа хозяйничали на Земле, и Мир тогда был совсем иным. Древними были те создания в сравнении с нашими предками, но и они юны в сравнении с Миром... Богам

отмерен длинный век, и все же боги тоже тленны. Даже им не дозволено смотреть в Бездны Основания... И лишь звезды ведают, с чего все начиналось и чем закончится. — Голос Тхутмертари, дрожащий от волнения, умолк, и она мечтательно и восхищенно окинула взором ночное небо.

Внезапно ей послышался тяжелый ментальный вздох.

— Ты хочешь что-то сказать мне, Сур? Говори, — подумала она.

— Ты все уже сказала сама, — был ей ответ. — Я удивлен. Не думал, что Змеиная Королева способна мыслить столь свободно. Не думал, что ты способна понимать Прошлое и сознавать могущество звезд... Твои коллеги по черному ремеслу никогда не заглядывают так далеко в глубины минувшего. Для них Сет — начало начал и конец конца.

— Я еще не раз удивлю тебя, Сур, раб мой. Как ты однажды удивил меня.

— Чем же я так удивил тебя, владычица?

— Своей силой, Сур. Я погружалась в самые пучины Ада, я общалась с демонами, я читала древние книги, оберегаемые в тайниках запретных Преисподних. Я спала с Князем Тьмы, и он щедро одарил меня своей милостью... Я полагала себя величайшей волшебницей Вселенной. Но вот на моем пути встал ты. Ничтожный карлик, отвергнутый богами... Ты оказался сильнее меня и их. В цитадели твоих слуг ты легко победил меня. Так я познала великое могущество звезд...

— Теперь оно в твоём распоряжении, владычица, — насыщенная болью и тоской мысль пронзила ментальный эфир. — Великое Знание на службе у Великого Зла... Может ли быть что-то более страшное для Мира?

— *Воистину так, Сур, раб мой. А это значит, что я буду править Миром вечно.*

— *И ВЕЧНОСТЬ ПРЕХОДЯЩА*, — вдруг донесся и неугасающим эхом зазвенел в умах Тхутмертари и Сура незримый глас с юго-востока.

Оттуда, где с основания времен стоит посреди застывшего океана неземная Пирамида Мира, шестнадцатигранная и остроконечная...

Атотмис зачарованно слушал свою возлюбленную. Телепатической беседы не мог слышать он, но и слов, рожденных устами, было достаточно для него. Сказочной древностью веяло от них!

Тхутмертари молчала, молчал и он. Он увидел, что полет их замедлился. Наверное, цель близка, подумал жрец. Ему не хотелось спускаться вниз. Он желал слушать еще и еще. Он поднял глаза на королеву и вдруг узрел, что она бледна — хуже, чем бывает бледен мертвец, замерзший во льдах Асгарда... Атотмис ужаснулся ее бледности, ибо причины тому он знать не мог. Надеясь пробудить силу в своей возлюбленной и отвлечь ее от неясных дум, жрец спросил:

— Что было дальше, моя королева? Когда древние стигийцы победили змей.

Волшебница вздрогнула от звуков его тонкого голоса. Лицо ее пошло пятнами, и Атотмис с удовлетворением обнаружил, как постепенно кровь возвращает точеному лицу золотистую красоту.

— Расскажи, что было дальше, моя королева, — мягко повторил он. — Куда делись люди-змеи?

— Дольше прочих держались гарнизоны в цитаделях Луксура и Птейона. Луксурская крепость пала ровно двадцать тысяч лет тому назад, — сказала Тхутмертари. — Последние змеелюди защищали свою твердыню отчаянно, и осаждавшим, чтобы победить их, пришлось до основания разрушить город. Тот Луксур, в котором стигийцы устроили столицу своих королей, — новый город, и в нем ничто не напоминает о древнем Луксуре змеелюдей... Инос дело — Птейон. Узнав о тяжком поражении соплеменников в Луксуре, змеелюди Птейона решили уйти со своей земли. Уйти непобежденными. Уходя, колдуны змеинового народа наложили на город проклятие. Стигийцы обосновались в Птейоне. Спустя тысячи лет проклятие змеелюдей все-таки осуществилось, и люди также оставили город. Именно с тех пор Птейон называют Проклятым... Но никто из ныне живущих не знает, кем и почему он был проклят.

— А откуда все это знаешь ты? — спросил Атотмис.

— Демон Люф, именуемый Мудрейшим, поведал мне истинную историю Мира. Он многое знает, ибо тысячи тысяч лет минули на памяти его... Мудрейший Люф поведал мне и дальнейшую историю змеинового народа. Она не закончилась двадцать тысяч лет тому назад. Тогда, покинув Птейон, змеелюди нашли убежище в Йссет-Мете.

Атотмис испуганно затаил дыхание, ибо сейчас Тхутмертари произнесла запретные слова. Как жрец Сета, Атотмис знал, что существует так называемый Мертвый Список слов и заклинаний, прикасаться к которому жречеству не позволялось. Слова «Йссет-Мет» шли пер-

выми в Списке. И более не повторялись ни в одной книге, ни в одном манускрипте! Произнесший эти слова подвергался жуткой казни. Тем не менее любопытный от природы Атогмис также знал, что они обозначают древний подземный город или даже подземную страну. Но где эта страна находится и кто ее обитатели, он не ведал. Как и прочие не в меру любознательные жрецы, Атогмис вскоре потерял интерес к запретному городу. Мало ли легенд хранит земля, и легенды остаются всего лишь легендами...

И вот слова из Мертвого Списка неожиданно возникли в устах Тхутмертари. Змеелюди ушли туда, сказала она. Они ушли в легенду? Возможно ли такое? Жрец спросил ее об этом.

— Йесет-Мет — не легенда, а реальность, — ответила королева. — Циклопический подземный город существует гораздо ближе, чем мы можем себе представить. Он — под нами!

Она обвела рукой сонные барханы.

— Мудрейший Люф утверждает, что Йесет-Мет был построен чудовищными богами ферзелей для своих детей. Наверное, он прав, ибо смертным не под силу создать такое. Когда ферзели, теснимые глаханами и яцтаками, покинули пределы современной Стигии, Йесет-Мет — в те времена, конечно, он назывался иначе — опустел. По словам Люфа, подземный город пустовал несколько сотен тысяч лет. Но вот пришли змеелюди, изгнанники Птейона, и приспособили Йесет-Мет для проживания. Они создали свое царство. Изгнанники Птейона более всего боялись, что ненавистное человеческое племя прознает дорогу в подземную страну и в конце концов уничтожит ее новых обитателей, как уничтожило всех прочих

детей Сета на поверхности. Несколько поколений колдунов и ученых змеиноного народа бились над решением этой проблемы. И вот под их руководством тысячи рабочих начали воздвигать Ворота Проклятия. С помощью этих Ворот, до предела насыщенных могучей магией, змеелюди отгородились от остального мира. Как только затворились Ворота Проклятия, колдуны уничтожили свои заклинания, а затем принесли себя в жертву Отцу Сету. Другие колдуны, их ученики, развоплотили души своих наставников. Так секрет Ворот Проклятия был утерян безвозвратно, и змеелюди стали добровольными узниками подземной страны. Никогда более Ворота не открывались. Никакая магия, кроме чар Повелителя Ночи, не могла проникнуть сквозь них. Змеелюди основали свой собственный мир и жили в нем. И живут до сих пор...

— Я об этом не знал, — негромко промолвил Атотмис.

— И никто не знал, — усмехнувшись, заметила Тхутмертари. — Конечно, в давние времена, когда память о последних змеелюдях Стигии еще не угасла в веках, древние чародеи предпринимали попытки разыскать их следы. С помощью заклинаний древние маги выяснили, что последние змеелюди живы и скрываются где-то недалеко. К тому времени стигийцы уже не были варварами. Священный культ Сета безраздельно главенствовал в нашей стране. Жрецы понимали, что змеелюди унесли с собой великое тайное знание. Жрецы понимали, что человеку приходится заново открывать для себя то, что змеям было известно уже не одну тысячу лет. Одержимые тягой к тайному знанию змеиноного племени, древние маги Стигии

горели желанием встретиться с колдунами-змеями и вступить с ними в союз. Ради тайного знания жрецы готовы были даже уступить змеям часть своей власти. И вот, проследив путь изгнанников Птейона в магическом эфире, нашли они наконец Йесет-Мет!

Вздыхнув, Тхутмертари продолжала:

— Страшна была их судьба. Без устали ломились они в Ворота Проклятия. Девственная кровь лилась в изобилии на древних алтарях: маги молили Отца Сета открыть им дорогу в подземный город. Повелитель остался глух к их мольбам, ибо его истинные, а не приемные дети не хотели этого. Змеяды — так теперь назывался народ подземных змеелюдей — ничего не знали о попытках человеческих волшебников установить с ними контакт: Ворота Проклятия действовали в обе стороны... Маги не смогли отворить Ворота. Более того, Ворота заразили их неведомой болезнью, ужасной и неизлечимой, и жрецы эти умерли в нечеловеческих муках. Другие, не менее честолюбивые, самоуверенные и амбициозные, приходили им на смену. И погибали все, равно как и первые.

Век проходил за веком. Все меньше чародеев пыталось пробиться к сокровищам змеиного народа. Минула еще не одна тысяча лет, прежде чем о Йесет-Мете стали забывать. Упоминания о нем и о безуспешных походах к нему остались в волшебных книгах. И вот, прочитав одну из них, к сокровищам змеиного народа попытался проникнуть Тотмекр, верховный жрец Сета, правивший три тысячи лет тому назад. Тайное знание змей требовалось ему, чтобы одолеть соперников — Ксальтотуна из Пифона и Тугру Кхотана из Кутхемеса, считавшихся самыми могучими чародеями того времени.

Он был хитер и осторожен, этот самый Тотмекр! Памятуя об ужасной участи предшественников, Тотмекр укрылся в Кеми, а к Йесет-Мету направил экспедицию своих учеников. Он общался с ними с помощью чар.

Экспедиция погибла, как и все предыдущие, ибо Ворота Проклятия стояли непоколебимо, храня покой подземной страны. Тотмекру явилось страшное видение, касающееся его посмертия. Испугавшись, верховный жрец связал это видение с экспедицией в пустыню. Тогда повелел он найти и уничтожить все книги и манускрипты, упоминавшие о Йесет-Мете, а слова эти внести в Мертвый Список. Не удовлетворившись тем, Тотмекр повелел перенести все караванные тропы на сто миль прочь от предполагаемого входа в город. Разве мог знать верховный жрец, что подземная страна в пять раз обширнее? Еще Тотмекр наложил на эти места мощное погодное заклятие — так здесь образовался «полюс жары». С тех самых пор на пески эти не ступала нога человека...

— Как же ты можешь знать, что случилось за эти тысячи лет? Даже если древняя история Мудрейшего правдива, как можно знать, что есть теперь? Может быть, люди-змеи не дожили до наших дней, — сказал Атотмис.

— Змеяды живы, — убежденно произнесла Тхутмертари. — Их подземное царство процветает в пределах Йесет-Мета. Сейчас там правят верховный акках (царь) Танатос и его жена верховная аккала (царица) Танита. За тысячи лет змеиное племя снова расплодилось; теперь его численность составляет более ста тысяч особей обоего пола. У змеядов свое жречество и свои колдуны. Змеяды смогли преодолеть ошибки своих предков, обитавших на поверх-

ности, и стали не только народом книжников, но и народом воинов. Это великая сила, томящаяся во тьме подземной страны! Сила, ныне превосходящая своей мощью всю силу древней Стигии!

— О, Великий Сет! — ошеломленно прошептал Атотмис. — А это-то ты откуда знаешь? Тоже от Люфа?

Тхутмертари внутренне усмехнулась. Ее доверие к возлюбленному имело свои пределы. Она ничего не рассказала Атотмису ни о Тайне, вознесшей ее к вершинам власти, ни о Суре, ее рабе, ни о Силе, которой Сур повелевал по ее, Тхутмертари, воле. Не станет она рассказывать Атотмису и об удивительном телепатическом зрении Сура, с помощью которого взор раба проникал сквозь Ворота Проклятия и наблюдал жизнь змеядов, оставаясь незримым для чувств их колдунов...

— Я знаю, — не мудрствуя лукаво, сказала королева.

— И что это знание дает тебе? — спросил жрец, ибо ему известно было: Тхутмертари ничего не делает просто так.

— Мы проникнем в Йесет-Мет, Атотмис, — взяв его руку в свою, молвила верховная жрица.

Она почувствовала, как он испугался.

— Ты велика, моя королева, — сдерживая страх, прошептал он, — но не думаешь ли ты, что Ворота Проклятия и по сей день сохраняют свою силу? Стоит ли тебе испытывать их крепость? Вспомни о том, что сама поведала мне.

— Я уверена в их крепости, — кивнула Тхутмертари. — Поэтому мы не будем ломиться в Йесет-Мет подобно древним магам.

— Как же мы попадем туда? — Атотмис уже ничего не понимал.

Королева снова сдержала улыбку. Незачем знать ее возлюбленному, что такое гиперпространственная телепортация; она сама узнала это совсем недавно. Единственное мгновение потребовалось Суру, чтобы перенести ее из Кеми в Луксур. Восхитившись этим, она приказала рабу доставить ее на берег моря Вилайет. Мгновение — и она оказалась там! Еще спустя миг стояла она посреди ледяной пустыни таинственного южного материка, а секундой позже снова была в Луксуре. Расстояние поистине не имело никакого значения! Сур сказал, что точно так же может перенести ее в иные миры, лишь Силы для такого перехода потребуются значительно больше, чем для телепортации в пределах Земли. Однако Тхутмертари не имела пока намерения туда отправляться. Может быть, потом, не сейчас... Сейчас же дела ждут ее на родной планете...

— Скажи, Сур, раб мой, видишь ли ты Танатоса и Таниту?

— Да, я вижу их. Чертог правителей прямо под нами.

— Чем заняты акках и аккала змеядов?

— Они обсуждают с магами вопрос о снабжении Йесет-Мета питьевой водой. Древняя подземная река, протекающая сквозь город, истощилась, от нее остался лишь мелеющий ручей. Танатос требует от своих чародеев найти новое русло, иначе жажда погубит народ. Однако экспедиция, посланная ими, вернулась ни с чем.

Тхутмертари довольно ухмыльнулась. Очень скоро она радикально разрешит маленькую проблему змеиноного народа.

— Готов ли ты перенести меня и Атотмиса в чертог правителей Йесет-Мета?

— Готов, моя владычица.

— *Так сделай это, Сур, раб мой.*

Внезапно две длинные змеящиеся тени исчезли, и ушербная луна осталась наедине с мертвыми песками.

Тхутмертари и Атотмис возникли посреди обширного чертога. Его освещали большие прозрачные кристаллы, вставленные непосредственно в черные стены под потолком. Они излучали бледный мертвенно-зеленый свет. Убранство палаты было на редкость скромным, показывая, что здешние правители не имеют понятия о роскоши. У стены, противоположной входу, стояли два трона, сделанные в форме разверстых пастей рептилий. На тронах сидели — или возлежали? — двое, точно спрятавшиеся в пасти Змея. В нескольких шагах от тронов прямо на полу сидели, обвив хвосты вокруг тел, два или три десятка приглашенных. У арочного входа, как полагается, стояли стражники.

Наружность змеелюдей претерпела значительные изменения за тысячелетия подземной жизни. Они вытянулись в длину и стали уже в плечах. Впрочем, и теперь каждый змеяд статью превосходил даже самых могучих воинов человеческого племени. Женщины-змеяды были немногим ниже мужчин. Змеяды имели гладкую кожу, покрытую мелкой чешуей грязно-стального цвета, вследствие чего на первый взгляд более походили на рыб, чем на рептилий. У них был сильный хвост длиной чуть более метра; головы мужчин венчал небольшой реликтовый гребень, а спереди между их ног замечен был лишенный чешуи отросток около пол-локтя длиной. У женщин ни отростка, ни

гребня, ни грудей не было. Зато хвосты их были длиннее и на конце раздваивались, черты их лиц — морд? — казались более мягкими. Глаза существ обоего пола изрядно превосходили размерами глаза обычных людей; в желтых яблоках плавали вытянутые белые зрачки. Ни ушей, ни волос, ни губ на голове змеядов не было. Рты — пасти? — тянулись от одной стороны лица до другой, усеянные мелкими акульими зубами — клыками? — а меж зубов бегал черный раздвоенный язык.

Воссседающие на тронах правители первыми заметили пришельцев. Немая сцена продолжалась, наверное, целую минуту. Что-то, должно быть, сильно изменилось в выражении лиц Танатоса и Таниты; что именно, Тхутмертари сразу не смогла понять. По истечении упомянутой минуты все приглашенные чародеи разом вскочили со своих мест и окружили правителей. Трудно адекватно описать реакцию змеядов на появление Тхутмертари и Атотмиса. Ведь змеяды видели людей впервые за двадцать тысяч лет. За это бесконечно долгое для них время — змеяды жили в среднем по сто — двести лет — они забыли облик своих древних врагов. Люди стали для них существами совсем иного мира, персонажами скорее мифологическими, чем реальными...

Как и следовало ожидать, змеяды сочли вторжение враждебным. Танатос что-то просвистел на шипящем змеином языке, и руки чародеев и стражников тотчас ошетинились длинными волнистыми мечами, подобными тому клинку, которым Тхутмертари сражалась со своим родным братом Ктессфоном. Волшебница удовлетворенно хмыкнула: ей понравилось, что местные жрецы владеют не только за-

клятиями, но и холодным оружием. Этим они тоже выгодно отличались от жрецов человеческого племени. По сигналу акках его подданные со всех сторон бросились на людей. Полумертвый от ужаса Атотмис пал наземь и прикрыл лицо руками. Тхутмертари осталась стоять: не родились еще демоны, которые способны были бы напугать ее. На алых губах девушки возникла хищная и злобная ухмылка. Не добежав до нее пяти своих шагов, змеяды ударились о незримый барьер. Непонимание отразилось на их мордах. Аккала Танита соскочила со своего трона, подбежала к барьеру и вонзила в него клинок. Меч зазвенел в ее руке, и она с трудом смогла удержать его. Танита злобно выругалась и приказала жрецам прибегнуть к помощи заклятий.

Стигийской королеве было очень смешно наблюдать, как колдуют эти маги. Воистину змеяды, должно быть, стали сильными воинами, но вот тайного знания за тысячи лет добровольного отшельничества они растеряли изрядно. Неудивительно, ведь им негде было пополнить запасы девственной крови. У них не было соседей, за чей счет можно было бы приносить жертвы Богу-Змею. А убивать представителей своего народа на алтарях Сета змеяды могли лишь в очень ограниченных количествах. Там же, где нет обильных жертвоприношений, тайное черное знание обречено на вымирание. Что, как видно, и имело место в Йесет-Мете. Поэтому, кстати, отметила для себя волшебница, змеядами правят не жрецы, а светские владыки: волшебной силы первых было явно недостаточно, чтобы подчинить себе вторых. Враждебные заклятия змеядских магов оказались настолько слабыми, что Тхутмертари

способна была легко отразить их, не прибегая к помощи защитного поля, которое создал вокруг нее Сур.

Видя, что волшебство его чародеев несколько не вредит незванным гостям, акках тоже спустился с трона и попробовал крепость незримого барьера собственным клинком. Лицо его потемнело, и он перебросился несколькими словами с супругой. Верховная жрица снова удовлетворенно хмыкнула. На сей раз ей понравилась выдержка змеядов — люди в подобном положении давно бы либо кинулись наутек, либо пали ниц, моля могущественных пришельцев о пощаде, либо просто погрузились в прострацию. Ни того, ни другого, ни третьего змеяды не делали. Они всего-навсего обсуждали, что предпринять дальше. С самого начала королева решила не вмешиваться и, наблюдая за ними, ждать, пока змеяды сами к ней не обратятся. Разумеется, она прекрасно понимала их язык — но виду не показывала. Атотмис встал на ноги, еще не веря, не понимая, каким образом остался жив.

Наконец круг жрецов расступился, и змеядские владыки вышли к пришельцам. С трудом подбирая слова чужого языка, Танатос произнес по-древнестигийски:

— Кто ты, явившаяся к нам? Как смогла ты пройти сквозь Ворота Проклятия? Что нужно тебе в Йесет-Мете?

Тхутмертари, решив, что отвечать на столько вопросов сразу ниже ее достоинства, не проронив ни слова, скинула черный капюшон с головы и обнажила кисть левой руки. Взорам змеядов предстали символы ее власти.

— На ней древняя корона правителей Сти-

гии, — изумленно сказала Танита. — Я видела такую в наших древних книгах.

— И я видел, — отметил Танатос. — Когда-то эта корона принадлежала нашему племени, но люди отобрали ее у нас вместе с нашей землей... О Сет! Погляди на ее руку, жена! Клянись Тьмой, это Кольцо Повелителя!

— Перстень владыки Черного Круга, — прошипела аккала.

В глазах змеядов обнаружился страх. И все же его было недостаточно, чтобы этот древний народ немедленно преклонил колени перед незваной гостьей. Найдя момент подходящим для вмешательства, волшебница величественно воздела правую руку, призывая к вниманию.

— Я Тхутмертари, королева Стигии, верховная жрица Сета и повелительница Черного Круга, — с достоинством заявила она на чистейшем змеином языке. — Я возлюбленная дочь Отца нашего Сета, Князя Тьмы, Змея Вечной Ночи. Я самая могучая волшебница Мира. Я низложила людских владык Стигии и соединила в своем лице их власть. Я намерена покорить Мир и бросить его к подножию трона Вечного Отца. Я собираюсь истребить человеческие племена, расплодившиеся на поверхности планеты и верующие в ложных богов. Я имею целью освободить Повелителя из Преисподней, куда он был заточен проклятыми богами Света, и вернуть Его в Мир. Я намерена сделать все это с вашей помощью, змеяды.

Она умолкла. Эффект ее короткого, но выразительного монолога превзошел самые смелые ожидания. Змеяды потрясенно хлопали желтыми веками. Теперь она внушала им ужас. Некоторые маги подались назад, ноги других

подкашивались. Все были потрясены. Танатос, взяв себя в руки, произнес:

— Ты говоришь по-нашему и называешь себя любимой дочерью Сета, но ведь ты — человек! Люди — исконные враги нашего племени!

— *Сур, притвори очи Атоммиса.*

Как только тощий жрец забылся в гипнотическом сне, Тхутмертари резким движением сбросила с себя Покрывало Ночи, явив змеядам свое отливающее золотом тело. В мире людей тело это считалось божественно прекрасным. Но в глазах змеядов Тхутмертари выглядела уродиной. Танатос, Танита и их подданные сморщили морды в гримасах отвращения, и лишь необычность момента не позволила им отвести взор. Волшебница ожидала такую реакцию. Она проколола себе левое запястье кинжалом, родившимся из указательного пальца правой руки, затем набрала кровь и принялась втирать ее в глаза магической змеи — Кольца Сета. Зазвучали заклинания. По вытянувшимся физиономиям змеядских магов королеве стало ясно, что заклинания эти явились для них откровениями. Она едва удержала смех. Как, наверное, были бы разочарованы древние колдуны, из всех сил ломившиеся сквозь Ворота Проклятия, окажись удачными их попытки проникнуть в Йесет-Мет, здесь нашли бы они не могучее тайное знание, а всего лишь кучку неумех, которых уважающий себя чародей вряд ли взял бы даже в младшие ученики!..

Облик Тхутмертари неожиданно начал меняться. Владыки Йесет-Мета, забыв о царском достоинстве, стояли с открытыми ртами. Они видели, как золотистое человеческое тело покрывается чешуей, руки уменьшаются, исчеза-

ют, две ноги удлиняются и сливаются в одну, а туловище сливается с ногой. Лицо сглаживается, утрачивает человеческие черты, превращаясь в морду королевской кобры. Преобразование завершилось. Змея Тхутмертари — настоящая змея, великолепная золотая королевская кобра, свернувшаяся кольцами, — лежала в чертоге правителей подземной страны.

— Я дочь и наместница Сета, — холодно изрекли змеиные уста. — Я ношу человеческое обличье, ибо оно много удобнее змеиного. Истинный облик мой сейчас перед вами. Я правлю людьми, но я — змея!

Танатос и Танита, не сговариваясь, поспешно опустились на колени перед королевской коброй. Вслед за ними пали ниц и прочие змеяды. Странное и чарующее это было зрелище — люди-змеи склоняются перед настоящей змеей!

— Повелевай нами, наместница Повелителя, — негромко молвил Танатос. — Змеяды — твои рабы.

— Твои рабы, владычица, — повторила Танита.

— *Сур, убери защиту.*

Шевеля кольцами, кобра Тхутмертари подползла к коленам преклоненным змеядам. Змеиную голову по-прежнему украшала рубиновая корона Стигии, а Кольцо Сета теперь было низано на кончик хвоста.

— Присягайте мне, — прошипела она.

Акках и аккала поочередно прильнули безгубыми пастями к Кольцу. В один голос Танатос и Танита произнесли клятву, короткую и сухую, но более значимую, чем пышные клятвы народов поверхности. Никогда еще змеяды Йесет-Мета никому не присягали, и у них не

было соответствующего ритуала. Однако владыкам подземной страны вдруг почудилось, будто их темный Бог сам подсказывает им нужные слова:

— Клянемся именем Сета служить тебе, владычица Тхутмертари, и вручаем наш народ воле твоей. Да будет так, пока Отец Сет не изречет иного.

Кобра милостиво кивнула, удовлетворившись такой клятвой. Затем Тхутмертари провела ритуал обратного превращения и снова предстала перед ними в человеческом облике. Заметив разочарованные взгляды змеядов, она поспешила облачиться в мрачное Покрывало Ночи, сочтя, что роскошное тело свое лучше все-таки показывать тем, кто способен по достоинству оценить его великолепие.

— Встаньте с колен, правители и жрецы моего народа, — сказала она, и змеяды немедленно исполнили ее приказ.

— Вам предстоит возвращение домой. Я выведу вас на поверхность...

Змеяды скопом отшатнулись от нее. Она с удивлением обнаружила, что эти ее слова ошеломили обитателей Йесет-Мета еще больше, чем все предыдущие.

— Наш дом здесь, великая королева, — молвила Танита. — Мы не можем выйти на поверхность.

— Люди враждебны нам, — добавил Танатос. — В древние времена мы укрылись от них в Йесет-Мете и не желаем возвращаться на поверхность. Мы не знаем, что это такое — жить вверху. Там совсем иной мир!

Последние слова огромный акках произнес с откровенным страхом, которого не стыдился. Тхутмертари подавила набиравший силу гнев.

Нет, угрозами и криком здесь мало чего добиться. Как ни печально, придется убеждать этих подземных недоумков.

— Ваш древний дом наверху, — спокойно возразила верховная жрица. — Вы были изгнаны из него когда-то. Но теперь вы можете и обязаны вернуться — так хочет Отец Сет, и я лишь передаю вам волю Его. Как и я, вы должны подчиниться Ему. Вы — истинные хозяева Стигии; воротилась ваша пора владеть этой страной. Пришло время мести. Теперь вы можете расквитаться с людьми за унижения прошлых времен. А для этого вы должны выйти на поверхность.

О, месть! Нет ничего сладостнее древней мести. Высшей мести, когда не человек мстит своему соплеменнику, и не род — роду, и не племя — чужому племени, а одна цивилизация мстит другой, враждебной цивилизации. Нет священнее той мести! И потому Тхутмертари сознательно упомянула о мести в самом конце, поставив ее даже выше воли Сета. Ее расчет оказался верным: желтые глаза зажглись зловещими огнями, и покрытые чешуей руки конвульсивно сомкнулись на рукоятках волнистых клинков.

— Да, мы хотим отомстить за предков, — прошипела Танита. — Но как? Проклятые ворота Йесет-Мета нерушимы. Наши предки навечно заперли народ Сета в подземном городе!

Тхутмертари уже обговаривала эту проблему с Суром. Раб доложил о трех способах извлечения змеядов из Йесет-Мета. Во-первых, можно телепортировать каждую особь по-отдельности. Тогда исход из подземной страны затянется на долгие дни и недели, а это королеву не устраивало. Во-вторых, раб мог взломать Ворота Про-

клятия. Он полагал, что древняя земная магия не устоит перед энергией Космоса. Это был быстрый способ. И крайне опасный: в схватке стихий змеяды могли погибнуть, и кто знает, как отразится такая схватка на Великом Равновесии. Разрушение Ворот Проклятия наверняка привлечет внимание богов и существ потустороннего мира. Тхутмертари этого также хотела избежать. Поразмыслив, она избрала третий вариант, и все то время, что она находилась здесь, Сур подбирал ключи к Воротам и пытался разгадать древнее заклятие. И вот волшебница обратилась к нему:

— Ты сможешь открыть Проклятые Ворота, Сур, раб мой? Удалось ли тебе вычислить древнее заклятие?

В ментальном эфире прозвучал короткий смешок.

— *Я поступил еще проще, владычица. Я прочитал его в магическом эфире, который сохранил следы заклятия с тех самых времен, когда древние колдуны заперли им Ворота. Да, я знаю заклятие и могу открыть Ворота.*

— Ты молодец, Сур, — не удержалась от похвалы волшебница.

Вслух она сказала:

— Я покажу вам, змеяды, какая великая сила покорна мне. Я распахну Ворота Проклятия.

— Невозможно! — вскричали все хором. — Лишь Отец Сет властен над ними!

— А также наместница Его на Земле, — ощерилась Тхутмертари.

— *Отворяй Ворота, Сур, раб мой!*

Земля вздрогнула. На поверхности, где царила ночь, взметнулись и снова опали тысячами тонн песка тысячелетние барханы. Цикло-

пические железные ворота в сотню метров высотой и шириной, повинувшись древнему заклятию, разверзлись. Обнажился широкий ступенчатый проход, полого уходящий вниз. А там, внизу, в Центральной Пещере Йесет-Мета, падали ниц в религиозном экстазе тысячи и тысячи змеядов. Невиданное событие, настоящее Миропреставление быстро собрало всех жителей подземной страны. И вскоре невероятная новость — «Ворота Проклятия открылись!!!» — разнеслась по всему Йесет-Мету. Десятки тысяч потомков Змея со всех концов города стекались в Центральную Пещеру, к Воротам. Из своего чертога вышли акках и аккала; с ними шли жрецы и чародеи, и все почтительно пропускали вперед владычицу Тхутмертари.

— Выводите свой народ, Танатос и Танита! — громко и торжественно воскликнула она, указывая рукой путь. — Дорога свободна! Да здравствует Вечный Сет! Да здравствует Старый Мир! Да здравствует Новая Месть!!!

— Да здравствует Месть! — гулким эхом отозвался змеиный народ.

А уже через несколько часов легионы древних властителей Стигии вышагивали по своей земле...

Глава десятая

ОХОТА НА КОРОЛЯ — I: УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Через пять дней после прихода к власти герцога Тарантийского, рансе известного под именем барона Вибия Латро, аквилонскую столицу снова было не узнать.

Новый наместник приступил к делу энер-

гично и умело, показав себя грамотным организатором и ловким политиком, человеком, не бросающим слов на ветер. Герцог начал с того, что объявил об отмене королевского декрета о смертных казнях. Так он обрел в народе образ Избавителя. На следующее утро после назначения Вибий уже представлял королю Джейку мелкопоместных нобилей, явившихся из близлежащих провинций и согласных служить новой власти — не бесплатно, разумеется. Узурпатор, принявший тронное имя Джейка Громовержца, чуть не прослезился от радости. Ему, в душе уже расставшемуся с жизнью, трудно было сдерживать слезы при виде гордых нобилей, преклоняющих пред ним колени и именем Митры присягающих ему.

Слухи об удивительных событиях, происходящих в столице, умело направляемые Вибием и его людьми, быстро распространялись по стране. Первейшим среди них считался слух о предстоящей победоносной войне против Немедии. Любопытна была манера преподнесения новостей. «Скоро Его Величество король Джейк Громовержец извергнет свой гнев на *нечестивых* немедийцев, и *наши аквилонские* черные птицы зальют кровью улицы *ихнего* Бельверуса. То-то будет *пожива!* — шептали агенты Вибия на базарах, в гостиницах и на собраниях состоятельных купцов, а для ушей аристократии добавляли: — Пора *расквитаться* за все с наглыми немедийскими собаками!»

Вечером к герцогу пожаловали вожаки двух Вольных Отрядов, предлагая свои услуги. Его Высочество быстро сторговался с наемниками и поручил им охрану королевского дворца. Четвертая ночь в Тарантии для пришельцев оказалась много спокойнее, чем три предыду-

шие: никто не погиб и даже не был ранен. Опытные наемники из местных отбили ночью пять нападений на дворец.

Радикальной перетряске наместник подверг службы дворца. Все сомнительные, на его взгляд, личности были арестованы. Взамен их Вибий призвал свою «старую гвардию» — тех, кто служил еще Вилеру и Нумедидесу, а после воцарения Конана вынужден был оставить государственную службу. Не все согласились присягать королю-чужаку, но согласившихся оказалось вполне достаточно, чтобы поставить на более-менее важные посты людей грамотных и лояльных тарантийскому герцогу.

В тот же день королевским указом были отменены налоги, чего не случалось с момента образования Аквилонии. Надо ли говорить, сколь приятно удивлены были все таким известием — от знати до простолюдинов. Особенно радовались купцы. На следующее утро депутация купцов явилась во дворец и заверила Его Высочество в своей полной поддержке новой власти. А когда герцог Тарантийский объявил о специальных привилегиях торговому люду, некоторые купцы, расчувствовавшись, ссудили наместнику в общей сложности почти десять тысяч золотых марок.

Кстати, именно столько составила награда, обещанная королем за голову бунтовщика Конана. Сказочное по аквилонским меркам состояние взбудоражило умы десятков алчных искателей приключений. Группы охотников за головой бывшего короля днем и ночью рыскали по Тарантии. Однако за пять дней поисков им так и не удалось выйти на след киммерийца. Вместо этого пострадали несколько невинных граждан, имевших несчастье быть похожи-

ми на богатыря-варвара (и на короля Джейка, соответственно). Параллельно с вольными охотниками действовали шпионы Латро — герцог придавал поимке и казни Конана первостепенное значение. Массированная охота за его головой, как видно, заставила вождя повстанцев сбавить обороты партизанской войны: через три дня после вступления Латро в должность наместника нападения на пришельцев почти прекратились.

По совету Вибия Джейк нанес визит в Храм Тысячи Лучей. На алтаре Митры он собственноручно, как того требовал обычай, зарезал жертвенного агнца и проникновенно попросил милости Пресветлого. Затем король передал жрецам только что подписанный декрет о жаловании Ордену плодородных земель к югу от Тарантии, а также виллы бывшего генерала Просперо. В беседе с королем жрецы Митры посетовали на активность жрецов Асуры, которые в бытность Конана королем распоясались дальше некуда, точно великая Аквилония, где испокон веков чтили Солнечного Митру, не более чем провинция захолустной Вендии. Джейк с содроганием слушал рассказы о богомерзких обрядах, совершаемых асуритами в тиши своих тайных храмов. Король и жрецы Митры согласились, что черному ведовству Асуры не место в цивилизованной Аквилонии. Джейк высказал и такую мысль: восстания и погромы организовали именно асуриты, они же стоят за спиной Конана. Жрецы Митры не стали возражать. Король поклялся, что очистит страну от скверны. «Нет Бога, кроме Митры, и вы — пророки Его», — персиначив пришедшую на ум догму своего времени, сказал Джейк жрецам, чем вызвал их неподдельный восторг

и восхищение мудростью нового монарха. Королевским декретом Джейк запретил все прочие культы.

На следующий день после визита короля на выборах верховного жреца Митры (вместо погибшего Декситя — друга Конана) победил Латеус, выдвиженец Вибия Латро. На своей первой проповеди в качестве главы культа Латеус призвал аквилонцев покориться королю Джейку Громовержцу, ибо он, Джейк, угоден Пресветлому Митре. Несогласные с этим рисковали навлечь на себя подозрение в пособничестве богомерзким асуритам или, того хуже, последышам демона Сета, Древнего Змея Тьмы. Той же ночью у дома Латеуса был схвачен человек с кинжалом. Его препроводили к дознавателям герцога, и те вскоре выяснили, что преступник злоумышлял против верховного жреца Митры по приказу аколитов Асуры. Говорили даже, что на рукояти упомянутого кинжала обнаружили древние вендийские руны, написанные девственной кровью. Злоумышленника прилюдно сожгли на костре, предварительно вырвав язык, чтобы он, как говорили, не смог призвать демонов к себе на подмогу...

Таким образом, всего за несколько дней Вибий Латро сумел сдержать все обещания, данные им узурпатору. Результаты его правления были налицо: в столице установился порядок, король из объекта всеобщей ненависти превратился в самую популярную — после танрантийского герцога — фигуру, пришельцы более не были врагами и даже ужасные черные птицы-вертолеты из разряда «черных демонов» перекочевали в когорту «молниеподобных по-

сланцев Солнцеликого» (как изящно выразился один придворный менестрель).

«Молниеподобным посланцам Солнцеликого» нашлось, кстати, новое пристанище. Как-то нескладно выглядели вертолеты из Будущего на площади перед древним дворцом аквилонского монарха. По совету Вибия Джейк перевел свое механическое воинство в старинную крепость на острове Норд. Этот небольшой клочок суши лежал посреди полноводного Хорота у северной оконечности столицы. Большая Тарантия начиналась чуть ниже по течению. На острове когда-то стоял замок первых аквилонских владык. Остров Норд идеально подходил для неприступной крепости, так как нападающим приходилось сперва преодолевать обширную водную преграду и защитники цитадели могли вволю обстреливать их с высоких стен. Затем, когда власть королей укрепилась, они перебрались во дворец на материке, и островная крепость утратила прежнее значение. Триста лет тому назад в ней укрылся какой-то мятежный граф. Тогдашнему королю Аквилонии пришлось изрядно повозиться, чтобы взять крепость. Покончив с мятежниками, король приказал разрушить цитадель. Его приказ успели выполнить лишь частично, ибо король вскоре умер. К тому моменту, когда к островной крепости обратился взор Вибия Латро, от нее оставались только высокие прочные стены. Собственно, ничего более и не требовалось.

По приказу наместника рабочие быстро привели крепость в относительный порядок. Плац, где прежде муштровали аквилонских гвардейцев, превратился в посадочную площадку для «Черных коршунов». Также восставили казармы для стражников и дома для тех

пришельцев, кто изъявил желание перебраться из Большой Тарантии на остров Норд.

Вечером пятого дня своего правления Вибий Латро пригласил короля принять работу. Капитанский вертолет, поднявшись с площади королевского дворца, сделал круг над городом и опустился в крепости Норд. Улыбающийся Джейк выпрыгнул из машины. Почетный караул, состоящий из двух отрядов — пришельцев и аквилонских стражников, отдал честь королю. Палить зазря из автоматов и бластеров Джейк запретил категорически: каждый патрон отныне был на строгом учете. Вибий прошествовал к королю и с достоинством поклонился ему. Обведя глазами крепость, Митчелл одобритительно похлопал наместника по плечу.

— Отлично, герцог, отлично. Я очень доволен. Этот замок как будто создан для моих «Черных коршунов».

— Здесь они в полной безопасности, государь. Ни один бунтовщик не сможет пробраться на остров незамеченным.

Король кивнул, затем добавил:

— И все же я велю Бобу Рэнквисту установить на стенах охранную сигнализацию.

Вибий пожал плечами и пригласил короля отужинать с ним.

Когда слуги подали яства и удалились, оставив короля и наместника наедине, Вибий сказал:

— Обрати внимание, государь: для пешего воина остров Норд практически недоступен, ведь вплавь добраться сюда нелегко, и ни одно судно не может выйти из порта Тарантии без моего разрешения. Твои же механические птицы, взлетая отсюда, уже через минуту достигают Тарантии. Остров Норд — наш фор-

пост на Хороте. Контролируя его, мы владеем не только городом, но и всей рекой ниже по течению.

— Я заметил это, — согласился Джейк. — Ты мой добрый ангел, герцог. Что бы я делал без тебя...

Вибий улыбнулся.

— Уж во всяком случае, не ужинал бы здесь.

— Две вещи тревожат меня теперь, — сказал король. — Первое: моя власть не распространяется дальше центральных провинций Аквилонии, которые я отдал тебе. Конановские вельможи по-прежнему сидят в крупных городах и не собираются покоряться мне. Знать отдаленных провинций в лучшем случае держит нейтралитет. Теперь, когда моя власть в столице укрепилась, следует распространить ее на всю Аквилонию. Как ты считаешь?

— Ты прав, государь. Время пришло. Но я бы не стал уж очень торопиться. Пока мы не покончили с внутренним врагом, нельзя идти на внешнего. У бунтовщиков есть знамя; не уничтожив его, мы не сможем победить.

— Это второе, что меня тревожит, — нахмурился Джейк. — Почему твои люди до сих пор не поймали Конана?

— Я работаю над этим, — сказал Латро. — Поверь, мне не меньше твоего хочется узреть труп варвара болтающимся на виселице на площади у королевского дворца! Я ожидал, что Конану удастся хорошо законспирироваться. Боюсь, мы имеем дело с кознями асурских жрецов. Они великие мастера заметать следы. Полагаю, асуриты прячут Конана в одном из своих тайных храмов. И один лишь Митра знает, где эти храмы...

Митчелл надменно усмехнулся.

— Ты всерьез веришь в эти байки об асурских жрецах? Но, клянусь Митрой, — Джейк расхохотался, — мне еще не попался ни один настоящий асурский жрец! Они что, привидения?

— Напрасно ты смеешься, государь, — покачал головой герцог. — Упаси тебя Митра от таких встреч! Жрецы Асуры — колдуны, и их невидимость лишь подтверждает, насколько они опасны.

Король задумался.

— Как можем мы победить их?

— Сперва мы должны захватить Конана. Он у них главный, он их знамя. В бытность свою королем Конан защищал асуритов, и они остались верны ему. Так было при Валерии Шамарском и при Великой Душес, так случилось и теперь. Асуриты — фанатики; их не запугаешь силой и не совратишь звонкой монетой. Тут нужно действовать хитростью. Необходимо выманить варвара из его логова. Когда с Конаном будет покончено, асуриты прекратят борьбу.

— А месть? Не начнут ли они мстить за него?

— К счастью для нас, их религия порицает месть, — хитровато ухмыльнулся Вибий.

— Ну что ж... Значит, надо всерьез браться за Конана. Пора кончать с ним!

Джейк выразительно скрутил в жгут золотую вилку.

Наместник в очередной раз подивился физической силе короля и как бы между делом заметил:

— У меня есть тут один подход...

— Ну?

— Он несколько, как бы это сказать, уязвим

с точки зрения морали, — потупив взор, молвил Вибий.

— Какая еще, к дьяволу, мораль! — воскликнул монарх. — Делай что хочешь, герцог, только добудь мне башку варвара! Знаешь, у нас есть хорошая поговорка: победителей не судят. И еще: мораль устанавливает победитель. Так что давай действуй и не мучайся. Меня не интересуют подробности. Только башка Конана!

Джейк тяжело стукнул кулаком о стол, тем объявляя вопрос исчерпанным. Вибий понимающе кивнул ему.

Поздней ночью наместник Аквилонии принимал в королевском дворце молодого человека по имени Пертоний.

Встреча была тайной. Пертоний, чье лицо было закрыто маской, прибыл в кабинет Вибия в сопровождении двух слуг герцога, которым тот доверял. Отпустив слуг, Вибий Латро сказал:

— Король дал мне полную свободу. Ты можешь приступать.

— Я сделаю все, чтобы оправдать доверие Вашего Высочества, — склонившись в глубоком поклоне, произнес Пертоний.

— В нынешние времена одного доверия недостаточно, — усмехнулся герцог и бросил Пертонию тугой кошель; молодой человек ловко подхватил его. — Здесь пятьдесят марок серебром. Остальное получишь, когда дело будет сделано.

— О, Ваше Высочество...

— Это только начало, — прибавил Вибий. — Я умею ценить своих слуг. Тот, кто умел и

верен мне, тот знатен и богат. Если сумеешь отличиться в этом деле, получишь, кроме денег, титул виконта и поместье в моем герцогстве.

— Ваше Высочество, я ваш преданный слуга!.. — пылко прошептал Пертоний, делая попытку поцеловать унизанную перстнями руку наместника.

Поморщившись, Латро спрятал руку.

— Ну, ступай, и да хранит тебя Митра.

Поклонившись тарантийскому герцогу, Пертоний вышел из его кабинета.

Ни он, ни его хозяин не могли знать, что их беседу видит и слышит другой человек, считающий себя — и не без основания — крупным специалистом по части электронных устройств и шпионских приспособлений. Маленький и незаметный «жучок», установленный им на потолке кабинета наместника, исправно транслировал изображение и звук на экран его бортового компьютера...

Выйдя от наместника, Пертоний вскоре покинул дворец и проследовал по ночной Тарантии к ничем не примечательному дому. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не следит за ним, молодой человек отворил дверь. Внутри его ждала красивая девушка. По характерному блеску ее глаз нетрудно было догадаться о чувствах, испытываемых ею к Пертонию. Чувства эти боролись в ее душе с другими чувствами, главными среди которых были совесть, преданность и благодарность. Увидев молодого человека, девушка кинулась к нему, подняла маску и расцеловала. Он мягко отстранился и спросил:

— Ты одна, Мевилла?

Она быстро кивнула. Продемонстрировав девушке кошелек с деньгами, Пертоний сказал:

— Его Высочество очень добр к нам, Мевилла. Он обещал мне титул и дом под Тарантией. Представляешь, любимая, у нас будет свое собственное поместье! И мы сможем наконец вступить в брак!

— Я так хочу этого, Пертоний! — горячо молвила она.

— Сегодня сделай то, о чем я говорил тебе, и наши мечты сбудутся, — проговорил молодой человек.

— Как, уже сегодня? — испугалась Мевилла.

— Да. В полдень я буду ждать тебя в кабинете, который прежде принадлежал канцлеру Публию. Тебя пропустят во дворец.

Девушка вдруг всхлипнула и опустила глаза.

— Я не могу, милый.

— Как это — не могу? — ахнул Пертоний, хватая ее за руку.

— Я не могу предать королеву, — заплакала Мевилла. — Она была так добра ко мне... Она такая славная, Пертоний! Я не могу...

Молодой человек резко привлек ее к себе; сердце его колотилось.

— Я думал, ты любишь меня, Мевилла. А ты любишь королеву. Оказывается, она тебе дороже.

Роняя слезы на его плащ, девушка промолвила:

— Тебя, тебя люблю, Пертоний... Но королеву... Нет, не могу!

Не сдержавшись, он влепил ей пощечину.

— Ты же обещала мне, Мевилла! Как ты смеешь отказываться теперь, когда Его Высо-

чество заплатил мне... нам! Да он же в порошок нас сотрет!

— Бежим из Тарантии, любимый! Герцог не достанет нас!

— Ты не знаешь его, как знаю я, — вздрогнув и оглядевшись по сторонам, сказал Пертоний. — Он достанет нас из-под земли. Да и зачем нам бежать? У нас впереди слава, богатство... Мы молоды, Мевилла! Зачем нам скрываться? Мы должны жить!.. Его Высочество лелеет своих слуг. Ты получишь место при дворе... При настоящем дворе, Мевилла! А я когда-нибудь стану бароном, и у меня будет свой замок и своя дружина... Ну же, любимая!

Мевилла рыдала на его груди. Встряхнув ее, молодой человек проговорил:

— Ты не сделаешь ничего плохого, уверяю тебя! Никто не пострадает, клянусь Митрой! Скажи, когда я тебя обманывал?

Девушка обратила к нему свое заплаканное лицо и подавленно кивнула:

— Хорошо, любимый. Я сделаю, как ты хочешь. Только поклянись еще раз, что при этом никто не пострадает!

Пертоний для верности поклялся еще дважды.

Публий сидел за столом, обхватив голову руками, и ныл:

— Как хорошо все шло!.. Еще один день, и пришельцы перестреляли бы друг друга из своего проклятого оружия... Или убрались бы к Нергалу прочь из Тарантии... А теперь... Ы-ы-ы...

— Кончай выть, толстяк! — рявкнул Конан. — Нытьем делу не поможешь. Думать надо!

— Этот старый плут Вибий Латро... — сквозь

зубы процедил Паллантид. — Не явись он, точно демон из Преисподней, мы бы уже сидели во дворце, а о Джейке и его прихвостнях и думать бы забыли! Проклятый наместник, чтоб ему поскорее увидеть Серые Равнины!

— Моя вина, — сумрачно проговорил киммериец. — Я недоглядел. Этот самый Вибий пакостил нам, еще когда мы в Аргосе собирали повстанческую армию против Нумедидеса. Помнишь, Просперо? — Генерал кивнул. — Среди придворных безумного Нуми этот был самый смысленый. Он одним из первых почувствовал предстоящий крах Нумедидеса и успел бежать еще до того, как я захватил Тарантию. Признаюсь, я решил, что навсегда. И поди ж ты, всплыл, собака!

— Джейк обязан ему всем, — сказала Зенобия.

— Джейк правит лишь номинально, — заметил Хадрат. — Реальная власть в руках новоявленного тарантийского герцога. Джейк и Вибий нужны друг другу: если бы не Вибий, Джейк давно был бы мертв, а если бы не Джейк, Вибий не получил бы власть. Джейк опирается на ум, способности и опыт Вибия, а Вибий — на силу «Черных коршунов» Джейка.

— Ты голова, Хадрат, — сказал Паллантид. — Как всегда, умеешь разложить все по полочкам.

— И как ты пропустил во дворец этого проходимца, Публий? — укорила бывшего канцлера Зенобия.

Публий зарделся, не решаясь оторвать взгляд от стола.

— Когда я увидел, как Вибий входит в кабинет узурпатора, мне сразу стало ясно: нужно удирать. Так оно и случилось: еще не зная, что

я бежал, узурпатор объявил награду за мою голову. Видно, Вибий растолковал этому дураку, что я остался верен истинному королю.

— Ты поступил правильно, Публий, — отрезал Конан. — Нам дорог каждый человек. Не так уж много верных людей у нас осталось.

— Вибий просто зверь, — посетовал Просперо. — Он натравил на нас весь город. На каждом углу висят портреты так называемых бунтовщиков. Наши портреты!

— Как я и опасался, многие готовы продать государя за горстку монет, — печально заметил Хадрат.

— Ну уж за горстку, — усмехнулся Конан. — За десять тысяч золотых марок! Должно быть, сильно я им понадобился, Нергаловым ублюдкам... Обидно, что предатели появились уже в нашем собственном лагере. Тех двоих жаль; прежде они были честными людьми. Если такие люди готовы предать, это дурной знак. Значит, они не верят в нашу победу.

Здесь, в кругу своих самых верных соратников, Конан мог не скрывать истинных чувств, тем более что все знали: вождь сопротивления вовсе не собирается сдаваться.

— Ответь, Хадрат, можем ли мы положиться на твоих людей? — спросил киммериец.

— Не сомневайся в них, государь. Почитатели Асуры, как и прежде, верны тебе. Верны сердцем и душой. К тому же новая власть возобновила и усилила гонения на асуритов. Такой свирепой охоты за последователями нашего культа не было даже при короле Хагсене! Жрецы Митры каждый день науськивают против нас тарантийцев.

— Не ждал предательства от жрецов, — упрямо молвил Конан. — Когда я правил, культ

Митры ни в чем не испытывал нужды. Чего им не доставало? Почему митраиты так скоро пропались моим врагам?

— Они жаждут исключительности, — вздохнул жрец. — Им нужно, чтобы культ Митры оставался единственной законной религией королевства. Ты был терпим к культу Асуры, и им это не нравилось. Джейк просто делает то, что им угодно.

— Но Латеус — такое ничтожество! — молвила Зенобия. — Как мог столь недостойный человек стать верховным жрецом Пресветлого Митры?

Вопрос королевы повис в воздухе.

— Мы обязаны все исправить, — сказал Просперо. — Мы должны убить Вибия Латро. Даже если кому-то из нас придется заплатить за это своей жизнью.

— Вибия убивать нельзя, — возразил Хадрат. — Разве ты не видишь, генерал: Вибий теперь популярен в народе. Он сумел обратить в свою пользу даже злодейства, чинимые Джейком в первые два дня после штурма. Увы, время, когда можно было устранить Вибия, ушло. Убийство герцога ничего нам не даст: он уже успел расставить своих людей на государственные должности. Эти люди продолжат свое дело и без хозяина. К тому же наместника охраняют даже лучше, чем самого короля.

— Хитер, змееныш! — проворчал Конан.

— Мы должны поразить узурпатора, — продолжал Хадрат. — Теперь самое время. Лишившись поддержки Джейка, Вибий вынужден будет искать ее у других пришельцев. Моим шпионам удалось выяснить, что негодяи из Будущего и тарантийский герцог неважно ладят

меж собой. Такие люди, как Хьюго Гамильтон и Педро Гарсиа, вообще на ножах с Вибием, а многие ревнуют своего вожака Джейка к наместнику. Они считают себя обделенными богатством и властью...

— К сожалению, мы не можем рассчитывать на этих людей, — прибавил Конан. — Как ни враждуют пришельцы с Вибием, нас они боятся еще больше. Именно страх перед нами помогает Джейку и Вибию удерживать в узде этих негодяев... Потому, между прочим, Вибий разрывается между желанием поскорее покончить со мной и опасением, что после моей смерти пришельцы выйдут из-под его контроля.

Хадрат согласно кивнул.

— Вибий боится решительных шагов. Но Джейк подталкивает его, и наместнику придется на что-то решиться. Поскольку от пришельцев он избавиться не может, ему придется избавиться от нас. Шпионы герцога уже два дня шастают недалеко от нашего убежища. Если мы не нанесем упреждающий удар, быть нам битыми, государи!

— Неужели все так плохо, Хадрат? — зябко передернула плечами Зенобия.

— Посуди сама, королева. Наши сторонники разгромлены или бежали. Положение узурпатора укрепилось: народ теперь за него, а на возвращение настоящего короля мало кто рассчитывает. Вибий переманил на свою сторону жрецов, купцов, чиновный люд, вольных наемников и даже часть знати. Конечно, в провинциях его не признают...

— Забудь об этом, Хадрат, — отрезал Конан. — Я не покину Тарантию. Судьба Аквилонии решается в столице. Я не могу бежать, к примеру, в Пуантен, к Троцero, а затем идти

оттуда на Тарантию с новой армией: вертолеты Джейка просто-напросто перебьют моих наземных воинов! Нет, Хадрат, клянусь Кромом, мы возьмем над пришельцами верх здесь, в Тарантии!

— Но нам не удалось достать оружие Будущего, — напомнил жрец. — Более того, тот единственный бластер, что добыл Публий, похищен безумным Гальвием! И теперь, после неудавшегося покушения Гальвия, Джейк держит свое чудесное оружие под семью замками!

— Мы должны понять Гальвия, — вздохнула Зенобия. — Пришельцы уничтожили его семью. Он мечтал отомстить узурпатору.

— Месть и злость — плохие советчики для ума, — заметил Хадрат. — Из-за Гальвия мы потеряли единственный бластер и только спугнули пришельцев.

— Что теперь об этом говорить! — сказал Просперо. — Как и прежде, мы должны рассчитывать на наше доброе оружие. Мы должны пробраться во дворец по тайному ходу и напасть на узурпатора. И да поможет нам Митра!

Все вопросительно посмотрели на Конана. Его слово было решающим. Киммериец задумчиво почесал затылок и кивнул.

— Пожалуй. Выступаем этой ночью. Прикончим Джейка — или он прикончит нас. Сегодня или никогда!

Едва отзвучали эти слова Конана, в чертог тайного храма, пренебрегая правилами конспирации, с шумом ворвались два человека в черных одеждах поклонников Асуры. Хадрат побледнел. Просперо и Паллантис вскочили и встали перед королем, обнажив свои мечи. Однако асуриты не собирались нападать. Неожиданно

данно они пали на колени перед Зенобией, и один из них возгласил:

— Казни нас, королева!.. Недоглядели!

— Что случилось, сожри вас Сет! — взревел Конан. — Говорите толком!

Королева пошатнулась, ибо по лицам асуритов прочитала ответ. Сердце Конана упало, когда асурит сказал:

— Твой сын Конн, государь. Его похитили...

— Кто?!

— Мевилла, нянька. Она была с наследником...

— Мевилла... Она не могла, — простонала Зенобия.

— Как это случилось?

Асуриты покаянно ударили лбами об пол.

— Виновны, государь! Не ведаем, как. Должно быть, она опоила нас. Когда мы очнулись, Мевиллы и Конна след простыл...

— Вы обязаны были опознать зелье, если это было оно, — прошипел Хадрат, и голос жреца был страшен. — Ступайте прочь и примите кару, как полагается по нашему обряду.

Провинившиеся потемнели лицом, но, узрев непреклонный взгляд Хадрата, возражать не осмелились и, бормоча извинения, удалились. Взоры всех снова обратились к королю. Лицо Конана было багровым от гнева, и он раздельно проговорил:

— Джейк и Вибий опередили нас... Что ж, тем хуже для них. Клянусь Кромом, они дорого заплатят, если с моим сыном что-то случится!.. Теперь нет времени ждать до ночи. Идем сейчас.

— Веди нас, государь! — воскликнул Просперо. — Мы вытащим принца Конна из лап негодяев!

Глава одиннадцатая

ОХОТА НА КОРОЛЯ — II:
ТАИНСТВЕННЫЙ ДРУГ

Королевские стражники, в душе подивившись странному приказу герцога, тем не менее без звука пропустили девушку с большой корзиной во дворец. Мевилла дрожала от страха и волнения. Она старалась не думать о королеве. Она больше никогда не увидит свою королеву. Все самое страшное уже позади. Теперь она отдаст ребенка Пертонию. С мальчиком ничего плохого не случится, любимый трижды поклялся в том именем Солнцеликого. Наверное, Его Высочество герцог Вибий желает вырастить Конна при дворе. И то верно: разве дело вельможному принцу прятаться по тайным квартирам? У короля Джейка нет своих детей, вот и решил, наверное, Его Величество усыновить принца Конна... Поразмыслив так, девушка немного успокоилась. Она совершила благое дело. И наградой ей станет счастье с любимым Пертением...

Никем не остановленная, она прошла к кабинету бывшего канцлера и постучала в дверь условным стуком. Услышав ответный стук, Мевилла отворила дверь. Пертоний вовлек ее в комнату. Девушка поставила корзину на пол, бросилась на грудь молодого человека и разрыдалась. Он страстно поцеловал ее, затем отстранился и заглянул в корзину. Там, аккуратно укрытый одеялами, мирно посапывал черноволосый крепыш лет трех от роду. Увидев его, Пертоний издал тихий возглас ликования:

— Да! Это принц Конн! Мы победили, Мевилла!

Он стал распрямляться, чтобы снова обнять любимую. Внезапно раздался короткий свист, и в грудь Пертония вонзился миниатюрный метательный нож. Молодой человек захрипел и свалился подле корзины. Вскрикнув от ужаса, Мевилла инстинктивно обернулась в сторону, откуда прилетел кинжал. И в следующий миг другой метательный кинжал поразил ее в сердце. Девушка упала рядом с Пертонием.

Неслышно из-за портьеры выскользнула облаченная в черное фигура. Быстрым движением найдя пульс молодого человека и девушки и убедившись, что жизнь оставила их тела, этот человек присел к корзине. Его рука, чуть сжатая в ладони, устремилась к волосам спящего мальчика. Спустя пару мгновений она вернулась, и в руке болес ничего не было. Так же бесшумно человек в черном нащупал тайную дверь, через которую Публий общался с посланцами свергнутого короля, а позже бежал из дворца. Человеку в черном удалось открыть ее. Не мешкая ни секунды, он поставил корзину с Конном по ту сторону стены, в секретный проход. Затем он затворил дверь и вернулся к убитым.

Сначала он аккуратно извлек свой кинжал из тела Пертония и запрятал нож в специальный мешочек на поясе. Затем другим кинжалом, более внушительным и длинным, углубил смертельную рану юноши и нанес тому еще несколько незначительных ранений рядом. После этого убийца точно так же вынул метательный нож из груди Мевиллы и, как и первый кинжал, отправил его в мешочек на своем поясе. Далее человек в черном вложил большой кинжал в пальцы девушки и ее рукой с силой воткнул кинжал в ту же самую рану. И так оста-

вил. Бросив единственный взгляд на эту картину, он снова растворился за портьерой.

Спустя непродолжительное время за стеной послышались негромкая возня и отзвуки человеческих голосов. Затем с той стороны отворилась секретная дверь, и в кабинет вступил огромный воин, как две капли воды схожий с королем Джейком. В руке его блеснул здоровенный двуручный меч. Богатырь прислушался и осмотрелся. Обнаружив два трупа, он тихо присвистнул. Пружинистым шагом он обследовал покой, заглянул под мебель и за портьеры. Не найдя там никого, богатырь с синими глазами вернулся к тайной двери и сделал знак. Вслед за ним в кабинет вступили еще четверо: красивая черноволосая женщина с уже знакомой читателю корзиной, худой и задумчивый человек в одеждах жреца Асуры и двое, известные как генералы Просперо и Паллантид. Все вошедшие также были вооружены.

Поставив корзину на стол и узрев ее содержимое, Зенобия вскрикнула. Заметив предостерегающий жест мужа, она радостно прошептала:

— Смотри, дорогой, это же наш Конн!

Конан кивнул и так же негромко обратился к сопровождающим:

— Хотел бы я знать, что случилось здесь на самом деле.

Хадрат и Конан нагнулись и обследовали оба трупа.

— Все ясно, — сказал жрец. — Когда женщина принесла Конна сюда, между нею и этим молодым человеком вышла размолвка. Теперь мы уже вряд ли узнаем, что они не поделили. Женщина несколько раз ударила его вон тем кинжалом и после нескольких попыток нако-

нец прикончила. Затем она, как видно, поняла, что натворила, и решила свести счеты с жизнью, а маленького принца вернуть нам.

— На Мевиллу это похоже, — отметила Зенобия. — Она была доброй женщиной. Наверное, этот человек принудил ее похитить Конна. Когда его не стало, Мевилла устыдилась своего поступка и смысла позор кровью.

— Да, так оно, должно быть, и произошло, — подумав, проговорил киммериец. — Вот только как она узнала ключ к нашему тайному ходу?

— Может быть, этот парень ей сказал? — предположил Просперо.

— А он откуда узнал? — спросил Паллантин.

Люди пожали плечами: пока достойного ответа на этот вопрос не находилось.

— Ладно, после будем рассуждать, — сказал Конан. — Теперь сделаем вот что. Ты, Зенобия, бери сына и возвращайся в храм. А мы пойдем дальше. Нужно кое с кем расквитаться.

Внезапно послышался шум за парадной дверью. Это были человеческие голоса, и они приближались. Много голосов!

— Проклятие! — свирепо прошептал Конан. — Они идут сюда, ублюдки Нергала! Уходим...

Он и его спутники скрылись в секретном ходе и притворили за собой тайную дверь. Чужие голоса звучали громко, но почему-то неразборчиво. Через минуту после ухода заговорщиков человек в черном вновь бесшумно возник в кабинете. В левой руке он держал небольшую трубку, которую называл *детектором присутствия*. Проведя детектором вдоль стены, скрывавшей секретный коридор, человек в черном убедился, что Конан и его люди ушли.

Тогда он вынул свой кинжал из пальцев мертвой девушки, специальной тряпочкой вытер кровь и вложил кинжал в ножны на поясе. Затем человек в черном обнажил меч и, прицелившись, сильным ударом вонзил его в тело Мевиллы, — причем опять в *ту самую рану*. После этого он подошел к телу Пертония. Несколько точных взмахов мечом потребовались ему, чтобы отделить голову молодого человека от туловища, а само туловище искромсать на мелкие части, так что первоначально нанесенные раны невозможно было обнаружить.

Далее он *выключил диктофон*, и голоса стихли. Быстро сбросив с себя черные одежды со следами крови, он очистил ими кровь с лезвия меча и также сунул их в специальный мешочек, а меч — в ножны. Едва он успел сделать это, как из-за парадной двери снова слышались голоса. Человек скользнул к тайной двери и слегка приоткрыл ее. Когда парадная дверь отворилась, его уже не было в кабинете.

Вступив в кабинет бывшего канцлера, Вибий Латро не сумел сдержать крика ужаса и изумления. Сопровождавшие его две дюжины стражников испытали аналогичные чувства. В самом сердце дворца — кровавое побоище! И никто ничего не слышал!

Стражники обследовали палату. В ней никого не было. Но приотворенную тайную дверь, внешне казавшуюся частью стены, все заметили сразу.

— Вот откуда пришли и куда ушли злоумышленники, — сказал капитан с немалым облегчением. Если существовал тайный ход, значит, его люди не виноваты.

— Странно, — проговорил Вибий, подходя к двери. — При мне ее не было... Должно быть, секретный ход проложили уже при Конане. Ну-ка, посмотрите, что там, внутри, — приказал герцог.

Стражники с опаской заглянули в проем.

— Там какой-то коридор, Ваше Высочество, — доложил капитан.

— Это я и сам вижу, — раздраженно заметил Вибий. — Поглядите, куда он ведет.

Капитан вместе с десятком стражников исчез в тайном проходе. Наместник задумчиво посмотрел на два труп.

— Да... — сумрачно проговорил он. — Вот вы и лежите здесь, Пертоний и Мевилла... И юного принца нет с вами. Конан снова опередил меня. Выходит, это он нанес упреждающий удар. Очень жаль...

Обратившись к одному из стражников, он приказал:

— Найди пришельца по имени Рэнквист и скажи ему, что я жду его здесь. Пусть придет немедленно.

Через несколько минут посланные Вибием на разведку стражники вернулись.

— Итак, вам удалось выяснить, куда ведет этот ход?

Капитан поклонился наместнику и доложил:

— Так точно, Ваше Высочество. Он заканчивается в городской канализации. Простите...

Только теперь герцог почувствовал, что от стражников как-то неприятно пахнет. Поморщившись, он жестом велел им отодвинуться от него подальше. А сам стал в задумчивости ходить по кабинету, изредка бросая взгляды на тайную дверь.

Вошел Боб Рэнквист.

— Вы звали меня, Ваше Высочество?

В отличие от большинства пришельцев, англичанин был подчеркнуто вежлив и предупредителен со всемогущим наместником, называл его на «вы» и исполнял все, о чем тот просил. Вибий, не избалованный добрым отношением со стороны людей Джейка, платил Рэнквисту той же монетой. Указав на трупы, Латро произнес:

— Видите это, Роберт? Бунтовщик Конан недавно побывал во дворце и убил моих людей.

Рэнквист изумленно присвистнул.

— Надеюсь, более никто не пострадал? — ответил он вопросом на вопрос.

— Пока нет. Но я не спокоен. Видите, Роберт, эту дверь? Конан и его сообщники воспользовались секретным ходом. И я не могу поручиться, что этот ход единственный, о котором мне не было известно до сего дня. А если так, король и все мы в опасности! Конан может напасть откуда угодно и в любую минуту!

Рэнквист с пониманием кивнул.

— Чем я могу помочь Вашему Высочеству?

Вибий взмахом руки отослал всех стражников, а когда они ушли, сказал:

— Разружьте этот ход. Или хотя бы его часть. Чтобы ходом нельзя было пользоваться. Вы можете это сделать, Роберт?

— Без труда. Дело десяти минут.

— Хорошо. Разружьте его. Нет, погодите... Не сейчас. Я скажу когда. И еще, Роберт. Можете ли вы установить во дворце свои приспособления для слежки?

Рэнквист недоуменно заметил:

— Я уже давно предлагал это сделать. И не

кто иной, как вы, герцог, всегда выступали против!

Латро пожал ему руку.

— Признаюсь, я был не прав. Установите свои шпионские штучки, Роберт. В каждой комнате дворца. Везде! И то, что вы называете сигнализацией, тоже установите. Я должен знать, что происходит во дворце.

— Это очень большая работа, — покачал головой Боб. — В лучшем случае на три-четыре дня непрерывного труда. Нужны десятки различных устройств. Чтобы их изготовить, необходимы исходные материалы и рабочие руки. Полагаю, то и другое в Тарантии непросто сыскать.

— И все же. Дело стоит того. Я дам необходимые указания моим министрам, чтобы они оказали вам всемерное содействие. Материалы будут, Роберт, будут, это я вам обещаю. Что же касается рабочих рук, я поговорю с королем о привлечении к этому делу ваших коллег. Как, сумеют они?

— Думаю, да. Те, кого вы называете пришельцами, на самом деле мастера высокой квалификации и широкого профиля. Один Зинг чего стоит!

— Вот и отлично. — Герцог довольно потер руки. — Я знал, что могу рассчитывать на вас, Роберт. Поверьте, я в долгу не останусь!

— Да ладно вам! — смущенно молвил Рэнквист. — Мне ничего не нужно.

Вибий и Роберт, довольные друг другом, обменялись крепким рукопожатием.

— Я могу идти, Ваше Высочество?

— Идите, Роберт, идите, и да хранит вас Митра... Нет, постойте! Что это у вас за трубка у пояса?

— Какая трубка?

— Да вот эта. Что это такое? Если не секрет. Рэнквист усмехнулся в щегольские усы.

— Помилуйте, какой секрет? Это детектор присутствия. Он позволяет чувствовать живого человека сквозь стену. Вот, например, если бы вы стояли здесь, а кто-то шел по тому коридору, вы бы с помощью детектора заметили его. Даже если бы он двигался совершенно бесшумно.

— Через стену?!

— Именно.

— Какая чудесная вещица! — восхитился наместник. — Высшая магия, одним словом!

— Никакой магии, Ваше Высочество, — улыбнулся Рэнквист, пряча детектор. — Только наука!

Когда Рэнквист ушел, Вибий Латро снова подозвал к себе капитана стражников.

— Возьми своих самых лучших и верных людей, — сказал герцог, — человек двадцать... нет, сорок. Устрой засаду в этом секретном коридоре. Когда Конан появится, захвати его. Если не удастся взять варвара живым, действуй по обстановке. Выполняй.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

— Не нравится мне все это, — промолвил Конан, когда он, Зенобия, Хадрат и Просперо с Паллантидом возвратились в храм Асуры. — Как-то подозрительно легко мы вернули моего сына!

Бросив внимательный взгляд на спящего в корзине Конна, киммериец поставил ее на лавку.

— Я не вижу, государь, где здесь может быть

подвох, — пожал плечами Хадрат. — Кому и, главное, зачем могло понадобиться сначала красть принца, а затем возвращать нам. Вибий хитер, но не настолько же!

— К тому же он не мог знать, когда и как мы придем за Конном, — отметил Просперо.

— А если б знал, несомненно, устроил бы засаду. А засады-то как раз и не было, — напомнил Паллантид.

Конан недоверчиво хмыкнул, но промолчал.

...Пока свергнутый король и его сподвижники вели этот разговор, что-то, отдаленно напоминающее насекомое размером с муху, выбралось из курчавых смоляных волос спящего ребенка и прыгнуло на пол. Никем не замеченное, оно подобралось к стене, приклеилось к ней цепкими лапками и стало быстро взбираться вверх. Оказавшись на потолке, оно спряталось за одним из бронзовых светильников. Закрепившись там, оно *сменило* свой черный цвет на цвет светильника. А затем вперило единственный глаз в происходящее внизу. С этой самой секунды его хозяин видел и слышал все, что происходило и что говорилось в тайном убежище низложенного короля Аквилонии. Но первым делом «жучок» поспешил передать хозяину *координаты* этого убежища...

Засада томила в ожидании уже несколько часов. Где-то невядалеке текли смрадные реки городских нечистот. Капитан стражников, в душе проклиная герцога, таился в одной из ниш. Откуда наместник мог знать, что Конан вернется во дворец? Что ему вообще там делать? Дворец наводнен охраной: у каждой две-

ри дежурят по четыре стражника, покой короля оберегают десять охранников и столько же стерегут покой самого тарантийского герцога. С какой стати варвару нападать на дворец? Разве он самоубийца?..

Но вот издалека слышались хлюпающие шаги. Капитан дал сигнал своим людям. Всего в засаде притаились четыре десятка человек, и они изготавились к нападению. Мечи обнажились, а носы взведенных арбалетов устремились туда, откуда вот-вот должны были появиться мятежники.

В этот критический момент капитан вдруг услышал новый звук, и шел этот звук не из дренажной системы, а со стороны дворца. Некое тихое шипение, мало похожее на шипение животного... У капитана был в тот день небольшой насморк, и он не смог ощутить некий странный чуть сладковатый запах, появившийся вслед за шипением. Только вдруг голова его стала тяжелой, он попытался встать, но ноги не повиновались ему, — а горло издало лишь тихий хриплый кашель. Капитан еще успел увидеть, как люди вокруг падают на пол, а затем глаза его закрылись... И он уже не услышал глухого взрыва там, впереди, у самого входа в секретный коридор, и шума обвала.

Конан, Хадрат, Просперо, Паллантид и еще десять верных людей осторожно продвигались в сторону тайного хода. Эта ночь должна была стать решающей. Этой ночью Джейк-узурпатор должен был умереть. Смерть самозванного короля станет началом конца пришельцев. Потеряв главаря, они передерутся между собой и с Вибием Латро. Хитрый наместник либо одержит

верх над горсткой завоевателей, либо вынужден будет снова бежать. В любом случае новая власть лишится одной из двух опор и неминуемо рухнет. А аквилонцы вспомнят о настоящем короле...

Показался проем секретного коридора. Конан знаком приказал удвоить бдительность. Засады он не ждал — о существовании тайного хода из городской канализации в королевский дворец знали лишь его ближайшие сподвижники, в чьей верности он был уверен, — но, как всегда, готовился к неприятным неожиданностям. И одна из таких неожиданностей вдруг произошла.

Камни вздрогнули; потолок сполз вниз, обдав Конана и его людей облаком густой пыли. Люди отпрянули. Когда пыль рассеялась, киммериец увидел, что входа в секретный коридор больше не существует.

- Капитан, капитан, проснись...
- По-моему, он не слышит нас...
- Нужно облить его водой...
- Да где ж ты возьмешь здесь воду...
- А вот попробуй табачок...

Голоса раздавались откуда-то издалека. Капитан плохо слышал их, и они проходили мимо его сознания. Внезапно в носу сильно запершило, капитан чихнул и открыл глаза. Он увидел своих стражников. Они по-прежнему находились все в том же коридоре.

— Слава Митре, он пришел в себя! Ты слышишь нас, капитан?

— Что случилось? — хрипло спросил капитан.

— Впереди обвал, — ответил его помощник. — Выход засыпан.

Капитан горько вздохнул и поднялся на ноги.

— Засада сорвалась, — сообщил он подчиненным. — Герцог будет вне себя.

— Нас накажут, да, капитан? — испуганно спросил кто-то.

Опытный вояка внимательно осмотрел следы обвала, затем кинул взгляд на испачканные в пыли мундиры подчиненных...

— Не накажут, — сказал он. — Слушайте меня. Дело было так. Мы ничего не слышали. Никто сюда не шел. Внезапно случился обвал, и нас засыпало. Бунтовщиков никто не видел. Ясно? Теперь вы знаете, что сказать, если герцог спросит.

— А если спросят его палачи?

— Тем более, — отрезал капитан и отдал приказ возвращаться.

Обычно сдержанный и хладнокровный, Вибий Латро в волнении прохаживался по своей спальне. Только что капитан стражников доложил ему о провале операции. Первой мыслью герцога было сурово покарать нерадивого слугу, но, выслушав его сбивчивые объяснения и оглядев жалкую фигуру, наместник сменил гнев на милость и позволил капитану удалиться.

В дальнем углу опочивальни наместника Роберт Рэнквист заканчивал установку автоматической сигнализации. Несмотря на ночь, англичанин как будто не собирался удалиться на покой. Удовлетворенный его трудолюбием, Вибий не стал отсылать Рэнквиста, и тот слышал весь его разговор с несчастным капитаном. Герцог поневоле проникался все большей симпатией к этому человеку и теперь, казалось, был даже рад возможности излить ему свою досаду.

— Боги против меня, Роберт! — в четвертый раз восклицал Вибий, проходя мимо колдующего у ящика с проводами Рэнквиста. — Если бы не этот злополучный обвал, Конан уже был бы у меня в руках!

— Скорее вы получили бы его труп, Ваше Высочество, — заметил англичанин. — И трупы ваших слуг. Судя по тому, что рассказывают об этом варваре, он настоящий монстр. Говорят, он один за минуту способен прикончить десятерых. Или даже за полминуты, если его сильно разозлить...

Вибий досадливо отмахнулся.

— Это очень опасный человек! Вот почему я послал против него лучших своих людей. И что же? Конан снова ушел, и мы опять потеряли его след! Где теперь его искать? Ход завален. Можете ли вы, Роберт, обследовать дворец своей чудесной трубкой и выяснить, нет ли где еще таких же ходов?

Рэнквист хмыкнул и недовольно ответил:

— Помилосердствуйте, герцог! Я и так не знаю отдыха, выполняя ваше задание! Да вы хотя бы представляете, сколько времени потребуются, чтобы проверить весь дворец? Неделя, самое меньшее! Да за эту неделю что угодно может случиться! Этим мы только перспугаем всех. Ну представьте, что подумают ваши придворные, когда увидят меня с колдовской, по их представлению, трубкой обходящим закоулки дворца?! Точно призрак умершего чародея! Скажите, вам нужны паника и пересуды?

— Да, вы правы, Роберт, — процедил Вибий. — Не годится. Что же еще придумать?..

Англичанин усмехнулся, отложил свою работу и подошел к наместнику.

— Выход есть, — доверительно сообщил он. — Хотите, скажу?

Вибий удивленно посмотрел на него и ядовито осведомился:

— Вы желаете что-то предложить мне, Роберт?

Следует показать этому пришельцу, что мое хорошее отношение не дает ему права полагать, будто он лучше меня смыслит в делах государства, подумал Латро.

— Желаю, — сказал Роберт. — Давайте начистоту, Ваше Высочество. На кой вам голова Конана?

— То есть как это «на кой»? — изумился герцог. — Конан преступник! Он злоумышляет против короля! Он злоумышляет против меня! Он угрожает всем нам! Разве мало причин, чтобы желать его смерти?

— Ну хорошо, предположим, вы убьете Конана. А что дальше? Не сочтет ли Его Величество, наш дорогой и обожаемый король Джейк Громовержец, что больше не нуждается в услугах Вашего Высочества? Как вы думаете?

Вибий побледнел. Он мог ждать от Роберта чего угодно, только не этого. Англичанин как будто прочитал его тайные мысли!

— Вы забываетесь, господин пришелец, — с угрозой в голосе проговорил наместник.

— Отнюдь. Кстати, о пришельцах. Я могу назвать вам по крайней мере трех человек из нашего отряда, кто лично в моем присутствии убеждал Джейка отделаться от вас, ибо вы, на их взгляд, слишком много себе власти забрали. Конечно, я с ними не могу согласиться, — Рэнквист отвесил наместнику полунасмешливый поклон, — но и переубедить их, увы, тоже не могу. И знаете, что отвечал им король? Он отвечал, что только вы, Вибий Латро, в состоя-

нии поймать и уничтожить Конана. Заметьте, король ни словом не обмолвился о ваших достижениях, герцог! О том, что вы спасли его от верной смерти, а трон — от неминуемого краха. Уверяю вас, Ваше Высочество, вы еще мало знаете Джейка Митчелла. Не правы вы, если полагаете, что он по гроб жизни будет обязан вам. На самом деле он быстро забывает добрые дела. Бьюсь об заклад, пройдет еще немного времени, и он будет помнить лишь то, что вручил вам власть не по собственной воле, а под давлением обстоятельств...

— Король нуждается во мне! — воскликнул уязвленный наместник.

— Нуждается, не спору. Но как только перестанет нуждаться, тотчас отправит вас в изгнание. В лучшем случае, — внушительно добавил англичанин.

— Король всегда будет нуждаться во мне! Поймите, государством нужно управлять! Он же не умеет этого делать. Он ничего не смыслит в делах государства! Ваш Джейк — круглый ноль как король! Он и шагу без меня сделать не может! — сказал Вибий и сразу пожалел об этом, — но было уже поздно.

— Я-то понимаю. А вот понимает ли сам Джейк? Вот в чем вопрос, Ваше Высочество!

— Вам не удастся запугать меня, — взяв себя в руки, надменно произнес герцог. — За мной стоят влиятельные силы. И не просто влиятельные — за мной стоит вся Аквилония! Король Джейк не дурак. Он не захочет снова ссориться с целой страной... Зачем вообще вы мне это все говорите? Какой резон вам защищать Конана?

— Такой же, как и вам, — серьезно ответил Рэнквист. — Я уже сказал. Если Конан погибнет, исчезнет угроза, удерживающая наш отряд

вместе. Да будет вам известно, Гамильтон, Лестер и Гарсиа снова мутят воду. К сожалению, Джейк не отличается глубиной ума. Он не понимает, сколь непрочна его власть и как мало значит он без вас, герцог... А мне нравится эта страна, Аквилония, — мечтательно сказал англичанин. — Я не хочу потрясений. Поэтому пусть все остается как есть.

— Вы человек неглупый, но наивный, Роберт. Вы знаете Джейка, а я знаю Конана. Он не успокоится, пока не вернет себе королевство.

— Не вижу, как он может это сделать.

— Вы недооцениваете Конана. Говорю вам, он не успокоится, и нам все равно придется его уничтожить. Или он уничтожит нас.

— А если заключить мир? Или хотя бы перемирие?

Тон, которым Рэнквист произнес эти слова, свидетельствовал, что предложение его — не импровизация, а тщательно обдуманная идея. Во всяком случае, так показалось изумленному наместнику.

— Вы не понимаете, что говорите, Роберт!

— Понимаю. Подумайте сами, герцог. Все очень просто. Мы не трогаем Конана, а он не трогает нас. Перемирие. И все остается как есть. Сохраняется статус-кво, как говорят у нас в двадцатом веке.

Вибий тяжело покачал головой.

— Вы идеалист, господин из двадцатого века. Вы не можете разбираться в том, что у нас здесь творится. Конан — не цивилизованный человек, это дикий, свирепый, необузданный варвар. Он не станет вести со мной переговоры. Он попросту убьет меня!

— Вам не нужно вести с ним переговоры.

— А кто же тогда?.. Не Джейк же! Пойдите,

вы что хотите сказать — вы?! Вы предлагаете свое посредничество?

— Ничего подобного. Я ведь только размышляю вслух, — лукаво улыбнувшись в усы, напомнил Рэнквист. — Зачем нужны переговоры, когда диспозиция предельно ясна? Нужно только сообщить Конану, что мы оставим его в покое, если он оставит в покое нас.

— Ну допустим. Как вы сообщите это? Вы что же, знаете, как на него выйти?

— Знаю, — не моргнув глазом, ответил англичанин.

Не сдержавшись, Вибий отшатнулся от него как от прокаженного. Как, этот наглый пришелец знает то, чего не знает он, герцог Тарантийский, наместник Аквилонии! Знает — и молчит! Знает, где скрывается бунтовщик, и не делает ничего, чтобы схватить его!..

— А знаете ли вы, — негромко, но очень зловеще проговорил Вибий, протягивая руку к колокольчику вызова стражи, — что я могу отдать вас, господин знающий, своим палачам? И очень скоро тоже узнаю, что знаете вы.

— А я, — невозмутимо молвил Рэнквист, направляя на собеседника дуло лазерного бластера, — могу пристрелить вас прямо здесь и прямо сейчас, Ваше Высочество, и никакие палачи мне для этого не понадобятся.

Наместник покрылся смертельной бледностью и медленно отвел руку от звонка. Кивнув, Рэнквист спрятал бластер и продолжил:

— Но я не сделаю этого. И вы не отдадите меня палачам, дорогой герцог. Я нужен вам. Да и если бы не был нужен, вы все равно не осмелились бы пытаться пришитьца. Конечно, наши ребята далеко не ангелы, но стоят друг за друга крепко. Вам несдобровать, герцог, если вы тро-

нете кого-то из нас. И вся Аквилония не защитит вас. Увы, это горькая правда. Так что не стоит меня пугать. Я не из пугливых.

Вибий заскрипел зубами и угрюмо процедил:

— Чего же вы хотите, Роберт?

— Вот это уже пошел деловой разговор, — усмехнулся англичанин. — Я хочу, чтобы вы оставили Конана в покое. И не по принуждению, а по доброму согласию. Подумайте. Вам самому это выгодно. Зачем вам мертвый Конан? Если вы так хорошо знаете аквилонские нравы, не думаете ли вы, что соратники Конана возьмутся мстить вам за него?

— Но король требует голову Конана! — в сердцах воскликнул Вибий. — Он каждый день напоминает мне об этом! Что же я должен отвечать ему?

— Отвечайте уклончиво. Я не возьму на себя смелость учить общению с королями столь опытного царедворца, как вы, Ваше Высочество.

— Однако ж вы посмели учить меня другому!.. Ну ладно, ладно, Роберт. Я не сержусь на вас. Беда в том, что король не оставит меня в покое. Он будет требовать голову Конана снова и снова — до тех пор, пока его терпение не истощится. И тогда я уже не смогу отвечать уклончиво...

— Не стоит ждать так долго, Ваше Высочество, — снова плутовато улыбнулся Рэнквист в викторианские усы. — Воля короля — закон! Король Джейк хочет голову Конана — так пусть он ее получит.

— Боюсь, я перестал вас понимать, Роберт, — вздохнул Латро.

— Моя забота, как это случится и когда. Позвольте мне не посвящать вас в подробности.

ти. А теперь скажите определенно, воздержитесь ли вы от охоты на Конана?

— Если он или его люди не будут нападать на нас.

— Считайте, что договорились, — кивнул Рэнквист и, поклонившись герцогу, двинулся к выходу.

— Смотрите, Роберт, не запутайтесь в собственных интригах! — крикнул ему в спину Вибий.

— Постараюсь, Ваше Высочество.

Когда дверь за англичанином закрылась, наместник окинул взглядом провода сигнализации и, подавив вздох, сказал сам себе:

— Мне будет очень не хватать вас среди этого невежественного сброда.

Выйдя от наместника, Рэнквист прошел в свою комнату и извлек из-под камзола миниатюрный диктофон. Он немного прокрутил пленку и нажал «воспроизведение».

— Ваш Джейк — круглый ноль как король! — сказал диктофон голосом Вибия Латро и чуть позже прибавил: — Король Джейк не дурак.

Англичанин усмехнулся, заменил кассету и выключил аппарат.

— Ну что ж, Ваше Высочество, начало хорошее! Особенно если убрать «не» во второй фразе...

Рано утром Хадрат осторожно разбудил Конана. Киммериец проснулся мгновенно, точно чуткий барс, и моментально соскользнул с ложа, встав в боевую стойку.

— Успокойся, государь, это я, — прошептал Хадрат.

Зенобия блаженно улыбалась во сне. Не желая тревожить ее, Конан надел набедренную повязку, увел жреца в соседнюю комнату и там спросил:

— Что-то случилось?

— Да, государь. Смотри, что один из моих людей нашел недалеко от храма.

Конан принял от Хадрата свернутый пергаментный свиток.

— Ты читал это?

— Да. Прочти и ты, государь. Это касается тебя.

Хмурясь, Конан развернул свиток. Текст гласил:

«Конану, истинному королю Аквилонии. Прекрати нападения на пришельцев, наместника и его людей. Сиди тихо, и твои враги отыщут тебя. По прочтении сожги свиток. Друг».

Киммериец витиевато выругался и прорычал:

— Клянусь Кромом, мне не нравится этот таинственный «друг», знающий наше убежище!

— Скажи, государь, тебе знаком этот почерк?

— Нет, незнаком. И смотри: почерк какой-то чудной, как будто каждую букву выводили отдельно. Понятия не имею, кто мог намарать это послание!

— Вот и я не знаю, — вздохнул Хадрат. — Что будем делать, государь?

— Во всяком случае, не сжигать послание, — хищно усмехнулся киммериец. — Не доставим «другу» такого удовольствия... Надо подыскивать новое убежище, Хадрат! Тот, кто написал это письмо, сегодня, может быть, и друг, а завтра, глядишь, уже враг. Кто знает, может, ищайки Вибия уже идут по нашему следу?

— Полагаю, автор послания не хочет твоей смерти, — сказал Хадрат. — Он ведет собствен-

ную игру. Он предупреждает тебя об опасности и обещает неприкосновенность, если ты затаишься. Он называет тебя «истинным королем». Уж не сам ли Вибий дает тебе знак? Помнишь, что я говорил вчера?

Конан кивнул.

— А хоть бы и сам Вибий. Я не привык томиться в бездействии, Хадрат. Я не доставлю ему такого удовольствия... Видишь ли, жрец, я не люблю играть по чужим правилам. Особенно когда они меня не устраивают.

Хадрат опять вздохнул и печально заметил:

— Я не знаю, где мы можем укрыться лучше, чем в этом храме.

— Зато я знаю, — улыбнулся киммерисц. — В таком месте, где нас никто не станет искать. В доме изменника Корнелия.

— Да в уме ли ты, государь?! — воскликнул жрец.

— В уме, — заверил друга Конан. — Отец изменника виконт Фабриций — мой старый должник. Такие люди не предают. Он слишком немощен, чтобы сражаться, но достаточно хитер, чтобы укрыть нас. Никому и в голову не придет, что в одном доме с раненым генералом узурпатора скрывается истинный король Аквилонии!

Хадрат, убежденный уверенными словами Конана, молча кивнул, а совсем другой человек, обладатель клиновидной аристократической бородки, наблюдающий эту сцену на экране своего бортового компьютера, напротив, с улыбкой произнес сам для себя:

— Мне бы твою уверенность, истинный король Аквилонии...

Глава двенадцатая

БУЙСТВО УЖАСА — I: РЕЗНЯ И ОРГИЯ

Полчища змеядов вошли в Луксур торжественным маршем накануне ночью. Королева Тхутмертари запретила змеядам понимать буквально ее призывы к мести человеческому племени. Танатосу и Таните, которые уже предвкушали кровавую резню в древнем Луксуре, она сказала: «Кто-то из людей погибнет, а кто-то останется жив, чтобы стать рабами. Ведь вам, истинным правителям Стигии, нужны рабы! Третьи взойдут на алтарь Вечного Отца. Ну а четвертым назначена особая миссия. Какая — узнаете вскоре...»

Основная часть змеиноного воинства расположилась огромным лагерем вокруг столицы. Пять тысяч самых лучших воинов во главе с самими аккахом и аккалой вступили в город. Улицы ночного Луксура были пусты; город с затаенным страхом взирал на прибытие новых господ. Пугающую тишину нарушал лишь мерный топот пластоподобных ступней змеелюдей. Змеяды шли по ночному городу, и их плотоядные взоры иногда встречались с испуганными взглядами человеческих обитателей дворцов, домов и лачуг. По приказу Тхутмертари для змеядов были освобождены казармы королевских войск. Перед рассветом там был устроен пышный пир, на котором истинные дети Сета впервые за двадцать тысяч лет смогли вдоволь насладиться вкусом свежего человеческого мяса. Звуки адского пиршества разносились по всему Луксуру, и этой ночью несчастные жители его не могли и мечтать о сне. Чтобы оставшиеся вне стен города змеяды не

завидовали своим собратьям, Тхутмертари заранее позаботилась о соответствующем угощении и для них. Утром принц Джосер, первый сподвижник и министр королевы, доложил ей, что ночной пир Хозяев — так отныне официально назывались змеяды — обошелся казне в девять тысяч восемьсот золотых динариев, сто девяносто семь бочек вина и восемнадцать тысяч человек. Королева осталась довольна.

По плану Тхутмертари, в эти сутки, шестые с момента ее коронации, должны были произойти три чрезвычайно важных для Стигии и всего мира события. Для первого из них верховная жрица выбрала Зал Посвящения парадного храма Сета. Она проследовала туда в полдень в сопровождении брата, принца Джосера, стражников-людей и тощего жреца Атотмиса. Вместе с королевой в Зал Посвящения явились также сорок три колдуна змеиного племени, отобранные аккахом и аккалой. Тхутмертари села на трон из черного гранита и приказала ввести заключенных.

Стигийские стражники с бессмысленным выражением на лицах, отчего они казались неживыми, ввели в чертог горстку облаченных в рваные черные хитоны мужчин. Тела этих мужчин носили на себе явные следы самых изощренных пыток, и Тхутмертари, на минутку зажмурившись, с удовольствием вспомнила, как все это было. Тем не менее люди могли ходить, и хотя их застывшие мутные глаза как будто ничего не выражали, эти люди, несомненно, видели и понимали, что здесь происходит. Руки жрецов скручивались за спиной мерцающими магическими лентами, а их собственная воля была подавлена могучим гипнозом Сура, раба Змеиной Королевы, всегда не-

зримо присутствующего подле своей владычицы.

Окинув презрительным взором жалкие ряды людей в черных хитонах, Тхутмертари заговорила, обращаясь к магам-змеядам:

— Посмотрите на них, хозяева Стигии! Еще неделю тому назад все они были величайшими волшебниками. Еще неделю тому назад они по праву называли себя истинными правителями нашей страны. Еще неделю тому назад они мнили себя неуязвимыми и непобедимыми. Они полагали, что могут все. Они даже предприняли попытку поймать и развоплотить меня. Чтобы покончить со мной, они даже объединились в метаконцерте развоплощения души! Я вдоволь посмеялась над ними, а всего несколько часов спустя вырвала у них власть. И эти люди стали тем, кем и были в действительности, — жалкими, ничтожными тварями, недостойными не то что носить титул служителей Сета, но даже ползать по освященной Великим Змеем земле!

По Залу разнесся одобрительный гул, скользкие хвосты застучали в такт по камням пола: так змеядские колдуны приветствовали слова верховной жрицы. Усмехнувшись, Тхутмертари призвала слушателей к тишине и продолжила свою речь:

— Перед вами Черный Круг, мои возлюбленные змеяды! Людской Черный Круг! Все здесь, кроме их владыки Тот-Амона. К сожалению, он не может сейчас предстать перед вами. — Волшебница улыбнулась. — Посмотрите на этих людей, змеяды. Они и их предки правили древней Стигией на протяжении двадцати тысячелетий. Предшественники этих людей изгнали вас из вашей страны.

Тут колдуны-змеяды разразились гневными возгласами, угрожая пленным жрецам волнистыми клинками.

— Потерпите еще немного, мои возлюбленные змеяды, — возвысив голос, произнесла королева. — Итак, ваши и мои обидчики перед нами. И я, Тхутмертари, владычица людей и змей, наместница Сета на Земле, сочла, что эти люди заслуживают суда!.. — Волшебница на мгновение умолкла. — Но кто, спросите вы, мы такие, чтобы судить этих людей? Имеем ли мы право судить тех, кто правил Стигией до нас? Имеем ли мы право спрашивать с сегодняшних жрецов за поступки их предшественников? Вот вопрос, и долго размышляла я над ним, прежде чем прийти к решению... В конце концов, обратившись к мудрости тайного знания, я поняла, что имею право судить их за дела теперешние и покрывшиеся плесенью веков. Да, имею, если смогу доказать вину этих людей. Да, имею, если своими поступками в прошлом и будущем смогу доказать, что заслуживаю большей милости Вечного Отца, чем эти ничтожные. Да, имею, если дальнейшими своими деяниями мне удастся подтвердить, что правление этих ничтожных жрецов и их не менее ничтожных предшественников было всего лишь случайным отклонением в великой истории нашей древней земли!..

А она умеет говорить, поневоле отметил зачарованный приятным голосом и гладкой, уверенной речью сестры принц Джосер. Она умеет приковывать к себе внимание, не обращаясь к колдовству. Она умеет обосновывать все, что делает, и в силу этого даже самые мерзкие и ужасные ее злодеяния порой кажутся такими обыденными и сами собой разумеющимися...

Воистину велика ее магнетическая власть, и как же трудно оставаться собой в ее присутствии, а тем более вести собственную игру!

— В чем же я обвиняю этих людей, волшебников Черного Круга? — задала сама себе вопрос Тхутмертари. — Во-первых, я обвиняю их в самозванстве, узурпации святости и унижении Бога. Двадцать тысяч лет тому назад их предшественники подняли руку на ваших предков. Ничтожные варвары осмелились выступить против истинных отпрысков Отца Сета. Грубой силой вырвали они власть у змеиного племени. Самозванцы стали называть себя слугами Змея. Тем самым они унизили Бога. Скажите, может ли быть большее преступление, чем унижение Повелителя?

— Нет!!! — разом взревели змеяды.

— Во-вторых, я обвиняю их в ереси и богоотступничестве. Презрев законы и установления, дарованные Сетом для своих чад, люди осмелились ввести собственные ритуалы. Более того, людские жрецы, заявлявшие о своей преданности Змею, на самом деле уклонялись от своего священного долга, который суть заключается в обязанности распространять Имя и Дело Сета по Земле. Напротив, за столетия их владычества территория Мира, где почитают Повелителя, сократилась в пять раз! Нечестивые племена расплодились по планете, и ложные боги — да будут прокляты их имена! — Митра, Иштар, Эрлик, Ариман, Нергал и прочие властвуют теперь над нашей землей! Жалкие людишки в разных частях суши более не страшатся имени Повелителя и не желают почитать Его выше своих низменных божков и идолов!

— Позор! Позор! — в экстазе откликнулись

змеяды, и Джосер, с трудом сохраняя самообладание, наконец понял, что присутствует на своеобразном импровизированном спектакле, венец которого известен лишь самой Тхутмертари.

— В-третьих, я обвиняю их в эгоизме, лениности и предательстве. Эти люди думали только о себе, но не о Боге. Они строили себе дворцы, обогащались и воевали меж собой за власть и влияние. В оазисе Хаджар, во дворце Тот-Амона, есть пещера, которую нечестивцы дерзнули назвать «сокровищницей Сета». В этой пещере собраны тысячи блестящих безделушек, камней, золотых и серебряных украшений и прочих предметов показного богатства. Пустив эти предметы в дело, жрецы могли распространить власть Сета на север, юг, восток и запад! Они не сделали этого, ибо заботились лишь о собственном богатстве. Они копили сокровища, словно не служители цивилизованного Владыки, а варварские вожди пиктов! Где, задаю я им вопрос, сокровищницы тайного знания? Нет таких сокровищниц! Эти ничтожные смертные забыли о том, что стигийский жрец — прежде всего раб, а лишь затем владыка. Они хотели быть владыками, но не рабами! Они ленились приносить Повелителю причитающиеся Ему дары. Жертвоприношения стали скудными, и на древних алтарях лилось сто-крат меньше девственной крови, чем во времена владычества змеиного племени. Ничтожные человеческие жрецы желали лишь брать от Бога, не давая Ему взамен положенного. Тем совершили они предательство, и безмерна его глубина!

Сильный голос верховной жрицы вновь умолк ненадолго, и в Зале Посвящения повис-

ла тишина. По-видимому, змеяды не знали, как реагировать на последнюю часть обвинения. Видно было, что многие слова владычицы явились для них откровением и что они лишь теперь до конца познали всю глубину падения человеческого Черного Круга.

Принц Джосер бросил мимолетный взгляд на одухотворенное лицо Тхутмертари — лик юной двадцатилетней девушки, нечеловечески прекрасный и притягательный, — и неожиданно ощутил странное и жуткое чувство *гордости за то, что это именно его, Джосера, родная сестра*. Вот она сидит здесь, на черном троне, и именно ее чудовищная, злая воля двигает события, одно другого значительнее и невероятнее. Не чья-то, а его сестра. Ее воля и ее разум сотрясают пласты Истории, меняют местами прошлое, настоящее и будущее. Воля и разум его сестры, и он, Джосер, удостоен величайшей чести присутствовать при свершении Истории и лично участвовать в сотворении Новой Империи рядом с ней. Он, Джосер, уже был причастен ко всему великому, что уже сделано и что предстоит сделать! От сознания этого Джосер вдруг испытал щемящее чувство неизвестного ему прежде страха — страха перед неизвестностью. Ибо Джосер не мог знать, насколько далеко собирается зайти его великая сестра. И Джосер вовсе не был уверен, что его сил, душевных и физических, хватит на то, чтобы пройти рядом с ней весь этот путь... Вот тогда и шевельнулась в его сознании убийственная, незнакомая ему прежде мысль: прежде чем ввязываться в это дело, следовало подумать, как остановить его.

Вглядываясь в точеное, отливающее золотым, голубым и алым лицо сестры, Джосер все

мньше и меньше видел пред собой живого человека и все более — некий бесчувственный механизм Великого Ужаса. Механизм, который уже вышел из-под власти известных Джосеру законов и отныне развивается своим собственным неведомым путем. Механизм, которому нет дела до судеб отдельных смертных. Механизм, который будет идти дальше и дальше, неминуемо подминая при этом все и всех, что и кто попадется на его пути... И со стоицизмом закоренелого авантюриста и игрока со смертью Джосер принял эту ужасную мысль как данность. Утешением ему стала новая порция болезненной гордости, вновь возникшей в его сознании: уж если суждено проиграть, куда почетнее проиграть в великом и невиданном деле, чем в интрижке обыденной и знакомой; принять поражение от поистине великого человека — да и человека ли? — некоего диковинного существа, стоящего *между* богами и людьми. От своей собственной сестры...

— Вот такие обвинения я предъявила этим людям, волшебникам Черного Круга, — молвила между тем Тхутмертари. — Я дала им возможность ответить и сказать слова в свою защиту и в защиту своих предшественников. Как видите, им не удалось опровергнуть меня и доказать свою невиновность. — Верховная жрица усмехнулась, указывая на истерзанные пытками тела жрецов. — В конце концов все они сознались в заявленных преступлениях, покаялись и взмолились о пощаде. Но их раскаяние не является искренним, а мольбы о пощаде вызваны лишь страхом перед грядущим возмездием. Даже теперь эти ничтожные продолжают цепляться за свои бессмысленные жизни. — Эти слова стигийская королева произнесла с

улыбкой печального сожаления на устах. — Где-то в глубине своих жалких душ они продолжают надеяться на спасение. Уже сознавая свою обреченность, они втайне верят, что я сжалюсь над ними... Но нет! Жалость — порочное чувство; я выггла его из своего естества вместе с прочими человеческими страстями. Я не могу осквернить священное имя Сета жалостью к Его нерадивым слугам. Только собственной кровью, кровью аколитов и невинных жертв, которая прольется впоследствии, смоют они свои ужасные преступления. Великая кровь прольется по земле, чтобы смыть следы их шагов! Сегодня мы лишь прокладываем исток этой великой реки крови... Итак, я, Тхутмертари, приговариваю к смерти волшебников Черного Круга, бывших посвященных жрецов Сета, и приказываю вам, змеяды, привести мой приговор в исполнение.

Она встала с черного трона и, указывая вытянутой рукой на обреченных, внушительно добавила:

— Обидчики Отца Сета и ваши обидчики перед вами, змеяды. Вы знаете, кто эти люди и чьи они наследники. Я позволяю вам расквитаться с ними за все. И помните: вы обязаны карать их не так, как карают за отдельный проступок, за час или даже год нечестивой, преступной жизни. Нет! Вы обязаны дать им почувствовать каждую секунду из двадцати тысяч лет позора, бесчестия и предательства. Пусть за каждый миг этой долгой и постыдной эпохи они заплатят вам по отдельному счету! Я согласна ждать... И горе тем из вас, змеяды, кто окажется нетерпелив и милостив к своим врагам! Клянусь Сетом, если я замечу таковых, они позавидуют участи этих ничтожных! Мой

приговор заслуживает того, чтобы его исполняли с подобающим тщанием! Итак, начинайте! — воскликнула Тхутмертари и вновь опустилась на черный трон.

Содрогаясь в долго сдерживаемом экстазе и плотоядно щеря акулы пасти, змеядские колдуны обнажили волнистые мечи и двинулись к своим жертвам. А затем началось подлинное Буйство Ужаса, подобное которому еще ни разу не свершалось на грешной Земле... В полном безмолвии вершился приговор, ибо осужденные утратили способность к речи, и оттого все выглядело еще страшнее. Стражники тупо смотрели сквозь происходящее. Принц же Джосер, которому сестра немилосердно оставила рассудок, не выдержав зрелища, упал в обморок уже через минуту. Атотмис в обморок не упал, но его глаза, видевшие разные муки, которым подвергал жреца-расстригу Тот-Амон, невозможно округлились, перестав быть глазами человека. А Тхутмертари, уютно устроившись на черном троне, упоенно и одобрительно следила за действием. Змеиная Королева была довольна: змеяды выдержали первый экзамен, доказали свое право называться детьми Сета.

А когда они наконец закончили, волшебница снова поднялась с трона и коротко сообщила им свою волю:

— Теперь вы представляете Черный Круг.

Нынешний облик змеядских жрецов как нельзя лучше соответствовал смыслу, который вкладывала Тхутмертари в эти слова. *Это был ее Черный Круг.* Она выполнила первое из своих обязательств: очистила имя Сета от нерадивых слуг и дала Ему слуг других, более достойных. Она уничтожила прежнее сообщество

черных магов и создала новое. Так пусть же, подумала она, это сообщество отличается от прежнего так, как змеяд отличается от человека!

Зачарованные и опьяненные действием, новые члены Черного Крута не сразу поняли, что теперь нужно присягнуть на Кольце Сета новой великой владычице.

— ...И тогда я не выдержал и потерял сознание, — закончил принц Джосер свой рассказ.

Принцесса Камия задумчиво посмотрела на мужа. Как и она сама, в последние дни Джосер осунулся и постарел. Неизменно румяное, светившееся здоровьем лицо его теперь было бледным и изможденным. Почувствовав вдруг непонятную неприязнь к мужу, Камия ядовито проговорила:

— Почему же ты не радуешься, Джосси?

— Ты плохо шутишь, Ка, — негромко произнес принц.

— Нисколько не шучу! Ты должен радоваться, дорогой, — прежним тоном заметила принцесса. — Черный Круг уничтожен! Разве не повод для радости? Помнишь, как страстно мы желали смерти Тот-Амону и его приспешникам? Всем этим мерзким, тупым и надменным колдунам! И вот их нет! Они погибли! Наша мечта осуществилась! Мы больше никогда не увидим их щерящиеся в желчных усмешках рожи! Давай отметим это, Джосси.

Она подошла к столику и налила две полные чаши крепкого аграпурского нектара. Одну из них она предложила Джосеру. Принц принял из ее рук чашу с вином и сказал:

— Выпьем за другое, Ка. За то, чтобы мы

пережили новый Черный Круг так, как пережили старый.

Камия зашлась нервным смехом, расплескивая вино.

— Замечательный тост, муж мой. Выпьем!

Она залпом осушила чашу и выбросила ее. Золотое изделие, гулко бренча, покатилося по мозаичному полу опочивальни. Джосер тоже выпил и швырнул свою чашу вслед за чашей жены.

Глуловато улыбаясь, принцесса произнесла:

— Ну, вот мы выпили... И что теперь? Нам стало легче?

Входная дверь неожиданно резко распахнулась, и в палату, не спрашивая позволения, вошли трое змеядов. Желтые глаза с ненавистью посмотрели на опешивших людей, и первый вошедший проговорил, коверкая древне-стигийские слова:

— Ее Величество королева Стигии и Святишшая верховная жрица Сета Тхутмертари, владычица Черного Круга, повелевает вам обоим немедленно явиться в тронный зал.

Джосер переглянулся с женой: вот и ответ на твой вопрос. Камия, сдерживая гнев, надменно сказала:

— Передай Ее Величеству, что Наши Высочества сейчас прибудут.

Чешуйчатые физиономии вспыхнули. Казалось, змеяды вот-вот набросятся на людей. Придвинувшись ближе, вожак произнес:

— Нам велено препроводить вас.

— Мы знаем дорогу в тронный зал и в эс-корте не нуждаемся, — сказал Джосер.

В ответ змеяды обнажили волнистые клинки. Но если их целью было запугать людей, они этого не смогли добиться. Напротив,

принц и принцесса безмолвно продемонстрировали им свое оружие — тяжелый двуручный меч Джосера и длинную стальную рапиру Камии. То, как держали оружие люди, явственно свидетельствовало, что меч и рапира служат им не в качестве украшения. Почувствовав неуверенность чешуйчатых созданий, Джосер улыбнулся:

— Хороший меч, господа, вы не считаете? Помнишь, жена, как я перерезал им тех зеленых демонов в лесах Камбуи? Они, если я не ошибаюсь, тоже хотели отвести меня куда-то.

Камия кивнула.

— Помню. А помнишь ли ты, муж мой, сколько наглых пиратов я проколола вот этой рапирой, когда они пытались взять на abordаж нашу яхту в море близ Бараха?

— Прости, не помню, — покачал головой принц. — Да и какая разница! Все, кого я не успел перерубить, — твои. Наверное, человек десять, а может, и двадцать.

— Один из них, кажется, тоже был с хвостом, — вспомнила Камия. — Или хвостатого я не там проткнула?..

Змеяды, внимательно выслушав эту странную беседу, решили ретироваться. Как видно, ввязываться в смертельную схватку с воинственными принцами им не было дозволено. Послав людям очередную волну ненависти, вожак прошипел:

— Мы еще встретимся с вами, твари...

Круто развернувшись, змеяды поспешно покинули опочивальню.

— От тварей слышу! — крикнула им вдогонку принцесса Камия.

— У-у-уф! — с облегчением вздохнули оба, пряча свои клинки.

— Мы прогнали прочь этих ублюдков, — сказал Джосер. — Ты поняла, Ка? Мы не должны их бояться.

— Мерзкие твари! — Гримаса отвращения исказила красивое лицо Камии. — Они уже чувствуют себя хозяевами здесь. Они смеют разговаривать свысока с нами, потомственными принцами Стигии! Они приказывают нам! Что, мы уже рабы в нашем собственном королевстве?

— А ты разве этого еще не поняла, Ка? Больше нет принцев и нет простолюдинов. Нет господ и нет слуг. Все — рабы! Мы — рабы, и змеяды — тоже рабы, и даже королева — раба. Она хвалится этим. Весь вопрос только в том, кто из нас больше раб, а кто меньше.

— Ктесфон никогда не приказывал нам явиться, — задумчиво сказала принцесса. — Он всего лишь приглашал. И Тот-Амон не приказывал, а просил... Как, пойдем, Джосси? Может быть, проявим смелость и не пойдем, а?

Принц нежно обнял ее и отрицательно покачал головой.

— Нет, любимая, нельзя. Проявим смелость и пойдем. Не нужно давать этим тварям повода расправиться с нами.

Громадный тронный зал был полон. По правую сторону от Трона из Слоновой Кости стояли люди, по левую — змеяды. Протоколом распоряжался высокий худой змеяд, бывший ранее первым министром Йесет-Мета. На все тревожные вопросы о цели собрания он отвечал уклончиво. Ожидали выхода королевы. Джосеру с Камией было определено место у самого трона; такое же место с противополож-

ной стороны занимали Танатос с Танитой. Царь и царица змеядов не сочли нужным раскланиваться с человеческими принцами, а те — с владыками змеелюдей. Прежде чем появилась Тхутмертари, люди и змеяды успели подарить друг другу не один ненавидящий взгляд. К стыду своему, Джосер вынужден был признать, что вторые держались гораздо увереннее первых.

Вот раскрылись парадные двери, и вошла королева под руку с тощим жрецом Атотмисом. Все — и люди, и змеяды — издали единый восторженный вздох. Ибо красотой Тхутмертари ныне превзошла саму себя, являя образец восхищения для обоих народов. Облачена она была в просторное желто-красно-зеленое платье, украшенное бесчисленными драгоценными камнями, среди которых больше всего было топазов, опалов, рубинов, изумрудов и сапфиров. Роскошное платье ниспадало тонкими кольцами до самых ступней. При движении кольца удивительно шевелились, и казалось, будто по телу девушки ползают живые змеи. Под платьем не было другой одежды, и ползающие кольца постоянно обнажали, скрывали и снова обнажали чудесное золотистое тело. Длинные волосы, заплетенные в косички, были пущены поверх платья и тоже шевелились. На голове Тхутмертари блестела стигийская корона, а на пальце свернулся магический перстень — Кольцо Сета.

Собравшиеся склонились перед королевой в глубоком поклоне. Она величественно проследовала через зал и села на Трон из Слоновой Кости. Атотмис встал рядом с троном. Распорядитель протокола вышел вперед и проговорил:

— О Святейшая! Змеяды и люди по твоему повелению явились.

— Вижу, — констатировала Тхутмертари. — Приветствую тебя, брат. Здоров ли ты?

Принц поклонился ей, мучительно размышляя, к чему бы ей интересоваться его здоровьем. Неужели из-за того обморока в Зале Посвящения?

— Благодарю тебя, Святейшая. Я здоров, милостью Сета.

Тхутмертари усмехнулась и обратилась к Камии:

— А ты, жена моего брата, здорова ли?

Принцесса также отвесила поклон и ответила:

— Я здорова, Ваше Величество.

Кивнув, королева обернулась влево и задала тот же вопрос Танатосу и Таните. Те также заверили владычицу, что проблем со здоровьем не испытывают, особенно после того, как Святейшая с помощью своих могущественных чар лично помогла им и их подданным адаптироваться к солнечному свету. Затем Тхутмертари обратилась к залу и приказала выйти вперед всем, кто нездоров или просто чувствует себя плохо. Таковых не оказалось. Станный допрос все меньше и меньше нравился Джосеру: уж больно он напоминал процедуру проверки девственности перед памятным жертвоприношением в честь коронации новой правительницы Стигии. Как понял Джосер, змеядские владыки также испытывали недоумение. Тем временем Тхутмертари закончила допрос, сделала многозначительную паузу и торжественным голосом объявила:

— Мои народы! Близится самый важный момент в вашей и в моей жизни. Я долго шла к

нему. Ради него я боролась и страдала. Ради этого момента я приняла на себя тяжкое бремя власти в древней Стигии. И вот этот чудесный момент наступает...

По мере того как одухотворялся лик сестры, принц Джосер испытывал все возрастающее ощущение неизбежно грядущего кошмара. Такого Ужаса, перед которым одинаково блекнут жертвоприношение девственниц Луксура и расправа змеядских жрецов над человеческим Черным Кругом, равно как и все прочие злодеяния Тхутмертари. Каким-то особым чувством Джосер понял, что на сей раз он и другие собравшиеся — не *свидетели*, как прежде, а *прямые участники* предстоящего кошмарного действия. Еще принц вдруг обнаружил то, чего не заметил сразу: среди собравшихся в тронном зале было поровну представителей обоего пола. А также обнаружил он, что здесь совсем не было стариков и детей. Страшная догадка возникла в его мозгу, и костлявая рука Ужаса стиснула его горло. Разве ж мог знать он в этот момент, что реальность окажется гораздо хуже даже этой страшной догадки?..

— ...Я собрала вас здесь, — продолжала Тхутмертари, — чтобы объявить вам волю Отца Сета. Узнав ее, вы покоритесь воле Повелителя, как покорилась я. Переломный момент в истории настает. — Она снова сделала паузу, чтобы все могли почувствовать уникальность этого момента. — Великий Сет одинаково любит вас, своих истинных, — королева кивнула в сторону змеядов, — и приемных, — кивок людям, — детей. Вы равно дороги ему. Но теперь, когда наша древняя империя вступает в новую эпоху своего всемирного могущества, этого становится недостаточно. Великий Сет

нуждается в новой расе, которая могла бы править Миром в будущем. Поэтому Великий Сет пожелал, чтобы я объединила змеиный народ и людское племя и создала новую расу змеелюдей, расу юную, но могущественную!

Смысл сказанного был предельно ясен, но рассудок Джосера понимать его решительно отказывался. Хотелось кричать, сражаться, отстаивать достоинство своего рода. Однако какая-то чужая сила, довлеющая над ним, мешала этому. Он чувствовал могучее постороннее присутствие, всецело подавлявшее волю к сопротивлению, — или это присутствие ему только казалось? В любом случае сопротивляться он мог лишь в своей собственной душе. По яростной внутренней борьбе, отразившейся на мордах змеядских владык, Джосер с удивлением обнаружил, что и Танатос с Танитой испытывают подобные же чувства.

— Я приказываю вам совокупляться друг с другом, люди и змеяды! — звонко воскликнула королева Тхутмертари. — Отныне я воспреещаю плотские сношения в пределах одной расы. Люди, совокупляющиеся с людьми, будут подвергаться самым жестоким пыткам и самой мучительной смерти, равно как и змеяды, совокупляющиеся со змеядами. Отныне мужские особи людей должны вступать в плотскую связь только с женскими особями змеиноного народа, а змеяды-мужчины — только с женскими особями человеческого племени. Каждый змеяд отныне имеет право взять любую женщину в любое время, а каждый мужчина — любую змеяду также в любое время. Каждая змеяда имеет право зачать от любого мужчины, а каждая женщина — от любого змеяда. Результатом зачатия в обоих случаях должен стать отпрыск

новой расы змеелюдей. Согласно моим расчетам, женские особи будут рожать своим естественным путем: дитя змеяд появится на свет в яйце, а дитя женщин — посредством живорождения. Те и другие будут равны пред ликом Вечного Отца. Так мы создадим новую расу властителей Мира. От людей она унаследует многочисленность, живучесть, ум, а от змеядов — жестокость, хитрость, преданность Повелителю...

Верховная жрица говорила еще, но Джосер ее уже не слышал. Защитные силы организма сохраняли его от веры в реальность происходящего. Джосер не мог представить себе того, что обещала ему и всем прочим Тхутмертари. Никакая воля Повелителя не заставит его совершить *это*... И Джосер почувствовал, что постепенно одолевает оковы чужой силы, сковавшей его члены. Он не сразу понял, что королева обращается к нему. Подняв налитые болью глаза, принц увидел перст, указующий на него.

— Ты, брат, — сказала ему Тхутмертари, — верно служил мне и помог воплотить многие мои мечты. Я ценю твою службу. В знак моей признательности я доверяю тебе открыть священную оргию. Начинай же!

Чужая сила вновь нахлынула на него, заставляя повиноваться. По привычке он обернулся к Камии, застывшей, точно каменная статуя. Режущий ухо смех Тхутмертари остановил принца.

— Нет, не ее, Джосер! *Таниту!* Ты возьмешь Таниту, брат!

Словно в страшном сне, принц медленно обернулся и встретился глазами со змеядской царицей. И прочитал в них неподдельный ужас.

— Нет!!! Не бывать этому! — с хриплым свистом воскликнула аккала. — Не может ничтожный человек, презренное животное, оставить свое нечестивое семя в лоне владычицы древнего змеиного народа! Только мужу моему принадлежу я!

Стройный рев возмущенных голосов подданных поддержал ее. И вновь безжалостный смех королевы разнесся под сводами древнего зала. Казалось, она развлекалась.

— Ты осмеливаешься бунтовать против моей воли, аккала?! Против воли Повелителя?! Клянусь щупальцами Змея, я не потерплю бунта что от людей, что от змеядов. Ступай, Джосер, и возьми ее! А ты, Танита, иди и покорись ему!

Принц почувствовал, как ноги несут его к аккале. И как помимо воли, его, Джосера, воли, возникает *желание*. Он увидел, что Танита двинулась ему навстречу. В ее глазах тоже были ярость, унижение — и *желание*. Они встретились прямо перед тронном королевы. Они были одного роста. Джосер возложил руки на ее плечи, а она прильнула к нему. Он ощутил, как волнующе холодна ее чешуйчатая кожа, а она почувствовала, как возбуждает ее тепло его тела. Оба услышали довольный хохот Тхутмертари.

— А теперь ты, Танатос, возьми Камию.

Принц Джосер вздрогнул; вздрогнула и затем отпрыгнула от него аккала Танита.

— Неужели ты изменишь мне с этой жалкой человеческой сучкой, Танатос?! — с невыразимой болью в голосе вскричала она.

— Нет, клянусь Сетом, я не изменю тебе, Танита! — взревел огромный змеяд и дерзко встал перед тронном королевы. — Можешь пы-

тать меня, Святейшая, но акках змеиноного народа не унизится сношением с человеческой женщиной! Уж лучше я приму смерть от проклятого солнца!

Змеяды взволнованно зашумели: воистину не было для них более ужасной казни, чем смерть в пустыне от лучей Солнечного Митры!

— Отлично, Танатос, отлично! — захлопала в ладоши девушка на троне. — Я буду пытаться тебя, бунтовщик. Не солнцем, а иной пыткой, самой страшной для тебя! Ты сам назвал ее. Таковой пыткой станет для тебя совокупление с Камией. Так давай же! Бери ее!

Перст Тхутмертари указывал на бледную, как сама Смерть, принцессу. Чужая сила покорила Танатоса. Джосер с содроганием узрел, как здоровенный змеяд двинулся к *его жене*, и как отросток, болтавшийся между ног Танатоса, набирает силу... Принц попытался заступиться ему дорогу, но Танатос прошел мимо. Наконец Камия оправилась от оцепенения и завопила:

— Не трогай меня, тварь, или пожалеешь об этом!

В руке ее появилась рапира. Внезапно Джосер понял, что убивать нужно не Танатоса. И не Таниту. То есть, конечно, их нужно убивать. Обязательно нужно. Но сперва следует умереть не им.

Рапира зазвенела по полу, и змеядский акках схватил Камию. Он был на две головы выше ее. Жалобно затрещала рвущаяся серебряная туника принцессы. Бездушные глаза показали Джосеру, как Танатос поднимает и тискает его жену, а та бьется, силясь вырваться из его железных объятий.

— Нет!!! — тоскливо завопила Танита и изо всех сил ударила мужа по голове.

Акках пошатнулся и выпустил принцессу. Та упала, но тотчас вскочила и бросилась под защиту своего супруга. Джосер с трудом узнавал ее: Камия как будто постарела лет на десять. Тяжелая пощечина легла на его лицо.

— Как можешь ты спокойно смотреть на это?! Неужели ты позволишь этой хвостатой твари изнасиловать твою жену?! Если так, я прежде расскажу твоей сестре, какую игру ты ведешь с ней!

Все, довольно. Не нужно рассказывать. Игра закончена. Пожалуй, это будет достойный конец.

Джосер не ответил жене. Собрав в кулак всю свою волю, он разорвал оковы чужой силы. Секунда — и тяжелый меч в его руке. Прыжок к трону — прыжку этому позавидовал бы горный леопард. Краем глаза принц увидел, что Танатос тоже бросился к трону с волнистым клинком. Враждебные цивилизации сошлись в едином страстном желании. Два меча ударили одновременно. И оба с жалобным визгом сломались о спинку трона.

Со змеиной гибкостью королева проскользнула меж двух напавших на нее воинов, оказалась сзади их и стремительным движением задела им руки за спину. Танатос и Джосер взревели от жуткой боли. Тхутмертари столкнула их друг с другом, а затем, обернув вокруг себя, с силой вытолкнула обратно в зал. Акках и принц покатались по полу. На все ушло лишь две секунды.

А девушка, поправив шевелящиеся платье и прическу, снова уселась на Трон из Слоновой Кости. Она более не улыбалась.

— Ну хорошо, — прошептала она. — Пусть так. Игра раскрыта. Ты просто дурак, брат мой, принц Джосер. Мне не дано читать чужие мысли, но твою игру я раскусила сразу. При нашей первой встрече. Еще тогда, когда ты спас меня от арбалетов Тот-Амона. Я всегда видела тебя насквозь, брат. Ты был хитер, очень хитер. Одного не учел ты: твоя игра — это всего лишь маленькая и незначительная часть моей игры. Ты играешь в нее так, как того хочу я. Ты ввязался не в свою игру, Джосер, а в мою. И заканчивать твою игру тоже буду я.

— Не-е-ет!!! — горестно простонал принц, поднимаясь с пола.

— Да, — в своей обычной манере передразнила его Тхутмертари. — Я открою всем присутствующим, на что ты рассчитываешь. Вернее, рассчитывал. Ты хотел привести меня к власти, чтобы я расчистила для тебя пространство вокруг трона. Чтобы моими руками устранить всех, кто может представлять угрозу твоим притязаниям на власть. Ктесфона, Тот-Амона, жрецов, Рамину, Рамзеса и других. Однако этим твои замыслы не ограничивались. Масштаб их не может не восхищать: ты хотел моими руками создать новую империю, более могущественную, нежели наша старая Стигия. Вот зачем ты прикинулся моим преданным слугой. Когда же я сделала бы все это, ты намеревался убить меня и захватить власть, а с властью и все то, чего я смогла бы добиться. Ты помышлял просто использовать меня как орудие убийств и завоеваний! Скажешь, не так?

Джосер молчал. Молчали все в этом зале.

— Итак, я раскусила тебя, брат. Заговор

твой раскрыт, а дерзость твоя превзошла все мыслимые границы. Догадываешься, какая кара ждет тебя?

Принц встал с колен и прошептал:

— Позволь мне умереть по-человечески, сестра. Я прошу тебя. В память о тех услугах, что я оказал тебе.

И снова жестокий смех разнесся по тронному залу.

— Твои жалкие услуги не стоят такой милости, Джосер! Однако я исполню твою просьбу. Не в память об этих так называемых услугах, а в память о нашем общем отце! Ты умрешь по-человечески, брат, и остальные будут завидовать твоей смерти. Но не теперь! О, ты еще послужишь моему Величеству! Я поставлю тебя послужить!

Он понял, что извращенный ум Тхутмертари способен все что угодно, даже милость, превратить в чудовищную пытку. И он снова упал на колени.

— Нет! Убей меня сейчас!! Заклинаю тебя именем отца!

Ему приходилось вымаливать себе смерти! Тхутмертари покачала головой. Золотые косы зловеще змеились по ее телу.

— Посуди сам: если я всех убью сейчас, кого же тогда я буду убивать потом?.. Так что я оставляю тебя на потом, брат Джосер. Живи. Когда-нибудь ты узнаешь, какой день станет для тебя последним.

— Нет! Тогда я сам убью себя...

И он воздел обломок клинка, чтобы поразить себя. Двусмысленная ухмылка сестры заставила его застыть с мечом в руке.

— Глупенький, — ласково сказала Тхутмертари. — Ты забыл про Рамину? Обещаю, путе-

шествием в Зал Мертвых ты не отделаешься, братец Джосер.

Ледяная волна Ужаса окатила Джосера. И правда, как он мог забыть?! Некромантия! Она оживит его мертвое тело, и мертвый Джосер будет служить владычице Тхутмертари еще более преданно, чем живой. И тогда уже у него не будет души и не будет никакого шанса... Живой или мертвый, он одинаково принадлежал ей, телом и душой. Равно как и все прочее. Принц тяжело опустил клинок. Тхутмертари надменно усмехнулась: опять все вышло по ее воле.

— *Приведи их всех в чувство, Сур, раб мой, и пусть продолжают церемонию.*

Священная оргия продолжалась час в присутствии королевы. Затем Тхутмертари незаметно удалилась. А люди и змеяды, повинаясь ее недоброй воле, бесчисленное число раз совокуплялись, совокуплялись, совокуплялись...

Глава тринадцатая

БУЙСТВО УЖАСА — II: СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ

Покинув тронный зал, королева и следовавший за ней, словно тень, Атотмис прошли по подземному коридору в храм Сета. Они вышли в небольшой чертог, где молились змеядские волшебники из нового Черного Круга. Завидев верховную жрицу, змеяды пали ниц и попытались облобызать ее ноги. Брезгливо скривившись, Тхутмертари пинком ноги отбросила особо усердных со своей дороги. Не обращая внимания на несущиеся ей вслед прославления, девушка шла дальше. Ход круто забирал вниз.

Длинное платье путалось под ногами. Вот она наступила на него и чуть не упала. Разозлившись, волшебница вспыхнула ярким факелом. Атотмис едва успел отшатнуться. Чудесное шевелящееся платье сгорело, бесчисленные драгоценные камни, украшавшие его, рассыпались по ступенькам во все стороны. Тхутмертари облегченно вздохнула и погасила пламя.

Так проследовали они в Зал Черного Круга. У огромного черного алтаря колдовали трое жрецов. Тхутмертари что-то прошипела им на змеином языке, и жрецы, кланяясь, выбежали вон. Хотя Атотмис не принадлежал к Черному Кругу и не имел права появляться в этом чертоге, никто не осмелился сделать ему замечание. Тощий жрец застыл у входа, и его черный хитон слился с черной массой сходящихся полусферой стен. Королева приблизилась к черному кубу, пала на колени и возложила обе руки на его поверхность. Ладони вспыхнули алым. Волшебница зашептала заклинания.

Голос ее, сначала едва слышный, все более набирал силу. И мертвенно-багряное сияние, окутавшее ее ладони, медленно перетекало по точеным рукам и расползалось по телу. Атотмис не понимал ни слова, ни смысл этого обряда, но, не будучи глупцом, сознавал, что его возлюбленная — *бывшая* возлюбленная? — готовит нечто еще более ужасное, великое и впечатляющее, чем было прежде. Атотмис хотел порадоваться за нее, как радовался всегда, когда она добивалась своего, но отчего-то не смог. В последнее время он вообще не понимал, что творится с его чувствами. Разумом он неизменно сознавал все, что делает королева. В ее действиях всегда присутствовала логика, прямолинейная и неколебимая. Поэтому Атот-

мис на уровне мышления не испытывал сомнений, почему и зачем Тхутмертари совершает тот или иной поступок. Сомнения гнездились в его душе, и он не был уверен, что душа его одобряет эти поступки. И все же противоречия между разумом и душой были Атотмису неясны, размыты и к каким-либо реальным действиям привести его не могли...

Трое змеядских жрецов вернулись. Каждый из них тащил беременную на последнем месяце женщину. Две женщины относились к человеческому племени, третья была змеядой. Прервав свою молитву, Тхутмертари обернулась к жрецам. Судя по гримасе бешенства, искажившей ее прекрасное лицо, они что-то сделали не так, как она им велела. Мгновенно вытянулся из указательного пальца правой руки длинный тонкий кинжал, а в следующий миг чешуйчатая голова жреца, тащившего змеядскую женщину, покатила по полу. Два оставшихся мага застыли, опустив глаза, готовые к той же участи, какая постигла их собрата; скользкие хвосты мелко дрожали.

Тхутмертари взяла у одного из них бесчувственное тело женщины. Оглядев его и оставшись удовлетворенной осмотром, верховная жрица сорвала с несчастной одежды. Беременная пришла в себя и хрипло заголосила. Игнорируя ее крики, королева сделала волшебным кинжалом ритуальный надрез пентаграммой на вздувшемся животе жертвы. Левая рука устремилась внутрь и вытянула оттуда покрытый слизью комочек. Тихим хлопком разорвалась пуповина. Тхутмертари возложила нерожденного ребенка на черный алтарь и снова просвистела заклинания. Содрогаюсь в конвульсиях, нерожденный ребенок, более похожий на

ужасного гомункулуса, уходил в глубь алтаря, точно тонул в вязкой жиже болота. Глубокий запредельный вздох, в котором не было ничего человеческого, разнесся по погруженному в крошечный мрак чертогу.

Точно так же волшебница извлекла ребенка из утробы второй матери и погрузила его в ненасытную бездну черного куба. Затем, не обращившись, она отдала какой-то приказ жрецам. Те мгновенно снялись с места, подхватили четыре тела и, согнувшись под их тяжестью, поползли из пещеры.

Верховная жрица снова опустилась на колени перед алтарем Сета и, качаясь в замедленном танце, продолжила пение заклинаний. Скоро фигура ее оделась в алый светящийся кокон. А над алтарем появилось смутное изображение огромного чудовищного змея с шестью щупальцами. Было оно еще чернее окружающего мрака, и тут Атотмис понял, что не должен более смотреть на происходящее, если хочет сохранить остатки своего рассудка. Он отвернулся, уткнувшись лицом в черную стену, закрыл глаза, а руками заткнул уши.

...Сколько прошло времени, он сказать не мог. Время вообще превратилось для него в абстрактную категорию еще с тех самых пор, как он стал узником заколдованной темницы Тот-Амона. Ласковая рука девушки погладила его плечи, и он очнулся. Взглянув на нее, он ужаснулся сумасшедшему блеску ее огромных сапфировых очей.

— Что это было? — против воли произнесли его уста.

Голос Тхутмертари прозвучал хрипло, и, если бы не злобное торжество, привычно зву-

чавшее в нем, Атотмис сполна ощутил бы всю глубину ее усталости.

— Я общалась с Повелителем, Атотмис. Он доволен мною. И он позволил мне идти дальше по пути Ужаса — так далеко, как я сама того захочу...

— Что ты сделала, моя королева?! — цепенея от неведомого ему прежде страха, воскликнул жрец.

— Я подняла мертвецов.

— Мертвецов?!

— Да. Я подняла всех мертвецов Стигии. Из всех могил, склепов и саркофагов восстали они этой ночью, чтобы служить Вечному Отцу по моему приказу. Все мертвецы, захороненные за тысячи лет нашей истории, ныне спешат выбраться на поверхность, чтобы следовать Дорогой Завоеваний. Наряду с людьми, змеядами и боевыми демонами мертвецы составят ударную силу моей Армии Тьмы, которую я брошу на покорение Мира. Ты понимаешь, Атотмис, смысл этого?

Атотмис не понимал.

— Я воспользовалась мощью минувших эпох, — пояснила Тхутмертари. — Все люди, жившие до нас, независимо от их пола, возраста и времени захоронения, восстали по моему зову и согласно воле Вечного Отца.

— Разве такое возможно? — с трепетом молвил жрец.

— Забудь это слово, Атотмис! — жарко воскликнула девушка. — Для меня его не существует! Скоро ты узришь миллионы двуногих существ, когда-то бывших людьми, шествующими по Миру. Многие из них уже сгнили, но остались скелеты, и эти скелеты также будут исполнять мою волю. Я наложила на мертве-

цов могущественное заклятие. Никто, кроме Повелителя и меня, не в силах остановить эту темную армаду. Даже лишённые голов и конечностей, мертвецы будут ползти вперед, пока кости их не обратятся в пыль. Мощью минувшего я покорю настоящее и будущее, Атотмис!

Они помолчали, затем тощий жрец прошептал:

— Я никогда не думал, что такое случится...

— Я сама не думала, когда начинала... — Королева мечтательно оглядела черные своды чертога, словно тшась узреть в них звездную бесконечность. — Великое притягивает и чарует, Атотмис. Хочется превзойти самое себя, и более нет сил остановиться. Я более не могу остановиться... Я не могу даже уснуть. Ты знаешь, Атотмис, я не смыкала глаз с момента своего воцарения, да что там, еще раньше. Я не отдыхала десять или двенадцать суток! Но мне не хочется отдыхать, Атотмис. Я не успокоюсь, пока Мир не погрузится в Кровавый Мрак. Пока последний грешник не будет уничтожен со всей возможной жестокостью. Пока Владыка Сет не явится в Мир и не повергнет в прах престолы ложных богов.... Я не буду знать отдыха до тех пор.

Атотмис понимал, что она говорит чистую правду. Картина *финала*, нарисованная ею, внезапно встала перед его глазами, и тут тощий жрец вдруг осознал, что совсем не хочет того, чего жаждет его возлюбленная. Бывшая возлюбленная.

— Пойдем, Атотмис. — Она подтолкнула его к выходу. — Там, наверху, меня уже ждет мертвая армия. Близится рассвет, а еще до первого луча проклятого солнца я должна начать *экспансию*.

— Я хочу попросить тебя, моя королева, — тихо молвил жрец.

Тхутмертари удивленно посмотрела на него. Атотмис никогда ни о чем не просил ее, и ей сперва показалось, что он сказал что-то иное.

— Ты чего-то хочешь, возлюбленный мой?

— Да, моя королева, — смело глядя на нее, произнес жрец. — Я хочу расквитаться с Тот-Амоном.

— Милый, мы уже расквитались с ним, — терпеливо проговорила девушка. — Разве ты забыл? Я отдала его на растерзание Чипуа-Акаю, а затем водворила в его собственную заколдованную темницу здесь, под этим храмом Сета. Тот-Амон — не человек, а живой труп. Живой скелет. Он жив лишь благодаря чарам Кольца Сета. Каждый день я проникаю в темницу и заставляю его страдать снова и снова. Поверь, милый, мы не можем сделать больше!

— Я знаю, — упрямо сказал Атотмис. — Это делаешь ты. Ты мстишь Тот-Амону за нас. Но Тот-Амон истязал меня, когда ты покинула темницу. Я не забыл это. Позволь же мне отомстить ему за себя, как ты отомстила за нас!

— Ты хочешь отомстить отдельно от меня? — Волшебница улыбнулась его наивности.

— Да, моя королева. Хочу увидеть муки Тот-Амона своими глазами. Пусть будут только он и я.

Королева рассмеялась.

— Ну что ж, мне нравится твоя просьба. Я буду рада удовлетворить ее. Возьми.

Она сняла со своего пальца Кольцо Сета и надела его на костлявый перст Атотмиса. Тот испуганно попятился.

— Ты отдаешь мне перстень владыки Чер-

ного Круга? А как же ты? Ведь Кольцо Сета — символ твоей власти над жрецами!

— Глупенький мой Атотмис, — она ласково погладила его лицо, — ты все так же наивен! Погляди вокруг! Никакие символы власти мне более не нужны. Я больше чем королева и выше чем верховная жрица. Я единовластная владычица Стигии!

— Но в Кольце Сета заключена магическая сила...

— Уверяю тебя, покорная мне мощь много выше магической силы Кольца, — загадочно усмехнулась она и прибавила: — А теперь я скажу тебе проникающее заклинание, чтобы с помощью Кольца ты смог попасть в темницу.

Тхутмертари сообщила ему необходимое заклинание, и на том они расстались.

В мерцающем изумрудном облаке медленно проявлялась человеческая фигура. Тот-Амон сразу узнал ее. Это был Атотмис.

Как, должно быть, приятно бывшему узнику видеть своего истязателя униженным полутрупом! Живым скелетом с парой мутных, отмеченных вечной болью глаз. Так что бывший владыка черных магов не удивился, увидев Атотмиса в тускло-зеленом облаке. Он удивился, даже изумился совсем иному. Как удалось ничтожному жрецу-расстриге одолеть мириады лиг эфирных троп, проложенных Сетом для высших своих аколитов, и пробраться в наглухо запечатанную магическую темницу? Невозможно и предположить, что жуткие твари, поставленные охранять эти тропы, безмолвно пропустили жалкого Атотмиса.

Не успев ответить на этот вопрос, Тот-Амон

сразу же забыл о нем. Ибо на среднем пальце левой руки тощего жреца он увидел Кольцо Сета. Его, Тот-Амона, перстень! Живой скелет инстинктивно подался вперед, костлявые руки помимо воли потянулись к заветному амулету...

— Не так быстро, Тот-Амон, не так быстро, — проговорил Атотмис, предостерегающе воздев руку со змеиным перстнем.

— Как?.. Как это произошло? — выдавил из себя волшебник. — Ты стал владыкой Черного Круга?.. А она... Что с ней?! Неужели она...

Здесь нужно отметить, что Тхутмертари, которой быстро наскучило истязать безгласного Тот-Амона, возвратила ему способность к человеческой речи. Стоны и вопли поверженного врага услаждали ее слух.

Атотмис счел нужным ответить на вопросы чародея, кое-что ему прояснить и развеять пустые надежды.

— Твоего Черного Круга больше не существует. Тхутмертари уничтожила его руками змеядов — людей-змей. Теперь Черным Кругом называется сообщество высших колдунов змеиного племени. Королева передала мне Кольцо Сета и проникающее заклинание, чтобы я мог навесить тебя, Тот-Амон.

Маг недоверчиво покачал головой. В это было нелегко поверить ему самому, но как будто после бесконечных пыток и истязаний рассудок, сильный и цепкий ум неожиданно возвратился к нему. Человеческие чувства и эмоции были безвозвратно загублены, так как не могли существовать в иллюзорном теле, лишенном сердца, мозга и плоти. Вместе с душой остался лишь холодный разум, тот ясный, не замутненный пустой гордыней разум, которого

так недоставало прежде. Измученный, униженный и растоптанный, Тот-Амон понимал события лучше и отчетливее, чем Тот-Амон прежний, владыка стигийской империи...

— Что еще произошло в Мире? — спросил он.

— Всякое. Змеяды стали истинными хозяевами Стигии, люди у них в услужении. Королева заставила людей и змеядов совокупляться между собой, чтобы породить новую расу людей-змей, будущих правителей Мира. Только что она подняла из могил всех мертвецов, почивших в Стигии в последние тысячи лет. Из людей, змеядов, демонов и мертвецов она составила Армию Тьмы. Наверное, эта армия уже марширует по Миру...

— Я ожидал чего-нибудь подобного, — изрек Тот-Амон, хотя на самом деле слова гостя глубоко потрясли его. — Но скажи, Атотмис, зачем ты здесь? Ты явился, чтобы рассчитаться со мной?..

Тощий жрец внимательно посмотрел на живой скелет, еще совсем недавно принадлежавший человеку, чьим именем пугали детей во всей Хайбории — от Зингары до Иранистана... Как выяснилось, пугали зря, и в сравнении с новыми порядками период правления Тот-Амона теперь казался эпохой добросердечия и милосердия.

— Да, так я сказал королеве, чтобы она отпустила меня к тебе. На самом деле я здесь не затем, чтобы пытаться тебя. Ты достаточно наказан. Я пришел, чтобы предложить тебе сделку.

Голый череп ухмыльнулся.

— Сделку?! Что могу предложить тебе я, несчастный узник?

— Вспомни свой недавний визит ко мне,

Тот-Амон. Ты явился, чтобы предложить мне сделку. Ты хотел, чтобы я убил Тхутмертари. Взамен ты обещал мне свободу. Тогда я отказался. Теперь я предлагаю то же самое тебе.

Видя, что мутные глаза изумленно моргают, Атотмис пояснил:

— Ты должен остановить Тхутмертари, ибо если этого не сделать сейчас, она погубит Мир. Ты единственный чародей, оставшийся в Стигии. Только ты можешь это сделать. Я верну тебе Кольцо Сета, и с его помощью ты бросишь вызов Змеиной Королеве.

— Я не верю тебе, Атотмис... Вы вместе задумали это. Почему ты предаешь свою возлюбленную?

— Не предаю, а спасаю ее, — холодно возразил жрец-расстрига. — Спасаю от нее самой. Тхутмертари не та, какую я любил. Я любил другую Тхутмертари. Теперь в ней не осталось ничего человеческого. Я бы сказал, что она сошла с ума, если бы не знал, что она совершенно нормальна... Наши дороги разошлись, Тот-Амон. И я хочу гибели новой Тхутмертари.

— Это все, чего ты хочешь? Ты меняешь мою свободу на ее смерть?

— Не только. Я хочу, чтобы ты исполнил свое последнее обещание мне. Сейчас, немедленно.

— Какое обещание? — удивился Тот-Амон.

— Ты обещал убить меня, волшебник. Я долго ждал спасительной смерти и больше ждать не могу. Сначала я страдал здесь, в твоей темнице, но Тхутмертари освободила меня, и с тех пор я страдаю еще больше, ибо не могу зреть, как любовь превращается в чудовище... Ты убьешь меня сейчас и сожжешь мое тело чара-

ми Кольца, чтобы она не смогла оживить меня с помощью некромантии. А затем ты возьмешь Кольцо и отправишься на бой с Тхутмертари...

— Ты все продумал, Атотмис, — пробормотал маг. — Но почему ты считаешь, что я сделаю по-твоему? Я ведь могу обмануть тебя, как обманывал не раз.

На бескровном лице расстриги появилась холодная ухмылка, от которой Тот-Амону стало не по себе.

— Потому что у тебя нет другого выхода. Если ты не победишь ее, она будет терзать тебя тысячи лет, и, поверь мне, ей не скоро надоест. Забыл: она рассчитывает жить вечно!

— Хорошо, — сказал Тот-Амон после некоторого раздумья. — Ты прав, у меня нет другого выхода. Я благодарен тебе, Атотмис...

— Мне не нужны твои благодарности, колдун, — отрезал тощий жрец. — Я делаю это не для тебя. И не ради себя. Вообще ни для кого.

— Тогда зачем? — искренне изумился маг.

— Во имя справедливости.

— Во имя справедливости... — с усмешкой протянул живой скелет. — Как ты можешь верить в справедливость? Много ли ты видел ее на своем веку? Ты рассуждаешь, как аколит Митры... Ну да ладно. Давай Кольцо.

Атотмис безмолвно снял с пальца змеиный перстень и передал его Тот-Амону. Костлявая длань выхватила заветный амулет. С возгласом ликования маг надел его на свой перст.

— О Сет! Я благодарю тебя! Мой перстень! Клянусь, Повелитель, я верну себе твою милость!

— Не забудь о нашей сделке, Тот-Амон, — напомнил Атотмис. — Я жду.

Скелет гулко расхохотался. Атотмиса пере-

дернуло. Неужели этот колдун снова обманул его? Но почему?.. Тот-Амон внезапно оборвал смех и обратился к своему неожиданному спасителю:

— Я не забуду о нашей сделке. И на сей раз я не обману тебя, Атотмис. Сейчас ты умрешь, а я займусь Тхутмертари. Но напоследок ты должен кое-что услышать. Я чувствую себя обязанным объяснить тебе, где ты заблуждаешься.

Атотмис вопросительно смотрел на мага.

— Ты многое понял, Атотмис, чего раньше не мог постичь. Я даже не ожидал от тебя такой рассудительности. Однако главного ты так и не уразумел. Я просто не могу вступить в схватку с Тхутмертари. Если, конечно, не хочу снова оказаться в этой темнице. А я, признаюсь, очень не хочу.

— Но почему, почему?! — воскликнул жрец. — Я вернул тебе Кольцо Сета. В нем — твоя сила! Что еще нужно тебе, чтобы одолеть Тхутмертари?

Тот-Амон сокрушенно вздохнул.

— Ты утратил свою былую проницательность, Атотмис. Разве не видишь ты: моя сила и сила Кольца, сложенные вместе, ничто в сравнении с мощью Тхутмертари!.. Вспомни, как все начиналось. Она, наверное, рассказала тебе. А не рассказала, так я расскажу... Принц Джосер привез в Луксур ее расчлененный труп. Мы, волшебники Черного Круга, поступили с ним согласно обряду. Мы применили могучую магию, чтобы навсегда развоплотить душу Тхутмертари. Наш обряд удался. И что же случилось впоследствии? Она объявилась во время коронации Рамзеса. Живая и невредимая! А дальше? Я короновал ее! Я, который скорее дал бы умертвить себя! На коронации присут-

ствовал весь Черный Круг. Никто из них не может быть заподозрен в сговоре с Тхутмертари. Все они ненавидели ее не меньше, чем ненавидел ее я. И никто не сделал ничего, чтобы помешать ей! Понимаешь ли ты, что это значит, Атотмис?

Не дождавшись ответа от жреца, Тот-Амон сказал:

— Это может означать только одно. Все мы оказались под воздействием чудовищного гипноза. Да, гипноза! Но как можно одновременно загипнотизировать тысячи человек, среди которых и могущественные маги, и посвященные жрецы, и бывалые воины, то есть люди, стойкие к внушению? Смертный просто не в состоянии это сделать! Как бы ни была сильна Тхутмертари, я не допускаю мысли, будто всех нас загипнотизировала именно она.

— Великий Сет нынче благоволит ей, — прошептал Атотмис. — Может быть, Он...

— Нет, — уверенно заявил Тот-Амон. — Не Сет. Я был верховным жрецом Его. Мне ли не знать силу Повелителя?.. Это не Его сила.

— Тогда чья же?

— Не знаю, — вздохнул маг. — Но это великая сила... Даже здесь я ощущаю ее, ибо вследствие ужасных пыток мои магические чувства обострились. Я ощущаю некое постороннее присутствие рядом с Тхутмертари. Эта сила тщательно скрывает себя, и даже магическому зрению не удастся разглядеть, что это такое... Может быть, древний дух, пробудившийся ото сна. Может быть, существо из Иного Мира. А может быть, божество, забытое прежде времени... Я не знаю, кто или что это. Но оно есть, это могущественное существо! По-видимому, Тхутмертари как-то удалось заключить

союз с этим духом. Или закабалить его. Или этот дух овладел ею — и такое исключать нельзя. Во всяком случае, Тхутмертари и этот дух действуют заодно. И сила этого духа столь велика, что, будь у меня десять Колец Сета, я все равно не смог бы противостоять ему. Увы, это так... Последние ужасные события, о которых ты мне поведал, не могли бы случиться, если бы такого духа не существовало. Одно лишь освобождение змеиного народа из подземной страны требовало поистине божественной мощи!

Атотмис, подавленный словами мага, тяжело опустился на холодный камень. Он вспомнил, как Тхутмертари совсем недавно говорила ему: «Уверяю тебя, покорная мне мощь много выше магической силы Кольца». Тогда загадочной фразе этой он не придал должного внимания. А ведь намек стоило расшифровать!

— Почему ты мне раньше этого не сказал? — растерянно молвил он.

— Потому что тогда ты не вернул бы мне Кольцо Сета, — ухмыльнулся живой скелет.

— А на что тебе Кольцо, если все так плохо? Если этот дух или бог, о котором ты говоришь, столь силен? Если ты не осмеливаешься выступить против него и Тхутмертари?

— Кольцо Сета пригодится мне. С его помощью я попытаюсь бежать из Стигии.

— Не думаешь ли ты, что покорный Тхутмертари дух в состоянии найти тебя повсюду, куда бы ты ни скрылся?

Тот-Амон мрачно заметил:

— Возможно. И все же у меня будет какое-то время. За это время я надеюсь разыскать человека, который обязан вступить за Мир. Во

всяком случае, прежде он это делал всегда. И не думаю, что он струсит теперь...

— Человека?.. Что может один смертный против сверхъестественного существа?!

— Этот может, — с невольным уважением произнес Тот-Амон, но в дальнейшие объяснения вдаваться не стал. Внезапно вспомнив, что отныне ему дорога каждая секунда, волшебник вскинул руку со змеиным перстнем и выкрикнул могучее заклинание. Атотмису показалось, что изумрудные глаза магической змеи исторгли два ослепительных облака. В следующий миг эти облака накрыли тощего жреца, и Атотмис перестал существовать.

— Ты не обманул... — вот были его последние слова, услышанные Тот-Амоном.

От жреца-расстриги осталась крошечная кучка пепла, и маг развеял его по узилищу.

— Уж этот-то тебе не достанется, — ухмыльнулся он.

Теперь нужно выбираться, подумал Тот-Амон. Но как? С помощью Кольца можно переместиться отсюда хоть на край света. Однако столь могущественная волшба может быть замечена Тхутмертари или ее неведомым союзником. Тогда Тот-Амону конец, и Кольцо Сета не спасет его. Больше шансов остаться незамеченным, если попытаться просто выбраться на поверхность, неважно куда. Для этого нужно проследовать эфирной тропой мимо сторожащих ее существ. Прежде у Тот-Амона не было никаких проблем с этими существами. Но кто знает, как будет теперь? Демоны-стражи служат Сету, а Сет лишил его своей милости. Не случится ли так, что стражи растерзают его, как только он появится в Астрале? Или приве-

дут к Сету, который благоволит к Тхутмертари... Нельзя.

И тут Тот-Амон вспомнил, что *рядом* с заколдованной темницей, в которой он теперь пребывал, находится древний склеп. Должен находиться. Тысячи лет тому назад луксурцы хоронили в нем своих жрецов. Позже в парадном храме хоронить перестали; представители высшего жречества, покинувшие по воле Сета мир людей, отправлялись в Зал Мертвых Великой Пирамиды Кеми. Но древний склеп никто не разрушал, да это просто невозможно в Стигии — стране культа мертвых!

Тот-Амон нацелил Кольцо Сета на одну из стен и начал произносить заклинания. Стараясь не думать о том, что случится, если Тхутмертари вздумает посетить зачарованную темницу *сейчас*, колдун терпеливо шептал могущественные тайные слова. И вот под внимательным взглядом магической змеи, свернувшейся на костлявом пальце старого хозяина, казавшийся несокрушимым монолит стал крошиться, точно в него со всей силы били громадным стальным молотом. Так медленно, но настойчиво волшебник торил небольшое округлое углубление в стене. Минуло довольно много времени, прежде чем углубление превратилось в *отверстие*.

Заглянув туда, Тот-Амон не смог сдержать вздох облегчения. Он попал куда нужно. Во мраке смутно просматривались ряды саркофагов. Подтянувшись, живой скелет протиснулся в образовавшуюся дыру и спустился с той стороны стены. Присмотревшись, он отметил, что все древние саркофаги раскрыты и что внутри них никого нет. Взглядом знатока Тот-Амон определил, что гробы открыты были *изнутри*.

Тут он вспомнил слова Атотмиса об оживших мертвецах и содрогнулся.

И тем не менее у него не было пути назад. Он должен был торопиться. Быстро, но осторожно Тот-Амон вышел из древнего склепа и стал двигаться по темному коридору, забирающему вверх. Вскоре ему слышались звуки. Это был топот ног. Десятков, а может быть, и сотен ног. По гулкому и мерному перестуку Тот-Амон понял, что ноги эти принадлежат не живым людям. Догадка его подтвердилась. За поворотом он увидел пещеру, которую пересекала длинная процессия мертвецов. Впереди шли умершие не так давно, возможно, пятьсот или тысячу лет тому назад, — об этом можно было догадаться по ошметкам плоти, сохранившимся на их скелетах. Замыкали же шествие скелеты такие же голые, как и сам Тот-Амон.

Улыбнувшись переменчивой Судьбе, маг снял Кольцо Сета с перста и засунул его между зубов. Сделав это, он вышел из своего укрытия и, подражая размеренной походке остальных, пристроился в конец процессии. Несколько скелетов покосились на него, но, скользнув по новой фигуре безразличным взглядом пустых глазниц, сразу утратили к нему интерес: вероятно, новенький подоспел из какого-то дальнего склепа. Тот-Амон знал, что скелеты не отличаются разговорчивостью, и надеялся, что ему не придется излагать им свою легенду.

Шагая в конце процессии, Тот-Амон мучительно размышлял, что предпринять ему дальше. Где-то здесь, совсем рядом, располагались кельи посвященных жрецов. В том числе и келья верховного жреца Сета — его, Тот-Амона, келья. Колдун был далек от мысли, что Тхутмертари, став верховной жрицей, поспе-

шила занять его жилище. В отличие от своего предшественника, она стала не только владычицей жрецов и магов, но и королевой, следовательно, к ее услугам был роскошный королевский дворец. Конечно, не безумное при нынешних обстоятельствах желание отдохнуть в своей келье перед дальней дорогой владело Тот-Амоном. В личной палате верховного жреца хранилась замечательная накидка-невидимка. Вообще-то волшебная накидка прежде принадлежала не кому иному, как Тхутмертари, и досталась она Тот-Амону, когда Тхутмертари внезапно упала, точно метеор, с неба прямо к нему в руки. Тогда она была обессилена долгим полетом, в который отправил ее могущественный карлик Тезиас, Великая Душа... «Нужно было не судить ее и не отводить на «привилегированную казнь» к Чипуа-Акаю в Склеп Принцев, а убивать немедленно», — с запоздалым раскаянием подумал Тот-Амон.

Так вот, после пленения мятежной принцессы маг взял ее волшебную накидку себе. Он слышал, правда, что Тхутмертари имеет не одну, а две накидки-невидимки. Где находится вторая и существует ли она, Тот-Амон не знал. Его вполне устраивала и одна накидка. Она и вправду была чудесна! Человека, укрывшегося ею, не приметит ни более сильный маг, ни демон, ни даже бог. И вряд ли Тот-Амон мог бы подыскать иную ситуацию, когда накидка-невидимка была бы более полезна ему, чем теперь — ведь он вынужден прятаться от взора стигийской владычицы и ее союзника, неведомого и могущественного! Волшебная накидка пригодится ему и позднее, когда он покинет Стигию и достигнет цели своего путешествия.

Поразмыслив об этом, Тот-Амон наконец

решился рискнуть: дело стоило того. На одном из поворотов он незаметно отстал от процессии мертвецов. Никто этого не заметил. Легко ориентируясь в лабиринте храмовых коридоров, маг пробирался к своей келье. Внезапно навстречу ему вынырнули два человека в черных хитонах. Нет, не человека... Одежда нескладно сидела на гибких телах, покрытых мелкой чешуей, а сзади по камням хлюпали змеящиеся хвосты. Люди-змеи, волшебники нового Черного Круга!

Тот-Амон испугался не на шутку. Варианты дальнейших действий с невозможной скоростью прокрутились в его воображении. Бежать нельзя — поздно. Убивать тоже нельзя — они поднимут тревогу, а он оставит следы. Значит...

Тем временем один из змеядов поднял руку в предостерегающем жесте, останавливая Тот-Амона. Вероятно, ему приспичило разузнать, что делает ходячий человеческий скелет в покоех высших слуг Сета. Повинуясь наитию, Тот-Амон монотонно прогудел, стараясь при этом, чтобы Кольцо Сета не выпало из зубов:

— По приказу Святейшей...

Змеяды вздрогнули и, не глядя больше на жуткого посланца, поспешили своей дорогой. Как она запугала их, подумал маг, не зная, какие ощущения более подходят к такому моменту: радость или негодование.

Он встретил еще троих змеядских жрецов и всем отвечал одинаково. Имя Святейшей давало беспрепятственный пропуск повсюду. Добравшись до своей кельи, Тот-Амон со злорадством представил, что непререкаемый авторитет Тхутмертари среди членов нового Черного Круга сыграет с ней недобрую шутку и что

при нем, Тот-Амоне, стигийские волшебники были куда дотошнее и осмотрительнее.

Маг вошел в келью. Как он и ожидал, тут никого не было. Он прошел к тайнику и нажал скрытую пружину. С радостным возгласом он вытащил из тайника заветную накидку. Не выдержав, он от души расхохотался. Вот так великая владычица! Идиотка, тысячу тысяч раз идиотка! Могла забрать свою накидку обратно — и не удосужилась этого сделать. Как видно, она полагает, что могущественный союзник заменит ей все волшебные приспособления. Ну что ж, тем лучше для меня, отметил Тот-Амон. Внезапно разум его посетила такая мысль: а что, если неведомый ему дух видит сквозь чудесную накидку?

От этой мысли ему опять стало не по себе. Прогнав страх прочь — ведь даже властительные боги не зрят сквозь нее! — живой скелет вернул Кольцо Сета на перст, а затем облачился в волшебную накидку. Ему сразу полегчало. Он аккуратно затворил тайник. Соблюдая в то же время известную осторожность, Тот-Амон покинул келью и двинулся по коридору.

На обратном пути ему встретились сразу пять посвященных жрецов и двадцать стражников — двенадцать людей и восемь змеядов. Никто из них не обратил на Тот-Амона внимания, и он утвердился в мысли, что магия накидки действует как положено. Настроение его поднималось с каждым новым шагом.

Незамеченным волшебник вышел из храма. Вдруг им овладело желание покончить со всем сейчас и сразу. Вот он, королевский дворец — достаточно пересечь площадь. А там, во дворце, отыскать Тхутмертари и, пользуясь своей невидимостью, подобраться к ней. И — все!

Воистину искушение оказалось столь велико, что невидимый маг невольно сделал несколько шагов по площади. Сделал — и остановился. А что, если дух окружил Тхутмертари защитным экраном? В этом случае, подобравшись к ней, Тот-Амон лишь раскроет себя. Еще хуже, если дух обитает *внутри* королевы. Если так, тогда ее — и его — не убить человеческим оружием. А как можно убить духа, о котором ничего не знаешь, кроме того, что он существует?

Вздыхнув, маг подавил искушение. Он не должен бросаться в безрассудную схватку. Следует действовать, как наметил. И он направился в сторону Стикса.

Он шел по городу, не уставая удивляться, как изменился древний Луксур за эти дни. В воздухе пахло Ужасом. Это был именно запах — сильный, сбивающий с ног запах чего-то страшного, жуткого, зловещего... Даже в заброшенных городах, над которыми довлело тысячелетнее проклятие, опытный колдун не ощущал такого запаха. Город казался пустым. А ведь было уже позднее утро! Ни торговцев на площадях, ни вельмож, разъезжающих в колесницах, ни паломников, спешащих помолиться Великому Змею в парадном храме Его... Только длинные процессии мертвецов, выползающие, точно муравьи из древних зданий, и отряды змеядских воинов, снующие по городу в поисках деликатесной пищи. За все время пути к Северным воротам Тот-Амон не встретил на улицах Луксура ни одного живого человека. И старый колдун понял, что эта страшная реальность невыносима даже для него. Он понял, что Атотмис несколько не преувеличивал, говоря о спасении Мира от Тхутмертари. Ибо,

если не остановить ее сегодня, уже завтра Мир, такой знакомый и такой привычный, канет в Минувшее безвозвратно...

В пустынной степи, начинающейся сразу за городом, Тот-Амон увидел огромные лагеря змеядов. Звуки адского пиршества разносились по округе. Невдалеке от змеядских лагерей формировались отряды мертвецов и демонов. В отличие от покойников, демонов было немного, но каждый из них стоил десятка смертных, живых и мертвых: огромные, до двух человеческих ростов, мускулистые, иные с двумя, иные с четырьмя руками. Тот-Амон осмотрел окрестности и содрогнулся, на миг представив, что будет, когда вся эта орда ворвется в какой-нибудь большой город. Нет, это нужно остановить, укрепился в своем мнении чародей и ускори́л шаг. И еще подумалось ему: если я — черный маг и жрец злого божества, тогда кто Тхутмертари, сотворившая весь этот Ужас и не помышляющая на этом останавливаться?..

Наконец он подошел к реке. Хвала богам, полноводный Стикс как был, так и остался на своем месте. Тот-Амон осмотрелся. Никого не было поблизости. Однако чуткое магическое зрение бывшего верховного жреца заметило над Стиксом туманную лазоревую дымку. Она казалась такой слабой, случайной, несущественной... Но Тот-Амон сразу понял, что это такое, и снова суеверный страх стиснул ледяной рукой его ясный разум. То, что предстало его магическому взору как туманная дымка, на самом деле являлось невидимым барьером. Вглядевшись повнимательнее, маг утвердился в этой догадке. Птицы, стремящиеся на шемитский берег, беспокойно летали перед барьером, и их жалобный клекот разносился над древней

рекой. Они не могут преодолеть барьер, констатировал Тот-Амон. И никто не может...

Так ему стало ясно, что неведомый дух перекрыл водную границу Стигии. Наверное, он перекрыл и сухопутные границы империи. Тот-Амон явственно ощущал несхожесть колдовского почерка этого существа с колдовским почерком известных ему чернокнижников, демонов и богов. *Эта магия была всецело чужда черной магии Сета и других темных богов.* Не была она похожа и на волшбу последышей Митры — Иштар и Асуры; таковую Тот-Амон признал бы тоже. Следовательно, если прежде существование подле Тхутмертари посторонней силы представлялось самым вероятным объяснением происходящего, то теперь в этом отпадали последние сомнения. Мощь существа, покорившего Тхутмертари, — или покорного ей? — потрясала и ужасала выдавшего виды мага. Не бессмысленны ли все его старания, коли на стороне Тхутмертари играет такая могущественная, неодолимая сила? Может быть, лучше просто уничтожить себя, как Атотмиса, и все проблемы решить?!

Тот-Амон поймал себя на мысли, что не сможет убить себя. Самоубийство стало бы величайшей насмешкой над всей его жизнью — жизнью, отданной власти и тайному знанию. Как может он покончить с собой теперь, когда в руках его Кольцо Сета и чудесная накидка-невидимка? И почему уходить со сцены должен он, а не врагиня его? Бедняга Атотмис прав: еще не поздно поискать справедливости. Еще все может обернуться к лучшему. Владыка Сет вернет свою божественную милость верному слуге; испытания, которым Тхутмертари подвергла его, Тот-Амона, с молчаливого со-

гласия Повелителя, вероятно, отмыли грехи его. Тот-Амон выдержал пытки, теперь он чист пред ликом Вечного Отца. Да, Владыка Сет вернет ему свое расположение, а Тхутмертари, напротив, лишит. И тогда с божьей помощью Тот-Амон одолеет свою врагиню. Или кто-то другой одолеет, а Тот-Амон воспользуется плодами победы, как он делал не раз за долгую жизнь... Правда, остается еще неведомый дух. Но ему ли, великому магу, не знать, сколь непостоянны духи и создания Иных Миров? Сегодня этот дух на стороне Тхутмертари, а завтра, чего доброго, обратит свою силу против нее самой!

Настроение Тот-Амона снова улучшилось, и он окончательно раздумал расставаться с жизнью. Нужно жить и действовать. И пока Владыка Сет не вернул ему свое расположение, следовало прибегнуть к помощи созданий, никоим образом Сету не подчиняющихся. Таковые населяли бездны океанских вод: Текучим Миром правили иные боги и демоны. Иногда существа из водных Бездн заплывали в Стикс, ибо глубиной своей и прочими особенностями, привлекающими к себе подобных существ, великая река немногим отличалась от моря. Тот-Амон в очередной раз похвалил свою предусмотрительность: в бытность владыкой Черного Круга он стремился заводить контакты с самыми разными тварями. И хотя большинство их отличались вредным и злопамятным нравом, отдельные довольно-таки сносно относились к Тот-Амону, так как он, угощая их, никогда не жадничал. Водились дружественные ему представители и среди фауны Океана.

Тот-Амон опустил на колени, зачерпнул в ладонь воду из Стикса и вылил ее на Кольцо

Сета. Магическая змея зашипела: не понравилось. Ничего, потерпишь ради старого хозяина, отместил маг и негромко позвал:

— Цхат! Цхат! Цхат!

Затем он снова окатил перстень водой Стикса. На сей раз магическая змея не зашипела, а напротив, как будто даже обрадовалась прикосновению воды. Это означало, что Цхат услышал зов.

Через некоторое время вода у берега забурлила. На поверхность выплыло странное существо: кит не кит, змей не змей, акула не акула, кальмар не кальмар. Чуть поморщившись, волшебник встал с колен и вошел в воду. Цхат открыл огромную пасть. И Тот-Амон вошел в нее! Когда невидимый маг проследовал в глотку демона, пасть закрылась. Цхат развернулся, вильнул хвостом и нырнул в глубину. Уже спустя несколько секунд он несясь под водами Стикса на запад, и скорость его лишь немного не дотягивала до скорости выпущенной из лука стрелы. А еще через несколько часов, миновав устье Стикса и благополучно проплыв под незримым барьером, Цхат выплыл в океан. Не останавливаясь, он устремился на север.

Глава четырнадцатая

БУЙСТВО УЖАСА — III: ПОИСК И СОН

— Не могу поверить, что это случилось, — горько выговорила принцесса Камия.

Они с Джосером лежали друг подле друга на своей постели, но, как попали в нее после священной оргии, вспомнить не могли.

— Не могу поверить... — продолжала принцесса. — Эти скользкие твари лапали меня...

Тискали... О, Сет! Они сделали *это*! Они осквернили меня...

— Да, они сделали это, — хмуро молвил принц. — И я сделал... С их женами... Сколько их было, не помню...

— Что же со мной теперь будет, Джосси?

— Что будет, что будет... Что со всеми, то и с тобой. Ты родишь...

— Но я не хочу рожать подобную мерзость! — взвизгнула Камия.

— А думаешь, кто-то хочет?! — рявкнул на нее муж. — Никто не хочет! Даже эти хвостатые ублюдки не хотят. Кто бы мог подумать, они блюдут чистоту своей поганой расы!.. Но всем придется... Ибо так хочет *она*...

Камия отшатнулась от него — столько теперь было лютой ненависти к Тхутмертари в его словах. Запоздалой ненависти...

— Ты больше не прикоснешься ко мне, Джосси.

— Это почему? — удивился он. — Из-за ее запрета? Плевал я на него. Ты же слышала: я счастливчик. Я буду жить, пока она не соизволит одарить меня человеческой смертью. В память о нашем общем отце Ментуфере, будь он проклят!

— Нет. Я сама тебе не позволю. Я осквернена. Во мне семя мерзких тварей. Я недостойна тебя.

— Какая чушь! — взревел Джосер. — Я люблю и всегда буду любить тебя. Этого она не может мне запретить. Ты ни в чем не виновата, Ка! Ты жертва. Все жертвы. Во всем лишь она одна виновата!..

— Ты прав, человек. Лишь она во всем виновата, — слышался низкий свистящий

голос, и в опочивальню принца вошли Танатос и Таниа.

Джосер и Камия побледнели и инстинктивно взялись за оружие.

— Что вам нужно, твари? — спросил принц. — Вам мало одной ночи?

— Ты осквернил меня, человек, — с тоскливой обреченностью констатировала Таниа. — Ты опозорил аккалу перед моим народом.

— После меня тебя многие оскверняли и позорили, — с невольной усмешкой молвил Джосер.

Танатос вспыхнул и схватился за меч. Джосер также вскочил и обнажил свой клинок. Он знал, что рано или поздно пустит кровь насильнику своей жены. Однако сейчас, именно сейчас, он испытывал такую усталость, что сражаться ему вовсе не хотелось. Как видно, похожие чувства испытывал и змеядский царь.

— Оставьте оружие, — сказала Таниа. — Мы пришли не для того, чтобы воевать.

Акках первым опустил клинок, и принц последовал его примеру. Камия спросила:

— Тогда зачем пришли вы?

— Мы не глупцы, — проговорил Танатос. — Мы понимаем, что ваша смерть ничего не изменит. Не вы устроили эту гнусную оргию. Ты правильно сказал, человек: все мы жертвы. Но мы, змеяды, не хотим больше быть жертвами. А вы, люди, хотите?

— Вопрос глупца, — фыркнула принцесса.

— Глупцы вы, — ответила аккала, — если веляетесь здесь в бездействии.

— А что мы можем? — с болью в голосе молвил Джосер.

— Мы можем попробовать, — внушительно произнес акках.

— Ты думаешь о том, о чем думаю я? — Танатос кивнул ему. — Так тебе мало одной попытки?

— Мало, — прошипел царь. — Я буду пытаться еще. У нас осталось не много чести, но мы обязаны сохранить, что осталось.

— Без надежды на победу?

— С надеждой, — сказала Танита. — Мы должны объединиться. Мы и наши народы. Мы должны нанести удар внезапно.

— Я согласна с Танитой. — Камия встала с ложа и, преодолевая отвращение, подошла к аккале. — Мы обязаны попробовать. Иначе каждый новый день будет для нас хуже предыдущего.

— А я согласен со своей женой, — молвил принц.

— Мы должны скрепить наш союз кровью, как положено, — заметил акках.

— Брось! — усмехнулся Джосер. — Разве мало тебе крови? И разве кто может теперь сказать, что положено, а что — нет? Достаточно нашего общего желания.

Все четверо согласно кивнули.

«Как только умрет твоя сестра, ты отправишься вслед за ней, осквернитель моей жены. И эта человеческая сучка не успеет родить от меня чудовище», — подумал в этот момент Танатос.

«Вы заплатите за все, люди. Мы сумеем расчитаться с вами и без королевы. Одно обещаю: вы умрете быстро», — подумала Танита.

«Клянусь Сетом, за первой змеей последуют остальные. Тебя, хвостатая мерзость, я прикончу первого. А твою супругу — следом за тобой», — подумал Джосер.

«Глупые змеи. За двадцать тысяч лет так ни-

чему и не научились. Но теперь мы не позволим вам спрятаться в Йесет-Мете. Мы истребим ваше подлое племя. И начнем с вас двоих», — подумала Камия.

Не успели они так подумать, каждый свое, как отворилась дверь, и в палату вошла Тхутмертари. Ни символов власти, ни одежды на ней не было. Королева прошла к креслу и усеялась. Огромные сапфировые глаза смеялись.

— Так-так, — сказала она, закинув ногу за ногу. — Вот вы и вместе. Я вижу, вам удалось поладить. Значит, наша священная оргия пошла вам на пользу. Я рада...

Оправившись от первого шока, все четверо одновременно переглянулись. Сейчас или никогда! — прочитал каждый в глазах другого. Быстрес молнии рванулись четверо к сидящей девушке, даже не тратя времени на поиск оружия. У Джосера и Танатоса были новые мечи, а Танита и Камия намеревались прикончить ненавистную владычицу голыми руками.

...Никто из них не понял, что именно произошло. Золотистое тело мелькнуло перед ними, а в следующий миг каждый из четверки ощутил резкую боль, от которой самопроизвольно закрылись их глаза. Когда же глаза открылись, Танатос, Танита, Джосер и Камия увидели себя лежащими общей кучей на полу лицом вниз и Тхутмертари, попирающую своими ногами их тела.

— Слабоваты вы против меня, цари и принцы, — насмешливо молвила она, снова садясь в кресло.

— Мы не волшебники, — тяжело проговорил akkaх, поднимаясь с пола. — Ты побеждаешь нас чарами.

— Неправда, — равнодушно повела плечами королева. — Ни там, в тронном зале, ни здесь, я не прибегала к помощи чар. У меня на это просто не было времени. Я побеждаю вас силой и ловкостью. Так что вам придется покориться мне.

— У меня даже не было времени воззвать к тебе, Сур, раб мой, — добавила она.

— Когда-нибудь ты пожалеешь, что сняла с меня заклятие оберегать тебя. Ты полагаешь себя неуязвимой?

— Для этих ничтожных — да. Как видишь, я в состоянии сама за себя постоять.

— И все же они убьют тебя. Не эти, так другие. Не теперь, так потом...

— Не убьют. А вот любопытно, с какой стати ты, Сур, прежде называвшийся иначе, печешься о моей безопасности? О безопасности той, которая закабалила тебя?

— Знаешь, я как-то к тебе привязался. Сам не знаю, почему.

— А я знаю. Мои злодеяния впечатляют тебя, бездушную душу, как и все великое.

— Не могу не согласиться.

— А еще ты завидуешь мне. Я стану владыцей Мира. Я, а не ты. А ведь ты так этого хотел, бедняжка карлик!

— Я тебе не завидую.

— Ты молодец, Сур. Умеешь принимать поражение достойно. Редкое качество в наши дни! Знаешь, мне хочется немного обрадовать тебя. Ты, наверное, устал исполнять мои приказы.

— Да ладно. Я уже привык.

— Ну так вот, я все менее и менее буду нуждаться в тебе и в твоей силе. А затем и вовсе дам тебе бессрочный отпуск. Я не хочу, чтобы ты ставил мои победы себе в заслугу.

— *С каких это пор тебя интересует мое мнение о твоих победах?*

— *С недавних. Я тоже привязалась к тебе, Сур. Знаешь, приятно иметь столь могущественного раба.*

— *А я уж было подумал, что ты собираешься меня отпустить.*

— *Как же ты наивен, Сур, раб мой!*

В ментальном эфире раздался горестный вздох, и Тхутмертари сочла нужным добавить:

— *Не дожدهшься. Судьба свела нас навечно.*

Пока имел место этот мысленный диалог, побежденная четверка поднялась с пола и встала перед королевой. Никто из них не желал болес скрывать от Тхутмертари своей ненависти. Отметив это, девушка улыбнулась.

— Вы ненавидите меня. Это очень хорошо. Я рада. Плохо было бы, если б вы любили меня. Если б вы любили меня, я бы могла опасаться, что вы меня возненавидите. А вы уже ненавидите меня. Значит, у вас нет никаких козырей и мне нечего опасаться. Ненависть и страсть к мщению — самые сильные чувства. Они сплотили вас, заклятых врагов, и точно так же сплотят ваши народы — змеядов и людей. Передайте свою ненависть ко мне вашим народам, разожгите ее! Пусть люди и змеяды возненавидят меня, как возненавидели меня вы... Сплотившись, вы будете исполнять мою волю лучше, нежели действуя раздельно. Я рада, — повторила она. — Вы для меня — меньше, чем насекомые для вас. Вы для меня — орудия, и мне неважно, что орудие думает о хозяйке. Просто вы должны знать, что никуда не денетесь от своей владычицы, так как всецело принадлежите мне.

Они молчали. Змсиная Королева вдруг по-

чувствовала, как велика и неприступна стена отчуждения между нею и ее непокорными орудиями. Пожалуй, не стоило так унижать их, отметила она. Это навредит делу. Но ничего, все еще можно поправить.

— Я вижу, вы не рады моему обществу, — с ухмылкой сказала Тхутмертари. — Я вам неприятна. Вы хотите сбежать от меня куда подальше. Ваша маленькая проблема в том, что вы можете удалиться с моих глаз только с моего согласия. И вот я решила дать вам его, мое согласие. Я направляю вас в поход.

— В поход? — удивился Джосер.

— Да, мой каверзный братец. В военный поход. Сегодня я начинаю мировую экспансию Стигийской империи. Проще говоря, пришла пора завоевывать Мир для нашего Повелителя. Я поручаю это вам. Вы готовы?

Облегчение, появившееся на лицах четверых, неприятно кольнуло верховную жрицу. Неужели я им так противна? Неужели они не гордятся, что стоят рядом со мной? Неужели готовы использовать любой предлог, лишь бы не видеть меня?..

— Мы готовы, Ваше Величество, — сказал за всех Танатос.

— Итак, я буду вести войну на четыре фронта. Каждый из вас возглавит отдельное войско. В вашем подчинении будут воины-люди, воины-змеяды, боевые демоны и мертвецы, которых я оживила этой ночью. Подобные армады не ведают поражений. Ты, акках Танатос, выступишь из Файона и, преодолев горные перевалы, отправишься на восток, в глубь Турана, к городам Кутхемес и Замбула. Ты, аккала Танита, уйдешь из Сухмета на юг, покорять земли черных царств — Куша, Дарфара,

Кешана и Пунта. Ты, принц Джосер, со своим воинством переправишься через Стикс и нападешь на города-государства шемитов. Наконец, ты, принцесса Камия, возглавишь западный фронт. Стигийский флот под твоим командованием направится к берегам Аргоса и Зингары.

Вновь назначенные военачальники склонили головы в знак покорности воле стигийской королевы.

— Как мы попадем к нашим войскам? — спросила Танита.

— Я перенесу вас с помощью чар. У вас пять часов на сборы... И еще узнайте. Я буду следить за каждым. Горе тому, кто ослушается меня! Вы уже видели, на что я способна. Обещаю, это только цветочки...

Сказав эти страшные слова, Тхутмертари с немалым изумлением обнаружила, что они не испугали четверку так, как она на то рассчитывала. Проницательная волшебница сразу осознала, в чем причина: эти четверо *пресытились* страхом. Их жалкое сознание не смогло переварить Буйство Ужаса, творящееся по воле Змеиной Королевы. Чувство страха у них незаметно атрофировалось, и ныне им кажется, что они уже прошли через все самое страшное и бояться чего-либо просто более не способны! Угрозы они воспринимали не конкретно, а абстрактно, ведь *им, всецело, душой и телом, принадлежащим владычице, нечего было терять*. Все, что имели, они уже потеряли либо смирились с мыслью, что потеряют. Страх перед владычицей уходил из их сознания вместе с прочими реалиями живого существа, материальными и духовными... Психологическая проблема эта поставила Тхутмертари в тупик, и

проницательная королева с присущей ей решимостью поспешила взорвать его. Лишь один по-настоящему надежный способ знала она для этого: угасший страх разжигается посредством еще большего страха. Она проговорила, раздельно и внушительно:

— Не надейтесь, что хуже, чем есть, уже не будет. Это типичное заблуждение смертных. Я буду постоянно доказывать вам и всем остальным, что Ужас совершенно беспределен и непредсказуем. Добро имеет свои границы, а Зло — нет. Поймите вы: *Злу никогда не бывает достаточно Зла!* Зло точно зверь, который испытывает все больший голод по мере того, как насыщается пищей... Многое зависит от угла зрения на предмет. Вот, к примеру, жрецам Митры вы, Джосер и Камия, показались бы ужасными злодеями, в ваших глазах злодеями выглядели Тот-Амон и волшебники Черного Круга, в их глазах злодейка я. На самом деле все не правы. Ибо Зло — не нечто и не некто, на что или на кого можно указать. То лишь относительные символы Зла; само *Зло — это образ жизни*. И поэтому его поистине никогда не может быть мало! Создать новую жизнь, состоящую из чистого, неоскверненного, первоначального Зла — вот в чем моя цель... — Тхутмертари в волнении встала с кресла. — Я иду по дороге, по которой до меня не ходил никто! Я сама не знаю, куда она меня приведет. Тем более этого не можете знать вы. Так что повторяю: не рассчитывайте, что самое страшное уже позади, а к предстоящим ужасам как-нибудь притерпитесь. Не притерпитесь! Ибо, если это вдруг случится, значит, я потерпела поражение в своей Миссии. А поражения своего я

ни за что не допущу, скорее Вселенная перестанет существовать!

Тхутмертари с удовлетворением отметила, что ее философский монолог радикально изменил отношение слушателей к проблеме. Джосер, Камия, Танатос и Танита внимали ей словно зачарованные, хотя ни к какому колдовству ни она, ни Сур не прибегали. Пожалуй, так можно будет со временем обратить их в свою веру, подумала золотоволосая красавица...

А каждый из четверки в этот момент подумал, что логика Тхутмертари не имеет ничего общего с логикой смертных — как людей, так и змей. Чужая она всему живому, эта страшная логика, и непросто добраться ей до сознания рожденных под солнцем...

— Что мы должны делать, чтобы не гневить Святейшую? — первой взяв себя в руки, задала вопрос Камия.

— Пленных не брать, раненых добивать, капитуляции не принимать, города не занимать, сокровищами пренебрегать, переговоров не вести, идти днем и ночью только вперед, — напутствовала своих полководцев Тхутмертари, вернувшись с философских небес на несчастную землю. — Ваши орды неостановимы. Когда ваш воин убивает кого-то, убитый тотчас становится в строй рядом с убийцей. Поэтому вы должны как можно больше убивать. Например, ты, Джосер. Живой шемит сражается против тебя, тот же шемит, только мертвый — за тебя. Лучший воин — мертвый воин. Понятно?

— А если у врага отрублена голова?

— Тогда он не увидит, куда идти. Увечные воины мне не нужны. Следует поражать врагов

в сердце. И воистину мертвый воин будет сражаться лучше живого!.. А теперь исполняйте!

Сказав это, королева величественно поднялась и, соблазнительно потрянув пышной грудью и поведя крутыми бедрами, вышла. «Как все-таки она прекрасна в человеческом облике!» — поневоле отметили Джосер и Камия. «Уф, какая уродина! И ведь не стыдится ходить в иллюзорном обличии, в то время как наше много лучше!» — отметили Танатос и Таниа.

Выйдя из покоя брата, Тхутмертари поискала глазами Атотмиса. Она привыкла, что толстый жрец всегда следует за ней как тень. Не найдя его, она вспомнила, что сама дала Атотмису Кольцо Сета, чтобы он смог попасть в узилище Тот-Амона. С тех пор минуло несколько часов. Вероятно, возлюбленный все еще там. Как, должно быть, тешится он, истязая своего бывшего истязателя! И откуда только знает этот жрец-недоучка подходящие к случаю пытки?.. Девушка лениво спросила, скорее для порядка, чем ради интереса:

— *Сур, раб мой, как там Атотмис?*

Произошло неслыханное. Раб *не ответил* ей, своей владычице.

— *Ты что, не слышишь меня, Сур? Я спросила насчет Атотмиса! Ты что же, вознамерился бунтовать?! Видно, я перехвалила тебя! Так это очень просто исправить!*

— *Слышу, слышу, — донесся ответ. — Я не бунтую, а разыскиваю твоего Атотмиса.*

— *Что-что?! — Тхутмертари даже остановилась, забыв о том, где она находится. — Зачем*

ты его разыскиваешь? Он в заколдованной темнице под храмом Сета!

— Вынужден тебя огорчить, владычица. Его там нет.

— Как так нет? А где же он?

— Вот именно это я и пытаюсь выяснить. Может быть, подождешь немного? Я как раз сканирую Луксур.

Волшебница внезапно поняла, что впервые за очень долгое время что-то случилось вопреки ее воле. И что же? Не событие мирового значения, а какая-то ерунда: ничтожный Атотмис куда-то пропал! Стоит ли о нем беспокоиться?

— Ну что? — нетерпеливо спросила она через минуту.

— В Луксуре Атотмис отсутствует. В радиусе двадцати миль от города его тоже нет. Я расширяю территорию поиска.

— Нет, подожди, Сур! Какая чушь! Атотмис не мог уйти так далеко. Да и с чего бы ему бежать от меня?

— Мне неведомы его мотивы.

А ведь и мне они не были ведомы, подумала Тхутмертари. Я привыкла воспринимать его как домашнее животное, как мебель, как часть привычного антуража. Именно в этом качестве он был нужен мне. Но Атотмис, оказывается, способен иметь какие-то мотивы! Что еще за мотивы?.. Она приказала:

— Немедленно перенеси меня в узилище, Сур.

Повеление Змеиной Королевы было исполнено ее рабом. Тхутмертари возникла в пустом каменном мешке. Нет, не пустом! В одной из стен чернело небольшое отверстие. Девушка не поверила своим глазам, и кровь прилила к ее лицу.

— *Что здесь произошло, во имя Сета?! Где Тот-Амон?*

Снова молчание раба. Затем она услышала:

— *Я многого не понимаю: магический эфир засорен эманациями посторонней волишбы. В этой заколдованной темнице вообще плохо сохраняются следы волшебства. К тому же они вытекли в эту дыру.*

— *Ну хоть что-нибудь ты понимаешь? —* взмолилась она. — *Где Атотмис? Где Тот-Амон? Куда они делись?*

— *Твой Атотмис уничтожен. А Тот-Амон покинул узилище сквозь это отверстие.*

Новости словно громом поразили волшебницу. Она пошатнулась. Ее Атотмиса больше нет! А Тот-Амон сбежал! Живой скелет сбежал!

— *Судя по всему, Тот-Амон прихватил с собой Кольцо Сета. Правда, я это не могу утверждать наверняка, —* добавил раб.

— *Найди мне Тот-Амона, Сур, —* тихо сказала она, и собственный лик ее в это мгновение был лучшей иллюстрацией к рассуждениям о беспредельности Зла. — *Найди его. Клянусь, он до Конца Вечности будет жалеть, что поднял руку на моего Атотмиса!*

Ожидание становилось непереносимым. Тхутмертари быстро ходила из угла в угол, и лишь сцены предстоящих мук Тот-Амона, сменяющие одна другую в ее воспаленном воображении, как-то умеряли гнев. И вот она не выдержала:

— *Долго еще, Сур?! Неужели так трудно отыскать этого... этого...*

— *Его нигде нет, владычица. —* В ментальном глазе слышалось удивление. — *Он словно сквозь землю провалился...*

— *Так поищи его там!* — взвизгнула она. — *Тот-Амон не должен уйти от меня!*

— *На поиск в Преисподних Мирах уйдет не один час,* — напомнил ей раб. — *Ты согласна ждать столько?*

Тхутмертари в иступлении принялась топтать ногами. Она рычала, словно взбешенный демон. Тот-Амон, жалкий полутруп, скелет с мутными глазами, скрылся! Бежал от нее! И как, непонятно! Бежал из заколдованной темницы! Пожалуй, это было еще сложнее, чем бежать из Склепа Принцев! И он смог это сделать! Но как — и куда? Куда он мог деться, во имя Сета?

Буйство гнева, которое вполне могло бы привести к смерти даже самого стойкого человека, только придало Тхутмертари новые силы.

— *Примени свое Заклятие Поиска, Сур. Обыщи Преисподние Мира и всю Стигию. Он не мог одолеть барьер и бежать из страны. Найди его мне, Сур, раб мой! Тот-Амон не должен уйти!*

— *Как прикажешь, владычица. Хочу лишь напомнить тебе, что Заклятие Поиска требует изрядных затрат моей энергии. И полного сосредоточения. Я вынужден буду отключиться от тебя и не услышу твой зов, пока не закончу.*

— *Да, я знаю это! Все равно примени его. Ищи Тот-Амона, Сур, ищи! А я как-нибудь несколько часов без тебя обойдусь. Только сперва доставь меня во дворец...*

— *Вовремя ты сказала про дворец. Я как раз собирался заделать эту дырку и оставить тебя здесь,* — позволил себе мрачно пошутить раб, но Тхутмертари, обуянная гневом, не придавала значения его мыслям.

Вернувшись во дворец, Змеинная Королева заперлась в своей опочивальне. Гнев быстро прошел, уступив место чувству своеобразного удовлетворения. В глубине души Тхутмертари была рада, что Тот-Амон сбежал от нее и убил Атотмиса. В последнее время ей не доставало острых ощущений. Не может же она считать таковыми бесконечные и нудные пытки, жертвоприношения, заклинания! Ей хотелось чего-то нового, по-особому щекочущего нервы. Она почти тосковала по недавним временам, когда смертельная опасность грозила ей каждый миг, когда предавать, мучить и убивать приходилось не только и не столько в силу долга перед Богом и не из любви к черному искусству, а ради спасения собственной жизни и удовлетворения собственных прихотей.

Поэтому она испытывала некоторое облегчение, зная, что могучий раб занят составлением сложнейшего Заклятия Поиска и в случае чего не придет ей на помощь. Она, всеми проклинаемая владычица Стигии, снова одна, и теперь ее можно убить, как простую смертную! Зажмурив глаза, она представила себе, как заговорщики крадутся по темным коридорам к ее покоям, как в тусклом свете факелов поблескивают их клинки и глаза горят фанатичным блеском... Как врываются они в ее опочивальню и обрушивают свою лютую ненависть на королеву... Еще представила она Тот-Амона. Вот он, живой скелет с Кольцом Сета на левой руке, тоже крадется по закоулкам дворца. Он хитрее заговорщиков. Он не станет нападать открыто. Он затаится во мраке какого-нибудь подземелья, а когда она будет проходить мимо, нанесет свой предательский удар и его ледяные костлявые пальцы будут царапать ее изуми-

тельную золотистую кожу и кромсать ее плоть...

Тхутмертари эксталично застонала и открыла глаза. Пустые мечты. Никто не крадется по закоулкам и не прячется в тиши подземелий. Убить ее мечтают все, но *все они* трусливы до омерзения, а если и решаются на что-то, то делают это не на холодный рассудок, как она, а в порыве отчаяния, бездарно и убого, как ее родной братец, его женушка и змеядские владыки. Они не умеют убивать красиво. Им нечем развлечь королеву и ее темного Бога. Поэтому все они умрут, рано или поздно. А пока пусть послужат в качестве полководцев. Может быть, мировая экспансия ее империи хоть как-то развлечет ее?..

До начала экспансии оставалось еще несколько часов, и Тхутмертари решила провести их с пользой. Нужно отключиться от суеты мирской, но не так, как отдыхают ничтожные смертные и даже могучие маги. Величайшей владычице необходим особый отдых...

Верховная жрица позвонила в колокольчик. На пороге возник двухметровый детина. Его физиономия выражала такую прирожденную и непритворную злобу, что даже змеяды шарахались от него, когда он проходил мимо. Этого человека Тхутмертари специально извлекла из пыточных подвалов Кеми, где он прежде трудился, чтобы назначить начальником своей личной стражи.

— Дети готовы, Патрас?

— Они ждут твоего повеления, Святейшая.

— Приведи их. Что еще?

— Принц Джосер и принцесса Камия дожидаются позволения войти.

— Вот как? — Она немного удивилась. — Ну так впусти их.

Патрас вышел, отвесив поклон, и взамен него взору королевы предстали Джосер и Камия.

— Вы хорошо выглядите, — такими словами встретила их она.

— Мы будем служить тебе, сестра, — глядя ей в глаза, твердо сказал принц. — Ничего иного нам все равно не остается. Твоя речь сегодня потрясла нас. И мы поведем твои армады на врагов Стигии, как ты того желаешь. Мир содрогнется к вящей славе твоей и Вечного Отца!

Тхутмертари радостно подскочила к брату и расцеловала, желая посмотреть его реакцию на это. Он не отшатнулся; если отвращение и ненависть к ней по-прежнему владели его сердцем, он сумел надежно скрыть их. Это также понравилось королеве. Затем она расцеловала Камию, и та тоже ответила ей своей красивой улыбкой. Тхутмертари возложила свои руки на плечи обоих и, лукаво подмигнув, сказала:

— Даже если вы что-то задумали против меня, а я в этом уверена, мне все равно нравится, как вы себя ведете. Вы не опустились. Вы горды, как то подобает стигийским принцам. Вы готовы сражаться. И, поскольку вы не в силах сражаться со мной, вы сражаетесь за меня. Молодцы! Я не пожалею, что назначила вас военачальниками.

— Не пожалеешь, Святейшая, — с достоинством произнесла принцесса. — Мы принесем Стигии победы, каких она еще не знала. Я уже продумала план морской кампании. Я приглашаю тебя на штурм Бараха, моя королева.

Тхутмертари нахмурилась.

— Тебе предписано было идти на Мессантию, Камия. Так при чем здесь Барах?

Камия снова улыбнулась. Казалось, неудовольствие королевы нисколько не смутило ее.

— Барахские острова — древнее гнездовище пиратов Запада. Тысячи сорвиголов со всего света собрались там, чтобы поискать счастья и доброй добычи на морских просторах. Еще никто и никогда не посягал на их вольницу. Я хочу захватить Барах и заставить морское братство служить Стигии. Присоединив к моему флоту корабли пиратов, я нападу на Мессантию. Аргосцам не останется ни единого шанса.

Стигийская королева восхищенно всплеснула руками.

— Да ты прирожденный полководец, моя милая Камия! До этого даже я не додумалась! Если ты совершишь это, победа над барахской вольницей взаправду станет самой великой морской викторией за всю историю Мира. Подумать только! Если у меня такие враги, какие друзья нужны мне?! Дерзай! А сумеешь?

— Я сделаю все, чтобы не разочаровать Ваше Величество, — сдержанно поклонилась принцесса.

— А ты, Джосер? Не желаешь посвятить меня в свои военные секреты?

— Я хотел бы, чтобы ты доверяла мне, сестра, — молвил тот.

— Этого я тебе обещать не могу. — Хихикнув, она погладила его двойной подбородок. — Попроси что-нибудь еще.

— Как раз за этим мы явились к тебе, Святейшая, — проговорил принц. — Разреши взять в поход наших детей, Калис и Натепу.

— Как, и вы не боитесь подвергать малолет-

ток превратностям военной жизни? — деланно удивилась королева.

Камия, пропустив колкость мимо ушей, заметила:

— Они не малолетки. Калис двенадцать, а Натепу десять. Как раз тот возраст, когда уже можно приобщаться к славе. Обещаю, Натеп будет сражаться вместе со мной...

— А Калис — со мной, — добавил Джосер. — Пусть наши дети познают вкус победы вместе с нами. Это все, о чем мы просим, Ваше Величество.

— А может, вы просто боитесь оставить их в Луксуре, *со мной*? — хитро спросила Тхутмертари. — Боитесь, как бы с ними не приключилось то, что случилось с Ринией, вашей младшенькой? Напрасно боитесь. Калис не девственница, она носит семя змеядов, а Натеп скоро сам сможет исполнять свой долг перед новой расой. Клянусь Сетом, я не тронула бы их.

Принц и принцесса пожали плечами.

— Мы сказали все, — сказала Камия.

— Решай, сестра. Ты слышала нашу просьбу, — прибавил Джосер.

Золотоволосая девушка одарила их улыбкой, ослепительной и благожелательной, и они снова отметили про себя, как прекрасна она и какая невообразимо черная душа скрывается за этой божественной красотой...

— Я согласна, — просто сказала королева и отпустила их.

Глядя, как за принцем и принцессой закрывается дверь, Тхутмертари задумчиво прошептала:

— Клянусь Сетом, я не тронула бы ваших детей! Зачем они нужны были мне? А теперь

трону. Вы сами напросились, и я не могу поступить иначе.

Вошел звероподобный Патрас и доложил ей:

— Дети здесь, Ваше Величество.

Верховная жрица нетерпеливо кивнула.

— Введи их, Патрас. И еще. Доставь ко мне Калис и Натеп, дочь и сына принца Джосера. Да так, чтоб ни принц, ни его жена не видели.

— Будет исполнено, Святейшая, — бесстрастно сообщил стражник, не способный ничему удивляться.

Тхутмертари прошла к небольшой нише и взяла оттуда нефритовую шкатулку. Прозвучало короткое заклинание, и шкатулка открылась. Она была заполнена блестящим черным порошком. Глаза девушки загорелись, и она нервно облизнулась. Да, это как раз то, что нужно, пронеслась в ее голове мысль. В шкатулке находилась пыльца черного лотоса, загадочной травы, растущей в джунглях мертвой реки Зархебы и насылающей ужасные сновидения, в которых грань между жизнью и смертью утрачивает свои очертания. Обычный человек, едва вдохнув аромат черного лотоса, мгновенно умирает. Но опытные стигийские маги издавна используют эту пыльцу для приобщения к тайнам темного знания и в кошмарных снах черпают силы для колдовства...

Заслышав шум, девушка оторвала взгляд от шкатулки. Патрас и с ним еще несколько стражников, людей и змеядов, втолкнули в опочивальню стигийской королевы детей. Тхутмертари насчитала тринадцать девочек и тринадцать мальчиков; последними шли Калис и Натеп. Детям было от пяти до двенадцати лет. Дочь Джосера была самой старшей. Рты детей были заткнуты кляпом, а руки связаны за спи-

ной. Увидев, что находится в нефритовой шка-тулке, Патрас смертельно побледнел. Значит, и тебе, животное, ведом страх, ухмыльнулась волшебница. Страх присутствовал также в глазах стражников и, что совсем не понравилось королеве, детей.

— Разве ты не дал им дурманившее зелье, укрепляющее дух, Патрас? — жестко осведомилась Тхутмертари.

— Дал, Святейшая. Все дети приняли его. Кроме этих. — Он указал на отпрысков Джосера и Камии.

Девушка недоверчиво хмыкнула. Калис и Натеп как раз держались не хуже других.

— Развяжите им руки, — велела она стражникам, а когда ее приказание было исполнено, внушительно прибавила: — Теперь ступайте. Никого не пускайте ко мне, пока я сама не выйду. Что бы ни происходило здесь. Тебе ясно, Патрас?

— Слушаюсь и повинуюсь, Ваше Величество, — ответил детина и вместе со своими подчиненными поспешил покинуть страшную опочивальню.

Оставшись наедине с детьми, Тхутмертари опустила в кресло; шкатулку с пылью черного лотоса она поставила на столик рядом. Поманив к себе пальцем Натеп, она вынула кляп из его рта и нежно поцеловала в лоб. Мальчик молчал, глядя в сторону.

— Ты знаешь, кто я? — приветливо спросила она.

— Знаю, — хмуро ответил Натеп. — Ты убила мою сестру. Ты всех убиваешь. Меня ты тоже убьешь, да?

Волшебница заставила его посмотреть ей в лицо.

— Да, — не меняя тона, сказала она. — Но прежде я позволю тебе насладиться прелестью сна. Особого сна. Скажи, часто ли ты видишь сны, Натеп?

Мальчик угрюмо кивнул. Сильные руки Тхутмертари подняли его, посадили на колени, спиной к королевс, и разорвали на нем одежду. Натеп не сопротивлялся. Остальные дети с ужасом смотрели на них; некоторые пытались вытащить кляп. Девушка прижала Натспа к своему нагому телу, ее руки заскользили по его коже, и она проговорила:

— Я покажу тебе сон, мальчик. Тебе, твоей сестре и этим детям. Такого сна вы никогда прежде не видели и никогда более не увидите. Это будет замечательный сон! Я перенесу вас в него. Мы будем там вместе. Я даже позволю вам участвовать в нем. Чудесный сон, не правда ли?

В этот момент двое детей, мальчик и девочка, освободились от кляпа и застучали в дверь, призывая на помощь.

— Не убегайте от сна, дети, — нараспев сказала Тхутмертари и, не обращая более на них внимания, опять обратилась к Натепу: — Видишь этот порошок, мальчик? Он волшебный. И я — великая волшебница. Самая-самая великая. Выше меня стоит только мой Бог, Владыка Сет, Змей Вечной Ночи, но я стою совсем недалеко от его трона... Давай возьмем этого порошка и рассыпем его по комнате. Он поможет нам найти наш чудесный сон. Бери, не бойся!

Она высунула длинный алый язычок и медленно лизнула ухо мальчика, подталкивая его к действию. Неспешно, словно зомби, Натеп

протянул руку к нефритовой шкатулке и зачерпнул небольшую щепотку.

— Нам этого мало, — терпеливо прошептала девушка ему на ухо. — Столько брал Тот-Амон, а разве Тот-Амон показывал вам чудесные сны с превращениями? Нет, мы должны взять больше волшебного порошка. Не стоит его жалеть. Ведь мы не хотим, чтобы наш сон был скучным. Мы хотим, чтобы он был увлекательным и интересным. Верно?.. Поэтому нам потребуется весь этот порошок. Давай я покажу тебе, как надо...

В иную минуту Патрасу казалось, что он поставлен сторожить не двери королевской опочивальни, а Врата Ада. Жалобные крики, начавшиеся сразу после его ухода, вскоре превратились в истошные вопли, настолько жуткие и надрывные, что Патрас усомнился, могут ли издавать их человеческие уста, тем более уста детей. К воплям и стонам примешивались скользящий хныкающий смех и пронзительный, но тихий визг — эти последние уж никак не могли быть человеческими. Адские звуки чередовались один с другим, а порой и сливались в единую какофонию. За годы труда заплечных дел мастером в застенках Кеми Патрас ни разу не слышал ничего подобного. Он не мог знать, чем занимается Святейшая в своей опочивальне, но готов был отдать душу, лишь бы этого не знать никогда, не слышать и не видеть. Он не сомневался, что больше не увидит этих детей.

Как оказалось, он ошибался. Внезапно дверь опочивальни раскрылась изнутри. Первым наружу выбралось облако вязкого черно-

ватого дыма. Запах дыма был странен, как будто в нем слились вместе и аромат черного лотоса, и вкус паленой плоти, и зловоние Ада, и свежесть только что пролитой крови, и множество-множество всяких других подобных ингредиентов... То был Запах Ужаса, внезапно понял Патрас. Он закашлялся, отпрянул от двери и жестом приказал отойти прочь остальным стражникам. Закрыв рот платком, он стал смотреть, что будет дальше.

Дальше слышались хлюпающие звуки, и вместе с небольшой лужицей темно-красной жидкости из палаты показалась девочка. Калис. Патрас затаил дыхание. Вышедшая из королевского покоя Калис походила на Калис, вошедшую туда, как походит выпотрошенная и сгнившая курица на пышущую здоровьем молодую наседку. Следом за Калис вышел Натеп. Он выглядел чуть получше сестры, однако много хуже тех несчастных, которых выносили мертвыми из пыточной Патраса. Калис и Натеп осмотрелись и встали в дверях, точно сами были стражниками.

Затем снова раздались хлюпающие звуки, и из черной мглы показался новый персонаж. Патрас не сразу признал в нем саму королеву. Ибо о Тхутмертари напоминала лишь фигура, высокая и гибкая. В остальном внешность владычицы Стигии мало чем отличалась от наружности Калис и Натеп. Девушка была покрыта кровью и какой-то пузырьчатой серой массой весьма отталкивающего вида; особенно много этой массы было на ее лице, и Тхутмертари постоянно облизывалась, чтобы снять ее с алых губ. На плечах и ногах виднелись многочисленные следы глубоких укусов — как человеческих, так и нечеловеческих. С правого бока

был вырван большой кусок плоти. В довершение ко всему Патрас с ужасом узрел, что за королевой по полу что-то тащится и этому «что-то» по природе полагается быть *внутри*, а не *снаружи* человеческого тела.

Начальник стражи с трудом устоял на ногах, когда жуткое создание, которое он знал как Тхутмертари, приблизилось к нему и, довольно улыбаясь, обыденно произнесло:

— Меня кто-нибудь спрашивал, Патрас?

Собственный язык не сразу покорился ему, но он все же выдал:

— Никак нет, Ваше Величество... Как там у вас началось, так все отсюда ушли... — Он поспешил поправиться: — Кроме нас, Святейшая.

— Молодец, Патрас. Сообщи жрецам, что я желаю их видеть. Пусть приберут в моих покоях — это по их части.

— Что с тобой, Святейшая? — прошептал он. — Ты сама не своя...

Создание залиvisto рассмеялось.

— Со мной все в порядке. Я решила отдохнуть и немного увлеклась... Ну да это не имеет значения. Я очень довольна. Ступай, Патрас.

Спеша исполнить поручение королевы, начальник стражи едва не столкнулся с Джосером и Камией. На супругах не было лица. Завидев Калис и Натеп, они побледнели еще больше. Камия кинулась к детям и упала на колени.

— Натеп! Калис! Что с вами?!! — точно безумная, вскричала мать.

Ответил ей спокойно-монотонный голос сына, и принцесса едва узнала его.

— Я мертв, — сообщил десятилетний Натеп, глядя в пустое пространство перед собой. —

Мне было хорошо во сне с моей владычицей. Очень хорошо. Я очень доволен. Чудесный сон.

— Я мертва, — в унисон ему прошелестела двенадцатилетняя Калис, также не глядя на мать. — Я служу королеве и верховной жрице. Я очень довольна. Я хочу еще...

Последние слова покойницы прозвучали гнусаво, так как из сломанного носа, извиваясь, выполз большой слизкий червяк белесого цвета. Червяк осмотрелся, помотав безглазой башкой, и, извернувшись, заполз в соседнюю ноздрю.

— Нет!!! — издала вопль принцесса и свалилась без чувств.

Джосер был готов последовать за нею в спасительное море беспамятства, но тут Тхутмертари подбежала к нему и хорошенько встряхнула. Увидев, что его хватает ужасное существо, покрытое кровью и ошметками мозга, принц попытался вырваться.

— Ты кто?! — в ужасе воскликнул он.

Ответом ему были слова, прозвучавшие насмешливо и глумливо:

— Как, ты не узнаешь меня, братец?

Джосер сразу все понял. Он привалился к стене и закрыл глаза. Стараясь, чтобы бессмысленное страдание не звучало в его голосе, он произнес:

— Ты обещала отпустить детей с нами. Как я мог тебе поверить!..

Тхутмертари влепила ему пощечину и оскорбленно воскликнула:

— Я и отпускаю их с вами! Вы попросили — я согласилась. Но разве вы просили, чтобы я отпустила их с вами *живыми*?! Не просили! Я отпускаю их мертвыми, и это нисколько не хуже. Ты должен не упрекать, а благодарить

меня: теперь-то ты можешь не бояться, что твоих детей убьют!.. А заодно твои дети не позволят вам с Камией согрешить против меня. Ты же видишь, как они теперь меня любят! — ехидно ухмыльнулась она.

Джосер молчал. С подобной логикой невозможно было спорить.

— Возьми себя в руки и приведи в чувство жену, — приказала ему королева. — Сам объяснишь ей, какое благодеяние я сделала для вашей семьи. Заметь, между прочим, что Калис и Натеп — единственные, кого я вытащила обратно в Мир после волшебного путешествия в страну снов черного лотоса. — Она широко и сладостно улыбнулась, вспоминая чудесный сон. — Остальные дети переселились в эту страну навсегда...

Принц открыл глаза, оглядел ее...

— Надеюсь, ты тоже мертва, сестра Тхут-мертари, как и мои дети.

Она загадочно хихикнула и ответила с той же таинственной усмешкой:

— Моя жизнь и моя смерть — это почти одно и то же, брат. Это две дороги, которые идут совсем-совсем рядом и когда-нибудь сольются в одну... А теперь забирай жену и детей и оставь меня. Я должна привести себя в порядок. Чтобы никому более не пришлось в голову посчитать повелительницу Стигии мертвой!

— *Сур, раб мой, где же ты? Я устала тебя дозывать!*

— *И я устал... Заклятие Поиска выпило из меня все силы...*

— *Ты нашел Тот-Амона?*

— *Нет.*

— Ты лжешь мне, лжешь, лжешь, лжешь!!!
Подлая тварь! Я приведу тебя к покорности, раб!

— Сама прекрасно знаешь, я не могу тебе лгать. Прими поражение достойно. Тот-Амона нет ни в Стигии, ни в Преисподних Мирах. Он ускользнул от тебя. Смирись и не буйствуй; я тебе еще пригожусь.

— Как ты полагаешь, куда он делся?

— Я склонен считать, что он мертв. Уничтожен. Он уничтожил себя, как Атотмиса. И сумел замести следы, чтобы его душу невозможно было воскресить. Ты недооценила Тот-Амона, владычица...

— А сквозь твой барьер он пробиться не мог?

— Ни за что! Сам Сет через него не пройдет.

— Не богохульствуй, Сур, раб мой. Сет — великий бог!

— Я тоже великий бог.

— Ты раб.

— Одно другого не исключает. Я бог и раб в одном лице. Будь во мне то или другое отдельно, я был бы тебе неинтересен... Одного я не пойму, владычица...

— Чего же?

— Зачем тебе нужен Сет, если твой раб сильнее его?!

— Заткнись немедленно, презренный! ОН услышит!

— Да где уж ему... Не услышит. Ты преувеличиваешь возможности этого змея. Я поставил экран.

— Ты уверен?

— Пусть врут тебе другие.

— А не мог Сет спрятать Тот-Амона?

— Нет. Я обыскал тайный чертог Сета своим телепатическим зрением. Тот-Амона там нет. А Сет меня и не заметил...

— Все, заткнись, Сур, раб мой. Я не для того развлекалась с этими детьми, чтобы ты теперь портил мне настроение...

Глава пятнадцатая

ОХОТА НА КОРОЛЯ — III: ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ТЬМЫ

Фисти был рыбаком, и все его предки также были рыбаками. Он очень гордился этим, справедливо полагая, что не всякий аквилонский нобиль сможет похвастаться родословной, берущей свое начало с времен основания Тарантии. Еще когда город только строился, а аквилонские владыки жили в мрачной крепости на острове Норд, предки Фисти уже поставляли рыбу ко двору короля.

С тех давних пор воистину много воды утекло. Другие, более ловкие конкуренты оттеснили род Фисти от королевских привилегий. Бедность нынче царила в его доме. И хотя рыба в полноводном Хороте не перевелась, носил ее Фисти не во дворец монарха, а на базар. Цены на рыбу на базаре в последние времена стали низкими, а предложение значительно превосходило спрос. Нередко бывало, рыбак возвращался домой с пустыми карманами и сумой, наполненной сомами и щуками...

А в этом месяце дела шли вообще хуже некуда. Политические потрясения удивительным образом отражались на жизни безобидного рыбака. Когда Великая Душа в первый раз захватил Тарантию, ее жителям стало не до рыбных базаров. Слава Митре, доблестный король Конан победил самозванного бога, и все стало по-прежнему. Но ненадолго: ужасный карлик

воскрес, а вскоре престол Тарантии под именем Конана занял его двойник. Фисти с содроганием вспомнил чудище, кошмарное и огромное, напоминающее ночного нетопыря, явившееся в Тарантию за нечестивым двойником. Хвала Солнцеликому, ураган, который подняли чудовищные крылья, не разрушил дом Фисти; иначе не жить бы ему и его несчастной семье. Затем он полдня потратил на поиски некой страшной Книги Судеб — на кой пес ему это было нужно, он так до сих пор и не понял. Да и откуда взяться Книге Судеб в лачуге бедного рыбака!.. Видать, злобный Нергал тогда помутил его рассудок. Или Великая Душа: самозванный бог оказался живучим, как угорь. Так или иначе, но за время пустых поисков пойманная ночью рыба успела окончательно испортиться, и дети остались без обеда... А потом снова пришел король Конан, и казалось, жизнь кое-как наладится; но уже на следующий день началось самое страшное.

Жуткие черные птицы, ревущие, словно сонмища разъяренных демонов, возникли над Тарантией. Жестокосердный двойник короля, Джейк, опять захватил власть. Да и человек ли он, коли способен повелевать такими демонами?.. Фисти не относил себя к людям, которым всегда что-нибудь нужно больше других. Когда соседи его пошли бунтовать против узурпатора, Фисти остался дома. Может быть, именно это спасло ему жизнь. А может, Пресветлый смилостивился над бедным рыбаком. Два следующих дня Фисти с семьей просидел в подвале, и нечистые снаряды летающих чудищ миновали его жилище. Не все соседи оказались такими терпеливыми. Некоторые погрузились на свои плоскодонки и попытались уплыть из

Тарантии по Хороту. Но разве ж можно сбегать от небесных демонов! Фисти своими глазами видел, как черная птица выпустила маленькую серебристую стрелу, и спустя мгновение от большой лодки Апия, слывшего богачом, ничего не осталось... Нет, уж лучше пережить страшное! Когда над землей властвуют демоны, простым смертным надлежит забиться в самую глубокую щель и молиться Солнечно-му Митре о собственном спасении...

Так Фисти и поступил. Нет сомнения, Митра внял его мольбам. Его Высочество Вибий Латро, герцог Тарантийский, — не иначе посланец Митры. С пришествием герцога дела пошли даже лучше, чем при прежнем короле. Конкурентов у Фисти почти не осталось, и третьего дня он даже рискнул предложить свой ночной улов королевским поварам. Те, недолго думая, согласились, и в кармане рыбака впервые за очень долгое время появилась серебряная марка. Одно было плохо: каждой ночью над городом кружили эти страшные черные демоны и к жуткому реву их поистине невозможно было привыкнуть! Особенно рыбам. Вертолеты распугивали рыбу, а Фисти каждый раз, когда чудище пролетало над ним, в страхе вжимался в днище своей плоскодонки, ежесекундно ожидая, что маленькая серебристая стрела вот-вот вопьется в него и на том жизнь рыбака закончится... При этом Фисти не прекращал молиться Митре, и Солнцеликий, уже в который раз, явил свое расположение трудяге-рыбаку. Действуя через своего слугу — светлейшего герцога, Митра повелел, чтобы черные чудища больше не летали над ночным городом. И нынешней ночью над Хоротом воцарилась живительная тишина, как в старые добрые вре-

мена. Рыба клевала, как никогда прежде. Еще далеко до рассвета, а вот, пожалуйста, улов, как за пять прошлых ночей! Сердце Фисти наполнялось радостью. Вознося Митре слова любви и благодарности, он без устали наполнял лодку щедрыми дарами Хорота. Завтра он отнесет это во дворец, и пусть король и герцог, да продлит Пресветлый их блаженные дни! — отведают свежей речной рыбы. А потом можно будет возобновить старую привилегию и купить себе новую сеть...

Внезапно сильная волна ударила плоскодонку Фисти, и рыбак едва устоял на ногах. Вслед за волной послышался громкий всплеск. Фисти обернулся. Увиденное заставило его застыть с открытым ртом, забыв и про рыбу, и про сеть, и про самого благодетельного Солнечного Митру.

Оказывается, кошмарные чудовища бывают не только в небе. Фисти провел у реки всю свою жизнь, но не мог даже помыслить, что в Хороте водятся такие твари. Некая здоровенная рыбина с щупальцами всплыла на поверхность. В свете луны Фисти не мог как следует рассмотреть ее, да в душе и не стремился. Очевидно было, что чудище из глубин явилось по его, Фисти, душу. Видать, Пресветлый нашел, что бедному рыбаку стольких милостей Его многовато будет. Или, может быть, темные боги решили расквитаться с Солнцеликим его, Фисти, жизнью. Согласно жизненной философии Фисти полагалось пасть ниц и молить Митру о спасении. И ждать, когда придет оно — если придет. Но рыбак не мог двинуться с места, так потряс его облик неведомой твари.

Тварь тем временем разинула пасть, и тут Фисти понял, что злым богам недостаточно

просто смерти его. Как видно, им потребна была душа рыбака. Уж на что она им сдалась, он знать не мог. Ведь он не король, не маг и не герой — всего лишь бедный рыбак, живет себе, никого не трогает и никому не мешает... *Чудище выплюнуло из пасти человеческий скелет*, и скелет этот плюхнулся в воду у самого берега. Затем, к полному изумлению Фисти, тварь со щупальцами, совершенно игнорируя рыбака, быстро ушла под воду. Новая волна окатила плоскодонку, и рыбак потерял равновесие. Он упал на дно лодки и только теперь вознес Митре хвалу за очередное спасение.

Так он полежал некоторое время на дне лодки, а рядом билась свежепойманная рыба. Услышав какое-то шевеление за бортом, в стороне берега, Фисти решил выглянуть... Уж лучше бы он этого не делал! Скелет, выплунутый той здоровенной рыбиной, вставал на четвереньки и осматривался. Увидав такое зрелище, Фисти тотчас закрыл глаза, плюхнулся обратно в лодку и затаил дыхание. Оставалась надежда, что прищелец из тьмы не заметил его.

Митра да покарает любопытных! Надежде той не суждено было сбыться. Фисти почувствовал, как лодка его приходит в движение. Сама. Вот она пристала к берегу. Рыбак рискнул открыть глаза. Сверху на него глядел голый человеческий череп! Фисти застонал и зажмурился, как только мог. Митра, спаси, спаси, спаси!!! В следующие секунды он ощутил, что костлявая рука вытаскивает его из лодки и грубо швыряет на берег. Фисти открыл глаза. Скелет стоял прямо перед ним, и рыбак услышал низкий надтреснутый голос:

— Это Тарантия?

— М-м-м... — промычал рыбац, тшась отползти подальше от жуткого посланца тьмы.

Лишенные плоти пальцы приблизились к его горлу, и, хотя не коснулись его, Фисти почувствовал, как смертельно холодны они.

— Отвечай, раб, если тебе дорога твоя душа: это Тарантия? — Скелет обвел другой рукой горизонт; изумрудный перстень сверкнул в лунном свете.

Фисти отчаянно закивал головой — язык не повиновался ему. Череп ухмыльнулся.

— Цхат доставил меня куда нужно, — сказал пришелец из тьмы.

После чего резко приложил растопыренную пятерню к груди рыбака, и Фисти даже не успел понять, что везение его закончилось раз и навсегда: темные боги все-таки сумели расквитаться с Пресветлым Митрой его жизнью. К счастью для рыбака, смерть наступила мгновенно, и, может быть, в том была последняя милость Солнцеликого: немногие в наступающие времена могут похвастаться смертью легкой и быстрой...

Цхат доставил меня куда нужно, и Тхутмертари не смогла помешать мне, довольно думал Тот-Амон, пробираясь по ночным улочкам к центру аквилонской столицы. Полдела уже сделано: удалось бежать из Стигии и скрыться в городе, где, судя по всему, до сих пор не ведают ужасных новостей с юга. Вряд ли Змеинная Королева догадается разыскивать его в главной земной цитадели Солнечного Митры — в столице короля Конана, лучшего воина Света. Непобедимого воина. Воина, который неизменно одолевал его, могущественного Тот-Амона. Его

заклятого врага. Нынче заклятый враг стал для стигийского мага последней надеждой.

Тот-Амон вспоминал перипетии его многочисленных стычек с отважным киммерийцем. Тридцать лет! Почти тридцать лет воюют они и будут воевать до тех пор, пока либо Тот-Амон не подарит Сету сердце варвара, либо Конан не избавит Мир от стигийского колдуна. Да, они будут воевать до самой смерти, как только для войны появится подходящее время. Сейчас же общая опасность должна объединить заклятых врагов. Тот-Амон все расскажет Конану, и Конан вступится за Мир, как делал всегда. Непобедимый воитель Конан убьет чудовище Тхутмертари, а затем Тот-Амон убьет Конана и воспользуется плодами его победы. Да будет на то воля Сета!

Одно лишь смущало старого мага. Дело в том, что Конан, определенно, должен быть уже мертв. Ведь не далее как пол-луны тому назад Тот-Амон в порыве отчаяния, взбешенный тем, что киммериец снова выскользнул из его рук, и где — в самой Великой Пирамиде Кеми! — так вот, Тот-Амон призвал из Чужой Вселенной некое Безымянное Существо. Это была самая сильная и могущественная волшба за всю долгую жизнь мага. Чудовищное Существо явилось в земной мир по зову Тот-Амона. Повинуясь нерушимой клятве, данной им когда-то земному магу, Существо пустилось на охоту за врагами Тот-Амона. «Отправляйся и убей этих людей, — велел маг Существо, демонстрируя особые восковые фигурки. — Сначала пусть умрет Конан, затем Тхутмертари. Последним убей карлика Тезиаса, Великую Душу». Это стало его решающей ошибкой. Если бы первой в списке шла Тхутмертари,

возможно, ее бы уже не было на свете. И сдался ему этот проклятый Конан — как будто Конан, а не Тхутмертари, претендовал на жемчужную корону Стигии и стремился овладеть Кольцом Сета! Увы, сработала старая привычка: чуть что, считать главным врагом именно Конана... С другой стороны, разве ж мог он знать, что Конан уйдет от такого Существа!

Судя по всему, ушел. Ибо о Существе с тех пор Тот-Амон более не слышал. Чудовищный черный нетопырь с миллионноглазой башкой, лапами-присосками, как у многоножки, занимавший собою полнеба, не мог исчезнуть просто так. Мощью Существо из Чужой Вселенной много превосходило земных демонов и даже некоторых богов. Тот-Амон сам не ведал пределов этой мощи. Невозможно себе представить, что Существо погибло, споткнувшись на Конане. Однако разве можно было представить еще тридцать лет назад, что от руки какого-то варвара погибнут другие твари, очевидно, не менее могущественные? Но Конан побеждал их! Судя по всему, и Безымянное Существо пало от его руки... Это лишний раз доказывает, что великий Конан сумеет справиться и со Змеиной Королевой, утвердился в своей мысли Тот-Амон.

Среди мелких неприятностей маг выделил утрату чудесной накидки-невидимки. В утробе Цхата с ней что-то приключилось, и накидка потеряла свои волшебные свойства. Тот-Амон понял это сразу, когда ничтожный рыбак увидел его. Убив рыбака, Тот-Амон укрылся под его плащом, накидку же выбрасывать не стал: вдруг да волшебные свойства вернутся к ней.

Мелкие неприятности вполне могут превратиться в крупные, если маг явится во дворец

короля в своем нынешнем облике. Конан и прежде его, мягко говоря, не жаловал, а что же будет, когда суеверный варвар увидит перед собой ходячий скелет? Поэтому следовало сперва позаботиться о восстановлении приличествующей живому человеку наружности. Для опытного и могучего мага, каким являлся Тот-Амон, обретение плоти — дело чародейской техники. Кольцо Сета также поможет в этом. Нужно только отыскать мужчину сходной комплекции, чтобы позаимствовать у него необходимое...

Странная фигура, укутанная в черный плащ, незаметно проникла в гостиницу Борталиса с заднего входа.

А Существо из Чужой Вселенной, о котором вспоминали в Тарантии бедный Фисти и его убийца, не погибло вовсе, как полагал Тот-Амон. Такое Существо убить непросто. Всемогущей Судьбе, одинаково властвующей над всеми богами, демонами и созданиями Иных Миров, было угодно, чтобы Тварь из Чужой Вселенной приняла решающий бой над солс-ными водами моря Вилайт, что разделяет империю Турана и бескрайние гирканские степи. Существо летело к Зачарованному Городу, где скрывалась его первая жертва. Оно торопилось исполнить свою нерушимую клятву странному земному волшебнику. Внезапно Существо осознало, что первая жертва — большой, по понятиям здешнего мира, конечно, человек — тоже приближается к Существо. Он летел в чреве черной птицы, способной изрыгать огонь, снаряды и жгучие малиновые лучи. «Черный коршун», пилотируемый Амандой Линн, и Суще-

ство схлестнулись в смертельной схватке над морем. Снаряды и огонь были ни о чем Существо — так, смешные укусы маленького насекомого. Существо не сомневалось, что настал миг добраться до первой жертвы. Но внезапно черная птица сделала странный маневр вниз, к морю. Существо устремилось за нею. В последнее мгновение птица вывернула, лишь чуть коснувшись брюхом морских волн. А Существо не успело.

И волны взорвались шипящими брызгами. Гнилая черная плоть Существа кипела в обыкновенной морской воде. Соль! Соль!! Соль!!! Убийственная соль присутствовала здесь в неисчислимом количестве! Соль, которая страшнее воздуха, света и ветра, вместе взятых! Соль, одного кристаллика которой достаточно, чтобы Тварь потеряла двадцатую часть своей массы! А этих кристалликов здесь были тысячи, миллионы, миллиарды!..

Но Тварь не была бы Тварью, если бы ее можно было так легко убить. Да, она попала во враждебную среду, но не погибла. Сработал извечный защитный механизм подобных существ. Тварь ринулась вниз — дальше, в глубины враждебного моря. Она, вернее, то, что от нее осталось, вгрызлась в морской грунт и ушла в него. Там не было соли. Чудовищный нетопырь, занимавший полнеба, превратился в крохотного, размером с муравья, черного червячка. Обессиленный и едва живой, этот червяк тем не менее сохранил разум и сознание Твари. Он и был теперь Тварью. И он знал, что будет дальше. Он отлещится, придет в себя, кое-как восстановит силы, а затем поползет сквозь земную кору — туда, где нет соли. Там он выберется на поверхность и продолжит

охоту за большим мужчиной. Ибо ничто не может помешать Твари из Чужой Вселенной сдержать свою клятву...

И вот этот долгожданный миг настал. В тот самый час, когда призвавший Существо волшебник входил в заведение Борталиса, неутомимый черный червячок, настойчиво прогрызавший земную твердь, наконец выбрался на поверхность. Миллионы разноцветных глаз осмотрели местность. Она была пустынна и безжизненна. Рассветное светило грубо ласкало голые серые скалы, невдалеке слышался шум прибоя. В воздухе витал смертельный привкус убийственной соли. Стремясь поскорее выбраться из этой жуткой местности, Существо поползло прочь от моря — туда, куда уходило солнце. Маленький черный червяк не мог передвигаться быстро, и скоро он понял, что на преследование одной лишь первой жертвы у него могут уйти годы. За это время большой мускулистый мужчина успеет умереть собственной смертью, а значит, клятва останется неисполненной. Этого Существо никак не могло допустить. Поэтому самым страстным желанием его отныне стало увидеть и поймать подходящее транспортное средство, чтобы с его помощью продолжить смертельную охоту за большим мускулистым мужчиной. И неутомимый червячок продолжал ползти за солнцем, а миллионы разноцветных глаз тем временем непрерывно сканировали угрюмые серые скалы...

Рано утром высокий худощавый зингарец с ястребиным лицом входил в главные ворота королевского дворца в Тарантии. Одет он был

с вызывающей роскошью, что характерно для кичливых наемников, добившихся успеха при дворах могущественных владык. Единственными особенностями, никак не соответствующими облику вожака Вольного отряда, могли считаться отсутствие у надменного зингарца меча и наличие на среднем пальце левой руки здоровенного перстня, имеющего зловещее сходство со свернувшейся в три кольца змеей. И если наличие зловещего перстня не сразу бросилось в глаза стражникам, то отсутствие обязательного меча они приместили сразу.

— Эй, Кардосо, куда путь держишь? — спросил лейтенант, заступая зингарцу дорогу.

Ответ ошеломил стражников. И не только ответ, но и сам голос. Вместо привычного горланного зингарского акцента они услышали проникнутый злобой низкий шипящий голос, выговаривающий аквилонские слова с нескрываемым и вызывающим презрением:

— Прочь, раб, не то расстанешься с жизнью!

И такова была сила этого привыкшего повелевать голоса, что лейтенант не то что отошел — отпрыгнул. А Кардосо, даже не повернув головы в его сторону, вступил во дворец и словно хозяин двинулся внутрь.

Трое стражников, проводив зингарца изумленным взглядом, окружили лейтенанта.

— Эти наглые иноземные наемники совсем распоясались, — заявил один из гвардейцев. — Нужно доложить герцогу.

— Вы видели его глаза? — спросил лейтенант.

— А что?

— Они... они... они были мутные! Точно Кардосо неделю в болоте пролежал!..

Тот-Амон был вполне доволен плотью, позаимствованной глубокой ночью у одного из постояльцев гостиницы Борталиса. Судьба по-прежнему улыбалась беглому стигийскому колдуну. К прочим удачам можно было прибавить и то, что этого самого Кардосо, как оказалось, хорошо знали во дворце. Благодаря чему Тот-Амону удалось миновать три поста стражи. Плана дворца он не знал, и поэтому приходилось плутать, разыскивая королевские покои. Унизиться до того, чтобы спрашивать дорогу у презренных солнцепоклонников, Тот-Амон не мог себе позволить: вместе со свободой к великому магу возвратилось его обычное высокомерие.

Вероятно, слух о наглом зингарце, без спроса путешествующем по королевскому дворцу, достиг очередного поста охраны. Здесь его уже ждали. Пятеро стражников стояли с обнаженными мечами, преграждая ему дорогу. Начальник — на сей раз это был капитан — громко возгласил:

— Именем короля, я приказываю тебе остановиться, Кардосо!

— Прочь, раб, не то расстанешься с жизнью! — не блистая оригинальностью, ответил ему Тот-Амон.

Капитан побледнел, но отступить не стал.

— Стой, Кардосо, или я вынужден буду убить тебя, — с угрозой проговорил он. Стражники встали в боевую стойку.

Зингарец недовольно поморщился и остановился. Не говоря ни слова, он поднял левую руку. Тонкие губы под усиками что-то прошептали. Внезапно из зеленых изумрудов перстня возникли две крохотные молнии и поразили капитана в грудь. Капитан охнул и как подкошенный рухнул на пол.

— Колдовство! — с ужасом вскричал другой стражник. Спустя мгновение молнии настигли и его.

Трое оставшихся, не помышляя больше о нападении, с воплями бросились бежать. Изумрудные лучи догнали одного из них, второго настиг Тот-Амон, схватив за плечо, а третьему удалось скрыться.

Зингарец прижал пойманного стражника к стене. Руки Кардосо были холодными как лед.

— Не убивай меня, Кардосо! — взмолился трепещущий стражник. — Не убивай, во имя Митры!

Тот-Амон привычно поморщился при упоминании имени Солнечного Бога и, наслаждаясь страхом аквилонца, прошипел прямо в лицо ему:

— Я не Кардосо. Я могущественный маг Тот-Амон из Стигии...

Аквилонец стал бледнее смерти; имя Тот-Амона из Стигии было хорошо известно на Западе по леденящим душу легендам. И хотя в легендах отважный воитель Конан неизменно побеждал злобного Тот-Амона, молва наделяла владыку черных колдунов поистине несокрушимой мощью. Маг изображался чудовищным существом со щупальцами, лишь изредка принимающим человеческий облик. Издавна Тот-Амоном пугали непослушных детей в качестве последнего средства воспитания: «Вот придет Тот-Амон и заберет тебя!» Даже назвавшись Нергалом, маг вряд ли сумел бы внушить несчастному стражнику большой трепет. Стигиец понял, что в душе тот уже расстался с жизнью.

Тот-Амон встряхнул стражника.

— Король во дворце?

Аквилонец судорожно кивнул.

— Я отпущу тебя, если ты отведешь меня к нему, — сказал маг.

Стражник закивал, точно смертник, радующийся отсрочке приговора. С уст его слетели слова:

— А вы... вы не отдадите меня Сету?

Стигиец усмехнулся, ничего не ответил и подтолкнул стражника. «Я сам до поры не имею желания общаться с Повелителем», — подумал маг.

— Веди меня к королю!

Чуть живой от страха, гвардеец побежал по коридору, не устывая трепетно кланяться Тот-Амону. Широкими шагами маг в облике зингарского наемника двигался за ним. Неожиданно стигиец услышал шум за спиной. Он резко обернулся. Отряд из дюжины гвардейцев с мечами и арбалетами преследовал его. Привел его тот последний, сбежавший стражник.

— Вот он, Кардосо! — вскричал сбежавший стражник. — Он убил капитана и еще двоих!

Не успели нацелиться арбалеты, как пленник мага не своим голосом завопил:

— Бегите! Бегите все! Это не Кардосо! Это волшебник Тот-Амон из Стигии! Он убьет вас!

Новость сия не способствовала поднятию боевого духа гвардейцев. Некоторые просто побледили, другие разинули рты. Когда левая рука мага только начала подниматься, четверо из двенадцати сочли за благо ретироваться, другие были готовы последовать их примеру. Начальник, тоже в чине капитана, человек мужественный, никогда не сталкивавшийся с магией и не склонный по природе своей верить «страшилкам», скомандовал:

— Пли!

Три стрелы вылетели из арбалетов. Одну из

них маг сжег в воздухе. Вторая вонзилась в его ногу, а третья — в грудь, туда, где сердце. Однако чужая плоть не ощущала боли, все равно что плоть мертвеца. Кардосо, вместо того чтобы свалиться мертвым, вынул вонзившуюся в грудь стрелу и с жуткой усмешкой на тонких губах переломил ее пополам. Узрев это, еще пять стражников кинулись наутек. Отважный капитан бросился на зингарца с мечом. Быстр и ловок был он, но еще быстрее была рука Тот-Амона. «Черная ладонь Сета» прижалась к его груди, и капитан свалился замертво. Еще один оставшийся стражник попытался поразить мага, но Кольцо Сета сделало свое злое дело. Оставив за собой эти два трупа, стигиец обернулся к своему проводнику. Тот и не думал бежать, а только мелко трясся от страха.

— Полагаю, им этого будет достаточно, — покровительственно произнес Тот-Амон. — Веди меня к королю.

У дверей королевской опочивальни его ждал неприятный сюрприз. Прослышав о пришествии во дворец знаменитого колдуна, аквилонцы не разбежались, как рассчитывал Тот-Амон. Человек тридцать, а то и все сорок преграждали вход в королевскую палату, ошестинившись мечами и арбалетами. Лица их покрывала бледность, но, судя по плотно сжатым губам, эти люди готовы были стоять против черного колдовства до последнего.

Тот-Амон нахмурился: совладать с таким отрядом трудновато будет. Пока он поразит их всех, кто-то успеет снести ему голову мечом. А без головы никак невозможно: душа покинет тело и даже чары не удержат ее. Поэтому следует показать этим презренным солнцепоклон-

никам, что он, Тот-Амон, более опасен, чем им кажется.

Маг резко приложил ладонь к груди пленника и громко выкрикнул заклинание. На глазах у всех тело стражника за полминуты съежилось и превратилось в высушенный труп. Раздались крики ужаса. В Тот-Амона полетели стрелы. Они не могли причинить ему вреда, но, когда колдун сделал шаг навстречу, защитники начали быстро вращать перед собой мечи. Это уже было опасно. Тот-Амон попятился, примиряюще поднял руку и воскликнул:

— Мне нужен только ваш король! Только король! Пропустите меня к нему и останетесь живы!

В ответ на него посыпались ругательства, проклятия и новые стрелы. Маг все больше напоминал утыканную стрелами мишень. Свирепая, стигиец воздел левую руку и отдал приказ Кольцу. Изумрудные молнии поразили еще троих. Вдруг одна из стрел вонзилась Тот-Амону точно в глаз, и он, завопив от боли, завертелся на месте. Ведь, в отличие от тела, глаза были его собственными! Присмотрев уязвимое место врага, аквилонцы разразились ликующими криками. Теперь каждая стрела могла достать второй глаз. Закрывая лицо руками, Тот-Амон сотворил вокруг себя защитную сферу.

Преимущество защитной оболочки было очевидно: стрелы щелкали о невидимый барьер и отскакивали. Но маг знал, что сильный удар тяжелым мечом способен пробить его. К тому же колдун не мог двигаться, так как любая перемена положения способна была разрушить целостность защиты. Сквозь барьер наружу не проникали и молнии магического перстня. Так

и застыл Тот-Амон перед аквилонской стражей. Они ничего не могли сделать ему, а он — им. Маг сделал еще одну попытку договориться.

— Послушайте! Мне нужен только ваш король! Клянусь Сетом, я не причиню ему вреда. У меня есть важные новости для него. Пусть король Конан выйдет ко мне...

Тот-Амон осекся, ибо вдруг ни с того ни с сего лица воинов вытянулись в величайшем удивлении. Их командир, полковник, даже выдвинулся вперед и попросил повторить сказанное. Не чуя, где тут может скрываться подвох, Тот-Амон повторил...

Ответные слова полковника ошеломили его, убили, уничтожили! Он пошатнулся в изумлении, и защитная сфера едва не исчезла — к вящей радости осмелевших аквилонцев. Внезапно раскрылась дверь, и Тот-Амон увидел наконец того, к кому пришел за спасением. Как и полагается, в смоляных волосах короля сверкал золотой обруч Аквилонии. Необычная радость обуяла мага при виде заклятого врага, и он воскликнул:

— Хвала богам, варвар, ты жив! А эти презренные лгали, будто какой-то Джейк низверг тебя!

Здесь Тот-Амон узнал, что время изумляться еще только начинается. Король, решительно раздвинув ряды своих воинов, бесстрашно шагнул навстречу магу и громовым голосом пророкотал:

— Я — Джейк! Джейк Громовержец, король Аквилонии! Я сверг ублюдка Конана и сел на его трон. Тебе это известно, Кардосо. Хотел бы я знать, какого дьявола ты тут передо мной выпендриваешься?! Пьян, что ли? Или жить надоело?

..Джейк, Кардосо, Громовержец... Кардосо, Громовержец, Джейк... В голове Тот-Амона все окончательно перепуталось. С одной стороны, перед ним стоял варвар Конан, его вечный и заклятый враг, и этого человека Тот-Амон способен был узнать из миллиона других людей. С другой стороны, все эти презренные почему-то согласны принять за правду сущий бред, будто этот киммерийский пес — не киммерийский пес вовсе, а какой-то Джейк Громовержец, свергнувший с трона киммерийского пса... Колдовство? Но никаких признаков колдовства в магическом эфире Тот-Амон не чувствовал. Тогда что же? И что за странную серебристую трубку держит этот варвар... король... Джейк? И наводит ее на Тот-Амона...

— Ну, Кардосо, отвечай! А то нацепил бронежилет... Думаешь произвести впечатление, что ли? Стрелы тебя не возьмут, точно. А как насчет бластера?

Стигиец, разом утративший свой надменный облик, проговорил заветную фразу:

— Я не Кардосо. Я могущественный маг Тот-Амон из Стигии...

Джейк Митчелл побледнел, равно как и все остальные. Полковник прошептал на ухо королю:

— Он говорит правду, Ваше Величество. Это не зингарец. Он убил семерых наших, двоих с помощью нечестивого колдовства. Посмотри на это, государь.

Проследив за рукой полковника, Джейк увидел жуткий труп, когда-то принадлежавший человеку. К радости Тот-Амона, короля перевернуло и на грубом лице его отразился страх.

— Что тебе нужно от меня? — молвил Джейк.

— Я пришел к Конану, — ответил маг. — Где он?

— Я и сам хотел бы это знать, — откровенно признался узурпатор. — Мои люди давно разыскивают его, чтобы уничтожить.

Колдун задумался. Не сводя с него глаз, Джейк достал видеофон и что-то произнес в него. Тот-Амону это не понравилось.

— Что за штуки у тебя? И откуда ты взялся? Как смог ты одолеть Конана?

Вместо ответа Джейк выстрелил из бластера. Малиновый луч пробил защитный экран и прожег дырку в животе мага. Тот-Амон изумленно посмотрел на свой живот, затем снова поднял глаза на короля:

— Во имя Сета! Я никогда не видел такого диковинного оружия!

Джейк был изумлен не меньше своего визави.

— Матерь Божья, я же пристрелил его! Он же мертв!

Полковник испуганно зашептал:

— Говорю тебе, государь, это ужасный колдун! Его нельзя убить!

Нервно облизнувшись и отступив на шаг, Митчелл проговорил:

— Ну, это мы еще посмотрим.

И выстрелил еще несколько раз. С тем же результатом.

— Прекрати, — велел маг потрясенному королю. — Твое диковинное оружие не может причинить мне вреда, ибо великая мощь темных сил защищает меня!

— Чего же ты хочешь, исчадие ада? — пробормотал Джейк.

— Я хочу уйти.

— Так уходи. Я тебя не держу.

— Нет, — покачал головой Тот-Амон. — Сначала ты должен уйти сам и увести своих солдат. Тогда я не причиню вам вреда.

— Считай, что договорились, — кивнул король и сделал знак воинам. Открылась дверь опочивальни, и все стали протискиваться внутрь. Когда никого вокруг не осталось, стигиец вздохнул с облегчением. Он не знал, что по приказу своего кэпа десять пришельцев уже спешат к королевской опочивальне и в их руках не легкие бластеры, но настоящие гранатометы, а у Фила Фрезера даже одна базака...

— ...Говорю тебе, кэп, он ушел!!! — орал Черный Фил, бегая по залу и размахивая руками. — Это какой-то дьявол! Он прикончил Шона Хинкла и еще пятерых местных, пустил нам в глаза какой-то дым, а сам смылся!

Джейк сидел на своем троне, обхватив голову руками. Почти все пришельцы были здесь, собранные по случаю чрезвычайного происшествия. Также присутствовали высшие сановники во главе с самим герцогом Тарантийским.

— Шон... — устало прошептал Джейк. — Он был хорошим парнем. Как он умер?

— А пес его знает! — взвизгнул Мэл Хобсон, на котором не было лица от пережитого. — Как будто этот мертвяк стрелял из бластера, только зелеными лучами! Вот только никакого бластера у него не было, клянусь Богом!

— У него Кольцо Сета, символ владыки Черного Круга, — проговорил Латсус, верховный жрец Митры. — Сей талисман способен покорять Силы Зла. Значит, этот человек правду Тот-Амон... Да хранит всех нас Митра!

— Да хранит всех нас Митра!.. — эхом ото-звались аквилонские сановники.

— Да хранит нас Митра, — молвил Джейк,

полагая, что лишняя молитва сейчас не повредит. Тем более Митре, благому Богу, если жрецы не врут, конечно, насчет его намерений. Затем он исподлобья оглядел зал и угрюмо произнес:

— Итак, черный колдун бродит по Тарантии и убивает моих подданных. Но, самое интересное, он разыскивает Конана. Что это значит? А это значит, что каналья варвар, уразумев, как видно, что силой и хитростью ему меня не взять, решил прибегнуть к помощи гнусного колдовства! Каким-то образом, наверное тоже посредством черной магии, Тот-Амон и Конан связались и заключили союз против меня. Вот колдун и явился в Тарантию!

— Конан всегда чурался магии, государь, — возразил Вибий Латро. — Не понимаю, что может быть общего между ним и Тот-Амоном.

— А ты пойми, герцог, пойми! — взревел Джейк. — Я это общее! И ты! Я, ты и они все! — Король обвел рукой своих парней. — Элементарно! Колдун помогает Конану вернуть трон, а Конан расплачивается с колдуном... уж не знаю, как, но, я думаю, аппетиты у этого Тот-Амона должны быть адские...

— Да он сущее чудовище, — подлил масла в огонь Латеус. — Это самый страшный человек на Земле.

— Все, хана нам, ребята, — тихо прошептал Джуно Мастарци, но его слышали все. — Против черной магии с бластерами не попрешь...

Зло сверкнув синими глазами в сторону Латеуса, Джейк прорычал:

— Отставить! Паникеров буду стрелять! Мы найдем и уничтожим этого сраного колдуна. — Внезапно он расхохотался, точно вспомнив о чем-то смешном. — Мы уничтожим обоих —

колдуна и Конана. Сделаем так. Вы — Фрезер, Зинг, Рэнквист, Во Чунг, Рассел, Марлоу и Хобсон — поднимайте вертолеты. С помощью бортовых дальнотанкеров выследите Тот-Амона. Поскольку он мертвяк, но бежит, как живой, приборы его быстро обнаружат и с людьми не спутают. Выследите, но не убивайте! Ведите его, парни! Пускай колдун найдет Конана. А когда найдет, накройте обоих! Ракетами, лучами, бомбами — чем хотите и где хотите! Вопросы есть?

— А с чего ты взял, государь, что Тот-Амон обязательно отыщет Конана? — спросил Вибий.

— А с того, мой светлейший наместник, — сказал король, спускаясь с трона и прихватив Вибия за кружевной ворот камзола, — что Тот-Амон, в отличие от некоторых, *очень хочет* найти Конана.

Герцог покраснел, но проговорил твердо, глядя в синие глаза Джейка:

— Ты в чем-то обвиняешь меня, государь?

Джейк ухмыльнулся и отпустил ворот наместника.

— Да нет, не обвиняю. А вот поговорить нам с тобой есть о чем. — обернувшись к названным им пришельцам, король приказал: — Если нет вопросов, исполняйте!

Фрезер, Зинг, Во Чунг, Рассел, Марлоу и Хобсон отправились на задание, а Джейк Митчелл, еще раз внимательно оглядев своих парней, пробормотал:

— А где же Боб? Готов поклясться, еще минуту тому назад он был тут...

— Видать, как всегда, побежал раньше всех, чтобы успеть первым, — осклабился Лопес Моран.

Впрочем, у короля были более важные дела, чем выяснять, почему наглый англичанин первым кинулся выполнять его приказ. Джейк сказал:

— Всем оставаться здесь. Я буду в кабинете.

Король встал, взял под руку Вибия Латро и вместе с ним удалился из тронного зала.

Глава шестнадцатая

ОХОТА НА КОРОЛЯ — IV: РАЗВЯЗКА

Покинув тронный зал прежде остальных, направленных Джейком на поиски колдуна, Роберт Рэнквист стрелой промчался к своему вертолету. Взревели винты, и «Черный коршун» англичанина взмыл в воздух. Нужно ли повторять, что машина магистра электронных устройств была оснащена ими куда лучше, нежели даже машина самого кэпа. Уже находясь в воздухе, Рэнквист ввел в бортовой компьютер несложную программу. Когда она заработала, он позволил себе чуть расслабиться и усмехнулся в усы:

— Это их задержит ненадолго...

В отличие от своих коллег по отряду, англичанин хорошо знал, куда следует лететь, и у него была некоторая фора во времени.

Это было воистину ужасно! Тот-Амон до сих пор не мог поверить в реальность происходящего. Это был сущий ад. Не тот древний Ад, к которому привык черный колдун из Стигии, Ад с демонами и злыми духами, но Ад совершенно новый, когда совершенно нормальные, лишенные всяких магических способностей

люди с помощью ужасных трубок вдруг исторгают вихри убивающего пламени. Тот-Амона спасло лишь то, что в начавшемся аду ему удалось облачиться в волшебную накидку-невидимку. Хвала богам, она очень вовремя восстановила свою силу. Промедли он единственный миг, снаряд, выпущенный из страшной трубки долговязым негром, разнес бы его в прах, как это случилось с каменной стеной, подле которой он только что стоял... И с каких это пор черномазые дикари из Куша владеют таким жутким оружием, о котором даже ему, Тот-Амону, ничего не известно? Воистину страшные дела творятся не только в родной Стигии, но и в проклятой темными богами Аквилонии!

Понемногу приходя в себя, маг начинал понимать, каким образом этому самому Джейку удалось взять верх над своим знаменитым двойником. С помощью чудо-оружия. На минуту Тот-Амон пожалел, что не рассказал ничего Джейку: если узурпатор сумел свергнуть Конана (что в свое время не удалось самому Тот-Амону) и владеет столь могучим оружием, может статься, у него есть шанс победить Тхутмертари. Но лишь на минуту. Будучи опытным волшебником, Тот-Амон как никто иной знал, что никакое оружие не в состоянии совладать с чарами. Если бы милость Сета по-прежнему пребывала с ним, он бы, недолго думая, призвал из Преисподних Миров ужасных демонов, и интересно было бы тогда посмотреть, как справились бы Джейк и его люди с настоящими демонами! Увы, вздохнул маг, милости Сета я пока лишен и демонов вызвать не могу. Все, на что можно рассчитывать, — волшебная накидка, волшебный перстень и собственное волшебное мастерство...

Итак, укрывшись чудесной накидкой, Тот-Амон незамеченным выбрался из дворца. Нужно было искать Конана. Поражение варвара ничего не значит: Конан остается Конаном. Стигиец не мог допустить мысли, что киммериец, неизменно выигрывавший у самого Тот-Амона, всерьез проиграет какому-то неизвестному Джейку. Недаром Джейк со своим чудо-оружием никак не может поймать Конана. Может быть, так задумано. Военная хитрость. Или Конан ждет, чтобы нанести узурпатору сокрушительный ответный удар. Впрочем, на самом деле мага нисколько не интересовали аквилонские разборки. Более важные события творятся в Мире. Судя по всему, этот Джейк, захватив Конанов престол, всем доволен и не собирается пускать кровь остальным народам Хайбории. Иное дело — Тхутмертари. Даже если не иметь здесь личного интереса, все равно понятно, что королева Тхутмертари со своим неведомым духом-союзником куда опаснее короля Джейка с его чудо-оружием. Поэтому Конан, если ему еще не прискучило быть героем, должен оставить Джейка на потом и всерьез взяться за Тхутмертари. Спасал Мир от Тот-Амона — изволь спасать от Тхутмертари, а то как-то несправедливо получается.

Но как найти Конана? Где он прячется? Может быть, его нет в Тарантии? Понимая, что в поисках Конана никто ему не поможет и что время работает против него, Тот-Амон сконцентрировался.

Разумсется, звездной магией стигиец не владел и не был способен подобно Великой Душе составлять могущественное Заклятие Поиска, сканировать целые страны и миры. Просто Тот-Амон отчетливо представил себе образ

Конана и, повинаясь своим обостренным чувствам волшебника, зашагал вперед. Теперь, если Судьба снова окажется к нему благосклонна, он отыщет киммерийца.

«Черный коршун» опустился недалеко от дома старого виконта Фабриция на окраине Тарантии. Человек, скрывающий лицо под маской, так что видны были лишь щегольские усы и клиновидная аристократическая борода, выпрыгнул из вертолета. Оглядевшись, он проследовал к задней двери и постучал. К счастью, открыл ему сам хозяин. Не успел Фабриций ничего сказать, как человек в маске вошел внутрь и отрывисто произнес:

— Веди меня к государю, виконт. Срочное дело.

— Это ты, Просперо? — Фабриций близоручко оглядел вошедшего, а по его неестественно громко звучащему голосу Боб Рэнквист определил, что укрыватель низложенного короля не только плохо видит, но и неважно слышит. «Ну и страж!» — ухмыльнулся англичанин.

— Я, я. Давай, виконт, веди к королю. Время не терпит.

Старик вздохнул и знаком приказал вошедшему следовать за ним. Они прошли по какому-то коридору, затем Фабриций открыл не приметную дверь. За нею снова был коридор, совсем темный и мрачный. Рэнквист отметил, что Конан, по-видимому, все-таки неплохо замаскировался. И если бы киммериец не болтал в храме Асуры, где будет его новое убежище, даже ему, Бобу Рэнквисту, непросто было бы отыскать его. С тех пор как Конан и его соратники переселились в дом Фабриция и Кор-

нелия, англичанин уже успел побывать здесь и установить наружные датчики. Не явись так не-кстати этот черный маг, следующим шагом Рэнквиста стало бы внедрение «жучка» в новые покои свергнутого короля. И тогда, чтобы найти дорогу внутрь, ему не нужен был бы никакой Фабриций.

Словно подслушав его мысли, старик вдруг остановился.

— Эй, постой, а ведь ты уже должен быть с королем, Просперо! Я сам видел, как ты входил.

— Я входил, потом снова вышел, — терпеливо сказал Роберт. — Давай, пошли дальше.

— Э, нет! — Фабриций обернулся к нему и резко сорвал маску. — Да ты не Просперо!

«Черт, старик не так близорук, как я думал!» — отметил Рэнквист. Рука в перчатке зажала рот виконта, а в сонную артерию уперлось узкое дуло бластера.

— Послушай, отец, — тихо проговорил англичанин, — сейчас неважно, Просперо я или не Просперо. Твоему королю грозит опасность. Я здесь, чтобы его предупредить. Прошу, отведи меня к нему! Ради Митры и всех светлых богов!

Увы, голос разума не дошел до рассудка старого нобиля. Всего за несколько секунд Фабриций сделал целых три попытки: закричать, вырваться и вытащить из-за пояса кинжал, чтобы пырнуть им Лже-Просперо. Еще раз в душе чертыхнувшись, Рэнквист вынужден был нажать на курок.

— Прости, отец, недосуг мне было тут с тобой объясняться.

Тело упало. Роберт осмотрелся и прислушался. Ничего. Чувствуя, как заныло под ло-

жечкой, он достал и привел в рабочее состояние детектор присутствия. Когда появился сигнал, ему полегчало. Через минуту он уже стоял у тайной двери, за которой слышались знакомые голоса. Рэнквист спрятал детектор, снова нацепил на лицо маску, крепче сжал в руке бластер, укрепил свой дух и решительно отворил дверь.

Что-то очень страшное и необъяснимое пронеслось над головой и вскоре опустилось на землю. Явление невиданной летающей твари разрушило магическую концентрацию Тот-Амона. Потрясенным взглядом проследив полет существа, маг внезапно осознал нечто совершенно фантастическое: *между незримым барьером, воздвигнутым на границе Стигии, и этим летающим существом определенно было что-то общее*. Разобравшись в своих чувствах, Тот-Амон понял, что было общим: *колдовской почерк*.

Да, именно колдовской почерк, там, у Стикса, показавшийся Тот-Амону совершенно незнакомым, отличал летающую тварь! Это внезапное открытие настолько потрясло его, что он пробормотал вслух:

— Клянусь Сетом, тот барьер и эта черная птица — творения одного существа, или я сам не волшебник!

Но как такое могло быть?

Как могут быть связаны меж собой демон Тхутмсртари и демон Джейка? У мага не было даже приблизительных версий на сей счет. И разгадывать новую загадку он совершенно не имел времени. Если демоны той и другого как-то связаны, то не может ли это означать,

что новая королева Стигии и новый король Аквилонии действуют заодно? От этой мысли Тот-Амону стало дурно, и он едва не потерял сознание. Ему почудилось, что Лик Судьбы с глумливой усмешкой отворачивается от него, а взамен него из ниоткуда возникает Тхутмертари, чтобы вернуть беглеца в заколдованную темницу и там пытать, пытать, пытать — пытать целую Вечность...

— Не хочу!!! — вскричал Тот-Амон.

Но, должно быть, Судьбе пока не было угодно отворачиваться от него. Взяв себя в руки, маг вспомнил, что находится под защитой чудесной накидки-невидимки. Тхутмертари не может видеть его. Загадку общего колдовского почерка следует разгадывать после. Сперва нужно отыскать Конана.

А что, если летающий демон тоже ищет Конана? Тот-Амон осторожно приблизился к неподвижной черной твари. Воистину он, проживший сотни лет, никогда не думал, что такие существа бывают. Из какого Мира призвано оно? Уродливая, очень отдаленно похожая на хищную птицу, тварь с непонятным отростком на спине казалась мертвой и не делала никаких попыток сдвинуться с места. Не рискуя приближаться к неведомому существу — а вдруг оно всего лишь прикидывается? — маг опасливо обошел его. В округе стоял единственный дом, и интуиция волшебника явно подсказывала Тот-Амону, что Конан находится именно здесь.

Через минуту невидимый стигиец вошел в заднюю дверь, а через пять минут споткнулся о труп старого виконта Фабриция.

— Конан, Зенобия, Хадрат, Просперо, Палландид, Публий, оставайтесь на своих мес-

тах! — скороговоркой прокричал человек в маске и с бластером в руке.

Они побледнели. Зенобия тихо ойкнула. Конан вскочил с табуретки, лихорадочно обдумывая, что предпринять.

— О Митра! Он всех нас знает! — прошептал Публий.

В следующую секунду Просперо ловко запустил в незваного гостя метательный нож. Однако гость оказался еще более ловок. Уклонившись от ножа, он чиркнул малиновым лучом у ног генерала. Все непроизвольно отпрянули, так как с действием бластера были знакомы. Не упуская инициативы, человек в маске отрывисто воскликнул:

— Не двигаться! Я друг. Я пришел, чтобы предупредить вас. Сюда идет колдун Тот-Амон. Он ищет Конана. Джейк установил за колдуном слежку. Джейк приказал уничтожить вас, как только Тот-Амон появится здесь. Вам нужно немедленно бежать. Есть ли здесь другой выход?

Мгновение стояла напряженная тишина. Затем Конан взревел:

— Что ты несешь, Нергалово отродье?! Стигиец Тот-Амон — в Тарантии?! Какого дьявола ему здесь нужно? Да кто ты вообще такой? Ты — пришелец? Как ты узнал, где я?!

Рэнквист нетерпеливо помахал бластером.

— Нет времени объяснять. Придется тебе поверить мне на слово. Иначе ты умрешь. Беги, пока не поздно! Я тебя прикрою...

В этот момент резко раскрывшаяся дверь сильно ударила англичанина по затылку. Он упал лицом вниз, на свой бластер, и потерял сознание. Первой мыслью Конана было подскочить к пришельцу, чтобы обезоружить его.

Но следующие события заставили его отказаться от этих планов. Все застыли в изумлении и страхе. И было отчего: дверь, сбившая с ног прищельца, отворилась сама. За ней никого не было.

А уже в следующий миг слетела волшебная накидка, и еще более жуткое зрелище представило взорам Конана и его друзей. Утыканный арбалетными стрелами неизвестный человек с одним глазом цвета болотной мути, облаченный в испачканный кровью камзол наемника. Судя по усикам и худому лицу, зингарец. Вернее, он был зингарцем. Полученные ранения явственно свидетельствовали о том, что этот человек должен быть уже десять раз мертв. Все это Конан узрел в одно мгновение, а затем услышал нервный надтреснутый голос:

— Наконец-то я нашел тебя, варвар! Торопись, ты должен спасти Мир! Тхутмертари захватила власть в Стигии...

Хадрат в ужасе вскрикнул. Конан, для которого фантастических новостей оказалось более чем достаточно, грубо перебил говорившего:

— А ты кто такой, во имя Крома?!

Рука со змеиным перстнем кинулась вперед. Хадрат стал бледнее смерти и, если бы не Просперо, заботливо поддерживавший его, несомненно, упал бы.

— Я маг Тот-Амон, бывший правитель Стигии и твой старый знакомый! Я единственный, кому удалось спастись от Тхутмертари. Она собирается утопить Мир в крови...

Конан услышал только первую фразу. В этой фразе звучало имя его злейшего врага. Внезапно все напряжение последних недель и дней прорвалось наружу, и безумная ярость затопила рассудок. Все смешалось в этом океане

гнева: горечь поражения и бегства; унижения подпольной жизни; неожиданное появление в тайном убежище сначала одного незваного гостя, затем другого, еще более страшного; чудооружие Будущего и черная магия Прошлого; пришельцы в масках и одноглазые мертвецы; Тот-Амон и Тхутмертари; Мир и Кровь... Даже для его закаленного испытаниями рассудка творящейся дьявольщины на единицу времени было чересчур много. Человеческий разум просто не мог сразу разобраться, где истина, а где ложь, где реальность, а где колдовской морок. А когда бессилен разум, решает сила...

— Она собирается утопить мир в крови... — произнес Тот-Амон, а уже спустя бесконечно краткий миг тяжелый меч Конана, со свистом рассекая воздух, снес ему голову.

Маг не успел наложить защитное заклятие. Одноглазая голова покатилась по полу. Обезглавленный труп великого мага упал, как падает обезглавленный труп обычного человека. Зенобия свалилась без чувств на руки Паллантиду.

Бледный Хадрат, шатаясь, подскочил к Конану.

— Очнись, государь! Ты убил Тот-Амона!

Киммериец обратился к нему искаженное безумной яростью лицо, и жрец отчетливо увидел, как эта горячая ярость, точно океанская волна при отливе, уходит, уступая свою власть спасительному холодному рассудку.

— Я убил Тот-Амона... — отдельно проговорил Конан, лишь теперь постигая смысл содеянного им. — Но этот человек — не Тот-Амон, клянусь Кромом! Я знаю, как выглядит Тот-Амон...

— Это Тот-Амон! — услышал он голос оч-

нувшегося пришельца. — Этот человек явился во дворец Джейка и разыскивал тебя. Ради всего святого, Конан, беги или можешь считать себя мертвецом! Слышишь рокот винтов? Знай же: он звучит по твою душу!

И столько искреннего огорчения — именно огорчения, не досады, не боли и не сострадания — было в этом голосе, что Конан поневоле прислушался. И услышал! Действительно, откуда-то сверху доносился мерный, набирающий силу гул. Его невозможно было ни с чем спутать: такой гул издавали лишь черные механические птицы пришельцев!

Конан понял, что сейчас взаправду нет времени разбираться что к чему. Из дома Фабриция нужно сматываться. Конан сделал шаг в сторону поднявшегося на ноги пришельца. Тот пантерой отпрянул к двери, и варвар не мог не поразиться удивительной его ловкости. Человек этот, без сомнения, был опытным и искусным воином. Вот только с какой стати он помогает свергнутому королю?.. Конан хотел предложить ему бежать вместе, чтобы затем, когда опасность минует, разузнать все как следует, но снова не успел.

— Беги, варвар, или ты мертвец! Я в твоей компании умирать не собираюсь! — воскликнул пришелец и в то же мгновение скрылся за дверью. Никто из оставшихся не заметил, что вместе с ним исчезла и волшебная накидка-невидимка, оставленная покойным волшебником Тот-Амоном...

Роберт Рэнквист выскочил из дома Фабриция. Сердце бешено колотилось. Англичанин не мог припомнить, попадал ли он когда-ни-

будь в такой переплет. Во всяком случае, он сделал все, что мог. Дальше каждый сам выбирает свою дорогу. Хочет Конан жить — уберется из обреченного дома. Хочет разбираться что к чему — все равно разобраться не успеет. Его дело, какую дорогу выбрать. Теперь пора спасать собственную шкуру.

Рэнквист сел в свой вертолет. Ценный трофей был упрятан за пазуху, и с ним разбираться можно будет, лишь когда закончится эта заваруха. К счастью для Роберта, другие вертолеты кружили в некотором отдалении и, по-видимому, не замечали его машины. Англичанин решил взять инициативу в свои руки.

— Кэп! Кэп! Вызываю кэпа! — произнес он в видеофон. На экране появилась злая физиономия Джейка Митчелла. — Кэп, я вижу их на дальнисканере!

— Боб, каналья, где тебя носило?! — взревел Джейк. — Я вызывал тебя, а ты молчал!

— Я преследовал колдуна, кэп. Он хитрый, этот Тот-Амон! Мне пришлось отключить связь, чтобы он не засек меня. Я на земле. Вижу их, кэп. Что мне делать?

На физиономии короля отразилась сложная гамма чувств — от недоверия до неистовства сбывающейся мести.

— Кого ты видишь, Боб?

— Обоих! Мертвяка этого, Тот-Амона, и второго — крепыш такой, вроде тебя...

— Он! Конан, каналья! — проревел узурпатор. — Что они делают?

— Болтают меж собой... Э, нет, все, они расстались... Ну так что, кэп? Что мне делать? Они же уйдут!

Тактика Рэнквиста оказалась верной. Джейк не выдержал напряжения. Ярость и тут затопи-

ла все прочие чувства. «Они же уйдут!» — одной этой угрозы было достаточно, чтобы Митчелл гаркнул — да так, что у Рэнквиста заложило уши:

— Бей, Боб! Угости их по полной программе! Стреляй! Сровняй их с землей!!!

Погасив предательскую ухмылку, англичанин выключил изображение капитана и поднял вертолет в воздух. Со словами: «Пеняй на себя, Конан, если ты все еще там» — Роберт выпустил по дому Фабриция десять ракет, одну за другой. Когда пыль, поднятая взрывами, улеглась, он увидел, что дома Фабриция больше нет. Другие вертолеты летели сюда, и все вызывали Рэнквиста. Приклеив себе довольную улыбку, он включил видеофон.

— Все, кэп, — с деланной усталостью проговорил он. — Я пришил их. На дальнотканере чисто.

Новость мгновенно разнеслась. Победителя поздравляли. Зная, что во всем нужна мера, Роберт скоро пресек поздравления и громко, чтоб слышал каждый, заметил:

— Да ладно вам! Я только выполнял приказ кэпа. Джейк все придумал. Мне просто повезло.

— Ты уверен, что прикончил их? — спросил король.

— Погляди сам, кэп, если не веришь, — обидчиво проговорил англичанин.

— О'кей, Боб. Я сейчас вылетаю.

Руины дома Фабриция были оцеплены аквилонской гвардией. Поблизости стояли двенадцать вертолетов, еще два кружили в воздухе. Джейк Митчелл в задумчивости ходил по руинам, сопровождаемый Мораном, Рэнквис-

том и Зингом. По приказу короля солдаты разбирали руины. Джейк все больше хмурился.

— Не нравится мне это, — говорил он. — Где трупы, Боб? Где доказательства того, что ты прикончил именно Конана и Тот-Амона?

Лицо англичанина было багровым, викторианские усики подрагивали.

— Обидно мне, кэп. Я старался, а ты не веришь. Клянусь Богом, я порешил их! У меня нет сомнений, что они мертвы!

— Мне известно об этом только с твоих слов, — отрезал американец. — Объективных доказательств тому нет. Почему мне знать, может, ты просто решил пострелять!

— В этом доме жил генерал Корнелий, — сказал Моран. — Мир праху его! Странно, что Конан избрал своим убежищем дом преданного тебе генерала.

— Вот-вот, — хмуро кивнул Митчелл. — Может, ты, Боб, решил за что-то поквитаться с моим верным соратником. И поквитался, придумав подходящий предлог. А Конан и Тот-Амон тем временем разгуливают на свободе и потешаются надо мной!

— Ты оскорбляешь меня, кэп! — воскликнул Рэнквист. — Как бы не пришлось тебе жалеть о своих словах!

Огромный американец притянул его за ворот и угрожающе проговорил:

— А ты не пугай меня, Боб Хитрозадый. У нас незаменимых нет, запомни. Не думай, что на тебя не найдется управы. Если узнаю, что играешь против меня, вздерну на площади, как последнего ворюгу...

— Ваше Величество! Нашли еще труп! — раздался голос аквилонца, и в нем были заметны странные нотки...

Джейк вздрогнул, отпустил Роберта и быстро спустился в котлован. Увидав изуродованный безголовый труп, он присвистнул. Подошли Моран, Зинг и Рэнквист.

— Беру половину своих слов назад, Боб, — примирительно и с немалым облегчением сказал Митчелл. — Тот-Амона ты прикончил. А где же голова?

— Навсрное, взрывом оторвало, — предположил рассудительный немец.

— Да вот она, — указал один из рабочих на выглядывающую из-под камня одноглазую башку.

Король пихнул сапогом труп колдуна. Блеснул изумрудный перстень на среднем пальце левой руки. Чуть поколебавшись, Джейк нагнулся за ним.

— Не трогал бы ты эту штуку, государь, — озабоченно сказал аквилонец.

Но было поздно. Джейк снял с пальца убитого змеиный перстень. И только он это сделал, обезглавленный труп претерпел удивительное преобразование. Чужая плоть Кардосо, удерживавшаяся чарами Кольца, *отслоилась* от скелета Тот-Амона и на глазах рассыпалась в прах.

Пришельцы обомлели, а аквилонец, помянув Митру, прибавил:

— Вот, государь, видишь, нечестивые чары поддерживали жизнь этого колдуна. На самом деле он давно уже был мертвецом. Не брал бы ты этот перстень, государь. Чую, злая магия заключена в нем! Ни к чему королю светлой Аквилонии амулет черного колдуна!

— Я согласен с ним, — сказал Зинг. Рэнквист и Моран промолчали.

Джейк, оправившись от изумления, повертел в руках змеиный перстень.

— В этом кольце заключена сила, — наконец проговорил он. — Оно поддерживало подобие жизни в чародее из Стигии. Кто знает, может, эта сила еще пригодится мне? Никогда не нужно отвергать то, что дарует Судьба, — назидательно промолвил король и надел Кольцо Сета на свой перст; оно пришлось ему как раз впору.

Аквилонец снова помянул Митру; ничего опасного, впрочем, более не происходило. Джейк ухмыльнулся:

— Ну, видите?

Желая закрыть эту неприятную тему, Альфред Зинг произнес:

— Осталось только найти труп Конана.

— А его может и не быть, — поспешил заметить Рэнквист. — Я палил по варвару особенно сильно, памятуя о том, какой он живучий.

— Ваша милость истинно говорит, — неожиданно поддержал его аквилонский рабочий. — Иные трупы совсем невозможно признать. Изуродованы так, что не поймешь, где мужчина, а где женщина.

— Я полагаю, здорового варвара от младенца все же отличить можно, — осклабился король. — Ищите!

— Да мы нашли тут одного, Ваше Величество. Большой такой...

Сердце англичанина опять бешено забилося. Ожидая увидеть труп Конана, он проследовал за остальными. Невольный вздох облегчения вырвался из его груди, когда он увидел тело — Конан не мог так быстро из белого превратиться в негра!

— Что ты врешь?! — рявкнул Джейк. — Это не Конан! У меня со зрением все в порядке!

— А я бы на твоём месте вспомнил про того колдуна, государь, — смело сказал аквилонец. — Если Тот-Амон мог прицепить себе чужую плоть, так неужели не мог он перекрасить варвара в черный цвет?

— А ведь верно! — воскликнул Лопес Моран. — Чтоб никто Конана не признал. Согласись, Митч, разве ты стал бы гоняться за черномазым?

Душа Рэнквиста ликовала. Мысленно он пообещал при случае наградить смекалистого аквилонского рабочего. А еще лучше было то, что идея исходила не от него, не от Рэнквиста.

Джейк недоверчиво пробурчал что-то и опустился на колени у трупа негра.

— Эх, жаль, рыло разбито! — посетовал он. — Дьявол его разберет, Конан это или не Конан. Совсем запуталось все...

Лопес рассмеялся и хлопнул друга по плечу.

— Да Конан это, Конан! Не будь занудой, кэп. Сам посуди: с какой такой стати Тот-Амону понадобилось переться на другой конец города и прятаться в подвале этого дома. Ясно, затем, чтобы повстречать здесь Конана!

— Я думаю, так оно и было, — кивнул Альфред Зинг.

Король поднялся.

— Ну ладно, — сказал Джейк и продолжал размышлять вслух: — Положим, это Конан. Значит, оба они мертвы. Прекрасно! Сделаем так. Объявим народу правду. Что бывший король снюхался с черной магией и призвал на подмогу колдуна-змеепоклонника из Стигии. И что доблестный воин-пришелец покарал

злодеев. А там уж пусть жрецы Митры подведут под это дело божественное обоснование.

Роберт Рэнквист, не на шутку испугавшись последствий, решительно заявил:

— Э, нет, кэп, чужая слава мне ни к чему. Ты разработал план, ты отдал приказ — короче, ты покарал злодеев. А я что? Только глядел на приборы и нажал на кнопку, когда ты сказал.

Еще не хватало, чтобы поклонники Конана вздумали мстить мне за него, подумал Роберт. Пусть уж лучше мстят Джейку. И снова, на его счастье, в разговор влез тот самый аквилонский рабочий. Поклонившись королю, он почтительно произнес:

— Знаешь, государь, у нас в Аквилонии принято, что, если вассал дарит свою победу королю, тот должен ее принять. Ибо каждый вассал — подданный короля и без милости и воли короля не смог бы достичь победы.

Джейк пожал плечами.

— Боб не мой вассал. Он воин моего отряда.

— Мы все твои слуги и вассалы, государь, — возразил аквилонец. — Пусть простят твои воины мою дерзость, но каждый — вассал и слуга короля. Так было и так будет всегда.

— Он прав, Митч, — сказал Лопес. — Не стоит играть в демократию в стране дикарей. Ты здесь король, а мы твои вассалы. Хорошо еще, что не рабы.

Заметив согласие на лицах Роберта и Альфреда, Джейк усмехнулся:

— Убедили. Так и быть, я победил варвара и колдуна.

В конце концов, подумал Джейк, если я присвоил себе победу Эми над карликом Тезисом, Великой Душой, почему бы мне не при-

своить себе и победу Боба над Конаном и Тот-Амоном? Тем более что этот хитрозадый бритт сам дарит ее своему королю! Наглости у него поубавилось: как видно, уразумел, что Аквилония — это ему не Англия...

После бегства из дома Фабриция Конан и его друзья вернулись в тайный храм Асуры и собрались в уже знакомом чертоге, где, неведомый им, спрятался за светильником «жучок» Боба Рэнквиста...

— ...У-у-уф! — устало выдохнул толстяк Публий, опускаясь на скамью. — Насилу удрали!

— Воистину Пресветлый Митра сохранил нас, — согласился генерал Паллантид.

— Не Митра, а этот пришелец в маске, — поправил его Конан. — Приходится признать, что он спас нам жизнь. Хотел бы я знать, зачем?

— А еще интереснее узнать, как он проведет про наше убежище, — заметил генерал Просперо.

— Одно из двух: колдовство или предательство. И скорее предательство, чем колдовство.

— Надеюсь, государь, ты не думаешь, что кто-то из нас ведет двойную игру?! — насупился Публий.

— В присутствующих здесь я уверен, как в самом себе, — ответил Конан.

— Тогда, может быть, Фабриций? — предположила Зенобия.

После некоторого молчания Конан сказал:

— Боюсь, мы этого уже не узнаем. Ясно одно: мы разбиты. Джейк выиграл. Если меня предал старый Фабриций, тогда уж я не знаю, кому еще можно доверять!

— Не ожидал услышать от тебя таких слов, государь, — с упреком молвил Просперо.

— Вы спорите не о том! — неожиданно вскричал Хадрат, и все поразились силе и какой-то мрачной торжественности его голоса. — Вы спорите о суетном, в то время как судьбы Мира висят на волоске! Вспомните, что сказал Тот-Амон!

Конан поморщился, как бывало не раз, когда он сталкивался с выходящим за грань понимания.

— Еще нужно доказать, что это был Тот-Амон. Ты прекрасно знаешь, жрец, как выглядит Тот-Амон. Между ним и тем зингарцем общего не больше, чем между мной и пиктом.

— Пусть внешность не обманывает тебя. Истинный маг в силах изменить внешность, если захочет, — уверенно сказал Хадрат. — Это был Тот-Амон. И он правду тебе сказал. Ужасотныне царствует на юге... Тхутмертари захватила власть в Стигии и готовится утопить в крови весь Мир...

Зачарованные страшными словами, все глядели на асурита. Конан крепко стукнул кулаком по столу.

— Постой, жрец! А ты-то откуда знаешь?

Хадрат тяжело вздохнул и с болью в голосе произнес:

— Знаю. Я жрец, как ты верно заметил. Посвященный жрец Асуры, бога древнего и мудрого. Чувства мои не такие, как у не обученного премудростям Асуры человека. Вот уже несколько дней я ощущаю эманации ужаса в магическом эфире, и с юга идут они...

— Так вот почему ты такой грустный! — всплеснула руками Зенобия.

— Да. Я чувствую: нечто страшное происхо-

дит там. Настолько страшное, что магический эфир бурлит и злое ведовство прогоняет прочь волшебство доброе... Что-то настолько страшное происходит там, на юге, что отзвуки того злого ведовства доходят до самой Тарантии... Тысячи душ стонут в жутких муках, прежде чем сгинуть в объятиях демонов... Такого не было никогда...

— Говори толком, жрец! — велел киммериец. — Хватит нас стращать. Что ты чувствуешь? И почему молчал до сих пор?

— Я уже сказал, что чувствую, — покачал головой Хадрат. — А молчал потому, что не хотел пугать вас понапрасну. Но теперь, после визита Тот-Амона, мои ощущения, увы, подтвердились. Поймите вы, больше не нужно чувств, чтобы понять, что происходит! Подумай головой, государи! Великий черный маг Тот-Амон появляется в Тарантии в чужом обличье. Не для того, чтобы убить тебя, а лишь затем, чтобы поведать тебе ужасную новость. Он молил тебя вступить за Мир! А ты убил его, не выслушав!

— И не жалею о том, — буркнул Конан. — Давно нужно было это сделать. Мало кто заслужил смерть так, как Тот-Амон.

— Хорошо. Не об этом речь. Подумай, что могло заставить спесивого чародея поступить так, как он поступил. Обрати также внимание: волшебный перстень владыки Черного Круга, символ его власти, был с ним — и что же? А то, — Хадрат выразительно посмотрел в глаза Конану, — что я готов биться об заклад: Тот-Амон искал у тебя защиты. Воистину невозможно представить, какой ужас он должен был пережить, чтобы искать защиты у *тебя*!

— Значит, Хадрат, ты полагаешь, что Тот-

Амон правду сказал? — проговорила Зенобия. — И что это значит для нас? Тхутмертари — это кто?

Конан ответил ей:

— Тхутмертари — это мерзость Сета, облаченная в плоть девушки ослепительной красоты. Мятежная принцесса и одновременно могучая черная волшебница. Она дочь Ментуфера, короля Стигии, и женщины-змеи. Мне это чародей Пелиас рассказал...

— О Митра! — в ужасе вскрикнула Зенобия.

— Да, это так!.. Мне приходилось встречаться с ней. И тебе, Просперо. — Генерал подавленно кивнул, и Конан продолжал: — Вместе с ней я воевал против карлика Тезиаса. Она не раз спасала мне жизнь, а я спасал ее жизнь. В конце концов Тхутмертари предала меня, подло убила нашего друга Пелиаса, а сама скрылась. Было это в Кеми недели три тому назад, а может, и месяц. Всего лишь месяц! С тех пор я ничего не ведал о ней... Тогда, в Кеми, Тот-Амон едва не прикончил меня. А вот поди ж ты, когда приспичило, сам прибежал искать защиты, змееныш Сета!

Конан громко хмыкнул и качнул гривастой головой, словно силясь прогнать наваждение.

— Тхутмертари не скрывала от нас своих целей, — заметил Просперо. — Ей нужна была власть над миром, но сперва она хотела стать королевой-жрицей Стигии. Мы полагали ее мечты пустыми грезами. Мало ли что напричудится свихнувшейся змеепоклоннице...

— Тот-Амона следует понимать так: что ей удалось достичь своей первой цели, — произнес Хадрат. — Значит, и его слова: «Она собирается утопить Мир в крови» — не преувеличение. Боюсь сказать, но мы имеем дело с

опасностью куда более страшной, нежели угроза Ксальтотуна или Тезиаса! С самой ужасной опасностью, какая только может угрожать миру людей!

Гнетущее молчание воцарилось в чертоге асурского храма. Божественно прекрасное и отмеченное печатью бесконечной злобы лицо стигийской волшебницы стояло перед мысленным взором Конана. В мозгу его мгновенно пронеслись все эпизоды его общения с Тхутмертари: внезапное появление ее в шатре на границе Аквилонии и Немедии; совместный поход к Замку Синих Монахов, магический поединок Тхутмертари с Тезиасом и ее поражение, новое появление принцессы в Стране Небесного Народа, где она спасла Конана и Пелиаса от развоплощения, скитания по Преисподним Мирам, схватки с демонами и, наконец, предательство в Кемии... И, конечно, позор колдовского озера, где Тхутмертари без труда совратила его, а он, Конан, легко поддался... Под любящим взглядом Зенобии он невольно покраснел. Как же мог он изменить любимой Зенобии с этой змеей!

Супруга взяла его руки в свои, поднесла к губам и нежно поцеловала. Конану стало невыразимо стыдно за все, что происходило в Мире в последнее время. За все! Подсознательно он чувствовал, что каким-то необъяснимым образом приложил руку ко всем ужасам, творящимся ныне. Не по злой воле, нет, — по недомыслию. Коварные боги давно давали понять ему, что он виновен. В чем, неизвестно, но виновен. И может быть, именно поэтому все его попытки одолеть Джейка заканчивались провалом? Наверное, боги полагают, что вина Конана слишком велика, чтобы можно было позво-

лить ему хотя бы маленький успех. Может быть, поэтому дела свергнутого короля в Тарантии идут все хуже и хуже, и, если бы не пришелец, сегодня ему, Конану, его друзьям и соратникам пришел бы конец. Что же это значит? А это значит, что боги как бы *подталкивают* его: ты сначала исправь свою вину, Конан-киммериец, а лишь затем мы позволим тебе вырвать твою страну из-под гнета захватчиков. Очевидно, они считают дела в Стигии и вокруг нее поважнее дел в Аквилонии. Нет, не привык вольнолюбивый Конан идти на поводу желаний властительных богов! Но теперь, когда желания эти совпали с его интуицией, с последними событиями, странными на первый взгляд доводами Хадрата и с собственными его умо-заключениями, Конан уже не мог поступить иначе. Чувствуя свою вину, он также чувствовал себя обязанным исправить ее. И если для этого нужно спасти Мир, он, Конан, его спасет!..

Киммериец встал и пригладил непослушные волосы. Он знал, что делать. Давно знал, но не мог заставить себя изменить своим привычкам. То, что он собирался сделать сейчас, нужно было сделать раньше, а не сидеть в Тарантии в тщетной надежде вернуть себе трон. Время потеряно. Драгоценное время — сколькими тысячами человеческих жизней заплатил Мир за его промедление? Но уж лучше поздно, чем никогда!

— Я уезжаю из Тарантии, — сообщил он всем свое решение. — Сейчас.

— В провинцию? — изумленно спросил Просперо, памятуя о том, что прежде Конан категорически отказывался покидать столицу.

— Нет. Я покидаю Аквилонию. На время,

конечно, — поспешил прибавить киммериец, предвосхищая вопросы. — Не спрашивайте, куда. Это мое дело. Только мое, — задумчиво прибавил он.

Хадрат внимательно посмотрел на него и сказал:

— Что ж, ты принял решение, государь. Не буду отговаривать тебя. Верю, ты знаешь, что делаешь. И что поставлено на карту. Будь осторожен, и да хранит тебя Асура, государь!

Конан кивнул. Соратники в один голос вызвались сопровождать его в новом походе.

— Нет, — отрезал Конан. — Оставайтесь здесь. Там, куда я еду, нужен только я. Вы нужны мне в Аквилонии. Пока я буду отсутствовать, постарайтесь найти и сплотить наших сторонников. Верю, такие люди еще остались. Когда я вернусь, мы должны быть готовы нанести Джейку сокрушительный удар... Со мной поедут лишь Зенобия и Конн. Собери сына, Зенобия, а ты, Хадрат, позаботься насчет коней. Ночью мы выезжаем.

— Хорошо, государь. — Жрец поклонился. — Пока ты отсутствуешь, я буду досаждать Джейку с помощью своей нехитрой магии. И попытаюсь выйти на этого странного пришельца, нашего союзника...

— И ты будь бдителен, Хадрат. Знаешь, я по-прежнему не верю в чистые намерения этого человека. Мне не внушают доверия люди, ведущие свою игру за спинами других. А то, что он внезапно спас нас, лишь подтверждает, насколько он может быть опасен. Вряд ли им двигала любовь ко мне. Такие люди никогда ничего не делают просто так. Значит, ему что-то нужно от нас. И, клянусь бородой Крома, то, что ему нужно, может нам очень не понра-

виться! Да, он спас нас, но это не повод для нас становиться его друзьями. Я не раз обжигался на этом — вот хотя бы с Тхутмертари: змея спасала меня от верной смерти не один и не два раза. Теперь я думаю, может быть, лучше было бы, если б она не смогла спасти меня... — процедил Конан сумрачно.

— Я учту твои слова, государь, — кивнул Хадрат. — Конечно, я буду осторожен.

На том и расстались.

А едва солнце скрылось за горизонтом, два крепких вороных коня выехали из Восточных ворот Тарантии. Узнать Конана и Зенобию во всадниках было почти невозможно. Позади Зенобии в специально приспособленном седле, болсе похожем на маленький паланкин, сидел треххлестный Конн. Он спал. В отличие от маленького принца, «жучок» Боба Рэнквиста неизменно бодрствовал. Притаившийся в складках седла, электронный шпион не мог видеть Конана и Зенобию, но слышал их отлично и все услышанное исправно передавал своему любопытному хозяину...

Выехав на Большой бельверусский тракт, всадники пришпорили коней.

— Ну а мне ты можешь сказать, куда мы направляемся? — спросила мужа Зенобия.

— Конечно, — ответил Конан. — Мы направляемся в Карпаши, к магу Милиусу. Я собираюсь тебя с ним познакомить.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Глубоко под землей, в Зале Черного Круга главного луксурского храма Сета — там, где размывается грань между мирами людей и духов, — прекрасная волшебница Тхутмертари вглядывалась в полированную поверхность черного кубического алтаря. Злобным ликованием светилось ее одухотворенное лицо, и победительная улыбка змеилась по рубиновым губам. Ибо видела Тхутмертари не навечно застывший камень жертвенника, а картины живые, реальные, но оттого куда более страшные...

Она видела свою Армию Тьмы, марширующую по древней земле Стигии.словно зловеющая клякса непроглядного мрака, расползалась Армия во все стороны, и дыхание Ужаса разносилось далеко впереди нее.

Вот идут люди. Стигийские воины вооружены широкими мечами, копьями и луками. Давно, ох как давно не приходилось им выступать в настоящий военный поход! Ну что ж, грядущая молниеносная война Стигии против всех с лихвой компенсирует четверть века мирного царствования короля Ктесфона. Стигийское воинство напомнит, сколь могуче и непобедимо оно, если народы Хайбории успели позабыть об этом.

Велика сила стигийского воинства, но не в одних лишь людях заключена она. Вот идут змеяды, двуногие чешуйчатые существа с хвостом,

потомки и наследники прежних хозяев планеты. Они спешат отвоевать себе Мир и отомстить человеческому племени за тысячелетия позорного изгнания. В предвкушении долгожданного возмездия радостно щерятся широкие акульи пасти, сильные руки сжимают длинные волнистые клинки, более походящие на застывших в стали змей.

За ними спешат демоны. О, нет, это не те демоны, которыми злые волшебники обычно пугают суеверную чернь! И не те, что сторожат эфирные тропы Астрала по прямому велению Владыки Сета, Князя Тьмы. И не присные Нергала, охраняющие тысячелетнюю незыблемость Серых Равнин — последнего обиталища заблудших душ. И не страшилища из Иных Миров, где Сет, Нергал и Ариман одинаково безвластны и где правят незнаемые боги, несравнимо более жуткие и враждебные любому смертному, будь то человек, змеяд или растворившийся в пыли Минувшего глахан... Эти демоны, шествующие сейчас по пустыне Стигии, созданы не для того, чтобы вселять ужас, сторожить и охранять. Они созданы, чтобы сражаться и убивать. Никакой магии нет в них, и от обычных смертных они отличаются разве что своим происхождением да силой, многократно превосходящей силу как человека, так и змеяда. Это боевые демоны, существа из плоти и крови. И неважно, что плоть подобна камню, а кровь черна; убить такого демона возможно оружием смертных — но воистину величайшим героем нужно быть, чтобы свершить сей подвиг! Мало, ох как мало осталось в Мире таких героев — может быть, с десятков наберется, но на всех боевых демонов их все равно не хватит, усмехнулась у черного кубического алтаря королева и верховная жрица Тхутмертари.

И, наконец, в арьергарде следуют мертвецы. Вот они, богатство и слава минувших эпох, — восстали из могил, чтобы служить Новой Империи Змея! Не время теперь отлеживаться в тиши уютных склепов, не время почивать в расписных нефритовых саркофагах, не время гнить в сырых некрополях, затерянных среди песчаных барханов. Не время! Настало время новыми кровавыми деяниями замаливать преступное бездействие и суетный блуд прошлой человеческой жизни. Только кровь живых способна оправдать мертвых пред ликом Владыки Сета. Много крови — реки, моря, Океан!

Воистину ожившие мертвецы были самой могучей составляющей адского воинства Тхутмертари: непросто, ой как непросто убить того, кто уже мертв и кто оживлен сообразно воле самого Бога! Их были тысячи, десятки и сотни тысяч в Армии Тьмы, оживших по ее слову покойников; и Тхутмертари, положив руку на свое змеиное сердце, не знала, какая сила может их остановить. Нет такой силы во всей Вселенной! Вернее, есть, но, как заверил ее Мудрейший Люф, она, эта самая всемогущая сила, не будет вмешиваться. Силе той нет дела до частных проблем туземных разумов. Будет править Миром Свет или Тьма — велика ли разница для Стража Земли: с Землей-то ничего не случится, и жизнь останется на ней! Но как же сладостна и прекрасна будет эта адская жизнь! — с незатаенным ликованием размышляла у черного алтаря Сета владычица Тхутмертари.

На первый взгляд могло показаться странным, почему она поставила оживших мертвецов в арьергард своего воинства. Не вернее ли было пустить вперед неуязвимых воинов, чтобы сбросить жизнь людей, змеядов и боевых демонов?

Ответ был одновременно прост и парадоксален, как и все, творимое Тхутмертари: она вовсе не стремилась оберегать жизни своих воинов. В этом тоже заключалась своеобразная философия, труднопостижимая для обычных смертных. Какой смысл, размышляла она, оберегать жизни этих ничтожных, которым в любом случае предписано оставить вскоре этот Мир! Воля Повелителя ясна и непреклонна: надлежит объединить змеиный народ и людское племя в единую расу, а после, когда взойдут плоды соития этих враждебных народов, истребить оба — и людей, и змея-дов. Уничтожить всех, кто пятнал Землю прошлые миллионылетия! Не перевернуть одну страницу человеческой истории и даже не начать новую главу истории Цивилизации — нет! Надлежит поставить точку в одной Книге Судеб и начать писать новую. С чистого листа! Вот зачем явилась в Мир великая волшебница Тхутмертари, дочь короля и змеи, и вот зачем марширует по пустыне ее Армия Тьмы. Грядущая Империя Змея — всего лишь первая строчка в новой Книге Судеб, и даже она, Тхутмертари, не могла знать сейчас, каковы будут строчки следующие. Она узнает это потом, ибо впереди у нее — Вечность, и за это безбрежное море времени из-под ее кровавого пера успеют выйти не скупые строчки, но целые страницы и главы новой Книги Судеб...

Чудовищная Армия Тьмы маршировала в стигийских пустынях, и миг ее вторжения в пределы окружающего Мира неотвратимо приближался. Флюиды всеобщей гибели источала она, и немного было в Мире живых душ, которые могли искренне радоваться этому. Впрочем, королева и верховная жрица Тхутмертари полагала себя единственной такой душой, и это также льстило ее

самолюбию. Она не знала и ни в коей мере не догадывалась, что рядом с ней незримая живая сущность, ее раб, втайне радуется каждому ее шагу, и измученная душа его тоже исполняется все большим ликованием по мере того, как горе и страдания распространяются по Миру.

Нет, он вовсе не был зол и кровожаден, этот могущественный раб. Мотивы его ликования не имели ничего общего с мотивами Тхутмертари. Ее извращенная змеиная логика не всегда была понятна обычным смертным, — но логика сверхчеловеческого разума Великой Души оставалась непостижимой даже для нее, Тхутмертари. О, она многое воспретила ему! Ей до сих пор кажется, что она обложила его со всех сторон. Какая же она дура, эта великая владычица! Она запретила все, кроме одного, чего она, впрочем, и не могла запретить: она не воспретила своему рабу *мыслить*! Повинуясь ее закланию, Великая Душа ничего не мог делать по своему хотению, лишь воля Тхутмертари руководила им, но над мыслью своего раба владычица была невластна. Она завладела Силой и Волей, но не Разумом Великой Души. Сверхчеловеческий разум по-прежнему служил своему единственному и вечному хозяину.

Что же может Разум без Воли и Силы? Взбунтоваться? Нет, не может — любой бунт будет подавлен решительно и жестоко. Вести собственную игру — тоже исключено, ибо противоречит Закланию. Перехитрить невозможно, ибо и для хитрости нужна если не Сила, то Воля... Нет! Единственное, что мог сделать Тезиас в своем положении раба Змеиной Королевы, — это добросовестно исполнять ее повеления. Что он и делал. Причем настолько хорошо и самозабвенно, что ему как будто удалось невероятное —

усыпить бдительность Тхутмертари. Фантастическая проницательность Змеиной Королевы до сих пор не распространилась на тайные замыслы ее раба.

Он усыплял бдительность владычицы вовсе не для того, чтобы когда-нибудь ударить исподтишка либо помочь ударить кому-то другому. Тщательно проанализировав ситуацию, Великая Душа пришел к выводу, что шансы победить Тхутмертари практически равны нулю. Она продумала почти все. С каждым днем она становится все более сильной и неуязвимой. И эта страшная тенденция, как ни странно, чрезвычайно радовала ее раба, поскольку парадоксальным образом приближала владычицу к краху, а раба — к свободе. Ибо Великая Сила способна защитить Тхутмертари от внешних врагов, но никто и ничто не сможет уберечь ее от самой себя!

Насмешливо взирал раб на свою владычицу, распростертую у алтаря. Она ликует, эта великая дура. Уже сегодня она почитает себя самой могущественной волшебницей Земли. Что завтра? А завтра неминуемо случится то, что всегда случается со смертными, волею коварной Судьбы вознесенными на вершину земной власти. Он, Тезиас, Великая Душа, знает это так хорошо, как никто другой, — по собственному опыту. Самая могущественная волшебница Земли обязательно возжелает сравняться с богами. Конечно, некоторое время она еще будет превозносить Сета, но затем лукавый искуститель, гнездящийся в самой ее душе, начнет все сильнее и сильнее пилить свою хозяйку: а чем ты, владычица Тхутмертари, хуже Сета? Разве ты слабее его? Разве ты искренне почитаешь его? Зачем он тебе нужен, в конце-то концов? Этот дряхлый червяк, царствующий над смрадным болотом в неизвестно где затис-

канной глуши Преисподних. Этот жалкий змей, когда-то позволивший победить себя солнечным божкам, еще более мелким и убогим. Этот старый демон, чье время властвовать над людьми и духами, по всему видать, заканчивается. С какой стати тебе, владычице Тхутмертари, делиться с ним плодами твоих трудов и твоей, только твоей, властью? Разве он это заслужил? Нисколько! Он так и спал бы в своей Преисподней, не явись в Мир ты, владычица Тхутмертари. Он тебе не нужен, этот никчемный Сет. Так почему ты должна поклоняться ему, а не он — тебе? Так не пора ли великой волшебнице Тхутмертари стать богиней, а богу Сету — одним из демонов у ее небесного трона?

Вот так будет шептать своей хозяйке лукавый искуситель, гнездящийся в самой ее душе. Тот единственный союзник, на чью помощь может рассчитывать раб Змеиной Королевы. Они помогут друг другу. Лукавый искуситель сделает свое дело, и неумная гордыня со временем затмит рассудок величайшей волшебницы Земли. Больше Тезиасу ничего от этого союзника не нужно; все остальное свершится само собой.

Миром правит ревность. Боги ревнивы. Кто, как не он, смертный, принявший имя Великой Души и возвысившийся над Древними Богами, лучше других знает это? Боги отомстили ему жестоко и коварно, как умеют только истинные небожители. Правильно сказал старый демон Люф, называющийся Мудрейшим: Древние Боги никогда и никому не уступают своей власти. Пройдет некоторое время, и Тхутмертари забудет мудрые слова своего наставника. Ничему не научит Змеиную Королеву и печальный опыт самозваного бога, в итоге ставшего ее рабом. Она не сможет остановиться. По своему опыту Тезиас знал, что

остановиться на Пороге Величия выше сил смертного. Тхутмертари, как всякая волевая, целеустремленная и решительная натура, пройдет свой путь до конца. И вот когда ревность богов превысит доводы их божественного рассудка, они нанесут свой ответный удар. Когда это случится, Тезиас не мог знать, ибо не провидел Будущее. Но Закон Ревности он понимал точно и нисколько не сомневался, что Древние Боги рано или поздно попытаются остановить зарвавшуюся смертную волшебницу. И первым это сделает Сет, так как чем злее бог, тем он ревнивее. Сколько невинных жизней погибнет в этом катаклизме и до него, Великая Душа тоже знать не мог. Жизней этих ему не было жалко, так как при решении вселенских проблем они, эти тысячи и миллионы жизней, неизменно выступают всего лишь в качестве незначительных (но обязательных!) деталей общего антуража. На то они и смертные, чтобы умирать, а разве не почетно умереть в пламени невиданной вселенской разборки высших божественных сил! Итак, те, кому суждено умереть, умрут, а остальные выживут, философски рассуждал Тезиас, Великая Душа, демон Сур, раб Змеиной Королевы.

Ему же предначертана иная судьба. Впереди у него Вечность, и в этом безбрежном море времени непродолжительный период рабства у Змеиной Королевы сохранится в памяти одной лишь маленькой кровавой каплей. Сохранится навсегда — но всего лишь каплей в безбрежном море!

Самое ужасное поражение обычно случается в самое последнее мгновение перед самым впечатляющим триумфом.

Но и самая великая надежда обычно рождается в самой глубокой бездне безнадежности!..

Два мыслящих существа, по-своему великих, торжествовали под черной полусферой подземного чертога. С надеждой, плавно перетекающей в неколебимую уверенность, дерзко заглядывали в Грядущее Змеиная Королева и ее раб. Каждое новое мгновение приближало ее к Триумфу, а его — к Свободе.

И ни она, ни он не догадывались о том, что Судьба мудрее, хитрее и коварнее их всех вместе взятых — людей, змей, волшебников, духов, демонов и богов — и что она вскоре красиво посмеется над их неловкими потугами изобразить себя ее, Судьбы, вершителями. Ведь Судьба — тоже ревнивая дама. Но, в отличие от богов, Судьба не может позволить себе быть доброй или злой — просто она не прочь иногда подшутить над другими и над собой. Одних покарает, других вознаградит, третьих заставит отбывать службу. Ибо, если Судьба дарует тебе Вечность, надлежит использовать сей великий дар с толком. Чтобы ни одна капля из этого безбрежного моря времени не утекла зря.

Джан Милиус вздохнул, подумав об этом, и совершенно неожиданно на губах его мелькнула улыбка — первая за последнюю неделю. А впрочем, что такое неделя, месяц, год или столетие — так, капля в безбрежном море времени, напомнил себе Скучающий Маг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Айкины — человекообразные существа, превращенные магом Милиусом из демонов в полулюдей.

Алвари — гном. Один из основных персонажей романа Д. Брайана «Золото гномов». Вожак гномов в романе «Амулет Небесного Народа».

Аль-Киир — древнее божество Мрака, впервые назвавшее Тезиаса Великой Душой.

См.: Р. Говард, С. Перри «Тайна врат Аль-Киира», Б. Толуэлл «Неподвластный Богам».

Алэхицио — аргосец, капитан галеона «Быстрый Сокол».

Аманда Линн — наемник из отряда Джейка Митчелла. Заклинанием Времени Тезиаса вызвана из XX века в Хайборийскую эпоху.

Амра (Лер) — прозвище Конана, данное ему чернокожими корсарами Западного моря. Под командованием Конана и его подруги Белит черные корсары наводили ужас на жителей разных стран — Зингары, Аргоса, Шема, Стигии. Особой дерзостью отличалось нападение черных корсаров Амры на гавань Кемп.

См.: Р. Говард «Королева Черного Побережья», «Час Дракона»; П. Андерсон «Конан-мятежник» и др.

Арностро — принц Аргоса, сын короля Мило, младший брат наследного принца Кассио. После гибели отца и брата — король Аргоса.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан с Островов»; П. Уинлоу «Карусель богов» и др.

Ариман — древнее божество, правившее силами Мрака до Великого Змея Сета. Общими усилиями богов Ариман был изгнан в запредельные миры; от

него людям остался лишь великий талисман — Сердце Аримана.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и охотники за людьми» и др.

Асура — древнее божество, почитаемое преимущественно в Вендии и Иранистане. Однако тайные храмы Асуры существовали во многих странах Хайборийского мира. Жрец Асуры Хадрат помогал Конану в борьбе с чародеем Ксальтотуном.

См.: Р. Говард «Час Дракона», «Люди Черного Круга»; «Кинжалы Джебза».

Атотмис — стигиец, брат жреца Тутотмеса, возлюбленный принцессы Тхутмертари.

Ахерон — древняя империя черных магов, павшая под ударами варваров за три тысячи лет до рождения Конана. Столицей Ахерона был город Пифон. Ахероном правил верховный жрец Сета — могущественный волшебник Ксальтотун.

См.: Р. Говард «Час Дракона» и др.

Баракские острова — главная твердыня пиратства в Море Запада.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-корсар» и др.

Бельверус — столица Немедии. В Бельверусе находятся королевский дворец Тараска и подземная пещера-лаборатория Тезиаса.

См., например: Р. Говард «Тень властелина», «Час Дракона».

Болезнь Плоты — ностальгия Тезиаса-фантома по своему человеческому телу, заточенному в хрустальном склепе.

Болезнь Разума — ужасающая головная боль, мучившая Тезиаса после визитов к Стражу Земли. Причиной Болезни Разума стала неспособность человеческого мозга Тезиаса вместить колоссальное количество знаний, переданных ему Стражем.

Борталис — хозяин гостиницы в Тарантии.

Брахо — магистр Синих Монахов, главный слуга Великой Души. Гениальный ученый и могущественный волшебник, хранитель Серебристого Медальона.

Бхадринал Ченшир Чанд — всндийский принц, жаждущий отомстить Конану за смерть отца — изменника Ченгира.

Вибий Латро — аквилонский вельможа, барон, канцлер Аквилонии при королях Вилере Третьем и Нумедидесе. После захвата Джейком Митчеллом престола в Тарантии перешел на его сторону и был назначен наместником Аквилонии с титулом герцога Тарантийского.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Вилайет — большое внутреннее море на востоке хайборийских земель.

См., например: Р. Говард «Железный демон»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Дж. Маддокс Робертс «Конан-победитель»; М. Мэнсон «Конан и Дар Митры»; Л. Карпентер «Конан, гроза Кровавого Побережья».

Вилер Третий — король Аквилонии, предшественник своего племянника Нумедидеса.

См.: Р. Говард «Феникс на мече»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Ворота Проклятия — магические ворота, воздвигнутые в подземном городе Йссет-Метс древними волшебниками змеиной расы, с тем чтобы навечно огрadyть Йссет-Мет от угрозы человеческого нашествия.

Гальвий — аквилонец, сторонник короля Конана, предпринявший покушение на Джейка Митчелла, узурпатора престола Тарантии.

Глаханы — одна из дочеловеческих рас, населявших Землю в прошлом. Глаханы были вытеснены погоняющимися Сету людьми-змеями.

Далрфар — страна к югу от Стигии, населенная неграми-людоедами.

См., например: Р. Говард «Тени Замбулы».

Декситей — аквилонец, друг и соратник Конана, верховный жрец Митры в Тарантии.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Джейк Митчелл — авантюрист, командир отряда

наемников, пилот военного вертолета. Двойник Конана. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху. Узурпатор аквилонского престола.

Джосер — принц Стигии, сын Ментуфера, младший брат короля Ктесфона и принцессы Тхутмертари.

Замок Синих Монахов — цитадель на северо-востоке Коринфии, среди Карпашских гор. В Замке Синих Монахов произошло воскрешение Великой Души. Резиденция Тезиаса в романах Б. Толуэлла «Огни Будущего» и «Армия Света и Тьмы».

Зачарованный Город — город неизвестной космической расы, оставленный в подарок тому землянину, кто сумеет овладеть Великим Знанием. Соткан из Живой Энергии, защищен звездной магией Стержня. Резиденция Великой Души в романах Брайана Толуэлла «Амулет Небесного Народа» и «Армия Света и Тьмы».

Зенобия — немедийка, жена Конана, королева Аквилонии. Была наложницей немедийского короля, помогла Конану бежать из бельверусской темницы. После разгрома немедийцев в Львиной долине Конан взял Зенобию в качестве выкупа за свободу короля Тараска.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; С. Корджи «Конан и Демон Пучины» и др.

Зеркало Лазбекри — волшебное зеркало чародея Пелиаса, с помощью которого можно наблюдать объекты, находящиеся на большом расстоянии от смотрящего.

См.: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Б. Толуэлл «Неподвластный Богам», «Амулет Небесного Народа».

Змеяды — потомки последних людей-змей Стигии, бежавших из Птейона от нашествия молодой человеческой расы. Обитали в подземном городе Йесет-Мет.

Зук — демон, вожак нежитей, раб принцессы Тхутмертари.

Иефан — демон, раб принцессы Тхутмертари.

Иштар — богиня любви и смерти в облике прекрасной женщины. Иштар поклонялись преимущест-

венно в юго-восточной части хайборийских земель — в Кофе, Хорайе, Хауране, Шеме.

См., например: Р. Говард «Черный колосс».

Йесет-Мет — древнейший подземный город в Стигии. В Йесет-Мете укрылись последние люди-змеи Стигии, бежавшие из Птейона от нашествия молодой человеческой расы.

Калис — стигийка, старшая дочь принца Джосера и принцессы Камии.

Камия — принцесса Стигии, супруга принца Джосера.

Кардосо — зингарец, командир Вольного отряда, наемник Вибия Латро.

Кассио — наследный принц Аргоса, сын короля Мило.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель» и др.

Квинтий Латорт — немедийский полководец, командир «Золотых Леопардов», королевской гвардии Немедии.

Кеми — жреческая столица Стигии. В Кеми находятся главный тайный храм Сета и резиденция его верховного жреца. Невдалеке от Кеми возвышается знаменитая Великая Пирамида, построенная змеиным народом в незапамятные времена. Место действия многих стигийских походов Конана.

См., например: Р. Говард «Час Дракона»; П. Андерсон «Конан-мятежник»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и сокровища Пифона».

Книга Судеб — большой голубой фолиант, самая загадочная книга в истории Земли. По слухам, хранится за семью магическими заклетами, секрет которых безвозвратно утерян. Миллионы лет переходила из рук в руки, но никто так и не смог открыть ее.

Содержит могущественные магические заклета, частицы Великого Космического Знания, а также историю нашей планеты, написанную в бесконечно давние времена неведомой расой мыслящих существ, спустившихся со звезд. Сумев раскрыть Книгу Судеб, Тезиас стал самым могущественным волшебником на Земле и постиг путь к Пирамиде Стража Земли.

Конан — варвар из Киммерии, великий герой, воин. Был рабом, гладиатором, наемником, пиратом, солдатом, генералом и маршалом, командовал армиями, сражался с демонами и злобными магами. К сорока годам стал королем Аквилонии — богатейшей державы Хайборийского мира. По складу характера — борец с несправедливостью и искатель приключений. Возраст Конана к моменту начала событий, описанных в сериале «Конан и Великая Душа», — 48 лет.

См. сагу о Конане.

Конн — старший сын Конана и Зенобии, наследник аквилонского престола.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Ведьма Тумана», «Черный сфинкс Нсптху», «Алая луна Зсмбавбе», «Тени в Черепе», «Конан с Островов»; П. Уинлоу «Карусель Богов».

Корнелий — аквилонский генерал, перешедший на сторону Джейка Митчелла, узурпатора королевского престола Тарантии.

Кром — киммерийское божество, суровый властелин варваров, часто поминаемый Конаном.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Дж. Маддокс Робертс «Конан Доблестный»; С. Перри «Конан-наемник»; Б. Толуэлл «Огни Будущего».

Ксальтотун — могущественный волшебник из Ахерона, древней империи черных магов. Был воскрешен из мертвых Орастом, Амальриком, Валерием и Тараском, но затем занял над ними власть. Главной мечтой Ксальтотуна было возрождение Ахерона. Магия Ксальтотуна привела Конана к поражению в битве при Валькии; немедийцы, ведомые королем Тараском, захватили Аквилонию. Чтобы одолеть Ксальтотуна, Конан отправился на поиски великого талисмана — Сердца Аримана. С помощью Сердца жрец Хадрат в конце концов победил ахеронского волшебника.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Ксептах — адмирал Стигии.

Ктесфон — король Стигии, старший сын Ментуфера, младший брат принцессы Тхутмертари. Фактически

ки самоустранился от управления страной, доверив его Тот-Амону.

См.: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Кшатрии — воины-аристократы из Вендии.

См., например: Р. Говард «Люди Черного Круга».

Лазерный бластер — оружие, изобретенное профессором Фонтанелли. Внешне напоминает пистолет с длинным и очень тонким дулом. Стреляет лазерными лучами.

Лакшми — наложница короля Нсмсдии Тараска, родом из Уттары.

Лепинус — маг из Нумалии, сын Парацельса. Открыл принцессе Тхутмертари тайну заклęcia демона Сура.

Латеус — аквилонец, верховный жрец Митры в Тарантии, выдвигенец Вибия Латро. Избран после иезновения Дексителя.

Летучие дети Сета — маленькие ядовитые змеи, обитающие в заоблачных мирах. Умеют летать. Создания Великого Змея Сета, Князя Тьмы.

Лопес Моран — колумбиец, наемник из отряда Джейка Митчелла и его друг, пилот военного вертолета. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху.

Луиджи Фонтанелли — итальянец, гениальный ученый, профессор, лауреат Нобелевской премии по физике, компаньон Джейка Митчелла. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху. Погиб при взрыве в Замке Синих Монахов, воскрешен магом Милиусом.

Луксур — столица Стигии. В Луксуре находятся королевский дворец и главный парадный храм Сета.

См., например: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Люф — старый мудрый демон, советник Великого Змея Сета, наставник Тхутмертари, именуемый Мудрейшим.

Мевилла — служанка королевы Зенобии, нянька маленького принца Конна, девушка Пертония.

Ментуфер — король Стигии, предшественник своего сына Ктесфона. Погиб в битве за Тайю.

См.: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Мессантия — большой город в устье реки Хорот и на берегу Западного моря, столица Аргоса. Место действия многих увлекательных приключений Конана, связанных с морем.

См., например: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель», «Конан с Островов»; С. Корджи «Демон Пучины» и др.

Милиус, Скучающий Маг — таинственный персонаж сериала «Конан и Великая Душа», наделенный неведомой силой. Человек с двойными глазами и тройной тенью. Тайна Милиуса будет окончательно раскрыта только в конце седьмой книги сериала — романа «Космическая Орда». Тем не менее читатель, разумеется, волен строить свои предположения относительно Милиуса, не дожидаясь конца сериала.

Мило — король Аргоса.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель».

Митра — благой бог в мифологии хайборийских народов, Владыка Света и Солнечной Справедливости, главное божество Аквилонии, Немедии, Аргоса и других стран Запада. Представлялся в облике благородного старика. Главный храм Митры находится в Тарантии, столице Аквилонии. Волею Судьбы Конан-киммериец стал лучшим воином Митры на Земле.

См.: М. Мэнсон «Конан и Дар Митры» и многие другие произведения.

Морат-Аминэ, Пожиратель Оуш — злобное божество, главный соперник Сета в мире демонов. Предстает в облике чудовищного змея с двенадцатью щупальцами.

См.: Р. Говард, С. Перри «Черный камень Аманара»; Б. Толуэлл «Неподвластный Богам».

Натеп — сын принца Джосера и принцессы Камии.

Нежити — демоны, рабы принцессы Тхутмертари, зачатые для нее самим Сетом. Предстают в облике отвратительных скелетоподобных ссрых тварей без головы и с длинными трехпалыми клешнями.

Нергал — злобное божество, один из повелителей

подземных демонов, считается также повелителем мертвых и хозяином Серых Равнин.

См.: Р. Говард «Рука Нергала»; М. Мэнсон «Конан и Дар Митры»; Г. Эйлат «Бич Нергала».

Норд — остров и одноименная крепость на реке Хорот в пределах Тарантии.

Нумедидес — безумный король Аквилонии, предшественник Конана, трусливый и жестокий тиран, собственноручно задушенный Конаном прямо на аквилонском троне.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев» и др.

Олтарио — граф, посол Аргоса в Стигии.

Паллантид — друг и соратник Конана, воин и полководец. Начальник «Черных Драконов» — аквилонской гвардии.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Парацельс — маг из Нумалии, отец Лапинуса, создатель и первая жертва демона Сура.

Патрас — стигиец, командир стражи при королеве Тхутмертари.

Пелиас — друг и соратник Конана, кофийский волшебник. Конан вызволил Пелиаса из заточения в Алой Цитадели колдуна Тсоталанти.

См.: Р. Говард «Алая цитадель»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; О. Эйрикссон «Изгнанник с Серых Равнин».

Пелистио — аргосец, командир отряда наемников.

Пертоний — аквилонец, слуга Вибия Латро, любовник Мевиллы.

Петсех — стигиец, шпион Тот-Амона.

Пиктлэне — земля к западу от аквилонских владений, населенная дикарями — пиктами.

См., например: Р. Говард «За Черной рекой»; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп «Драгоценности Транико-са»; К. Вагнер «Дорога королей».

Пирамида Мира — сооружение неземного происхождения, тайная обитель Стража Земли на протяже-

нии миллиарда лет. Проникнув в Пирамиду Мира и встретившись со Стражем Земли, Тезиас обрел Знания, сделавшие его равным богам и повелителем полумира.

Пихон — столица Ахерона, древней империи черных магов.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и сокровища Пифона».

Пришельцы — здесь: наемники из Будущего, призванные Заклинанием Времени Тезиаса в Хайборийскую эпоху из XX века: Джейк Митчелл, Аманда Линн, Роберт Рэнквист, Лопес Моран, Филипп Фрезер, Хьюго Гамильтон, Педро Гарсиа, Джуно Мастарци, Альфред Зинг, Франсуа д'Эрве, Во Чунг, Джейсон Лестер, Берт Рассел, Фрэнк Спири, Курт Марлоу, Мэл Хобсон, Станислав Дубровский и другие — всего ровно 100 человек.

Просперо — друг и соратник Конана, воин и полководец. Командующий аквилонской армией, наместник Пуантена.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Б. Нибберг «Конан-мститель»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Птейон Проклятый — заброшенный город на берегу Стикса, обитель безымянного ужаса, привидений и всевозможных страшилищ.

См., например: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Публий — друг и соратник Конана, канцлер Аквилонии.

См.: Р. Говард «Час Дракона», «Феникс на мече»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель».

Рамзес — принц Стигии. После гибели своей старшей сестры Рамины — наследник престола.

Рамател — стигийский полководец.

Рамина — наследная принцесса Стигии, дочь короля Ктесфона. Жестоко убита своим дядей Джосером по приказу Тхутмертари.

Ратмес — капитан стигийского фрегата.

Риния — стигийка, младшая дочь принца Джосера и принцессы Камии.

Роберт Рэнквист — англичанин, наемник из отряда Джсйка Митчелла, пилот военного вертолета, специалист по электронным системам слежения и защиты. Двойник генерала Просперо. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху.

Ромб Яхкунга — маленький белый кристалл неведомого вещества, используемый на отдаленных планетах в качестве темницы для души и бестелесного разума.

Светоч истины — могущественный амулет Небесного Народа, воплощение Солнечного Бога Митры. Способен рассеивать чуждую ему магию. Похищен Конаном у скричей.

Сердце Аримана — волшебный талисман, позволяющий при умелом использовании высвобождать огромную магическую силу, в частности воскрешать мертвых. Против Сердца Аримана была бессильна магия ахеронского чародея Ксальтотуна, однако карлик Тезиас совладал с Сердцем.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Черный сфинкс Нептху»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгосв»; Б. Толуэлл «Неподвластный Богам» и др.

Серебристый Медальон (Медальон с Пирамидой) — окутанный тайной символ власти Брахо, изображающий Пирамиду Мира.

Сет — во времена Конана главный бог зла в мифологии хайборийских народов. Представлялся в облике гигантского золотого змея. Главная твердыня культа Сета — Стигия. Конан вел борьбу со служителями Сета и покорными его воле тварями всю свою жизнь.

См.: Р. Говард «Феникс на мече», «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-варвар»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Черный сфинкс Нептху», «Алая луна Зсмбавсе», «Тени в черепе»; П. Андерсон «Конан-мятежник»; П. Уинлоу «Священная роща» и др.

Синие Монахи — слуги Великой Души. Ученые, волшебники и воины. Исключительно живучи, хитры и практически неуязвимы для человеческого оружия.

Склеп Принцев — чертог в пределах Великой Пирамиды Кеми, в котором Чипуа-Акай подвергает

«привилегированной казни» провинившихся перед Сетом стигийских королей, принцев и волшебников.

Скричи — волшебные крылатые создания, друзья волшебника Пелиаса. На самом деле — избранные слуги Митры, коренные обитатели Страны Небесного Народа. Упоминаются под другими именами в ряде произведений.

См., например: Р. Говард «Алая цитадель».

Стержень — фантастическое сооружение в центре Зачарованного Города высотой двадцать пять миль. Источник колоссальной энергии.

Стикс — самая большая река Хайборийского мира, текущая сначала с юга на север, а затем с востока на запад. Естественная граница северных и восточных владений Стигии. Объект почитания стигийцев и шемитов. Молва приписывает Стиксу некую зловещую магию.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Черный сфинкс Нептху»; П. Андерсон «Конан-мятежник»; М. Мэнсон «Конан и секира света» и др.

Страж Земли (Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде, Тот-Кто-Живет-в-Пирамиде) — всемогущее существо в облике маленького искрящегося мозга. Сотворено более миллиарда лет назад шестнадцатью могущественными цивилизациями, чтобы охранять жизнь на планете Земля. Обитает в остроконечной серебристой пирамиде посреди застывшего океана где-то вблизи экватора. Хранитель Абсолютного Знания. Проникнув в Пирамиду Мира и встретившись со Стражем Земли, Тезиас обрел Знания, сделавшие его равным богам и повелителем полумира.

Страна Небесного Народа — сказочный мир, небесная цитадель Солнечного Бога Митры. В ней обитают скричи и хранится Светоч Истины — амулет Небесного Народа.

Сур, Сурийский тигр — плод неудачного магического опыта, злобный демон в облике льва, но размером с лошадь. Содержался королем Тараском в подземелье Бельверуса. Убит Конаном с помощью Ромба Яхкунга. Раб Змеиной Королевы.

Танатос — акках (царь) змеядов, супруг своей соправительницы аккалы Таниты.

Танита — аккала (царица) змеядов, супруга своего соправителя аккаха Танатоса.

Тарантия — столица Аквилонии. В Тарантии находятся королевский дворец Конана и главный в Хайбории храм Митры.

См., например: Р. Говард «Феникс на мече», «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан с Островов»; П. Уинлоу «Карусель Богов»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Тараск — король Немедии, недруг Конана. Пришел к власти, воспользовавшись услугами ахеронского волшебника Ксальтотуна. Войско Тараска оккупировало Аквилонию. После изгнания немедийцев Тараск провел два месяца в аквилонском плену.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Тварь из чужой Вселенной — демоническое существо. Вызвана Тот-Амоном с целью погубить Конана, Тхутмертари и Тезиаса.

Тезиас, Великая Душа — главный наряду с Конаном персонаж сериала «Конан и Великая Душа». Карлик, сумевший при жизни освободить свою душу из человеческого тела и проникнуть в тайную сокровищницу Абсолютного Знания. В романе «Неподвластный Богам» — владыка Хайбории в облике бога-фантома. В романах «Огни Будущего», «Амулет Небесного Народа», «Раб Змеиной Королевы» и «Армия Света и Тьмы» — снова человек, обладающий исключительной властью над душами других людей, что ставит его в один ряд с традиционными богами Хайбории. Величайший волшебник и ученый мира. В совершенстве владеет магией, телепортацией, телекинезом и пр., однако не способен читать мысли на расстоянии. Постоянно побеждаемый и постоянно возрождающийся противник Конана и всего привычного мира.

Тот-Амон — заклятый враг Конана на протяжении почти всей сознательной жизни киммерийца. Верховный жрец Сета, глава Черного Круга — тайного сообщества злобных магов. Частый персонаж саги о Конане.

См.: Р. Говард «Бог из Чаши», «Феникс на мече»; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп «Драгоценности Транико-са»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-корсар», «Черный сфинкс Нептху», «Алая луна Зембабве», «Тени в Черепе»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и охотники за людьми», «Конан Доблестный» и др.

Тотоакр — жрец Сета, шпион Тот-Амона, сопровождавший Конана, Пелиаса и Хадрата в поисках Хья-хьи.

Троцери — друг и соратник Конана, воин и полководец. Граф Пуантена, временный правитель Аквилонии (в отсутствие Конана).

См.: Р. Говард «Час Дракона», «Алая цитадель»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев» и др.

Тутотмес — жрец Сета, поднявший бунт против Тот-Амона и похитивший у Конана Сердце Аримана.

См.: Р. Говард «Час Дракона».

Тхутмертари — мятежная принцесса Стигии, внебрачная дочь короля Ментуфера, служительница Великого Змея Сета, злая волшебница. С помощью Силы своего раба стала королевой Стигии, верховной жрицей Сета и владычицей Черного Круга.

Фабриций — аквилонский нобиль, виконт, отец Корнелия. Укрывал Конана и его друзей в своем доме.

Фантом — призрачное существо, душа, облеченная в иллюзорную человеческую оболочку. После визита к Стражу Земли Тезиас превратился в фантома. Он был совершенно неуязвим для человеческого оружия, мог быстро летать, проходить сквозь стены и т.п. Фантом был побежден Конаном с помощью Ромба Яхкунга.

Ферзели — одна из дочеловеческих рас, населявших Землю в прошлом. Враждовали с глаханами и яц-таками. По легендам, основали подземную страну, позже получившую название Йесет-Мет.

Фисти — аквилонец, рыбак из Тарантии.

Фучин, Фу Чжин-Хуа — кхитаец, главный евнух в гареме короля Тараска, истязатель Зенобии в бытность ее пленницей колдуна Ях Чиенга.

Хаген — король Аквилонии, предшественник своего сына Вилера Третьего.

См.: К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Хаджар — оазис в пустыне Стигии к юго-востоку от города Кеми. Личная резиденция волшебника Тот-Амона, верховного жреца Бога-Змея Сета.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-корсар».

Хадрат — жрец Асуры, помогавший Конану в борьбе с чародеем Ксальтотуном и Великой Душой.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Б. Толуэлл «Неподвластный Богам».

Хайборийский мир (Хайборийская эра, Хайбория) — псевдоисторическая эпоха, существовавшая на Земле со времен гибели Атлантиды до Конана и продолжавшаяся еще около 500 лет после его смерти. Рожден фантазией Роберта Говарда и безоговорочно принят последователями в качестве «места совершения» всех приключений Конана-варвара. См. карту.

Ханария — город в королевстве Хорайя, где расположена Золотая башня волшебника Пелиаса.

См.: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель».

Хануман — божество в облике обезьяны.

См.: Р. Говард «Тени Замбулы»; П. Уинлоу «Конан и слуги чародея».

Хапет-Ра — стигисц, посвященный жрец Сета, волшебник Черного Круга. Превращен Тезиасом в пиктона.

Хорот — большая река на западе Хайборийского континента. Протекает по территории Аквилонии и Аргоса. На берегу Хорота стоят столицы этих стран Галантия и Мессантия.

Хоршемиш — столица Кофа.

См., например: Р. Говард «Алая цитадель»; Л. Карпентер «Конан-изменник».

Хьяхья — мыслящее озеро, могучий космический пришелец, заточенный Стражем Земли в пещере, скрытой водами реки Стикс. Именно Хьяхья передал Конану Ромб Яхкунга — единственное средство, с помощью которого можно было одолеть бога-фантома.

Цезарио — офицер свиты посла Аргоса в Стигии.

Цхат — один из демонов Океана.

Чипуа-Акай — демон в облике гигантского насекомого, верховный палач подземного мира. Используется для казни узников Склепа Принцев.

Черные Драконы — королевская гвардия Аквилонии.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель»; П. Уинлоу «Карусель Богов»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

«Черный коршун» — бронированный суперсовременный вертолет, созданный профессором Фонтанелли для Джейка Митчелла. Заклинанием Времени Те-зиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху.

Эпимитреус — пророк Солнечного Бога Митры, наиболее почитаемый в Аквилонии. Погиб за 15 тысяч лет до рождения Конана.

См.: Р. Говард «Феникс на мече»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан с Островов».

Эритей — барон Фланский, бывший аквилонский купец и промышленник, друг королей Вилера, Нумедидеса и Конана.

Эрлик — главное божество Турана и Гиркании.

См., например: Р. Говард «Глаз Эрлика».

Ясмина — правительница Вендии, спасенная Конаном от черной магии и наемных убийц.

См.: Р. Говард «Люди Черного Круга»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель».

Ях Чиенг — черный маг из Кхитая, похитивший королеву Зенобию с бала в Тарантии. Чтобы освободить свою супругу, Конан предпринял путешествие через весь материк.

См.: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель».

Яцтаки — одна из дочеловеческих рас, населявших Землю в прошлом.

СОДЕРЖАНИЕ

РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ. <i>Роман</i>	5
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ	384

Литературно-художественное издание

Брайан Толуэлл
РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ

Роман

Редактор *В. И. Куковенко*
Художественный редактор *И. Г. Сауков*
Технические редакторы
Н. М. Носова, В. В. Шибеев
Корректор *И. В. Ларина*

ЛР № 063047 от 08.10.93

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.01.97.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 16,1.

Тираж 10 000 экз. Заказ 2843

Издательство «Яуза»,
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Из-за беспечности КОНАНА
реки крови смывают целые города
Хайборийских стран, а Великий Змей Сет
готовится вступить во владение миром людей.
На все это беспомощно взывает тот,
кто совсем недавно был самым
могущественным богом Хайборийского
мира, а теперь он —

РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ

